

NIION 2015-0066
MOSURED 77/27-011

ISSN 2414-3995 (Print)
ISSN 2782-5701 (Online)

ВЕСТНИК

ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Рекомендован Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки РФ для публикации научных работ,
отражающих основное содержание диссертаций

2
2026

Журнал включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

А. Х. Абашидзе,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

С. В. Алексеев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, почетный работник
высшего профессионального образования РФ

Ю. М. Антонян,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

А. В. Барков,
доктор юридических наук, профессор

Е. Н. Бегалиев,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник образования (Республика Казахстан)

А. Р. Белкин,
доктор юридических наук, профессор,
академик РАН

Е. В. Богданов,
доктор юридических наук, профессор

Г. А. Василевич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист (Республика Беларусь)

А. А. Власов,
доктор юридических наук, профессор

К. К. Гасанов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник органов внутренних дел РФ

В. И. Елинский,
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник Следственного комитета РФ

А. Е. Епифанов,
доктор юридических наук, профессор

О. Д. Жук,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ, академик РАН

О. В. Зиборов,
доктор юридических наук, профессор

С. В. Иванов,
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД России

О. Ю. Ильина,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Н. Г. Кадников,
доктор юридических наук, профессор, почетный работник
высшего профессионального образования РФ

Р. А. Каламкарян,
доктор юридических наук, профессор

В. П. Камышанский,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего образования РФ

О. Г. Карпович,
доктор юридических наук,
доктор политических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

А. И. Клименко,
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД России

Н. А. Колоколов,
доктор юридических наук, профессор

EDITORIAL BOARD

LEGAL SCIENCES

A. Kh. Abashidze,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia, Honored Worker of Science of Russia

S. V. Alekseev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia,
Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia

Yu. M. Antonyan,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

A. V. Barkov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

E. N. Begaliev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Education (Republic of Kazakhstan)

A. R. Belkin,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Member of RANS

E. V. Bogdanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

G. A. Vasilevich,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer (Republic of Belarus)

A. A. Vlasov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

K. K. Gasanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Employee of the internal affairs bodies of Russia

V. I. Elinskiy,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of Investigate Committee of Russia

A. E. Epifanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

O. D. Zhuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Prosecutor of Russia, Member of RANS

O. V. Ziborov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

S. V. Ivantsov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia

O. Yu. Il'ina,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. G. Kadnikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia

R. A. Kalamkaryan,
Doctor of Legal Sciences, Professor

V. P. Kamyshanskiy,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Education of Russia

O. G. Karpovich,
Doctor of Legal Sciences,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Honored Scientist of Russia

A. I. Klimenko,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia

N. A. Kolokolov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

А. М. Кононов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

М. В. Костенников,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный сотрудник ОВД РФ

А. Н. Кузбагаров,
доктор юридических наук, профессор

Р. А. Курбанов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
заслуженный деятель науки РФ

Н. П. Майлис,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
заслуженный деятель науки РФ

В. П. Малахов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. Ф. Медушевская,
доктор юридических наук, доцент

Г. Б. Мирзоев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Л. Миронов,
кандидат юридических наук, доцент

Н. В. Михайлова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. Г. Муратова,
доктор юридических наук, профессор

Ф. Г. Мышко,
доктор юридических наук, доцент

С. Л. Никонович,
доктор юридических наук, доцент

А. Ю. Олимпиев,
кандидат юридических наук,
доктор исторических наук

А. М. Осавельюк,
доктор юридических наук, профессор

Р. Б. Осокин,
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник МВД России

А. С. Прудников,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Т. А. Прудникова,
доктор юридических наук, доцент

К. Е. Сигалов,
доктор юридических наук, профессор

А. В. Симоненко,
доктор юридических наук, профессор

Д. П. Стригунова,
доктор юридических наук, доцент

Л. В. Туманова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

В. Ю. Федорович,
кандидат юридических наук, доцент

О. В. Химичева,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. М. Чепурнова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

A. M. Kononov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

M. V. Kostennikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Employee of internal affairs bodies of Russia

A. N. Kuzbagarov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

R. A. Kurbanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia,
Honored Scientist of Russia

N. P. Maylis,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia,
Honored Worker of Science of Russia

V. P. Malakhov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

N. F. Medushevskaya,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

G. B. Mirzoev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. L. Mironov,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

N. V. Mikhaylova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

N. G. Muratova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

F. G. Myshko,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

S. L. Nikonovich,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

A. Yu. Olimpiev,
Candidate of Legal Sciences,
Doctor of Historical Sciences

A. M. Osavelyuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor

R. B. Osokin,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Employee
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

A. S. Prudnikov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

T. A. Prudnikova,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

K. E. Sigalov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. V. Simonenko,
Doctor of Legal Sciences, Professor

D. P. Strigunova,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

L. V. Tumanova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

V. Yu. Fedorovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

O. V. Khimicheva,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

N. M. Chepurnova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

В. Н. Чулахов,
доктор юридических наук, профессор

А. П. Шергин,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Б. С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

Н. Д. Эриашвили,
доктор экономических наук,
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук, профессор,
почетный работник сферы образования РФ,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники,
лауреат премии Правительства РФ
в области образования

А. Б. Янишевский,
доктор юридических наук

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т. Н. Агапова,
доктор экономических наук, профессор

Ю. Т. Ахвледиани,
доктор экономических наук, профессор,
академик РАН

В. Н. Богатиков,
доктор технических наук, профессор

Р. П. Булыга,
доктор экономических наук, профессор

П. Г. Грабовой,
доктор экономических наук, доцент

Ю. В. Гнездова,
доктор экономических наук, доцент

Л. П. Дашков,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ,
академик РАН

Д. В. Дианов,
доктор экономических наук, профессор

Р. В. Илюхина,
доктор экономических наук, профессор

В. Г. Когденко,
доктор экономических наук, профессор

Е. Н. Колесникова,
доктор экономических наук, доцент

Е. И. Кузнецова,
доктор экономических наук, профессор

Н. П. Купрешенко,
доктор экономических наук, профессор

А. Н. Литвиненко,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ

И. А. Майбуров,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

В. Б. Мантусов,
доктор экономических наук,
профессор

Е. Е. Матвеева,
доктор экономических наук,
доцент

В. С. Осипов,
доктор экономических наук, профессор

V. N. Chulahov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. P. Shergin,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

B. S. Ebzeev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (retired)

N. D. Eriashvili,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Education of Russia,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Science and Technics,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Education

A. B. Yanishevskiy,
Doctor of Legal Sciences

ECONOMIC SCIENCES

T. N. Agapova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Yu. T. Akhvlediani,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Member of RANS

V. N. Bogatikov,
Doctor of Technical Sciences, Professor

R. P. Bulyga,
Doctor of Economic Sciences, Professor

P. G. Grabovoy,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

Ju. V. Gnezdova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

L. P. Dashkov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia,
Member of RANS

D. V. Dianov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. V. Ilyukhina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. G. Kogdenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. N. Kolesnikova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

E. I. Kuznetsova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

N. P. Kupreshchenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. N. Litvinenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia

I. A. Mayburov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

V. B. Mantusov,
Doctor of Economic Sciences,
Professor

E. E. Matveeva,
Doctor of Economic Sciences,
Associate Professor

V. S. Osipov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Г. Б. Поляк,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН

С. Г. Симагина,
доктор экономических наук, профессор

А. Е. Суглобов,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ,
заслуженный деятель науки РФ

Н. Д. Эриашвили,
доктор экономических наук,
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук, профессор,
почетный работник сферы образования РФ,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники,
лауреат премии Правительства РФ
в области образования

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Г. Г. Ахмедов,
доктор педагогических наук, профессор,
иностраный член РАО (Азербайджан)

А. В. Вилкова,
доктор педагогических наук, доцент

М. Т. Громкова,
доктор педагогических наук, профессор

В. Н. Гуляев,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

В. Л. Дементьев,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный работник физической культуры РФ

В. П. Жуковский,
доктор педагогических наук, профессор

Э. В. Зауторова,
доктор педагогических наук, профессор

Л. А. Казанцева,
доктор педагогических наук, профессор

И. А. Калининченко,
кандидат педагогических наук

Е. В. Протас,
доктор педагогических наук,
кандидат юридических наук, профессор

А. А. Реан,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

В. Ф. Родин,
доктор педагогических наук, профессор,
почетный работник сферы образования РФ, академик РАЕН

А. А. Романов,
доктор педагогических наук, профессор

И. В. Ульянова,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

С. Р. Аблеев,
доктор философских наук, доцент

В. Ю. Бельский,
доктор философских наук, профессор

А. Л. Золкин,
доктор философских наук, доцент

А. Д. Иоселиани,
доктор философских наук, профессор

О. И. Нестерова,
доктор исторических наук

G. B. Polyak,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

S. G. Simagina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. E. Suglobov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia,
Honored Scientist of Russia

N. D. Eriashvili,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Education of Russia,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Science and Technics,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Education

PEDAGOGICAL SCIENCES

G. G. Ahmedov,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Foreign Member of RAE (Azerbaijan)

A. V. Vilkova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor

M. T. Gromkova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

V. N. Gulyaev,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

V. L. Dementyev,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of Physical Culture of Russia

V. P. Zhukovsky,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

E. V. Zautorova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

L. A. Kazantseva,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

I. A. Kalinichenko,
Candidate of Pedagogical Sciences

E. V. Protas,
Doctor of Pedagogical Sciences,
Candidate of Legal Sciences, Professor

A. A. Rean,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

V. F. Rodin,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honorary Worker of Education of Russia, Member of RANS

A. A. Romanov,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

I. V. Ul'yanova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

S. R. Ableev,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

V. Yu. Belsky,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

A. L. Zolkin,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

A. D. Ioseliani,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

O. I. Nesterova,
Doctor of Historical Sciences

ВЕСТНИК

ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Содержание № 2 • 2026

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Теоретико-исторические правовые науки

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Частноправовые (цивилистические) науки

Уголовно-правовые науки

Международно-правовые науки

Бачурин А. Г. Организация и основные направления деятельности Агентства Европейского Союза по подготовке сотрудников правоохранительных органов (CEPOL)	9
Богданов А. В., Макошин П. В., Хазов Е. Н. Влияние миграционных процессов на этническую организованную преступность в России	15
Бородин А. В. Криминализация преступлений против культурных ценностей: российский и немецкий опыт	22
Василенко Г. Н. Методология исследования административно-правового декларирования	27
Горбунов М. А. Сравнительно-правовой анализ систем профессиональных квалификаций в России и за рубежом (на примере Королевства Швеция)	32
Гусаин И. В., Егоров С. А. Конституционно-правовое регулирование правопорядка и общественной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры Российской Федерации	38
Дьяконова О. Г. Теория экспертной профилактики в ракурсе прогностической функции судебной экспертологии	47
Зайцева С. Е. Использование робототехники в полиции: технологии будущего	53
Иванов Д. А., Скачко А. В., Алимамедов Э. Н. Институт возмещения вреда, причиненного преступлением: исторический экскурс и современные тенденции совершенствования	58
Искевич И. С., Подольский А. В., Попов А. М. Воззрения советских юристов на проблемы соотношения международного и внутреннего права (середина 40-х – конец 70-х годов)	63
Калинин В. Н. Влияние криминогенных факторов на формирование миграционной политики	70
Комахин Б. Н. Влияние информационных технологий на коррупционные процессы в государственном управлении	75
Нурадинов Ш. М., Нечай С. Л. Конституционно-правовое регулирование гражданства Российской Федерации: сходства и различия отечественной практики с международными стандартами	80
Осавелюк А. М., Чепурнова Н. М. Человек как высшая ценность в свете поправки 2020 года в Конституцию России	86
Осокин Р. Б. Насилие в семейно-бытовой сфере с использованием сети Интернет: современные вызовы и векторы развития уголовного законодательства	90
Потапов В. Д., Соколова М. В., Дахкильгов А. А. Особенности осмотра электронных носителей информации при расследовании вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления через сеть «Интернет»	95
Прудников А. С. Реализация государственной миграционной политики в сфере трудовой и переселенческой миграции: вопросы теории и практики	100

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.

**Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-27627
от 16 марта 2007 г.**

**Перерегистрировано:
Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-62944
от 31 августа 2015 г.**

*Научный редактор,
ответственный за издание,
лауреат премии Правительства
РФ в области науки и техники,
лауреат премии Правительства
РФ в области образования,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор, почетный работник
сферы образования РФ*
Н. Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 (499) 740-68-30

Главный редактор
М. А. Андронаки

Старший редактор
В. С. Клементьева

Ответственный секретарь
А. В. Петрушина

Номер подготовили:
**Л. С. Антоненко,
А. И. Антошина**

При участии:
М. И. Никитин

Дизайн и верстка
М. Е. Киселева

УЧРЕДИТЕЛЬ:
**Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
имени В.Я. Кикотя**
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Адрес издателя и редакции:
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12
Тел. 8 (499) 789-67-35
<https://vk.com/mosumvd.official>

**Индекс по каталогу Агентства
«Урал-Пресс Округ» – 81108**

- Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.
- При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов ссылка на журнал обязательна.
- В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не вправе обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60×84 1/8.
Печать офсетная. Тираж 1500 экз.
(1-й завод – 300).
Московский университет
МВД России
имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Заказ № 9

Подписано в печать
08.06.2026 г.

Подписной индекс Агентства
«Урал-Пресс Округ» **81108**,
или на сайте Научной
электронной библиотеки:

<http://elibrary.ru>

Соломатина А. Г. Анализ и расследование преступлений в сфере криптовалют: синтез криминалистической методологии, технологий блокчейн-форензики и открытых данных (OSINT)	103
Титор С. Е. Вид профессиональной деятельности как элемент национальной системы квалификаций. Часть вторая	109
Тумаков А. В. Особенности правовой природы некоторых цифровых объектов гражданского оборота	116
Удунян В. Р. Сравнительная характеристика международно-правового регулирования сотрудничества Российской Федерации с отдельными арабскими государствами в сфере борьбы с преступностью	122
Устимова С. А., Рассказова Е. Н. Изменения в управлении многоквартирными домами: проблемы и решения	129
Федорова И. В. Практика использования инновационных приложений для осуществления общественного порядка и обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации	134
Червонюк В. И. Конституционализация как специфическая закономерность развития современного права и цивилизации государства	138
Шеншин В. М. Защита войсками национальной гвардии Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина при обеспечении ими общественной безопасности	146

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Региональная и отраслевая экономика

Антоненков К. И. Оптимизация модели импортозамещения при применении технологий искусственного интеллекта в управлении промышленными предприятиями	152
Дианов Д. В. Методология государственной статистики потребительского рынка	157
Киреев Г. В. Оценка отдельных направлений оптимизации системы материально-технического снабжения предприятий авиастроения	164
Кушхова А. А., Иванова Л. Н. Методологические аспекты оценки состояния экономической безопасности региона через призму кадрового потенциала хозяйствующих субъектов	168
Минаков А. В., Эриашвили Н. Д. Развитие морских грузоперевозок и экономическая безопасность России	175
Мышко Ф. Г. Совершенствование институционных и административных мер, направленных на повышение рождаемости	183
Щеглова Н. В. Влияние криминальных факторов на состояние региональной кадровой безопасности	189
Яковлев А. А. Особенности применения отдельных элементов комплекса маркетинга к товарам категории «премиум»	195

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Общая педагогика, история педагогики и образования
Методология и технология профессионального образования

Вострокнутов А. Л., Гричанов А. С. Подводные и надводные беспилотные аппараты в современных военных действиях	200
Кужевская Е. Б., Смык Е. И. Искусственный интеллект в обучении	206
Никитская Е. А. Понимание детерминации девиантного поведения несовершеннолетних как основа профессиональной подготовки специалистов социальной сферы	210
Свинарева О. В. Отдельные проблемы влияния социальных сетей на учебную мотивацию обучающихся	217
Третьяченко Е. И. Вопросы об оценке сформированности рефлексивной компетенции курсантов образовательных организаций МВД России	225

BULLETIN

OF ECONOMIC SECURITY

Contents № 2 • 2026

JURISPRUDENCE

Theoretical and Historical Legal Sciences
Public Law (State Law) Sciences
Private Law (Civil) Sciences
Criminal Law Sciences
International Law Sciences

Bachurin A. G. Organization and main activities of the European Union Law Enforcement Training Agency (CEPOL)	9
Bogdanov A. V., Makoshin P. V., Khazov E. N. The impact of migration processes on ethnic organized crime in Russia	15
Borodin A. V. Criminalization of crimes against cultural property: Russian and German experience	22
Vasilenko G. N. Methodology for researching administrative legal declarations	27
Gorbunov M. A. Comparative legal analysis of professional qualification systems in Russia and abroad (using the Kingdom of Sweden as an example)	32
Gusain I. V., Egorov S. A. Constitutional and legal regulation of law and order and public safety at transport infrastructure facilities of the Russian Federation	38
D'yakonova O. G. The theory of expert prevention in the perspective of the prognostic function of forensic examination	47
Zaitseva S. E. The use of robotics in the police: technologies of the future	53
Ivanov D. A., Skachko A. V., Alimov E. N. Institute of compensation for damage caused by crime: a historical review and contemporary trends in improvement	58
Iskevich I. S., Podolsky A. V., Popov A. M. Views of Soviet legal experts on the problems of the relationship between international and domestic law (mid 1940s – late 1970s)	63
Kalinin V. N. The impact of criminogenic factors on the formation of migration policy	70
Komakhin B. N. The influence of information technologies on corruption processes in public administration	75
Nuradinov Sh. M., Nechay S. L. Constitutional and legal regulation of citizenship of the Russian Federation: similarities and differences between domestic practice and international standards	80
Osavelyuk A. M., Chepurnova N. M. Humanity as the supreme value in light of the 2020 amendment to the Constitution of the Russian Federation	86
Osokin R. B. Domestic violence in the family sphere using the internet: contemporary challenges and directions for the development of criminal legislation	90
Potapov V. D., Sokolova M. V., Dakhkilgov A. A. Features of the inspection of electronic media in the investigation of the involvement of a minor in the commission of a crime through the Internet	95
Prudnikov A. S. Implementation of the state migration policy in the field of labor and resettlement migration: theoretical and practical issues	100

The journal is registered by Federal Surveillance Service for Compliance with the Legislation in Mass Media and Cultural Heritage Protection

Registration certificate
PI № FS77-27627
dated 16.03.2007

Reregistered:
Registration certificate
PI № FS77-62944
dated 31.08.2015

Scientific editor,
responsible for the publication,
Winner of the award
of the Government of Russia
in the field of Science and Technics,
Winner of the award
of the Government of Russia
in the field of Education,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Candidate of Historical Sciences,
Professor, Honorary Worker
of Education of Russia
N. D. Eriashvili
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Tel. 8 (499) 740-68-30

Editor-in-Chief
M. A. Andronaki

Senior editor
V. S. Klementieva

Executive secretary
A. V. Petrushina

This issue has been prepared by:
L. S. Antonenko,
A. I. Antoshina

With participation of:
M. I. Nikitin

Design and layout
M. E. Kiseleva

FOUNDER:
Moscow University
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia named
after V.Ya. Kikot'
117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

Publisher and editorial staff address:
117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12
Tel. 8 (499) 789-67-35
https://vk.com/mosumvd.official

Zip Code at the List of the Agency
«Ural Press Okrug» – 81108

- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials the reference to the journal is obligatory.

- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60×84 1/8.

Offset printing

Circulation 1500 copies

(1st release – 300)

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' 117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12

Order № 9

Issued

08.06.2026

The price is not fixed

Zip Code at the List of the Agency «Ural Press Okrug» **81108**, or on the website Scientific electronic library:

<http://elibrary.ru>

Solomatina A. G. Analysis and investigation of crimes in the field of crypto assets: synthesis of forensic methodology, blockchain forensics technologies and open source data (OSINT)	103
Titor S. E. A type of professional activity as an element of the national qualification system. Part two	109
Tumakov A. V. Features of the legal nature of certain digital objects of civil circulation	116
Udunyan V. R. Comparative characteristics of the international legal regulation of cooperation between the Russian Federation and individual Arab States in the field of combating crime	122
Ustimova S. A., Rasskazova E. N. Changes in the management of apartment buildings: problems and solutions	129
Fedorova I. V. The practice of using innovative applications to implement public order and ensure public safety in the Russian Federation	134
Chervonyuk V. I. Constitutionalization as a specific pattern of the development of modern law and state civilization	138
Shenshin V. M. Protection of human and civil rights and freedoms by troops of the National Guard of the Russian Federation while ensuring public safety	146

ECONOMIC SCIENCE

Regional and sectoral economy

Antononkov K. I. Optimization of the import substitution model through the application of artificial intelligence in the management of industrial enterprises	152
Dianov D. V. Methodology of the state statistics of the consumer market	157
Kireev G. V. Evaluation of individual areas of optimization of the logistics system of aircraft manufacturing enterprises	164
Kushkhova A. A., Ivanova L. N. Methodological aspects of assessing the state of economic security of the region through the prism of the human potential of business entities	168
Minakov A. V., Eriashvili N. D. Development of sea freight transportation and economic security of Russia	175
Myshko F. G. Improving institutional and administrative measures aimed at increasing the birth rate	183
Shcheglova N. V. The impact of criminal factors on regional personnel security	189
Yakovlev A. A. Features of the application of individual elements of the marketing mix to products of the «premium» category	195

PEDAGOGICAL SCIENCE

General pedagogy, history of pedagogy and education

Methodology and technology of vocational education

Vostroknutov A. L., Grichanov A. S. Underwater and surface unmanned vehicles in modern warfare	200
Kuzhevskaya E. B., Smyk E. I. Artificial intelligence in education	206
Nikitskaya E. A. Understanding the determination of deviant behavior of minors as a basis for professional training of social specialists	210
Svinareva O. V. Specific problems of the impact of social networks on students' academic motivation	217
Tretyachenko E. I. Issues of assessment of the formation of reflexive competence of cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia	225

Научная статья

УДК 342.951:351.82

EDN: <https://elibrary.ru/eqtnak>

НИОН: 2015-0066-2/26-416

MOSURED: 77/27-011-2026-02-615

Организация и основные направления деятельности Агентства Европейского Союза по подготовке сотрудников правоохранительных органов (CEPOL)

Александр Геннадьевич Бачурин

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия,

vooky22@yandex.ru

Аннотация. Изучается и анализируется опыт и практика Агентства Европейского Союза по подготовке сотрудников правоохранительных органов (CEPOL). В статье приводится краткая история CEPOL, нормативная правовая основа ее деятельности и организационная структура. Основное внимание автором уделено образовательным программам по подготовке и повышению квалификации сотрудников правоохранительных органов, их содержанию и методикам реализации. Рассматривается содержание образовательного процесса на основе LEED-платформы. Указывается на значение программ обмена CEPOL в укреплении международного сотрудничества сотрудников правоохранительных органов. Приводится анализ CEPOL о потребностях в обучении, исходя из возникающих современных противоправных угроз. Автором отмечается организующая роль CEPOL в научно-исследовательской деятельности, называются основные компоненты такой деятельности, в том числе дается перечень научных мероприятий и изданий. Сделан вывод о необходимости учета, анализа и использования образовательным организациям МВД России опыта и практик CEPOL.

Ключевые слова: Европейский союз, международное сотрудничество, научно-исследовательская деятельность, образовательные программы, подготовка сотрудников полиции, полиция, правоохранительные органы, программы обмена, учебные курсы, CEPOL

Для цитирования: Бачурин А. Г. Организация и основные направления деятельности Агентства Европейского Союза по подготовке сотрудников правоохранительных органов (CEPOL) // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 9–14. EDN: EQTNAK.

Original article

Organization and main activities of the European Union Law Enforcement Training Agency (CEPOL)

Alexander G. Bachurin

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia,

vooky22@yandex.ru

Abstract. The experience and practice of the European Union Agency for Law Enforcement Training (CEPOL) is being studied and analyzed. The article provides a brief history of CEPOL, the legal framework for its activities and organizational structure. The author focuses on educational programs for training and advanced training of law enforcement officers, their content and implementation methods. The content of the educational process based on the LEED platform is considered. The importance of CEPOL exchange programs in strengthening international cooperation among law enforcement officials is pointed out. Provides a CEPOL analysis of training needs based on emerging modern illegal threats. The author notes the organizing role of CEPOL in research activities, names the main components of such activities, including a list of scientific events and publications. A conclusion is made about the need to take into account, analyze and use the experience and practices of CEPOL by educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: European Union, international cooperation, research activities, educational programs, police training, police, law enforcement agencies, exchange programs, training courses, CEPOL

For citation: Bachurin A. G. Organization and main activities of the European Union Law Enforcement Training Agency (CEPOL). Bulletin of economic security. 2026;(2):9–14. (In Russ.). EDN: EQTNAK.

© Бачурин А. Г., 2026

Качественный рост уровня профессиональной подготовки кадров – это один из механизмов повышения эффективности деятельности российской полиции. Так, Министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцев подчеркивал, что «вызовы и угрозы безопасности в современном мире предъявляют все более высокие требования к подготовке полицейских кадров» [1]. Соответственно, основными стратегическими направлениями реализации кадровой политики органов внутренних дел Российской Федерации являются комплектование правоохранительных органов квалифицированными и компетентными сотрудниками, развитие современной системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров, повышение эффективности профессионального обучения личного состава [2, с. 52].

Поиск путей и способов совершенствования такой подготовки (обучения) вполне обосновано предусматривает изучение и анализ аналогичного зарубежного опыта. Следует признать, что таким, весьма обширным, опытом обладают образовательные организации правоохранительных органов государств Евросоюза (далее – ЕС). Отметим, что с 2016 г. в соответствии с мандатом ЕС функционирует Агентство Европейского Союза по подготовке сотрудников правоохранительных органов (CEPOL¹), которое объединяет сеть полицейских учебных заведений в государствах – членах ЕС, координирует и организывает передовую подготовку по вопросам безопасности, сотрудничества и обмена информацией [3]. Ранее агентство носило название Европейский полицейский колледж² и было учреждено в 2000 г. [5, с. 616].

Правовая основа деятельности CEPOL заложена в Регламенте (ЕС) 2015/2219 Европейского парламента и Совета от 25 ноября 2015 г. об Агентстве Европейского союза по подготовке сотрудников правоохранительных органов (CEPOL) и о замене и отмене решения Совета 2005/681/JHA [4]. В статье 4 названного регламента изложены задачи CEPOL, к которым относятся:

- 1) проведение многолетнего стратегического анализа потребностей в обучении;
- 2) разработка программ обучения;
- 3) подготовка и проведение учебных мероприятий;
- 4) развитие электронных средств обучения;
- 5) проведение научных исследований.

В последующем решениями Совета Европы и Европейской комиссии (ЕК) правовая регламентация деятельности агентства дополнялась. Например, Решением Совета (ЕС) 2017/2269 от 7 декабря 2017 г. была учреждена многолетняя рамочная программа для Агентства

Европейского Союза по основным правам, в которой CEPOL отводилась роль одного из важнейших исполнителей. Решением ЕК от 27 июля 2017 г. CEPOL наделено экспертными функциями по вопросам противодействия экстремизму и терроризму. Регламент (ЕС) 2019/818 Европейского парламента и Совета от 20 мая 2019 г. утвердил алгоритмы взаимодействия между информационными системами ЕС в области полицейского и судебного сотрудничества. CEPOL на основании регламента (ЕС) 2019/1896 Европейского парламента и Совета от 13 ноября 2019 г. осуществляет подготовку сотрудников Европейской пограничной и береговой охраны.

Регламент (ЕС) 2023/1322 Европейского парламента и Совета от 27 июня 2023 г. о Европейском агентстве по наркотикам (EUDA) предусматривает наделение CEPOL функциями аналитического центра в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков.

Штаб-квартира CEPOL находится в Будапеште, Венгрия. В настоящее время исполнительным директором CEPOL является Монтсеррат Марин Лопес, имеющая 26-летний опыт службы в полиции Испании, в том числе на высоких руководящих должностях. Исполнительный директор подотчетен Правлению, состоящему из представителей полиции всех государств-членов Евросоюза. Юридически оформленные решения Правления также являются нормативной правовой основой деятельности CEPOL. Например, Решением Правления 15/2025 подчеркивается необходимость развития общей культуры правоохранительных органов ЕС в рамках образовательного процесса.

Членами CEPOL являются полицейские формирования 27 государств ЕС, кроме того рабочее соглашение с CEPOL имеют Албания, Черногория, Сербия, Турция, Республика Северная Македония, Босния и Герцеговина, Косово. Сотрудничает CEPOL и с государствами Восточного партнерства ЕС: Арменией, Грузией, Молдовой, Украиной. Также налажено взаимодействие с государствами Европейского соседства «Юг» (Алжир, Иордания, Ливан, Ливия, Марокко, Тунис).

Организационная структура CEPOL представлена на схеме (рис. 1).

CEPOL реализует ряд образовательных программ по подготовке и повышению квалификации сотрудников правоохранительных органов, как в очном, так и онлайн режиме.

1. Организованная преступность. В рамках данной программы предусмотрены следующие курсы: «Незаконная миграция», «Торговля людьми», «Незаконный оборот оружия», «Незаконный оборот наркотиков», «Экологические преступления», «Защита интеллектуальной собственности», «Экономические преступления» и др.

2. Киберпреступность и киберпреступления. В содержание названной программы входят: «Вредоносные программы», «Преступления с использованием искусственного интеллекта», «Сексуальная эксплуатация детей в сети «Интернет» и т. д.

¹ Регламент (ЕС) 2015/2219 Европейского парламента и Совета от 25 ноября 2015 г. об Агентстве Европейского союза по подготовке сотрудников правоохранительных органов (CEPOL) и о замене и отмене решения Совета 2005/681/JHA.

² От фр. Collège européen de police Решение Совета Европы от 22 декабря 2000 года о создании Европейского полицейского колледжа.

Рис. 1. Организационная структура CEPOL

3. Борьба с терроризмом. Составными частями программы являются: Open Source Intelligence (OSINT) – разведка по открытым данным. «Финансирование терроризма», «Использование беспилотных воздушных аппаратов (далее – БПЛА) в борьбе с терроризмом», «Противодействие Darkweb (теневому Интернету), «Защита критически важных объектов» и др.

4. Защита прав человека. В программу включены курсы: «Экстремистские преступления», «Защита жертв преступности», «Помощь детям заключенных» и т. д. Отдельно выделяются в рамках данной программы и курсы, направленные на защиту прав самих сотрудников правоохранительных органов, такие как «Управление оперативным стрессом», «Защита персональных данных сотрудников», «Социальная защита».

5. Сотрудничество правоохранительных органов и обмен информацией. Программа представлена курсами: «Противодействие коррупции», «Трансграничная преступность», «Международные и межведомственные инструменты сотрудничества для предотвращения трудовой эксплуатации» и т. д.

6. Программа Лидерства, направленная на повышение эффективности руководства и развитие компетенций лиц, принимающих решения в правоохранительных органах, в нее входят курсы менеджмента, повышения цифровой грамотности, образования и подготовки сотрудников, развития лидерских качеств.

7. Программа высшего образования и организации научно-исследовательской деятельности. При реализации данной программы проводится научные семинары, конференции, готовятся научные работы по заявкам правоохранительных органов.

8. Специальные методы, приемы и инструменты для борьбы с преступностью. В программу входят: «Новые технологии в области криминалистики», «Организация и проведение тайных операций», «Анализ оперативной информации», «Кризисная коммуникация» и др.

9. Миссии Европейского Союза (CSDP). Программа содержит курсы: «Миротворческие миссии ЕС», «Защита свидетелей», «Стратегическое планирование».

10. Общественный порядок и профилактика. В рамках названной программы проводится подготовка по курсам: «Общеввропейская безопасность футбола», «Борьба с массовыми беспорядками», «Деятельность в условиях чрезвычайного положения», «Обеспечение безопасности при массовых мероприятиях», «Профилактика преступности среди несовершеннолетних и домашнего насилия», «Противодействие массовым расстрелам (mass shooting)».

На примере названной выше программы рассмотрим более подробно содержание реализуемых курсов. Так курс CEPOL «Общеввропейская безопасность футбола» был организован с 18 по 22 ноября 2024 г. в Бухаресте Министерством внутренних дел Румынии. В курсе приняли участие 42 человека из 24 государств, а также эксперты из УЕФА (Союза европейских футбольных ассоциаций), Интерпола, Европола.

В ходе курса участники имели возможность обмениваться опытом и знаниями в области футбольной безопасности. Среди обсуждаемых тем были: охрана правопорядка на футбольных матчах международного масштаба; операции по охране правопорядка на футбольных матчах; использование и риск пиротехники; понимание рисков и управление динамикой толпы; управление кризисами; безопасность на европейских футбольных матчах и роль УЕФА. Участники также посетили практический семинар, посвященный анализу вопросов обеспечения безопасности на финале ЕВРО-2021 на стадионе Уэмбли.

Курс CEPOL «Борьба с массовыми беспорядками» был реализован в рамках семинара с 13 по 15 ноября 2024 г. В мероприятии приняли участие 29 высокопоставленных сотрудников правоохранительных органов из 17 государств, а также 9 экспертов из международных организаций, которые поделились своими различными

взглядами на общественный порядок. Семинар был динамичным, с многочисленными практическими примерами и групповыми упражнениями, охватывающими различные темы, такие как: полицейская деятельность на основе разведанных, динамика протеста и толпы, управление кризисами и кризисная коммуникация, международное сотрудничество полиции в отношении крупных массовых мероприятий и новейшие исследования и технологические разработки в области общественного порядка и безопасности.

Курс «Деятельность в условиях чрезвычайного положения» проводится Францией (Управлением международного сотрудничества в области безопасности) с сотрудниками правоохранительных органов, ответственными за управление и координацию деятельности по обеспечению общественного порядка во время чрезвычайных ситуаций. Содержание курса имеет служебный характер и в открытом доступе отсутствует.

Курс «Обеспечение безопасности при массовых мероприятиях», реализуется национальной жандармерией Португалии. Содержание данного курса также имеет служебный характер и ограничено к распространению.

Курс «Профилактика преступности среди несовершеннолетних и домашнего насилия». Его целью является усиление работы по профилактике, выявлению и обеспечению соблюдения законодательства в повседневной деятельности в области преступности среди несовершеннолетних и домашнего насилия путем обмена передовым опытом. Целевая аудитория – сотрудники правоохранительных органов, занимающиеся делами о преступлениях несовершеннолетних и домашнем насилии.

Курс «Противодействие массовым расстрелам (mass shooting)». Был реализован в Польше с 4 по 7 октября 2024 г. с участием 26 представителей государств ЕС и партнеров. Экспертами курсов были сотрудники контртеррористических подразделений Польши и Испании. Во время практических занятий были представлены модели тактики действий для сотрудников полиции, которые первыми оказываются на месте происшествия. Основная часть занятий состояла из симуляций, связанных с противодействием стрелкам в зданиях, особенно в школах.

Обучающиеся имеют право отправить заявки в CEPOL как самостоятельно, так их кандидатуры могут быть направлены от национального подразделения правоохранительных органов.

Образовательный процесс CEPOL, в основном, носит смешанный характер. Теоретическая база дается в дистанционном режиме, посредством LEEd-платформы. Все сотрудники правоохранительных органов, желающие получить доступ к обучению, должны быть зарегистрированными пользователями LEEd. LEEd представляет собой мобильное приложение в форме хранилища документов с возможностями просмотра и фильтрации по категориям. Также включает в себя фо-

рум для общения пользователей между собой, имеется возможность просмотра электронных книг и журналов, а также онлайн-пространство для участия в конференциях, вебинарах, кибер-курсах. Как правило, в финале освоения программы обучающиеся учатся в очном формате и сдают зачеты. Существуют и полностью очные курсы, например, в настоящее время на 2025 г. CEPOL запланирован семинар «Расследование программ-вымогателей»¹.

Широко используются в CEPOL и возможности по международному сотрудничеству, посредством «программ обмена». Программа обмена CEPOL направлена на формирование долгосрочных знаний и доверия между полицейскими силами и другими правоохранительными органами в ЕС.

В рамках программы должностные лица, участвующие в оперативном трансграничном сотрудничестве, размещаются в правоохранительных органах другой страны, что дает участникам возможность обмениваться передовым опытом, идеями, укреплять доверие, инициировать и развивать проекты сотрудничества. Период обучения за рубежом может длиться до одной недели, а для Программы общего наставничества это может быть сделано дважды в течение 12 месяцев.

С момента запуска программы обмена в ней приняли участие около 5 000 сотрудников правоохранительных органов из различных служб (полиции, таможни, пограничной и береговой охраны, налоговых органов, прокуратуры).

В 2025 г. в Программе обмена CEPOL предусмотрены следующие модули:

- программа общего обмена CEPOL для сотрудников правоохранительных органов из стран-членов ЕС, а также государств Западных Балкан и Турции;
- программа обмена CEPOL EJTN (Программа обмена с судебными органами), которая охватывает возможности обмена, в рамках совместного сотрудничества с Европейской сетью подготовки судей;
- программа общего наставничества, которая представляет собой партнерское сотрудничество (в качестве наставника и подопечного) между сотрудниками правоохранительных органов из стран – членов ЕС, государств Западных Балкан и Турции;
- программы обмена по проекту обмена информацией о борьбе с терроризмом и реагированию в сфере уголовного правосудия (CT INFLOW 2024–2028) с такими партнерами как: Алжир, Иордания, Ливан, Ливия, Марокко, Тунис, Африканский союз, Лига арабских государств.

Все образовательные программы CEPOL актуализируются на основании результатов анализа потребностей в обучении на оперативном уровне и в соответ-

¹ Специальные программы, блокирующие компьютерные устройства, смартфоны, за снятие блокировки требующие оплаты, или программы позволяющие взламывать банковские приложения и похищать денежные средства.

ствии с приоритетами на следующий 4-летний цикл, установленными Европейской междисциплинарной платформой против преступных деяний (EMPACT). Так в результате такого анализа на 2025 г. определены следующие тематические области обучения:

1. Кибератаки.
2. Криминальные финансы, отмывание денег и возврат активов.
3. Борьба с терроризмом.
4. Торговля людьми.
5. Наркоторговля.
6. Незаконный ввоз мигрантов.
7. Сексуальная эксплуатация детей.
8. Схемы интернет-мошенничества.
9. Организованная имущественная преступность.
10. Защита границ и безопасность на море.
11. Незаконный оборот огнестрельного оружия.
12. Массовые мошенничества.
13. Коррупция.
14. Мошенничество с акцизами.
15. Преступления против интеллектуальной собственности, подделка товаров и валют.
16. Экологические преступления.
17. Внешние угрозы европейской безопасности.

Отметим и организующую роль CEPOL в научно-исследовательской деятельности. Так под эгидой CEPOL проводятся масштабные научные конференции.

С 2003 г. конференции CEPOL Research and Science Conferences создают развитую интеллектуальную среду, которая позволяет объединить научные идеи и имеющуюся практику, экспертов и преподавателей в области полицейской и иных областей правоохранительной деятельности. Привлекаются европейские ученые и исследователи из других государств.

Например, 25–27 марта 2025 г. на базе Школы экономической и финансовой полиции итальянской Финансовой гвардии в Остии, Рим, прошла конференция на тему «Борьба с преступными сетями высокого риска (HRCN)», заявилось более 300 участников. Результаты исследований и доклады конференции публикуются в специальном выпуске Европейского бюллетеня исследований правоохранительной деятельности. Данный бюллетень выходит раз в два года. Выпуск 2022 г. содержит двенадцать статей авторов и коллективов из Кипра, Финляндии, Германии, Греции, Италии, Мальты, Португалии, Испании и Великобритании¹.

CEPOL координирует и выпуск электронных журналов о правоохранительной деятельности. В настоящее время это 29 изданий:

- Наука о преступности;
- Европейский журнал исследований безопасности;
- Европейский журнал преступности, уголовного права и уголовного правосудия;

- Европейский журнал криминологии;
- Европейский журнал полицейских исследований;
- Европейский журнал уголовной политики и исследований;
- Европейская безопасность;
- Глобальная преступность;
- Международный журнал кибербезопасности и цифровой криминалистики;
- Международный журнал цифровой преступности и криминалистики;
- Международный журнал судебной компьютерной науки;
- Международный журнал полицейской науки и управления;
- Журнал образования в области уголовного правосудия;
- Журнал прав человека;
- Журнал о торговле людьми;
- Журнал по борьбе с отмыванием денег;
- Журнал полицейской и криминальной психологии;
- Журнал полиции, разведки и борьбы с терроризмом;
- Криминалистика;
- Новый журнал европейского уголовного права;
- Полицейская практика и исследования: международный журнал;
- Полиция и общество;
- Полиция: журнал политики и практики;
- Исследования в области конфликтов и терроризма;
- Терроризм и политическое насилие;
- Журнал цифровой криминалистики, безопасности и права: JDFSL;
- Полицейский журнал: теория, практика и принципы;
- Тенденции в организованной преступности;
- Всемирный таможенный журнал.

Резюмируя изложенную в данной статье информацию о деятельности CEPOL, подчеркнем ее значительную роль в подготовке сотрудников правоохранительных органов, которую можно подтвердить следующей статистикой: в 2024 г. прошли обучение 46 000 сотрудников, проведено 396 учебных мероприятий, реализовано 249 программ обмена, 97 % обучающихся выразили удовлетворенность услугами CEPOL.

Таким образом, в государствах-членах Европейского союза подготовке сотрудников правоохранительных органов уделяется серьезное внимание, реализует данную политику CEPOL. Данное агентство имеет обширный опыт, практику, разработанные программы, содержание которых актуально и содержит методику противодействия современным противоправным угрозам. Данный опыт необходимо учитывать, анализировать и использовать образовательным организациям МВД России. Так, по нашему мнению, весьма востребованным среди российских сотрудников полиции, осуществляющих оперативно-розыскную и уголовно-процессуальную деятельность, был бы курс, направленный на получение навыков по сбору информации из открытых

¹ <https://www.cepola.europa.eu/scientific-knowledge-and-research/european-law-enforcement-research-bulletin/european-law-enforcement-research-bulletin-issue-22/>

источников сети Интернет (аналогичный OSINT). В целях повышения эффективности существующей системы профилактики в нашей стране высокую актуальность и потенциал имеют курсы по защите прав потерпевших, по работе с детьми заключенных. Требуется развития и программы обмена, позволяющие перенимать опыт полицейской деятельности дружественных нашей стране государств.

Список источников

1. URL: <https://мвд.рф/news/item/15206570/?ysclid=m749imyp9230333874/>
2. Параносенков П. М. Организация профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов и ее правовое регулирование в современных условиях // Административное право и процесс. 2016. № 11. С. 52–54.
3. URL: <https://www.cepol.europa.eu/>
4. URL: https://european-union.europa.eu/index_en/

Информация об авторе

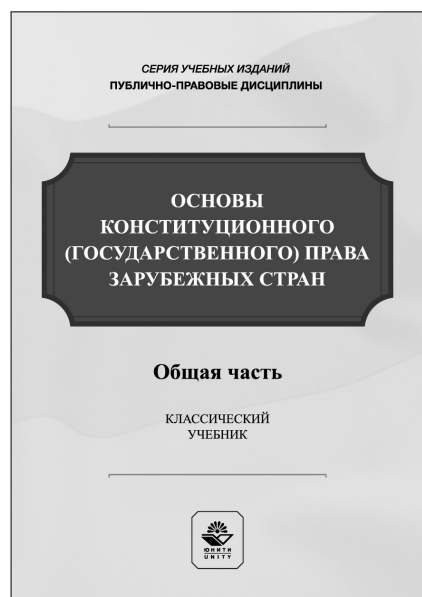
А. Г. Бачурин – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. G. Bachurin – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 12.12.2025; одобрена после рецензирования 13.01.2026; принята к публикации 25.02.2026.

The article was submitted 12.12.2025; approved after reviewing 13.01.2026; accepted for publication 25.02.2026.

Основы конституционного государственного права зарубежных стран. Общая часть. Учебник. Под ред. Б. С. Эбзеева, Г. А. Гаджиева, Л. Т. Чихладзе, Т. Э. Каллагова. 367 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Рассмотрены основные проблемы учебной дисциплины «Конституционное (государственное) право зарубежных стран». В Общей части учебника дана характеристика источников конституционного (государственного) права зарубежных стран, освещено содержание конституционно-правовых институтов.

Как в подстрочнике, так и в самом тексте предложены различные точки зрения известных российских и зарубежных правоведов и общественных деятелей, что предоставляет студентам возможность самостоятельного размышления над вопросами, изложенными в главах учебника. Широко представлена национальная судебная практика как различных стран, так и Европейского суда по правам человека.

Для студентов юридических вузов и факультетов всех форм обучения, аспирантов, обучающихся по социально-гуманитарным специальностям. Может быть полезен практическим работникам и преподавателям отраслевых обществоведческих и юридических дисциплин.

Научная статья

УДК 343.9.01

EDN: <https://elibrary.ru/fshdcb>

НИОН: 2015-0066-2/26-417

MOSURED: 77/27-011-2026-02-616

Влияние миграционных процессов на этническую организованную преступность в России

Анатолий Васильевич Богданов¹, Павел Вадимович Макошин²,

Евгений Николаевич Хазов³

^{1,2,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

² pavel_makoshin@mail.ru

³ evg.hazow@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена детальному анализу проблем миграционных процессов и деятельности этнической организационной преступности. Актуальность данной статьи заключается в том, что в современной России с каждым годом возрастает количество преступлений, совершенных этнической организационной преступностью. Особое внимание уделено миграционным процессам и роли этнической организационной преступности. Анализируются причины и условия совершения правонарушений и преступлений, связанных с незаконной миграцией, предлагаются пути решения.

Ключевые слова: оперативно-розыскная характеристика, миграционные процессы, незаконная миграция, этнические организованные преступные группы, диаспоры, способы раскрытия преступлений, совершенных этническими организованными преступными группами

Для цитирования: Богданов А. В., Макошин П. В., Хазов Е. Н. Влияние миграционных процессов на этническую организованную преступность в России // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 15–21. EDN: FSHDCB.

Original article

The impact of migration processes on ethnic organized crime in Russia

Anatoly V. Bogdanov¹, Pavel V. Makoshin², Evgeny N. Khazov³

^{1,2,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

² pavel_makoshin@mail.ru

³ evg.hazow@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to a detailed analysis of the problems of migration processes and the activities of ethnic organizational crime. The relevance of this article lies in the fact that in modern Russia the number of crimes committed by ethnic organizational crime is increasing every year. Special attention is paid to migration processes and the role of ethnic organizational crime. The reasons and conditions for the commission of offenses and crimes related to illegal migration are analyzed, and solutions are proposed.

Keywords: operational and investigative characteristics, migration processes, illegal migration, ethnic organized criminal groups, diasporas, methods of solving crimes committed by ethnic organized criminal groups

For citation: Bogdanov A. V., Makoshin P. V., Khazov E. N. The impact of migration processes on ethnic organized crime in Russia. Bulletin of economic security. 2026;(2):15–21. (In Russ.). EDN: FSHDCB.

Внешняя миграция населения влияет на многие сферы и процессы жизни общества и государства. Появляются сплоченные организованные преступные группы (ОПГ) и организованные преступные сообщества (ОПС) этнической направленности, основанные на узкой семейственности, клановости, культе лидера, круговой поруке, жесткой дисциплине, конспирации и закры-

тых для любого проникновения лиц из внешне «чужой» национальной или религиозной среды [1].

Современная этническая организованная преступность и незаконная миграция являются основным и новым источником угроз для России. Особенностью этнической организованной преступности в большинстве субъектов Российской Федерации является то, что

большинство ее участников являются мигрантами. Бесспорным также признается факт влияния миграции на преступность.

Создавшаяся оперативная обстановка в сфере организованных корыстно-насильственных преступлений обусловлена устойчивым ростом роли этнического фактора в структуре организованной преступности Российской Федерации. По оценкам, основанным на обобщении судебной практики и данных открытых обзоров МВД (2024–2025 гг.), доля организованных преступных групп, и организованных преступных сообществ, функционирующих с опорой на этническую, лингвистическую и диаспоральную солидарность, увеличилась с 28 % до 37 % от общего числа выявленных преступных сообществ [2].

Особую тревогу вызывает трансформация традиционных локальных «клановых» структур в устойчивые трансрегиональные и трансграничные сети, использующие цифровые технологии для координации, конспирации и легализации незаконных доходов [3].

В отличие от классических «криминальных авторитетов» советского и постсоветского периодов, современные этнические ОПГ демонстрируют высокую адаптивность к изменениям внешней среды: они активно интегрируются в легальные сектора экономики (строительство, грузоперевозки, рынки, природные ресурсы, онлайн-торговля), используют институты этнических диаспор для вербовки и сокрытия преступной деятельности, а также формируют тесные связи с коррупционными «крышами» на муниципальном уровне [4]. При этом их действия сопряжены со значительной общественной опасностью: помимо экономических преступлений (ст. 159, 171, 174 УК РФ), такие группы все чаще вовлечены в насильственные деяния – похищения человека (ст. 126 УК РФ), вымогательства (ст. 163 УК РФ), незаконный оборот оружия (ст. 222–223 УК РФ), а также в подготовку террористических актов по мотивам межэтнической вражды [5].

Несмотря на очевидную угрозу, в отечественной правовой науке отсутствует системное исследование этнических ОПГ и ОПС в разрезе оперативно-розыскной и уголовно-правовой борьбы. Большинство работ сосредоточено либо на криминологическом описании феномена [6], либо на анализе правовых норм об ответственности за создание преступного сообщества (ст. 210 УК РФ) [7], но крайне мало внимания уделено тактико-оперативным особенностям взаимодействия уголовного розыска с субъектами ОРД, специфике профилактики в условиях этнокультурной замкнутости и роли лингвистических, психологических факторов при сборе доказательств [8]. Этническую преступность условно можно разделить на ОПГ и ОПС, состоящие из граждан дальнего и ближнего зарубежья и этнических граждан Российской Федерации.

В научной доктрине сохраняется дискуссия о правомерности выделения «этнической ОПГ» как самостоятельной категории. Как отмечает В. В. Лунеев, «этни-

чность сама по себе не образует криминогенного признака, однако в сочетании с региональной изоляцией, миграционными барьерами и недоступностью институтов правопорядка она становится мощным фактором консолидации преступной среды» [9]. Эту позицию разделяет А. С. Кобликов, подчеркивающий, что «этническая идентичность в преступной среде используется не как культурная ценность, а как инструмент управления лояльностью, контроля за информацией и минимизации рисков предательства» [10].

Особую важность приобретает позиция Ю. П. Гаврилова, указывающего, что «этническая солидарность в преступной среде функционирует как альтернативный механизм социального контроля, замещающий неэффективные институты государства» [11]. Сходную мысль развивает С. А. Боголюбов, утверждая, что «в условиях слабости формальных институтов мигранты вынуждены создавать неформальные системы защиты и распределения ресурсов, и, если эти системы не вписываются в правовое поле, они легко дрейфуют в сторону криминализации» [12].

Действующее нормативное регулирование не содержит специализированных правовых механизмов, направленных именно на противодействие этническим ОПГ. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [13] и действующие ведомственные нормативные правовые акты МВД предусматривают общие меры по борьбе с преступными сообществами, однако не учитывают особенности культурной и коммуникативной среды, в которой функционируют этнические ОПГ – что нередко ведет к неэффективности профилактических мероприятий и несостоятельности обвинений на стадии судебного разбирательства [14].

Важно подчеркнуть, что этническая принадлежность сама по себе не является криминогенным фактором; однако в ряде случаев она используется как инструмент вербовки, внутренней координации и обеспечения конспирации преступных структур. Министр внутренних дел Российской Федерации Владимир Колокольцев указал, что рост преступной активности среди мигрантов и этнически объединенных лиц требует разработки комплексных организационно-правовых мер для повышения эффективности профилактики и пресечения таких форм преступного поведения [15].

Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин подчеркивает наличие в стране устойчивых этнических преступных сообществ. Эти группы характеризуются высоким уровнем внутренней организации, иерархическими структурами, использованием коррупционных и миграционных каналов, а также способностью к территориальной экспансии [16]. Со своей стороны, Президент Российской Федерации В. В. Путин, выступая на заседании Совета по межнациональным отношениям, подчеркнул недопустимость формирования закрытых этнических сообществ, придерживающихся собственных неформальных

правовых норм, противоречащих законодательству Российской Федерации. Глава государства подчеркнул важность сохранения единого правового пространства для всех граждан, независимо от национальной или культурной принадлежности [17].

Согласно данным Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации за январь-сентябрь 2025 г. [18], на территории страны зарегистрировано 48 700 преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, что на 8,1 % превышает аналогичный показатель за 2024 г.

Региональное распределение этнической организованной преступности носит неравномерный характер и коррелирует с уровнем миграционной нагрузки и функционированием, и развитием теневого сектора экономики. Важно подчеркнуть, что этнический признак сам по себе не является криминогенным. Как справедливо указывает А. С. Кобликов, «преступность не порождается этничностью, но эксплуатируется ею в условиях социально-экономической маргинализации, миграционной неопределенности и институционального вакуума». Статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2024–2025 гг. подтверждает: подавляющее большинство осужденных за участие в этнических ОПГ – лица, длительно проживающие в России без легального статуса, не имеющие доступа к формальному трудоустройству и сталкивающиеся с дискриминацией на рынке труда [19]. В таких условиях формирование этнических преступных групп выступает не как выражение «врожденной склонности к насилию», а как рациональная стратегия выживания и ресурсной мобилизации в условиях структурного неравенства [20].

Вместе с тем Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 8 февраля 2018 г. № 1 «О судебной практике по делам о преступлениях, совершаемых организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями)» указал, что «признаки организованной группы могут усматриваться и при отсутствии формальной структуры, если имеются доказательства устойчивого взаимодействия, разделения функций и наличия лидера, чье мнение является определяющим для остальных участников. Данное разъяснение открывает возможность учета неформальных механизмов управления, характерных для этнических ОПГ, однако на практике оно применяется редко, в основном по делам с высокой общественной опасностью и общественной резонансностью.

В этой связи особую значимость приобретает рекомендация Е. В. Талалаевой: «При анализе умысла на создание преступного сообщества необходимо учитывать не только формальные, но и социокультурные маркеры руководства – например, возрастное старшинство, родовую принадлежность, репутацию в диаспоре» [21]. Подобный подход позволяет адекватно интерпретировать поведение, основанное на обычном праве, без подмены уголовно-правовых конструкций.

Современное состояние этнических организованных преступных групп в Российской Федерации характеризуется устойчивым ростом их численности, географической экспансией и усложнением организационных форм.

Особое внимание требует расширение деятельности так называемых «полиэтнических ОПГ» – устойчивых структур, объединяющих представителей разных национальностей под единым руководством.

При этом сохраняется высокая устойчивость этнических ОПГ к традиционным формам воздействия. По оценке Следственного комитета РФ, средняя продолжительность существования этнической ОПГ составляет 4,7 года (против 2,3 года для «не конфессиональных» групп) [22]. Такая устойчивость обусловлена, в первую очередь, высокой степенью внутренней лояльности: по данным опросов осужденных, 92 % участников этнических ОПГ отказались от дачи показаний в отношении лидеров, мотивируя это «стыдом перед родом» и страхом «кровной мести» [23].

Как справедливо отмечает В. В. Лунеев, «внутри этнических ОПГ действует особая этика молчания, не подчиняющаяся ни нормам УПК РФ, ни механизмам поощрения за сотрудничество». Эту позицию дополняет Н. А. Краснова: «Коллективный стыд и родовая ответственность – это не маргинальные установки. Они укоренены в традиционных обществах и при определенных условиях воспроизводятся даже в урбанизированной среде» [24].

Современное состояние этнических ОПГ и ОПС отражает переход от локальных, этнически однородных «кланов» к устойчивым, трансрегиональным, полиэтническим структурам с высокой адаптивностью, экономической интеграцией и выраженной специализацией.

Формирование и устойчивое функционирование этнических организованных преступных групп обусловлено комплексом взаимосвязанных криминогенных факторов, действующих на макро-, мезо- и микроуровнях. На макроуровне ключевую роль играют структурные дисбалансы в миграционной политике, экономике и правоприменительной системе. Во-первых, сохраняется высокий уровень неформальной занятости среди мигрантов: по данным Росстата, в 2024 г. 58 % трудовых мигрантов из стран СНГ не имели легального статуса или работали с нарушением условий патента [14]. Это создает устойчивый спрос на услуги «теневых посредников», обеспечивающих трудоустройство, жилье и «крышу» – функции, которые часто выполняют лидеры этнических ОПГ [25].

На Федеральном уровне решающее значение имеет роль этнических анклавов и диаспоральных сетей. По данным Центра этнических исследований РАН, в 24 субъектах РФ сформировались устойчивые этнотерриториальные кластеры численностью от 5 до 50 тыс. человек, обладающие собственной социальной инфраструктурой (магазины, кафе, мечети/храмы, школы выходного дня) и слабой интеграцией в доминирующую

среду. Внутри таких анклавов создаются условия для формирования замкнутых социальных связей, воспроизводства традиционных норм и ограничения доступа внешних институтов, включая правоохранные. Это позволяет этническим ОПГ использовать инфраструктуру диаспор (культурные центры, религиозные общины, благотворительные фонды) для вербовки, сбора информации и финансирования.

На местном уровне действуют психологические и культурные факторы. В этнических ОПГ и ОПС высокий уровень внутренней сплоченности, и это обеспечивается не страхом наказания, а чувством коллективной ответственности и нравственных установок, где профилактические меры малоэффективны. Кроме того, для молодых мигрантов участие в ОПГ и ОПС становится способом социальной мобильности и обретения статуса в условиях ограниченных возможностей легальной интеграции.

Особую роль играет информационно-телекоммуникационная среда. Как показывают исследования Института проблем правоприменения, в закрытых мессенджер-группках социальных сетей на языках народов (узбекский, таджикский, киргизский) активно распространяются нарративы о «недоступности справедливости», «предвзятости полиции» и «необходимости защищать своих», что формирует устойчивую установку на самоизоляцию и недоверие к государственным институтам. В этих условиях этнические ОПГ и ОПС выступают не как угроза, а как «гаранты безопасности», что значительно повышает их легитимность в глазах части мигрантской среды.

Преступления, совершаемые этническими ОПГ и ОПС, представляют собой совокупность устойчивых признаков, отражающих специфику их подготовки, совершения и сокрытия. Организация и тактика совершения преступлений этническими ОПГ и ОПС отличаются высокой степенью стандартизации и репродуктивности.

В деятельности ОПГ и ОПС доминирует тактика «теневого трудоустройства» – вербовка соотечественников через родственные и земляческие связи, диаспоры, организация их нелегального въезда и размещения в концентрационных точках (часто в заброшенных зданиях на окраинах городов), принуждение к работе под угрозой насилия или удержания документов, систематическое изъятие заработной платы «за жилье и охрану» (фактически – вымогательство и незаконное лишение свободы). Данный алгоритм позволяет одновременно нарушать нормы уголовного, административного и миграционного законодательства, оставаясь «в тени» за счет замкнутости группы и страха жертв.

Следует подчеркнуть, что при совершении преступлений этнические ОПГ и ОПС избегают применения насилия в отношении «своих» – лиц одной этнической или религиозной принадлежности, что создает иллюзию «социальной справедливости» внутри диаспоры

и снижает вероятность обращения в правоохранные органы. Внутриэтническая этика, основанная на принципах родства, религии и чести, становится альтернативой праву, что делает профилактические меры неудовлетворительными. Отличительной чертой является отсутствие формального распределения ролей: функции закрепляются не приказами, а через неформальное признание авторитета, возрастное старшинство или родственные связи. То есть достаточно слова старшего по роду, чтобы все члены ОПГ и ОПС выполнили его требования. Очень строго в ОПГ и ОПС соблюдается конспирация как внутри, так и в цифровом пространстве.

Конспирация строится на нескольких уровнях. На коммуникативном – активно используются закрытые мессенджер-группы с автоматическим удалением переписки (Telegram, Signal, Viber), речевые шифры (например, замена «наркотики» на «товар», «полиция» – на «черные»), а также специальные диалекты или жаргоны, непонятные для посторонних. На лингвистическом – все переговоры внутри группы ведутся на родном языке (таджикском, узбекском, киргизском и др.), что исключает возможность оперативного прослушивания без привлечения квалифицированного переводчика. На физическом – встречи проводятся в местах, недоступных для видеонаблюдения (частные дома, лесные массивы, автостоянки), а передача денег и товаров – через «закладки» или с участием «не вовлеченных» лиц (например, пожилых родственников).

География деятельности этнических ОПГ характеризуется переходом от локальной к трансрегиональной и трансграничной модели.

Преступления, совершаемые этническими ОПГ и ОПС, отражают устойчивую тенденцию к профессионализации, специализации и технологизации. Их структура, тактика и география действия свидетельствуют о переходе от стихийных «кланов» к устойчивым, адаптивным преступным корпорациям, способным эффективно функционировать в условиях усиления правоохранительного давления. Это требует от правоохранительных органов не просто наращивания репрессивного потенциала, но разработки целевых оперативно-тактических моделей, учитывающих этнокультурные, лингвистические и территориальные особенности таких структур. Предупреждение этнической преступности – это предохранение людей, общества и государства от преступлений.

Эффективность профилактики этнических ОПГ и ОПС напрямую зависит от способности правоохранительных органов преодолеть барьер недоверия, характерный для многих мигрантских сообществ. В этих условиях решающее значение приобретает этнокультурное посредничество – вовлечение в профилактическую деятельность лиц, обладающих авторитетом и доверием в соответствующей среде: имамов, аксакалов, представителей национальных культурных центров, представителей диаспоральных советов.

Особую роль играет работа с так называемыми «точками роста» – социальными, экономическими и инфраструктурными узлами, где формируются условия для криминализации. К ним относятся: нелегальные рынки труда, «серые» строительные объекты, мелко-оптовые рынки, автостоянки и транзитные hostels. В соответствии с п. 18 Приказа МВД № 820 [26], подразделения УР и ОРД обязаны взаимодействовать с органами местного самоуправления, миграционной службой и надзорными ведомствами для выявления и устранения таких точек.

При этом важно различать конструктивное и деструктивное посредничество. Первое предполагает сотрудничество с официально зарегистрированными, социально ориентированными структурами (например, Духовными управлениями мусульман, Республиканскими диаспоральными советами), второе – взаимодействие с неформальными лидерами, чья легитимность основана на криминальном капитале или коррупционных связях.

Последнее категорически недопустимо и прямо запрещено п. 45 Инструкции по ОРД, утвержденной Приказом МВД № 615 «Недопустимо использование в профилактических целях лиц, состоящих на оперативном учете как организаторы или лидеры преступных групп» [27].

Оперативно-розыскная профилактика этнических ОПГ и ОПС требует перехода от универсальных и формальных подходов к дифференцированной, культурно-чувствительной стратегии, сочетающей аналитическую подготовку, информационное воздействие и оперативные меры с участием легитимных «точек входа» в этнические сообщества. Только такой комплексный подход способен обеспечить не краткосрочное подавление преступной активности, а долгосрочное снижение ее привлекательности и устойчивости.

На основании изложенного, этнические ОПГ и ОПС – это не следствие «этнической предрасположенности», а продукт сложного взаимодействия миграционной, экономической, институциональной и культурной среды. Их устойчивость определяется не столько криминальной активностью, сколько способностью заполнять функциональные вакуумы – в сфере занятости, безопасности, социальной идентичности и правовой защиты. Эффективное противодействие возможно лишь при условии комплексного подхода, сочетающего правоохранительные меры с социальной интеграцией, языковой поддержкой и укреплением доверия к институтам государства. Создавшаяся оперативная обстановка в сфере этнической организованной преступности требует адекватного реагирования оперативных подразделений органов внутренних дел по борьбе с ними и эффективнее всего на региональном уровне. Повышение эффективности борьбы с этнической организованной преступностью на современном и сложном этапе развития нашего общества относится к числу важнейших задач правоохранительных органов.

Список источников

1. Деятельность правоохранительных органов по предупреждению и противодействию преступности среди иностранных граждан и лиц без гражданства на территории России / Богданов А. В., Вендиктов М. И., Косухин В. В., Кизилев А. П., Тухватуллин Б. Т., Санин В. Е., Хазов Е. Н. Новосибирск, 2025.
2. ГИАЦ МВД России. Аналитический обзор по состоянию организованной преступности в Российской Федерации за 2020–2024 гг. М., 2025. 48 с.
3. Лунеев В. В. Организованная преступность в России : состояние, тенденции и контрмеры. М. : Изд-во Московского университета, 2023. 248 с.
4. Комиссаров В. С. Профилактика организованной преступности : оперативно-розыскные и криминологические аспекты. М. : Спарк, 2022. 284 с.
5. Гаухман Л. Д. Преступные сообщества: правовая оценка и борьба. М. : Проспект, 2021. 328 с.
6. Зуйков В. М. Криминологические основы деятельности этнических преступных групп. М. : Норма, 2022. 216 с.
7. Кобликов А. С. Организованная преступность : правовые и криминологические проблемы. М. : Юристъ, 2022. 288 с.
8. Кудрявцев В. Н. Проблемы борьбы с организованной преступностью. М. : Юристъ, 2020. 196 с.
9. Лунеев В. В. Этнический фактор в структуре организованной преступности // Государство и право. 2021. № 6. С. 70–76.
10. Кобликов А. С. Этническая идентичность как инструмент управления в преступной среде // Уголовное право. 2023. № 2. С. 40–47.
11. Гаврилов Ю. П. Социальные функции преступных сообществ в условиях институционального вакуума. М. : Изд-во РАГС, 2021. 172 с.
12. Боголюбов С. А. Мигранты и неформальные институты саморегулирования : от защиты к криминализации // Журнал российского права. 2022. № 9. С. 85–94.
13. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 24.07.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3022.
14. ГУВМ МВД России. Аналитический отчет по миграционной ситуации и криминогенным рискам в 2024 году. М., 2025. 37 с.
15. Коллегия МВД России от 21 марта 2024 г. // URL: <https://мвд.рф/document/2860646/>
16. Бастрыкин А. И. Интервью ТАСС: «Этническая преступность все более организуется» // URL: <https://tass.ru/proisshestviya/19467223/>
17. Путин В. В. Заседание Совета по межнациональным отношениям, 19 июня 2024 г. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/74089/>
18. Статистический отчет Главного информационно-аналитического центра Министерства внутрен-

них дел Российской Федерации за январь-сентябрь 2025 года // URL: <https://гиац.мвд.рф/statistics/2025/9m-crime-report/>

19. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Статистический сборник: уголовные дела с участием иностранных граждан (2020–2024 гг.). М., 2025. 64 с.

20. Зуйков В. М. Мигранты и криминальная среда : стратегии выживания // Журнал российского права. 2021. № 11. С. 200–210.

21. Галалаева Е. В. Правовые и криминологические аспекты борьбы с организованной преступностью. М. : Проспект, 2022. 256 с.

22. Следственный комитет Российской Федерации. Статистический анализ продолжительности существования преступных сообществ (2020–2024 гг.). М., 2025. 14 с.

23. ВНИИ МВД России. Опрос осужденных – участников этнических ОПГ : мотивы молчания и отказа от сотрудничества. М., 2024. 27 с.

24. Краснова Н. А. Коллективная ответственность и стыд в криминальных средах. М. : Изд-во РАГС, 2023. 184 с.

25. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 1993. — № 237.

26. Приказ МВД России от 17 октября 2022 г. № 820 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений уголовного розыска органов МВД России» // Бюллетень нормативных актов МВД России. 2022. № 12. С. 5–29.

27. Приказ МВД России от 3 сентября 2020 г. № 615 «Об утверждении Положения об организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России» // Бюллетень нормативных актов МВД России. 2020. № 10. С. 3–18.

References

1. The activities of law enforcement agencies to prevent and combat crime among foreign citizens and stateless persons in Russia / Bogdanov A. V., Venidiktov M. I., Kosukhin V. V., Kizilov A. P., Tukhvatullin B. T., Sanin V. E., Khazov E. N. Novosibirsk, 2025.

2. GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Analytical review on the state of organized crime in the Russian Federation for 2020–2024. M., 2025. 48 p.

3. Luneev V. V. Organized crime in Russia : state, trends and countermeasures. M. : Publishing House of Moscow University, 2023. 248 p.

4. Komissarov V. S. Prevention of organized crime : operational-investigative and criminological aspects. M. : Spark, 2022. 284 p.

5. Gaukhan L. D. Criminal communities : legal assessment and struggle. M. : Prospekt, 2021. 328 p.

6. Zuikov V. M. Criminological foundations of the activities of ethnic criminal groups. M. : Norma, 2022. 216 p.

7. Koblikov A. S. Organized crime : legal and criminological problems. M. : Yurist, 2022. 288 p.

8. Kudryavtsev V. N. Problems of combating organized crime. M. : Yurist, 2020. 196 p.

9. Luneev V. V. Ethnic factor in the structure of organized crime // State and law. 2021. № 6. P. 70–76.

10. Koblikov A. S. Ethnic identity as a management tool in a criminal environment // Criminal law. 2023. № 2. P. 40–47.

11. Gavrilov Yu. P. Social functions of criminal communities in an institutional vacuum. M. : RAGS Publishing House, 2021. 172 p.

12. Bogolyubov S. A. Migrants and informal institutions of self-regulation : from protection to criminalization // Journal of Russian Law. 2022. № 9. P. 85–94.

13. Federal Law № 144-F3 of August 12, 1995 «On Operational Investigative activities» (as amended on 24.07.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1995. № 33. Art. 3022.

14. GUVM of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Analytical report on the migration situation and criminogenic risks in 2024. M., 2025. 37 p.

15. Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated March 21, 2024 // URL: <https://мвд.рф/document/2860646/>

16. Bastrykin A. I. Interview with TASS: «Ethnic crime is becoming more and more organized» // URL: <https://tass.ru/proisshestiya/19467223/>

17. Putin V. V. Meeting of the Council on Interethnic Relations, June 19, 2024 // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/74089/>

18. Statistical report of the Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for January-September 2025 // URL: <https://гиац.мвд.рф/statistics/2025/9m-crime-report/>

19. Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. Statistical collection: criminal cases involving foreign citizens (2020–2024). M., 2025. 64 p.

20. Zuikov V. M. Migrants and the criminal environment : survival strategies // Journal of Russian Law. 2021. № 11. P. 200–210.

21. Galalaeva E. V. Legal and criminological aspects of combating organized crime. M. : Prospekt, 2022. 256 p.

22. Investigative Committee of the Russian Federation. Statistical analysis of the duration of the existence of criminal communities (2020–2024). M., 2025. 14 p.

23. VNII of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Survey of convicted members of ethnic organized criminal groups : motives for silence and refusal to cooperate. M., 2024. 27 p.

24. Krasnova N. A. Collective responsibility and shame in criminal environments. M. : RAGS Publishing House, 2023. 184 p.

25. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. № 237.

26. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated October 17, 2022 № 820 «On approval of Instructions on the organization of activities of criminal investigation units of the Ministry of Internal Affairs of Russia» // Bulletin of regulations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 12. P. 5–29.

27. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated September 3, 2020 № 615 «On approval of the Regulations on the organization of operational search activities in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia» // Bulletin of regulations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 10. P. 3–18.

Информация об авторах

А. В. Богданов – доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

П. В. Макошин – преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

Е. Н. Хазов – профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

A. V. Bogdanov – Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

P. V. Makoshin – Lecturer of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

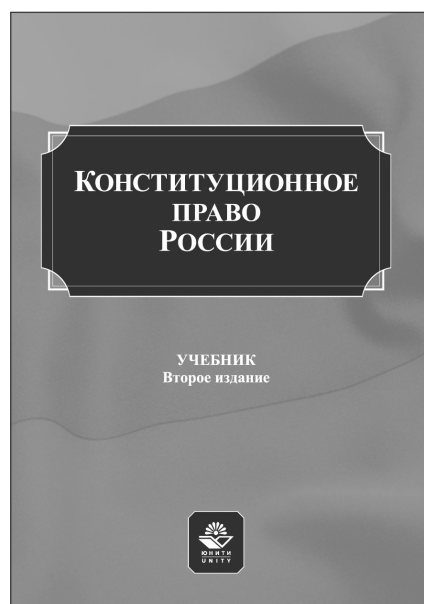
E. N. Khazov – Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.12.2025; одобрена после рецензирования 26.01.2026; принята к публикации 25.02.2026.

The article was submitted 25.12.2025; approved after reviewing 26.01.2026; accepted for publication 25.02.2026.

Конституционное право России. Под ред. Г. А. Гаджиева, Б. С. Эбзеева ; под общ. ред. П. А. Кучеренко, Н. М. Чепурновой, Л. Т. Чихладзе. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. 479 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Учебник подготовлен с учетом изменений, внесенных в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., а также изменений, внесенных в законодательство Российской Федерации в связи с конституционной реформой.

Дан комплексный анализ основных конституционно-правовых институтов, раскрыта их правовая природа. Рассматриваются наиболее актуальные современные теоретические разработки конституционно-правовой науки и правоприменительной практики.

Исследованы новые для конституционных норм понятия, проанализировано изменение правового статуса органов публичной власти.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция».

Научная статья

УДК 343

EDN: <https://elibrary.ru/kzsdlb>

ИИОН: 2015-0066-2/26-418

MOSURED: 77/27-011-2026-02-617

Криминализация преступлений против культурных ценностей: российский и немецкий опыт

Алексей Владимирович Бородин

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Россия,

bomg@mail.ru

Аннотация. Анализируются особенности уголовно-правовой охраны культурных ценностей в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия в сравнительно-правовом аспекте. Показаны различия в подходах к криминализации преступлений против культурного наследия, объекту охраны и законодательной технике, а также охарактеризованы изменения 2024–2025 гг., включая криминализацию осквернения памятников в РФ и развитие контроля оборота культурных ценностей в ФРГ на основе принципа происхождения. Сформулированы выводы о преимуществах и ограничениях каждой модели и возможностях их взаимного заимствования.

Ключевые слова: культурные ценности, уголовно-правовая охрана, преступления против культурного наследия, сравнительное правоведение, криминализация, археологическое наследие

Для цитирования: Бородин А. В. Криминализация преступлений против культурных ценностей: российский и немецкий опыт // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 22–26. EDN: KZSDLB.

Original article

Criminalization of crimes against cultural property: Russian and German experience

Alexey V. Borodin

Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russia,

bomg@mail.ru

Abstract. The features of the criminal law protection of cultural property in the Russian Federation and the Federal Republic of Germany in a comparative legal aspect are analyzed. Differences in approaches to the criminalization of crimes against cultural heritage, the object of protection and legislative equipment are shown, as well as changes in 2024–2025, including the criminalization of desecration of monuments in the Russian Federation and the development of control over the circulation of cultural property in Germany based on the principle of origin, are characterized. Conclusions are formulated about the advantages and limitations of each model and the possibilities of their mutual borrowing.

Keywords: cultural values, criminal legal protection, crimes against cultural heritage, comparative jurisprudence, criminalization, archaeological heritage

For citation: Borodin A. V. Criminalization of crimes against cultural property: Russian and German experience. Bulletin of economic security. 2026;(2):22–26. (In Russ.). EDN: KZSDLB.

В третьем десятилетии XXI в. охрана культурного наследия приобрела выраженное публично-правовое значение и рассматривается как элемент обеспечения национальной безопасности и государственного суверенитета. Посягательства на культурные ценности носят как корыстный, так и идеологически мотивированный характер, что обуславливает необходимость адекватных уголовно-правовых механизмов защиты [5; 6; 7; 8;

9; 10]. В этом контексте научный интерес представляет сравнительно-правовой анализ подходов Российской Федерации и Федеративной Республики Германия – государств романо-германской правовой семьи, использующих различные модели криминализации деяний против культурного достояния. Сопоставление указанных моделей, особенно с учетом законодательных изменений 2024–2025 гг., позволяет выявить особенно-

сти уголовно-правовой охраны культурных ценностей и определить направления ее дальнейшего совершенствования.

Ключевое расхождение между российской и немецкой уголовно-правовыми моделями проявляется уже на уровне определения родового объекта преступного посягательства. В российском праве основные составы преступлений против культурных ценностей (ст. 243–243.4 УК РФ) сконцентрированы в главе 25, ориентированной на охрану общественной нравственности и иных нематериальных благ [13]. Тем самым законодатель исходит из того, что уничтожение памятников истории и культуры либо посягательство на археологические объекты причиняет вред прежде всего общественно значимым духовно-культурным отношениям, а не только имущественным интересам собственника. Культурная ценность в данной модели рассматривается как объект повышенной общественной значимости, обладающий самостоятельным уголовно-правовым статусом, что корреспондирует стратегическим установкам государственной политики в сфере сохранения культурного наследия [14].

Немецкая уголовно-правовая модель ориентирована на защиту права собственности и общественного порядка, что предопределяет утилитарный характер охраны культурных ценностей. В *Strafgesetzbuch* отсутствует единый блок норм, посвященных преступлениям против культуры; соответствующая защита обеспечивается через рассредоточенные по кодексу составы, в которых культурная специфика предмета выступает квалифицирующим признаком. Так, уничтожение произведений искусства в публичных коллекциях охватывается § 304 StGB, а их хищение квалифицируется по § 242 StGB с учетом квалифицирующих обстоятельств § 243 StGB [15]. В результате культурная ценность рассматривается как особый вид имущества, обладающий публичной функцией, и повышенная общественная опасность деяния связывается прежде всего с нарушением доступа общества к культурному благу, а не с его самостоятельной символической значимостью.

Особую актуальность в свете последних событий приобретает вопрос уголовно-правовой реакции на уничтожение или повреждение памятников, где законодательные траектории двух стран в 2024–2025 гг. разошлись наиболее заметно. Российская Федерация пошла по пути жесткой специализации и идеологизации охраны. Ключевым событием стало принятие Федерального закона от 23 июля 2025 г. № 247-ФЗ [16], внесшего принципиальные изменения в ст. 243.4 УК РФ. Если ранее данная норма предусматривала ответственность только за уничтожение или повреждение воинских захоронений и памятников, увековечивающих память погибших при защите Отечества, то обновленная редакция, вступившая в силу в августе 2025 г., криминализовала также их «осквернение». Под осквернением законодатель и правоприменительная практика теперь понимают совершение аморальных, циничных действий, не обяза-

тельно влекущих физическое разрушение объекта, но унижающих его символическое значение и оскорбляющих общественную нравственность (нанесение оскорбительных надписей, обливание краской и иные подобные акты) [13]. Введение столь жесткой меры (санкции предусматривают лишение свободы на срок до 5 лет при отягчающих обстоятельствах) стало ответом на «войну памятников» и попытки ревизии итогов Второй мировой войны, демонстрируя готовность государства защищать историческую правду средствами уголовной репрессии.

В немецком уголовном праве (StGB) аналогичная норма, защищающая конкретный исторический нарратив от идеологических атак, отсутствует, что отражает стремление к идеологической нейтральности. Осквернение могил преследуется по § 168 StGB («Нарушение покоя мертвых»), который защищает пиетет перед умершими безотносительно их политической или военной принадлежности [15]. Акты вандализма в отношении памятников культуры квалифицируются по § 304 StGB, при этом суды ФРГ сталкиваются с трудностями при квалификации действий так называемых климатических активистов, использующих приклеивание к музейным экспонатам или обливание их субстанциями, не наносящими неустранимого вреда. В ряде случаев такие действия не признаются уголовно наказуемым повреждением имущества (так как отсутствует нарушение субстанции – *Sachsubstanzverletzung*), что вызывает острые дискуссии в немецком юридическом сообществе о необходимости ужесточения ответственности [1].

Кроме того, детальный анализ составов хищений культурных ценностей позволяет обнаружить существенные расхождения в законодательной технике, влияющие на эффективность правоприменения. Статья 164 УК РФ устанавливает специальную уголовно-правовую охрану для предметов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность. Ключевым признаком является «особая ценность» предмета, подтверждаемая, как правило, экспертизой; при этом оценка общественной опасности в значительной мере зависит от характера предмета и обстоятельств деяния. Конструкция ст. 164 позволяет дифференцировать ответственность в случаях посягательства на уникальные объекты, независимо от того, находятся ли они в государственной или частной собственности. Вместе с тем вопросы конкуренции норм и соотношения со смежными составами (в зависимости от способа хищения и сопутствующих обстоятельств) требуют аккуратной квалификационной оценки в каждом конкретном случае.

В правовом поле Германии хищение произведения искусства не выделено в самостоятельный состав преступления (*Tatbestand*). Действия злоумышленника квалифицируются по общей норме о краже (§ 242 StGB), а особый статус предмета учитывается через механизм «правил назначения наказания» (*Regelbeispiele*), закрепленный в § 243 StGB. Пункт 2 ч. 1 данного параграфа

гласит, что особо тяжким случаем кражи является похищение вещи, имеющей значение для науки, искусства, истории или технического развития, которая находится в общедоступной коллекции или экспонируемой публично [15]. Юридическая тонкость заключается в том, что немецкий судья обладает широкой дискрецией: он может не применить этот квалифицирующий признак, если сочтет, что в конкретном деле присутствуют исключительные смягчающие обстоятельства. Более того, немецкая норма защищает преимущественно те предметы, которые доступны публике, оставляя частные закрытые коллекции в зоне действия обычной нормы о краже. Это свидетельствует о том, что для немецкого законодателя публичная доступность культурного блага является более важным охраняемым интересом, чем сама его культурная сущность.

Сфера незаконных археологических работ в РФ охватывается ст. 243.2 УК РФ, устанавливающей ответственность за поиск и изъятие археологических предметов без разрешения при повреждении культурного слоя. Важная особенность конструкции состоит в том, что охраняется не только найденный предмет, но и археологический контекст (культурный слой, стратиграфия), утрата которого необратима для науки. Тем самым уголовно-правовая охрана ориентирована на сохранение научной информации, связанной с местом и условиями обнаружения. Это позволяет пресекать незаконные изыскания на ранней стадии, не сводя реагирование исключительно к моменту сбыта находок.

Охрана археологического наследия в Германии осложнена федеративным устройством государства. Вопросы Denkmalschutz отнесены к компетенции федеральных земель, что обуславливает неоднородность правового регулирования. В большинстве земель действует режим Schatzregal, в силу которого археологические находки, имеющие научную ценность, переходят в собственность государства, а незаконные раскопки квалифицируются как кража или присвоение государственного имущества. Вместе с тем отсутствие единой федеральной уголовно-правовой нормы, сопоставимой по конструкции с российской ст. 243.2 УК РФ, приводит к фрагментарности охраны и различиям в интенсивности уголовного преследования. Это снижает превентивный эффект и создает условия для концентрации незаконной деятельности в юрисдикциях с более мягким регулированием, при том что возможности унификации ограничены конституционным разграничением полномочий между Федерацией и землями [4].

Значимым этапом развития немецкого законодательства стало принятие Закона о защите культурных ценностей (Kulturgutschutzgesetz, KGSG) в 2016 г. и его изменения 2024–2025 гг [17]. KGSG закрепил подход, при котором уголовно-правовая оценка оборота культурных ценностей зависит от соблюдения законодательства государства их происхождения (принцип *lex originis*): ввоз в Германию ценностей, незаконно вывезенных из

страны происхождения, признается уголовно наказуемым [3]. Тем самым была усилена защита культурного наследия вне зависимости от национальной принадлежности объекта. Поправки 2025 г. скорректировали баланс публичных и частных интересов, повысив стоимостной порог для обязанностей по проверке провенанса до 5 000 евро при сохранении строгого режима для археологических ценностей, а также увеличив срок разрешений на временный вывоз музейных предметов до 10 лет, что упростило международный культурный обмен [18].

Российская модель контроля оборота опирается преимущественно на уголовно-правовые механизмы пресечения незаконного перемещения через границу и невозвращения культурных ценностей (в частности, ст. 226.1 и ст. 190 УК РФ). Вектор охраны в РФ преимущественно направлен на предотвращение утраты национального достояния вследствие незаконного вывоза и иных форм трансграничного оборота [19]. Немецкая модель, напротив, акцентирует внимание на предотвращении легализации нелегально вывезенных артефактов на внутреннем рынке, возлагая значительную часть обязанностей на профессиональных участников арт-рынка. Различие подходов отражается и в правоприменении: в РФ центральным является таможенно-правовой и уголовно-правовой контроль перемещения, в ФРГ – рыночный комплаенс и проверка происхождения.

Существенный контраст выявляется при анализе субъективной стороны. В УК РФ предусмотрена ответственность за нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия, повлекшее их уничтожение или повреждение по неосторожности (ст. 243.1 УК РФ), что позволяет реагировать на недобросовестное обращение собственников и пользователей. В немецком уголовном праве неосторожное повреждение имущества по общему правилу не образует состава преступления; ответственность наступает преимущественно при умышленной форме вины. В результате случаи халатного разрушения памятников чаще получают административно-правовую оценку, что снижает потенциал уголовно-правовой превенции в данной сфере [12].

Сравнивая санкционную политику, можно констатировать, что российский уголовный закон является более репрессивным в части сроков лишения свободы. Максимальные санкции по ст. 164 и 243.4 УК РФ существенно превышают немецкие аналоги. В Германии система наказаний ориентирована на экономическое подавление преступности. Реформа института конфискации (*Einziehung*) позволяет изымать у преступников все доходы, полученные от незаконных операций (*bruttoprinzip*), что делает преступный бизнес экономически бессмысленным. Российская практика конфискации (ст. 104.1 УК РФ) также развивается, но пока уступает немецкой в эффективности изъятия активов, полученных в результате цепочки перепродаж [2].

Проведенный сравнительно-правовой анализ позволяет сформулировать следующие авторские выводы. Россия и Германия, сталкиваясь со схожими вызовами в сфере охраны культурного наследия, избрали различные стратегии ответа. Российская модель, особенно с учетом изменений 2025 г., эволюционирует в сторону «сакрализации» охраны, усиливая уголовную ответственность за идеологические посягательства (осквернение) и укрепляя государственную монополию на контроль за памятниками и археологией. Это делает российскую систему жесткой, централизованной и идеологически обоснованной.

Немецкая модель, напротив, развивается в русле «рыночного регулирования» и интернационализации. Через механизмы KGSG и поправок 2025 г. Германия стремится создать прозрачный рынок, свободный от нелегальных артефактов, используя уголовное право как инструмент принуждения профессиональных участников к добросовестности [11]. Преимуществом немецкой системы является гибкость и экономическая эффективность санкций, недостатком – фрагментарность охраны памятников из-за федерализма и меньшая защищенность символических аспектов наследия.

Для совершенствования российского законодательства представляется целесообразным изучение немецкого опыта в части внедрения стандартов «должной осмотрительности» для участников антикварного рынка с установлением жесткой ответственности за их нарушение, что позволило бы нанести удар по экономической основе «черной археологии» и контрабанды. В свою очередь, немецкому законодателю мог бы быть полезен российский опыт криминализации неосторожного уничтожения памятников и создания унифицированной федеральной нормы против незаконных раскопок, что устранило бы существующие правовые пробелы на уровне земель. Гармонизация подходов двух великих культур в этой сфере, несмотря на политические разногласия, остается безальтернативным путем для сохранения общего достояния человечества.

Список источников

1. «Letzte Generation». Lagebild – Fortschreibung Nr. 2. Stand: 24.05.2024 // Bundesministerium des Innern und für Heimat (BMI). – URL: https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/downloads/DE/veroeffentlichungen/themen/sicherheit/bka-lagebild-letzte-generation-fortschreibung2.pdf?__blob=publicationFile&v=3/
2. Das neue Kulturgutschutzgesetz: Handreichung (разъяснения по применению KGSG) // URL: https://www.kulturgutschutz-deutschland.de/SharedDocs/Downloads/DE/HandreichungKGSG.pdf?__blob=publicationFile&v=3/
3. Erstes Gesetz zur Änderung des Kulturgutschutzgesetzes (1. KGSGÄndG) // Bundesgesetzblatt. 2025. Teil I. Nr. 167.
4. Hüneke A. Das illegale Ausgraben von archäologischen Kulturgütern – ein Fall für den deutschen Strafgesetzbuch // Archäologie und Recht II.: Wohin mit dem Bodendenkmal? / Hrsg. U. Recker, D. Davydov. Heidelberg : Propylaeum, 2023. S. 77–86.
5. Бородин А. В., Осокин Р. Б. Понятие и признаки культурных ценностей // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 4. С. 101–107.
6. Клебанов Л. Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей : монография. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. 352 с.
7. Осокин Р. Б. Объективные признаки состава уничтожения или повреждения культурных ценностей // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 9 (43). С. 196–202.
8. Осокин Р. Б. Отграничение уничтожения или повреждения культурных ценностей от преступлений, смежных с ним по составу // Дифференциация ответственности за должностные преступления : сборник научных статей / Ответственный редактор д.ю.н., профессор Н. Г. Кадников, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Союз криминалистов и криминологов. М. : ООО «Издательский дом «Юриспруденция», 2019. С. 118–122.
9. Осокин Р. Б. Уголовно-правовая охрана общественной нравственности по уголовному законодательству Исламской республики Иран // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 144–147.
10. Осокин Р. Б., Курсаев А. В. Уголовно-правовая оценка похищения, уничтожения или повреждения имущества с тел умерших или мест их захоронения // Государство и право. 2012. № 7. С. 49–58.
11. Редчиц М. А. Уголовно-правовая охрана объектов культурного наследия // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 3. С. 50–60.
12. Халиков И. А. Уголовная ответственность за нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 28 с.
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
14. Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/
15. Уголовный кодекс Германии (Strafgesetzbuch, StGB): официальный текст (PDF) // URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/StGB.pdf/>
16. Федеральный закон от 23 июля 2025 г. № 247-ФЗ «О внесении изменений в статью 243.4 Уголовного кодекса Российской Федерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1905/
17. Закон Германии о защите культурных ценностей (Kulturgutschutzgesetz, KGSG): официальный текст (PDF) // URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/kgsg/KGSG.pdf/>

18. Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (Париж, 14.11.1970) // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/details/386/>

19. Закон Российской Федерации от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1905/

References

1. «Letzte Generation». Lagebild – Fortschreibung Nr. 2. Stand: 24.05.2024 // Bundesministerium des Innern und für Heimat (BMI). – URL: https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/downloads/DE/veroeffentlichungen/themen/sicherheit/bka-lagebild-letzte-generation-fortschreibung2.pdf?__blob=publicationFile&v=3/

2. Das neue Kulturgutschutzgesetz: Handreichung (explanations of the application KGSG) // URL: https://www.kulturgutschutz-deutschland.de/SharedDocs/Downloads/DE/HandreichungKGSG.pdf?__blob=publicationFile&v=3/

3. Erstes Gesetz zur Änderung des Kulturgutschutzgesetzes (1. KGSGÄndG) // Bundesgesetzblatt. 2025. Teil I. Nr. 167.

4. Hüneke A. Das illegale Ausgraben von archäologischen Kulturgütern – ein Fall für den deutschen Strafgesetzbuch // Archäologie und Recht II.: Wohin mit dem Bodendenkmal? / Hrsg. U. Recker, D. Davydov. Heidelberg : Propylaeum, 2023. S. 77–86.

5. Borodin A. V., Osokin R. B. Concept and signs of cultural values // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 4. P. 101–107.

6. Klebanov L. R. Criminal law protection of cultural property : monograph. M. : Norm : INFRA-M, 2011. 352 p.

7. Osokin R. B. Objective signs of the composition of destruction or damage to cultural property // Socio-economic phenomena and processes. 2012. № 9 (43). P. 196–202.

8. Osokin R. B. Delimitation of destruction or damage to cultural property from crimes adjacent to it in composition // Differentiation of responsibility for official crimes : collection of scientific articles / executive editor, Doctor of Law, Professor N. G. Kadnikov, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Union of Criminologists and Criminologists.

M. : LLC «Publishing House «Jurisprudence», 2019. P. 118–122.

9. Osokin R. B. Criminal law protection of public morality under the criminal legislation of the Islamic Republic of Iran // Bulletin of Economic Security. 2019. № 4. P. 144–147.

10. Osokin R. B., Kursaeve A. V. Criminal law assessment of the abduction, destruction or damage to property from the bodies of the deceased or their burial places // State and law. 2012. № 7. P. 49–58.

11. Redchits M. A. Criminal law protection of cultural heritage sites // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2016. № 3. P. 50–60.

12. Khalikov I. A. Criminal liability for violation of the requirements for the preservation or use of cultural heritage sites (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation : author. dis. ... cand. legal sciences. M., 2018. 28 p.

13. Criminal Code of the Russian Federation № 63-FZ of June 13, 1996 (with amendments and additions, intr. effective from 20.01.2026) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

14. Federal Law № 73-FZ of June 25, 2002 «On cultural heritage sites (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/

15. German Criminal Code (Strafgesetzbuch, StGB): official text (PDF) // URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/StGB.pdf/>

16. Federal Law № 247-FZ of July 23, 2025 «On amendments to Article 243.4 of the Criminal Code of the Russian Federation» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1905/

17. German Law on the Protection of Cultural Property (Kulturgutschutzgesetz, KGSG): official text (PDF) // URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/kgsg/KGSG.pdf/>

18. Convention on Measures aimed at prohibiting and preventing the illicit import, export and transfer of ownership of cultural property (Paris, 14.11.1970) // URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/details/386/>

19. Law of the Russian Federation of April 15, 1993 № 4804-1 «On the export and import of cultural property» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1905/

Информация об авторе

А. В. Бородин – старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.

Information about the author

A. V. Borodin – Senior Teacher of the Department of Criminal Law Disciplines of the Tambov State University named after G.R. Derzhavin.

Статья поступила в редакцию 19.02.2026; одобрена после рецензирования 12.03.2026; принята к публикации 10.04.2026.

The article was submitted 19.02.2026; approved after reviewing 12.03.2026; accepted for publication 10.04.2026.

Научная статья

УДК 342.951

EDN: <https://elibrary.ru/bmcqiz>

НИОН: 2015-0066-2/26-419

MOSURED: 77/27-011-2026-02-618

Методология исследования административно-правового декларирования

Глеб Николаевич Василенко^{1,2}

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
svara@list.ru

² Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

Рецензент: профессор кафедры административного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент **Д. Н. Шурухнова**

Аннотация. Раскрывается авторская методология комплексного исследования административно-правового декларирования, позволившая обосновать его выделение в качестве самостоятельного института отрасли административного права. Представлен развернутый алгоритм применения системы общенаучных и специальных юридических методов, детализирована их взаимосвязь с конкретными задачами исследования от анализа нормативного материала до формулирования научной новизны. На основе ретроспективного анализа демонстрируется, как последовательное применение данной методологии привело к выявлению и системной характеристике нового динамично развивающегося административно-правового образования. Делается вывод об эффективности использованного методологического подхода для решения задач теоретического осмысления и совершенствования регулятивных и охранительных механизмов в сфере декларирования.

Ключевые слова: административное право, методология, правовое исследование, институт декларирования, метод правового регулирования, системный анализ

Для цитирования: Василенко Г. Н. Методология исследования административно-правового декларирования // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 27–31. EDN: BMCQIZ.

Original article

Methodology for researching administrative legal declarations

Gleb N. Vasilenko^{1,2}

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
svara@list.ru

² Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Reviewer: Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot',
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor **D. N. Shurukhnova**

Abstract. Presented the author's methodology for a comprehensive study of administrative-legal declarations, which allowed us to justify their identification as an independent institution within the branch of administrative law. A comprehensive algorithm for applying a system of general scientific and specialized legal methods is presented, detailing their relationship with specific research objectives, from the analysis of regulatory material to the formulation of scientific novelty. A retrospective analysis demonstrates how the consistent application of this methodology led to the identification and systematic characterization of a new, dynamically developing administrative-legal entity. A conclusion is drawn regarding the effectiveness of the methodological approach used for solving the problems of theoretical understanding and improving regulatory and protective mechanisms in the field of declaration.

Keywords: administrative law, methodology, legal research, declaration institution, legal regulation method, systems analysis

For citation: Vasilenko G. N. Methodology for researching administrative legal declarations. Bulletin of economic security. 2026;(2):27–31. (In Russ.). EDN: BMCQIZ.

© Василенко Г. Н., 2026

Актуальность исследования института административно-правового декларирования была обусловлена его интенсивным развитием и фрагментарностью научного осмысления. Несмотря на распространенность декларирования (налогового, таможенного, антикоррупционного, пожарной безопасности, инвестиционного и многих других), в науке административного права отсутствовало целостное восприятие декларирования как единого административно-правового института, обладающего собственной методологической и институциональной спецификой [1]. Также отсутствовали комплексные исследования видового многообразия декларационных правоотношений.

В отраслях различных наук определенное внимание уделено отдельным вопросам декларирования, в первую очередь, таможенного, налогового декларирования, а также декларирования соответствия качества продукции.

Различные аспекты декларирования нашли свое отражение в работах Е. Е. Ледовского [2], Ю. В. Малышенко [3], И. А. Орлова [4], Н. М. Кожуханова [5], В. П. Бугорского [6], А. С. Концевенко [7] и ряда других ученых и специалистов-практиков. Однако работы указанных авторов не имеют прямого отношения к административно-правовой науке, и не рассматривают институт декларирования в целом с позиций административно-правового регулирования.

С другой стороны, предпосылки для предпринимаемого нами исследования были заложены теоретиками административного права в ставших классическими научных трудах, среди которых, «Механизм правового регулирования в социалистическом государстве» (С. С. Алексеев), «Механизм административно-правового регулирования в сфере охраны общественного порядка. Ч. 1: Предмет и понятие» (И. И. Веремеенко), «Государственный контроль в сфере управления» (М. С. Студеникина), «Понятие и содержание механизма административно-правового регулирования» (А. П. Шергин).

Теоретическую основу исследования составляют фундаментальные достижения общей теории права и теории административного права, сформулированные в работах таких известных деятелей науки, как Д. Н. Бахрах, Ю. К. Валяев, Е. Ю. Грачева, С. М. Зырянов, И. Ш. Килясханов, А. П. Корнев, Б. В. Россинский, А. А. Савостин, В. Д. Сорокин, Ю. Н. Стариков и др.

При этом следует констатировать, что указанные выше исследования затрагивают вопросы административно-правового декларирования лишь отчасти. Административно-правовой метод декларирования, а также одноименный правовой институт никогда не являлись предметом отдельного научного исследования. Фактически в науке административного права сложилась ситуация, при которой осталось не замеченным и обделенным вниманием научного сообщества формирование и динамичное развитие значительного правового образования, оказывающего существенное влияние на

широкий круг общественных отношений, подлежащих административно-правовому регулированию.

Несмотря на значительное число работ, авторы которых исследуют вопросы, связанные с декларированием, в том числе, в сфере государственного управления, проблематика административно-правового декларирования представлена в юридической науке слабо. Основное число научных изысканий, в том числе, упомянутых выше авторов, посвящено проблемам только налогового или таможенного декларирования, которые сформировались раньше остальных субинститутов декларирования и обеспечивают сегодня широкую правоприменительную практику.

Между тем, реалии современного законодательства свидетельствуют о множественности объектов декларирования и о едином уникальном административно-правовом методе регулирования декларационных отношений. Методологические и концептуальные основы административно-правового декларирования, система административно-правового института декларирования, административно-правовые декларационные отношения и соответствующие процедуры, с предлагаемых автором позиций, до сих пор не являлись предметом самостоятельного научного исследования.

Указанные доводы предопределили стратегию исследования, его объект, предмет, цель и задачи, а также логику осмысления теоретического и эмпирического материала.

Преодоление фрагментарности, выявление и обоснование нового правового института в системе позитивного административного права представляет собой сложную научную задачу, требующую строгой и последовательной методологии. Сложившаяся ситуация потребовала разработки и применения такой методологии, которая позволила бы с одной стороны преодолеть отраслевую разобщенность исследования декларационных отношений, а с другой – доказать их однородность в рамках административного права.

Целью исследования стало научное обоснование феномена административно-правового декларирования как самостоятельного правового института. Для ее достижения был реализован комплекс взаимосвязанных задач, потребовавший применения многоуровневой системы методов. Центральной гипотезой выступило предположение о наличии у разнородных декларационных отношений единого уникального административно-правового метода регулирования и, как следствие, о существовании особого механизма административно-правового регулирования таких отношений в рамках целостного отраслевого института.

Методология исследования строилась на принципе комплексности и включала последовательное применение взаимодополняющих методов, каждый из которых вносил вклад в достижение общей цели.

Общая логика исследования может быть представлена следующим алгоритмом: 1) сбор и первичный анализ нормативного материала; 2) выявление и система-

тизация структурных элементов исследуемого явления; 3) сравнение и дифференциация от смежных явлений; 4) интеграция данных в целостную системную модель; 5) формулирование обобщающих выводов и положений, обладающих научной новизной.

Исторический метод выступил отправной точкой. Его применение позволило проследить генезис декларирования от признаков отдельных административных процедур к комплексному межотраслевому административно-правовому институту. Анализ нормативного материала в исторической ретроспективе показал не случайный, а закономерный и стремительный на дистанции последних 15 лет рост количества субинститутов декларирования (с первоначальных двух до последующих двадцати), что свидетельствовало о качественной трансформации явления. В целом исследование эволюции декларирования выявило тенденцию замены разрешительных механизмов на декларационные, что подтвердило авторскую гипотезу о декларировании как о новой магистральной форме государственного регулирования широкого круга отношений в самых различных сферах общественной жизни.

Системный анализ стал ключевым инструментом структурирования объекта исследования, позволил интегрировать полученные данные в более широкий контекст. Институт декларирования рассматривался не как изолированный феномен, а как сложная система особенной части административного права, состоящая из взаимосвязанных элементов: особого метода регулирования, специфического субъектного состава (декларант, декларационный агент и декларационный орган), многообразных объектов, особых правоотношений и процедур. Сопоставление целей и функций первоначальных и последующих субинститутов декларирования позволило выявить их общую системообразующую черту – реализацию «уведомительной» модели взаимодействия государства и управляемого субъекта, что стало основой для построения целостной системной модели административно-правового института.

Институт декларирования был проанализирован во взаимодействии с институтами лицензирования, регистрации, контроля и надзора. Исследование показало, что декларирование, оставаясь связанным с контролем (как средство его обеспечения), обладает собственной, отличной от контроля, целевой установкой – минимизацией барьеров для деятельности при смещении акцента на последующую проверку достоверности декларационных сведений. Это позволило точно определить его статус в системе государственного управления.

Формально-юридический метод использовался для догматического анализа профильного нормативного правового массива. Детальному исследованию подверглись десятки федеральных законов и подзаконных актов, регулирующих различные виды декларирования. Задачей было выявление общих юридических конструкций, принципов, понятийного аппарата. Выявление и анализ профильного нормативного правового массива,

установление лексического значения и системных связей правовых дефиниций позволило выделить универсальные правовые конструкции: «декларация», «декларант», «декларационный орган», «декларационный агент» и другие. Метод позволил не ограничиться констатацией наличия этих терминов, а выявить их общее юридическое содержание, не зависящее от отраслевой специфики (налоговой, таможенной, антикоррупционной и т. д.), что стало шагом к доказательству единства подходов к регламентации в сфере декларирования.

Анализ показал, что, несмотря на разную отраслевую принадлежность, в основе нормативных правовых актов в сфере декларирования лежит единая юридическая конструкция: активная обязанность субъекта декларировать определенную информацию, за достоверность которой он несет ответственность, и пассивная обязанность государства в установленном порядке проверить соответствие декларационных сведений нормативно допустимым качественным или количественным показателям.

Структурно-функциональный метод стал логическим продолжением использования догматического анализа в целях определения внутренней архитектуры института административно-правового декларирования через выявление его обязательных элементов и закрепленных за ними функций.

На основе анализа нормативных правовых актов были выделены три типологических группы субъектов, постоянно воспроизводимые в различных сферах декларирования: декларант (функция инициативного представления сведений), декларационный агент (функция технико-процедурного обеспечения) и декларационный орган (функция приема, фиксации и последующей проверки). Установление данной триады и разграничение функций каждого субъекта декларационных правоотношений доказало процессуальную ориентированность и внутреннюю системность исследуемых отношений, что характерно для самостоятельного правового института.

Сравнительно-правовой анализ применялся в двух плоскостях: а) внутрисистемное сравнение субинститутов административно-правового декларирования; б) сравнение метода декларирования с иными методами административно-правового регулирования (императивным, диспозитивным, запретительным). Иными словами, метод был применен для верификации выводов, полученных структурно-функциональным анализом, и для определения места нового института в существующей системе административно-правового регулирования.

Сопоставление декларирования и иных методов правового воздействия в одних и тех же сферах хозяйственной деятельности выявило их принципиальное различие: декларирование основано на доверии и презумпции добросовестности декларанта, тогда как, например, лицензирование – на предварительном контроле лицензирующего органа. Полученные результаты применения сравнительно-правового анализа подтвердили наличие

у декларирования уникального «уведомительно-императивного» метода, где императивность проявляется не на стадии допуска к деятельности, а на стадии контроля соответствия декларационных сведений допустимым показателям и привлечения к административной ответственности. Кроме того, была подтверждена универсальность выявленной трехзвенной модели субъектного состава декларационных правоотношений и выявлены общие тенденции развития всех субинститутов административно-правового декларирования: профессионализация декларационных агентов, цифровизация декларационных процедур.

Правовой анализ зарубежных профильных нормативов подтвердил общность функциональных ролей в рамках трехзвенной модели субъектного состава декларационных правоотношений в различных зарубежных юрисдикциях, что усилило тезис о концептуальной, а не случайной природе выявленной институциональной системы.

Метод казуального анализа применялся для выявления причинно-следственных связей между либерализацией государственного управления и ростом влияния административно-правовых декларационных норм. Исследование показало, что декларирование является не просто технической надстройкой в системе государственного контроля, а реакцией государства на вызовы времени, инструментом перераспределения ответственности в публично-правовых отношениях.

Метод синтеза выступил завершающим, обобщающим этапом исследования. С его помощью была обеспечена интеграция разрозненных данных, полученных с помощью предыдущих методов, в целостную теоретическую конструкцию, наполненную дефинициями и выводами, обладающими признаками научной новизны.

Синтез позволил перейти от констатации отдельных признаков к утверждению о существовании нового административно-правового института, характеризующего трехзвенной субъектной системой в правоотношениях, презумпцией добросовестности, уведомительно-императивным методом правового воздействия.

Примененная методология доказала свою эффективность для решения задач фундаментального правового исследования феномена административно-правового декларирования.

Во-первых, последовательность методов (от исторического и системного к формально-юридическому и сравнительному) позволила двигаться от констатации эмпирического факта роста декларационных норм к выявлению их глубинной юридической сущности. Системный анализ интегрировал данные, полученные с помощью других методов, в целостную теоретическую конструкцию.

Во-вторых, именно комплексное применение методов позволило выявить и обосновать новый административно-правовой институт. Исторический метод показал его становление, системный – внутреннюю организацию, сравнительный – уникальность метода («уведо-

мительная окраска» императивного регулирования), формально-юридический – нормативное наполнение. Это открытие заключалось не в простой констатации существования множества деклараций, а в доказательстве того, что все они являются модификациями единого административно-правового способа взаимодействия, основанного на презумпции добросовестности декларанта и последующем выборочном контроле.

В-третьих, взаимосвязь методов с задачами была прямой и очевидной. Задачи по уточнению понятийного аппарата решались формально-юридическим методом; задачи по анализу сущности метода – сравнительно-правовым; задачи по определению системы административно-правового института – системным и т. д. Таким образом, методология не была абстрактным набором приемов, а представляла собой алгоритм достижения каждой из поставленных исследовательских задач.

Представленная методология комплексного исследования административно-правового декларирования, сочетающая философско-мировоззренческие основания, общенаучные и специальные юридические методы, продемонстрировала свою продуктивность как инструмент научного познания сложного, динамично развивающегося правового явления. Ее последовательное применение не только позволило дать развернутую характеристику феномена декларирования, но и привело к обоснованию формирования нового, самостоятельного и перспективного института административно-правового декларирования. Данный институт, обладая всеми необходимыми родовыми признаками (собственным методом, принципами, субъектным составом, объектом регулирования), отражает современную тенденцию к оптимизации государственного управления через диалоговые, доверительные, но при этом остающиеся в поле публичного права, формы регулирования.

Список источников

1. Василенко Г. Н. Административно-правовой институт декларирования : монография. М. : ООО «Научно-издательский центр Инфра-М», 2025. 289 с.
2. Ледовский Е. Е. Декларирование товаров : теория и практика применения. Белгород : Белгородский университет кооперации, экономики и права, 2013. 99 с.
3. Малышенко Ю. В. Правовые основы, принципы и схемы электронного декларирования : монография. Российская таможенная академия, Владивостокский филиал. Владивосток : РИО Владивостокского филиала Российской таможенной академии, 2012. 234 с.
4. Орлов И. А. Развитие механизма административно-правового регулирования электронного декларирования в таможенных органах : дис. ... канд. юрид. наук. Люберцы, 2013. 186 с.
5. Правовое регулирование таможенного декларирования в электронной форме в Российской Федерации : Н. М. Кожуханов [и др.]. М. : Изд-во Российской таможенной академии, 2015. 133 с.

6. Бугорский В. Л. Правовая работа в области декларирования соответствия качества товаров и услуг // Вестник РГГУ. 2010. № 14 (57). С. 132–137.

7. Концевенко А. С. Декларирование соответствия как форма подтверждения качества лекарственных средств // Современное право. 2011. № 12. С. 119–122.

References

1. Vasilenko G. N. Administrative and legal institute of declaration : monograph. M. : Scientific Publishing Center Infra-M, LLC, 2025. 289 p.

2. Ledovsky E. E. Declaration of goods : theory and practice of application. Belgorod : Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, 2013. 99 p.

3. Malysenko Yu. V. Legal bases, principles and schemes of electronic declaration : monograph. Russian Customs Academy, Vladivostok branch. Vladivostok :

Institute of the Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy, 2012. 234 p.

4. Orlov I. A. Development of the mechanism of administrative and legal regulation of electronic declaration in customs authorities : dis. ... cand. legal sciences. Lyubertsy, 2013. 186 p.

5. Legal regulation of customs declaration in electronic form in the Russian Federation : N. M. Kozhukhanov [et al.]. M. : Publishing House of the Russian Customs Academy, 2015. 133 p.

6. Bugorskiy V. L. Legal work in the field of declaration of conformity of quality of goods and services // Bulletin of the Russian State University of Economics. 2010. № 14 (57). P. 132–137.

7. Kontsevenko A. S. Declaration of conformity as a form of confirmation of the quality of medicines // Modern law. 2011. № 12. P. 119–122.

Информация об авторе

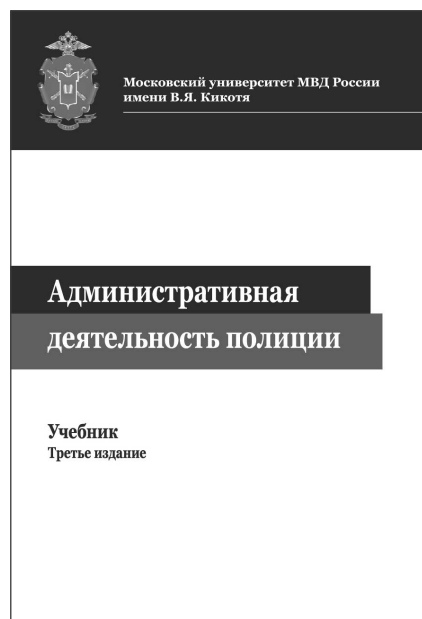
Г. Н. Василенко – заместитель начальника кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

G. N. Vasilenko – Deputy Head of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Associate Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.01.2026; одобрена после рецензирования 19.02.2026; принята к публикации 18.03.2026.

The article was submitted 20.01.2026; approved after reviewing 19.02.2026; accepted for publication 18.03.2026.

Административная деятельность полиции. 3-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. О. В. Зиборова, В. В. Кардашевского. 703 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Учебник подготовлен с учетом фундаментальных положений теории административного права на основе действующего законодательства.

Раскрываются понятие, содержание, принципы, формы и методы административной деятельности полиции по реализации целей и задач, возлагаемых на нее Федеральным законом «О полиции».

Особое внимание уделяется вопросам контрольно-надзорной и административно-юрисдикционной деятельности полиции. Рассматриваются основные аспекты деятельности служб и подразделений полиции по защите жизни, здоровья, прав и свобод человека, охране общественного порядка и общественной безопасности.

Для студентов, аспирантов (адъюнктов), курсантов и слушателей образовательных учреждений системы МВД России юридического профиля, преподавателей юридических вузов и факультетов, юристов-практиков.

Научная статья

УДК 349.2

EDN: <https://elibrary.ru/rphkhn>

ИПОН: 2015-0066-2/26-420

MOSURED: 77/27-011-2026-02-619

Сравнительно-правовой анализ систем профессиональных квалификаций в России и за рубежом (на примере Королевства Швеция)

Михаил Александрович Горбунов

Государственный университет управления, Москва, Россия,
mig75@list.ru

Аннотация. В настоящем исследовании продолжен сравнительно-правовой анализ систем профессиональных квалификаций зарубежных стран и России. В данной части исследования проанализирован опыт Королевства Швеции в достижении баланса уровней квалификации, получаемой в образовании и требуемой на рынке труда. Исследование проведено коллективом авторов, данная часть представлена Горбуновым М. А.

Ключевые слова: профессиональные стандарты, система квалификаций, рамки квалификаций, Королевство Швеция, уровни квалификаций, образование

Для цитирования: Горбунов М. А. Сравнительно-правовой анализ систем профессиональных квалификаций в России и за рубежом (на примере Королевства Швеция) // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 32–37. EDN: RPHKHN.

Original article

Comparative legal analysis of professional qualification systems in Russia and abroad (using the Kingdom of Sweden as an example)

Mikhail A. Gorbunov

State University of Management, Moscow, Russia,
mig75@list.ru

Abstract. This study continues the comparative legal analysis of the professional qualification systems of foreign countries and Russia. This part of the study analyzes the experience of the Kingdom of Sweden in achieving a balance between the levels of qualifications acquired in education and those required in the labor market. The study was conducted by a team of authors, this article is presented by Gorbunov M. A.

Keywords: professional standards, qualification system, qualification framework, Kingdom of Sweden, qualification levels, education

For citation: Gorbunov M. A. Comparative legal analysis of professional qualification systems in Russia and abroad (using the Kingdom of Sweden as an example). Bulletin of economic security. 2026;(2):32–37. (In Russ.). EDN: RPHKHN.

Особенности системы профессиональных квалификаций Королевства Швеции (далее – Швеция) обуславливаются особенностями шведской системы образования. Главная из них заключается в том, что почти половина населения Королевства одновременно вовлечена в те или иные формы организованного образования. При этом, что особо важно отметить, все образование, от дошкольного до высшего, является бесплатным. Согласно статистическим данным, в Швеции одни из самых высоких государственных расходов на образование относительно ВВП в ЕС.

При этом шведская система образования обладает высокой степенью децентрализации. За разные уровни образования ответственны как муниципалитеты, так и государственные университеты.

Муниципалитеты (kommuner) в Швеции несут ответственность за организацию образования в дошкольных учреждениях (förskola); дошкольных классах (förskoleklass); обязательной школе (grundskola); гимназиях (gimnasier); в учреждениях муниципального образования для взрослых (kommunal vuxenutbildning, Komvux); учреждениях, создаваемых для обучения шведскому языку для имми-

грантов (svenskaundervisning for invandrare, Sfi); а также так называемых центрах досуга (fritidshem).

Все вышеуказанные учреждения могут иметь как муниципальную, так и частную форму собственности. Они получают либо прямое муниципальное, либо грантовое финансирование (fristående skolor). Грантовое финансирование также оплачивается из бюджетов муниципалитетов и поступает из муниципальных налоговых поступлений. При этом получающие такие гранты частные школы и учреждения следуют тем же учебным программам, что и муниципальные школы.

Высшее образование предоставляют государственные университеты (Universitet) и государственные университетские колледжи (Högskolor), а также частные учреждения. Некоторые частные высшие учебные заведения получают субсидии из государственного бюджета.

Высшее профессиональное образование (yrkeshögskolan) предоставляется государственными университетами, государственными университетскими колледжами, муниципалитетами, окружными советами, а также некоторыми частными образовательными учреждениями.

Каждый год Шведское национальное агентство высшего профессионального образования (Myndigheten för yrkeshögskolan) призывает те образовательные учреждения, которые хотят, чтобы их образовательные программы стали частью шведского высшего профессионального образования, подавать соответствующие заявки. Одобренные заявки действительны в течение 2–5 раундов обучения (т. е. выпусков студентов), после чего образовательное учреждение должно подать новую заявку.

Третьей фундаментальной особенностью шведской системы образования является реализация государственной политики непрерывного образования и обучения. Цель политики – создать основы для того, чтобы каждый гражданин получал образование в течение всей активной жизни. В рамках указанной политики в Швеции существует комплексная система образования и обучения взрослых, состоящая из муниципального и свободного образования взрослых (folkbildning). Высшее образование и высшее профессиональное образование являются бесплатными, и граждане Швеции имеют право получить государственную субсидию либо на обучение детей, которым меньше 18 лет, либо на собственное обучение до того момента, пока им не исполнится 60 лет. Величина субсидии полностью покрывает стоимость обучения и принципиально предоставляется независимо от финансового положения заявителя.

Существующие в Королевстве Швеция образовательные уровни также преследуют цель реализации политики непрерывного образования и обучения.

В основном в результате Болонского процесса высшее образование в Швеции имеет трехцикловую структуру. Первый и второй циклы образования называются бакалавриатом, а третий цикл – аспирантурой.

Четвертой существенной особенностью шведской системы образования является высокая степень ее де-

централизации именно на муниципальном уровне, с одновременным отсутствием регионального административного образовательного уровня. Муниципалитеты отвечают за организацию практически всего государственного образования ниже университетского уровня. Школы, как уже говорилось выше, на обязательном уровне финансируются муниципальными грантами от муниципалитетов, в которых проживают ученики, и государственными грантами, т. е. субсидируются и являются для обучающихся бесплатными.

В свою очередь, имеются особенности администрирования и управления системой образования на общегосударственном уровне. Министерство образования и исследований (Utbildningsdepartementet) наделено компетенцией в данной сфере. Его главная функция – установление и нормативное регулирование образовательных уровней. Подведомственные указанному министерству агентства имеют задачу по реализации законов и постановлений.

В целом, администрируемое на национальном уровне образование включает в себя так называемые школы саами (sameskolan, школа нацменьшинства); школы для учащихся с нарушениями слуха (specialskolan); все высшие учебные заведения.

Министерству образования и исследований Швеции подведомственно Шведское национальное агентство по образованию (Skolverket). Указанное агентство отвечает за реализацию дошкольных мероприятий (förskoleverksamhet), уход за детьми школьного возраста (skolbarnsomsorg), обязательное школьное образование (grundskola), среднюю школу (gymnasieskola) и муниципальное образование для взрослых (kommunernas vuxenutbildning). Основной функцией агентства является проверка качества и результатов образования в муниципалитетах и независимых школах, получающих гранты, а также надзор за их деятельностью.

Шведское национальное агентство по образованию разрабатывает руководящие документы, например, учебные планы и критерии оценки, и отвечает за вопросы экзаменов, касающиеся независимых школ, получающих гранты. Оно также выделяет средства университетам и университетским колледжам на исследования школьной системы, на программу обучения руководителей школ, на повышение квалификации учителей и персонала в школах по таким темам, как реформы, а также на предоставление преподавательских стипендий для повышения квалификации отдельных учителей.

Также Министерству образования и исследований Швеции подведомственна Школьная инспекция Швеции (Skolinspektionen). Она осуществляет надзор за качеством обучения. Школьная инспекция является центральным органом, отвечающим за дошкольное образование, благополучие школьников, управление школами и образование взрослых (kommunal vuxenutbildning). Основная функция инспекции – обеспечить равное право всех детей на хорошее образование в безопасной

сrede. Школьная инспекция также отвечает за выдачу лицензий новым независимым школам. Кроме того, она принимает решения по заявкам на получение субсидий, а также контролирует национальный надзор за старшими средними школами (gymnasieskolor).

Также Министерству образования и исследований Швеции подведомственно Национальное агентство по образованию и школам для детей с особыми потребностями (Specialpedagogiska skolmyndigheten). Оно отвечает за распределение государственных средств на специальные педагогические вопросы. Его функция – оказание поддержки учредителям школ по специальным педагогическим вопросам, связанным с ограниченными возможностями.

Как уже говорилось выше в части исследования про Федеративную Республику Германии [1], в рамках Болонского процесса европейские министры образования договорились, что каждая страна должна разработать собственную рамку для степеней и квалификаций (рамку квалификаций). При этом Общая европейская рамка квалификаций в области высшего образования (Европейская рамка квалификаций) также была разработана в рамках Болонского процесса и состоит из описания трех циклов образования, с которыми должны быть связаны национальные рамки квалификаций, а также предложений о том, как должны быть разработаны национальные рамки квалификаций и какие характеристики они должны содержать, чтобы их можно было сравнивать с квалификационными системами других европейских стран.

Королевством Швеция, во исполнение принятых на себя обязательств, был принят Указ о квалификациях (Swedish qualifications ordinance). Указанный нормативный акт устанавливает дескрипторы квалификаций. Его можно охарактеризовать как нормативный акт, формирующий основу национальной рамки квалификаций в Швеции.

На основании упомянутого Указа, Швеция ввела национальную рамку квалификаций в соответствии с рекомендацией Европейского парламента о Европейской рамке квалификаций для непрерывного обучения (EQF) [2]. Шведская рамка квалификаций (SeQF) основана на EQF, к которой подключены 38 европейских стран.

Национальная рамка квалификаций была введена в Швеции 1 октября 2015 г. Ожидается, что она повысит трудоустройство и мобильность на рынке труда, поскольку, как и в представлении чиновников ФРГ, она якобы облегчает сравнение квалификаций, присваиваемых в ходе обучения, а также в ходе практической работы.

Национальная рамка квалификаций Швеции определяет пути достижения соответствующего уровня квалификации. Например, для получения степени бакалавра технических наук требуется обучение в течение 3 лет и изучение 180 зачетных единиц¹. Аналогичные требования по обучению предъявляются к:

- степени бакалавра военных наук;
- степени бакалавра в области биомедицинских лабораторных исследований;
- степени бакалавра в диагностической радиологии;
- степени бакалавра физиотерапии;
- степени бакалавра в области судостроения и т. д.

Для получения степени бакалавра в области инженерии противопожарной защиты требуется обучение в течение 3,5 лет и изучение 210 кредитов.

Функции по реализации соответствия между системой образования и системой квалификаций в настоящее время возложены на Шведское национальное агентство высшего профессионального образования (Myndigheten för yrkeshögskolan, Swedish National Agency for Higher Vocational Education). Его основная функция в данной сфере – постоянное взаимодействие с работодателями, поставщиками образовательных услуг, представителями студентов и государственными органами, с тем чтобы гарантировать, что все программы профессионального образования в Швеции (HVE) соответствуют потребностям рынка труда в квалифицированной рабочей силе.

Агентство осуществляет постоянный мониторинг рынка труда с тем, чтобы решить, какие программы профессионального образования могут быть предложены на рынке образовательных услуг. Оно осуществляет надзор за реализацией указанных программ. Также агентство распределяет государственные гранты на эти цели и ведет официальную государственную статистику в данной сфере. В сфере ответственности агентства находятся также два типа послесреднего образования: курсы искусств и культуры (Konstoch kulturutbildningar), курсы и программы устного перевода (Tolkutbildningar).

Также указанное агентство наделено функциями национального координационного пункта для EQF – Европейской структуры квалификаций (European Qualifications Framework).

В свете сказанного, очевидно, что основные усилия агентства направлены на обеспечение сопоставленности между Шведской рамкой квалификаций (SeQF, Swedish Qualifications Framework) и политикой непрерывного обучения. В целях сохранения указанной политики непрерывного обучения, шведская рамка квалификаций должна обеспечить сравнение результатов обучения и квалификаций, полученных как в Швеции (с целью свободного перемещения лиц, получивших образование в Швеции, на рынок труда в других странах ЕС), так и наоборот (получивших образование в других странах ЕС, на шведский рынок труда).

По мнению чиновников, преимущество SeQF заключается в том, что она облегчает понимание и сравнение шведских квалификаций из разных секторов, таких как формальное образование, неформальное образование и обучение, а также квалификации, полученные за рубежом. Якобы, делая квалификации и тре-

¹ Зачетная единица – это единица измерения образовательной дисциплины в академических часах. Во всех странах она различна. Например, в России составляет, в основном – 36 или 30 часов.

бования к компетенциям наглядными, SeQF также способствует более эффективным механизмам проверки, сопоставлению на рынке труда и улучшению услуг по профориентации.

Важный принцип SeQF заключается в том, что все требования к компетенциям для квалификации описываются как результаты обучения, т. е. то, что человек должен знать, понимать и уметь делать, чтобы получить квалификацию.

SeQF основана на Европейской рамке квалификаций для непрерывного обучения (EQF) и ссылается на нее.

Как показано ниже (табл. 1), SeQF имеет восемь уровней. Уровень указывает, насколько продвинутым является содержание (результаты обучения) квалификации. Первый уровень является наименее продвинутым, а высший уровень – наиболее продвинутым.

Сам по себе уровень не указывает на область действия квалификаций с точки зрения кредитов или рабочей нагрузки. Квалификации разного объема могут иметь один и тот же уровень SeQF.

Каждый уровень имеет описание. Результаты обучения квалификаций сравниваются с дескрипторами уровня при определении уровня квалификации. Уровни SeQF, как и в случае с европейской рамкой, описываются в соответствии с тремя категориями: знания, навыки, ответственность и автономия.

Соответствие между квалификациями формальной системы образования (дипломы о среднем образовании, дипломы о высшем профессиональном образовании и степени высшего образования) и указанной квалификационной рамкой агентство установило следующим образом (рис. 1)¹.

В отношении неформальных квалификаций (т. е. квалификаций, выходящих за рамки формальной шведской системы образования) следует отметить, что любое учреждение, которое осуществляет обучение и самостоятельно определяет содержание квалификации (т. е. предполагаемые результаты обучения), может обратиться в Шведское национальное агентство высшего профессионального образования (MYN) для получения решения об уровне в соответствии с SeQF. MYN оценивает заявку и принимает решение об уровне SeQF после консультации с Советом по национальной рамке квалификаций (консультативный совет SeQF).

Законодательство Королевства четко определяет предпосылки для получения решения об уровне SeQF: заявитель несет ответственность за определение содержания (т. е. предполагаемых результатов обучения) квалификации; ответственная организация обеспечи-

¹ Здесь и ниже все указанные нормативные акты Королевства Швеция можно прочитать здесь: URL: [https://lagen.nu/1993:100; Förordning \(2015:545\) om referensram för kvalifikationer för livslångt lärande Lagen.nu/](https://lagen.nu/1993:100;Förordning(2015:545)omreferensramförkvalifikationerför livslångt lärande) URL: <https://lagen.nu/1993:221/>

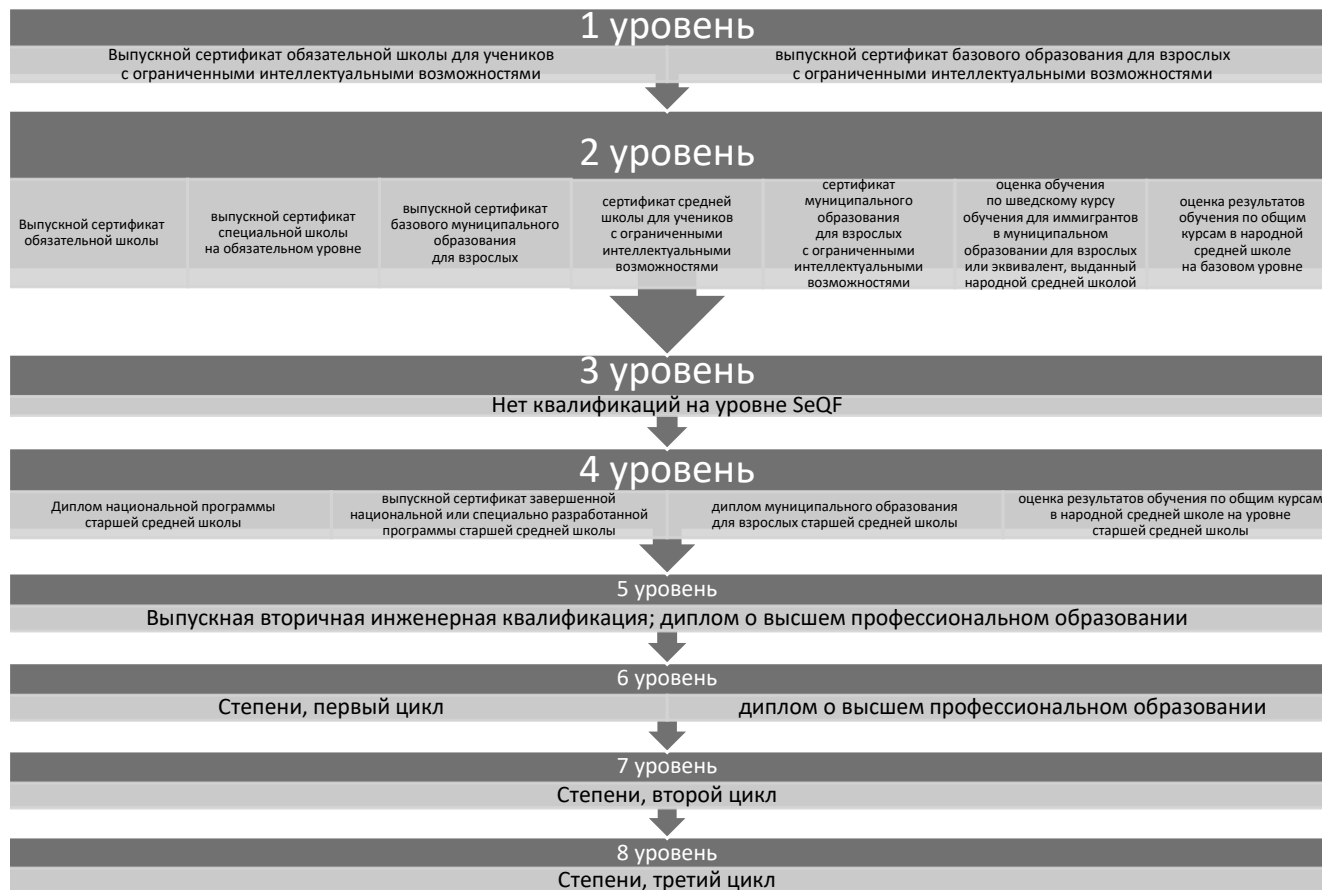

Рис. 1. Соотношение документов об образовании квалификационной рамке в Швеции

Таблица 1

Шведская рамка квалификаций

Знания	Навыки	Ответственность и самостоятельность
1 уровень		
Человек может продемонстрировать: базовые общие знания в области работы или учебы, понимание сути простых инструкций и описаний в области работы или учебы	Может: выполнять рутинные задачи в области работы или учебы, следовать простым инструкциям и описаниям в области работы или учебы	Может: под руководством выполнять простые задачи, сотрудничать с другими под наблюдением
2 уровень		
Может продемонстрировать: расширенные знания в области работы или учебы, знание того, как факты могут быть собраны, скомпилированы и сообщены	Может: применять указанные правила, методы и инструменты для выполнения поставленных задач, следовать инструкциям и описаниям в области работы или учебы, искать и обрабатывать факты в нескольких областях работы или учебы	Может: выполнять работу или учебу с некоторой самостоятельностью и брать на себя ответственность за более простые задачи, сотрудничать под руководством и вносить вклад в общие результаты, оценивать, как были выполнены их собственные задачи
3 уровень		
Может продемонстрировать: знания, необходимые для выполнения задач в области работы или учебы, знание различных методов работы, используемых для сбора, систематизации и учета информации	Может: выбирать и применять информацию с помощью указанных методов, инструментов и материалов, выполнять задачи как самостоятельно, так и в группах в установленные сроки, самостоятельно искать и обрабатывать информацию, передавать опыт и знания на своем родном языке	Может: брать на себя ответственность за свое обучение и выполнение поставленных задач, оценивать свой собственный и общий результат, оценивать информацию из разных источников
4 уровень		
Может продемонстрировать: глубину знаний в области работы или учебы, знание моделей и методов в области работы или учебы	Может: выбирать и применять соответствующие концепции, теории, модели, материалы, инструменты и методы в области работы или учебы, следовать инструкциям и выполнять определенные практические и теоретические задачи в установленные сроки, общаться как минимум на одном иностранном языке в текущей области работы или учебы	Может: проявлять инициативу, размышлять, организовывать и выполнять работу и учебу самостоятельно, самостоятельно относиться к содержанию области работы или учебы, которое может привести к дальнейшему обучению и профессиональному развитию, критически оценивать и сохранять независимый подход к выбору источников, оценивать и делать выводы из собственных и общих результатов, брать на себя ответственность в сотрудничестве с другими и в ограниченной степени руководить и оценивать работу других
5 уровень		
Может продемонстрировать: специальные знания в области работы или учебы, знание и обзор областей, смежных с их собственной областью работы или учебы, знание рабочих процессов и критериев качества в области работы или учебы	Может: планировать, выполнять и определять ресурсы, необходимые для выполнения специализированных задач, решать сложные проблемы в области работы или учебы, сообщать об обязательствах и решениях в области работы или учебы как минимум на одном иностранном языке	Может: самостоятельно рассматривать содержание области работы или учебы, которое ведет к дальнейшему обучению и профессиональному развитию, контролировать работу или учебную деятельность и выполнять предписанные проекты
6 уровень		
Может продемонстрировать: Продвинутое знание в области работы или учебы, понимание устоявшихся методов познания в области, глубокие знания некоторой части области и ориентацию в текущих вопросах исследований и разработок в области	Может: выявлять, формулировать, анализировать и решать проблемы и выполнять сложные задачи, сообщать об обязательствах и решениях в области работы или учебы как в национальном, так и в международном контексте	Может: оценивать информацию и методы в области работы или учебы с учетом соответствующих социальных, этических и научных аспектов, применять специализированные знания для развития в области работы или учебы, брать на себя ответственность за управление профессиональным развитием работы отдельных лиц и групп
7 уровень		
Может продемонстрировать: высокоразвитые знания в области работы или учебы, глубокие знания методов исследований и разработок в области; глубокое понимание текущих исследований и разработок в области	Может: участвовать в исследованиях или разработках, выявлять и формулировать проблемы, анализировать, оценивать и решать сложные и комплексные задачи, сообщать об исследованиях или базе знаний в области и результатах как в национальном, так и в международном контексте	Может: оценивать информацию, факты и методы в области работы или учебы с учетом соответствующих аспектов, выявлять потребности в дополнительных знаниях, оценивать потенциалы и ограничения области, брать на себя ответственность и управлять своей собственной областью работы или учебы, брать на себя ответственность за результаты своей собственной исследовательской или опытно-конструкторской работы
8 уровень		
Может продемонстрировать: самые сложные и систематические знания в области работы, учебы и исследования, текущие специальные знания в четко определенной подобласти и обзор смежных областей, овладение методами развития знаний в целом и в конкретной области работы, учебы или исследования в частности	Может: анализировать, синтезировать и критически рассматривать, и оценивать сложные явления, спорные вопросы и ситуации; планировать и реализовывать опытно-конструкторские работы и другие квалифицированные задачи, сообщать результаты опытно-конструкторских работ в национальном и международном контекстах	Может: оценивать опытно-конструкторские работы в области работы или учебы, создавать и выбирать собственные исследовательские, инновационные или опытно-конструкторские задачи, оценивать опытно-конструкторские работы или научные возможности и ограничения, брать на себя ответственность за то, как используются результаты опытно-конструкторских работ или исследования, брать на себя ответственность за или руководить развитием профессии и области деятельности

вает наличие системы управления качеством, которая включает обеспечение качества квалификации; квалификация еще не выровнена или не регулируется.

Решение действительно в течение десяти лет, и МУН несет ответственность за внешний аудит качества, по крайней мере один раз в течение срока действия решения.

Правительство Швеции определяет, какие квалификации могут быть присвоены шведскими университетами и университетскими колледжами. Все университеты, как правило, уполномочены выдавать дипломы о высшем образовании, степень бакалавра, степень магистра (60 кредитов), степень магистра (120 кредитов), степень лицензиата и степень доктора. Квалификация может быть присвоена только в том случае, если курсы и учебная программа соответствуют требованиям, изложенным в Законе о высшем образовании Швеции и Постановлении о высшем образовании, а также в собственных политических документах университета для квалификации.

Все квалификации соответствуют одному из трех циклов или уровней высшего образования: первый цикл, второй цикл и третий цикл. Название квалификации состоит из квалификации, указанной в Постановлении о высшем образовании, которому предшествует или за которым следует, где это уместно, обозначение, указывающее область специализации. Университеты и университетские колледжи могут принимать решения о собственных местных правилах, например, какие основные области обучения используются, какое обозначение должно предшествовать или следовать за общими квалификациями, и какие конкретные местные требования применяются в рамках требований к национальному описанию квалификации.

Например, система квалификаций для Университета Гетеборга применяется с 1 июля 2007 года и адаптирована к изменениям, внесенным в Закон о высшем образовании Швеции (SFS 2006:173)¹ и Постановление о высшем образовании (SFS 2006:1053)² в связи с Болонским процессом. Помимо прочего, эти изменения означали, что все высшее образование было разделено

на три цикла или уровня: первый цикл, второй цикл и третий цикл. Была введена новая система кредитов, где 1 кредитный балл по старой системе соответствует 1,5 кредита по новой системе. Для получения квалификации в соответствии с изменениями в Постановлении о высшем образовании (SFS 2006:1053) один из курсов, включенных в квалификацию, должен быть завершен после 1 июля 2007 г. Местная система квалификаций содержит описание национальных правил в соответствии с Законом о высшем образовании Швеции (SFS 1992:1434)³ и Постановлением о высшем образовании (SFS 1993:100)⁴ (включая Приложение 2 – Система квалификаций), а также местные правила университета. Местные правила основаны на положениях и общих рекомендациях Шведского совета по высшему образованию по переводу шведских названий квалификаций на английский язык (UHRFS 2013:6) с учетом рекомендаций Ассоциации шведских высших учебных заведений относительно обозначений, которые предшествуют или следуют за шведскими названиями этих квалификаций и их английскими переводами (SUHF Rek 2010:2) [3].

Список источников / References

1. Горбунов М. А. Сравнительно-правовой анализ систем профессиональных квалификаций в России и за рубежом (на примере Германии) // Вестник экономической безопасности. 2026. № 1. С. 25–31. (1. Gorbunov M. A. Comparative legal analysis of professional qualification systems in Russia and abroad (using Germany as an example) // Bulletin of economic security. 2026. № 1. P. 25–31).
2. URL: https://www.kth.se/polopoly_fs/1.179029.1600688509!/Menu/general/column-content/attachment/12-5202-10national-qualifications-framework%5B1%5D.pdf/
3. URL: <https://suhf.se/app/uploads/2019/07/REK-2010-2-Reviderade-rekommendationer-om-generella-examina-svenska-ben%C3%A4mningar-p%C3%A5-f%C3%B6r-och-efterled-och-deras-engelska-%C3%B6vers%C3%A4ttningar.pdf/>

¹ URL: <https://rkrattsdb.gov.se/SFSdoc/06/060173.PDF/>

² URL: <https://rkrattsdb.gov.se/SFSdoc/06/061053.PDF/>

³ URL: <https://lagen.nu/1992:1434/>

⁴ URL: <https://lagen.nu/1993:100/>

Информация об авторе

М. А. Горбунов – доцент кафедры частного права Государственного университета управления, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

M. A. Gorbunov – Associate Professor of the Department of Private Law of the State University of Management, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 11.11.2025; одобрена после рецензирования 22.12.2025; принята к публикации 30.01.2026.

The article was submitted 11.11.2025; approved after reviewing 22.12.2025; accepted for publication 30.01.2026.

Научная статья

УДК 342

EDN: <https://elibrary.ru/bzziun>

ИИОН: 2015-0066-2/26-421

MOSURED: 77/27-011-2026-02-620

Конституционно-правовое регулирование правопорядка и общественной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры Российской Федерации

Иван Вячеславович Гусаим¹, Сергей Алексеевич Егоров²

¹ Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук (ЦИПБ РАН), Москва, Россия

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Проводится комплексный анализ конституционно-правовых основ обеспечения правопорядка и общественной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена ростом угроз террористического, криминального и техногенного характера в условиях геополитической нестабильности и проведения специальной военной операции. Авторы выявляют противоречия в понятийном аппарате законодательства о транспортной безопасности, анализируют конституционное разграничение полномочий федеральных и региональных органов власти на основе ст. 71 и 72 Конституции Российской Федерации, исследуют систему субъектов обеспечения безопасности и проблемы их координации. Особое внимание уделяется роли Федеральной службы по надзору в сфере транспорта (Ространснадзор) как специализированного контрольно-надзорного органа, значение которого недостаточно раскрыто в научной литературе. Авторы обосновывают необходимость законодательного закрепления координирующей роли Ространснадзора в системе обеспечения транспортной безопасности, аргументируя это его специализацией, полнотой контрольно-надзорных полномочий и взаимодействием со всеми субъектами системы – Министерством внутренних дел, Федеральной службой безопасности, Росгвардией и субъектами транспортной инфраструктуры. Исследуется конституционно-правовой баланс между мерами безопасности и правами граждан на свободу передвижения, личную неприкосновенность и неприкосновенность частной жизни в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. На основе анализа нормативных правовых актов, доктринальных источников и правоприменительной практики авторы формулируют предложения по совершенствованию правового регулирования, включая принятие федерального закона об общественной безопасности, создание межведомственной комиссии по транспортной безопасности при Ространснадзоре и урегулирование правового статуса работников подразделений транспортной безопасности через введение специальной нормы в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: конституционно-правовое регулирование, общественная безопасность, правопорядок, транспортная безопасность, объекты транспортной инфраструктуры, Ространснадзор, разграничение полномочий, конституционные права граждан

Благодарности: статья подготовлена в рамках реализации государственного задания «Комплексное исследование проблем общественной безопасности, как стратегического приоритета национальной безопасности Российской Федерации (FFFZ-2025-0001)».

Для цитирования: Гусаим И. В., Егоров С. А. Конституционно-правовое регулирование правопорядка и общественной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 38–46. EDN: BZZIUN.

Original article

Constitutional and legal regulation of law and order and public safety at transport infrastructure facilities of the Russian Federation

Ivan V. Gusaim¹, Sergey A. Egorov²

¹ Center for Security Studies of the Russian Academy of Sciences (CIS RAS), Moscow, Russia

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. A comprehensive analysis of the constitutional and legal foundations for ensuring law and order and public safety at the facilities of the transport infrastructure of the Russian Federation is carried out. The relevance of the study is

© Гусаим И. В., Егоров С. А., 2026

due to the growing threats of a terrorist, criminal and man-made nature in the context of geopolitical instability and the conduct of a special military operation. The authors identify contradictions in the conceptual framework of legislation on transport safety, analyze the constitutional differentiation of powers of federal and regional authorities based on articles 71 and 72 of the Constitution of the Russian Federation, explore the system of subjects of security and the problems of their coordination. Special attention is paid to the role of the Federal Service for Supervision of Transport (Rostransnadzor) as a specialized control and supervisory body, the importance of which is insufficiently disclosed in the scientific literature. The authors substantiate the need for legislative consolidation of the coordinating role of Rostransnadzor in the transport security system, arguing that it is specialized, has full control and supervisory powers and cooperates with all subjects of the system – the Ministry of Internal Affairs, the Federal Security Service, Rosgvardiya and subjects of transport infrastructure. The article examines the constitutional and legal balance between security measures and citizens' rights to freedom of movement, personal inviolability and privacy in accordance with Part 3 of art. 55 of the Constitution of the Russian Federation. Based on the analysis of regulatory legal acts, doctrinal sources and law enforcement practice, the authors formulate proposals for improving legal regulation, including the adoption of a federal law on public safety, the creation of an interdepartmental commission on transport security under Rostransnadzor and the regulation of the legal status of employees of transport security units through the introduction of a special provision in the Code of Administrative Offences of the Russian Federation.

Keywords: constitutional and legal regulation, public safety, law and order, transport security, transport infrastructure facilities, Rostransnadzor, separation of powers, constitutional rights of citizens

Acknowledgments: this article was prepared as part of the state assignment «Comprehensive study of public security issues as a strategic priority of national security of the Russian Federation (FFFZ-2025-0001)».

For citation: Gusaim I. V., Egorov S. A. Constitutional and legal regulation of law and order and public safety at transport infrastructure facilities of the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2026;(2):38–46. (In Russ.). EDN: BZZIUN.

Введение

Функционирование транспортной системы Российской Федерации выступает основополагающим условием реализации конституционных гарантий свободы передвижения граждан, закрепленных в ст. 27 Конституции Российской Федерации (далее – Конституции РФ). В условиях геополитической нестабильности и проведения специальной военной операции вопросы обеспечения правопорядка и общественной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры приобретают особую актуальность. По данным официальной статистики, в 2023 г. на транспорте пострадало более ста шестидесяти шести тысяч человек.

С. И. Гирько приходит к обоснованному выводу о необходимости перехода от концептуального к нормативному правовому регулированию общественной безопасности, включая законодательное закрепление понятийного аппарата в указанной сфере [13, с. 655–656]. Отсутствие единого координирующего органа и специального федерального закона об общественной безопасности создает правовую неопределенность.

В научной литературе недостаточно внимания уделяется роли Федеральной службы по надзору в сфере транспорта (Ространснадзор) как специализированного контрольно-надзорного органа. Большинство исследователей фокусируются на анализе полномочий Министерства транспорта РФ в целом, МВД, ФСБ и Росгвардии, однако не раскрывают значение Ространснадзора как ключевого субъекта государственного контроля за соблюдением требований транспортной безопасности. Эта проблема создает теоретический и практический пробел.

Цель настоящего исследования состоит в комплексном анализе конституционно-правовых основ обеспе-

чения правопорядка и общественной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры, выявлении роли Ространснадзора в этой системе и формулировании предложений по совершенствованию правового регулирования. Методологической основой работы выступают системный подход и формально-юридический метод анализа.

Конституционно-правовые основы обеспечения безопасности на транспорте

Конституционно-правовой механизм основывается на ст. 71 Конституции РФ, закрепляющей в федеральном ведении вопросы транспорта, путей сообщения, обороны и безопасности. Г. В. Петрова и В. И. Ступаков отмечают, что федеральный уровень регулирования реализуется через систему конституционных мер национального, регионального и международного характера [1, с. 32]. Статья 72 Конституции РФ относит к совместному ведению обеспечение законности, правопорядка и общественной безопасности, создавая основу для участия региональных органов власти. А. З. Кучиев и Т. Э. Каллагов отмечают роль Президента РФ как главного субъекта координации [2, с. 54].

Практика правоприменения свидетельствует о проблемах координации федеральных и региональных органов, дублировании функций и недостаточной оперативности реагирования. Конституционная модель не обеспечивает автоматически эффективное взаимодействие на оперативном уровне, что обуславливает необходимость определения специализированного координирующего органа.

Конституционные нормы о правах человека непосредственно затрагиваются мерами обеспечения транспортной безопасности. Закрепленное в ст. 20 Конституции РФ право на жизнь выступает фундаментальной

основой, утверждая приоритет человеческой жизни как высшей конституционной ценности [3, с. 67]. Статья 27 гарантирует право на свободу передвижения, однако ФЗ «О транспортной безопасности» устанавливает императивный порядок досмотра при доступе в зоны транспортной безопасности. Статья 22 закрепляет право на личную неприкосновенность, которое ограничивается через обязательный досмотр. Т. М. Занина, О. А. Федотова и Н. А. Анисимова обращают внимание на правовую неопределенность статуса досмотра, осуществляемого работниками подразделений транспортной безопасности [7, с. 50]. Статья 23 гарантирует право на неприкосновенность частной жизни, которое ограничивается через видеонаблюдение.

Часть 3 статьи 55 Конституции РФ определяет пределы ограничений: федеральным законом, только в необходимой мере, для защиты основ конституционного строя, здоровья, прав других лиц, обеспечения обороны и безопасности. Анализ конституционной допустимости должен основываться на критериях необходимости, пропорциональности и соразмерности реальным угрозам. Конституционно обоснованные ограничения систематизированы в табл. 1.

Таблица демонстрирует комплексный характер ограничений. Ключевым критерием допустимости выступает соразмерность реальным угрозам, что требует дифференцированного подхода через категорирование объектов.

Философско-правовой анализ понятия «безопасность» позволяет выделить объективную и субъективную составляющие. Правовое регулирование должно ориентироваться на объективные показатели риска [4, с. 80]. К объективным показателям относятся статистика террористических актов, данные о пассажиропотоке, результаты экспертной оценки уязвимости, технические характеристики систем безопасности.

Категорирование объектов, предусмотренное ФЗ «О транспортной безопасности», является конституционно обоснованным механизмом дифференциации мер. Объекты подлежат отнесению к одной из четырех категорий в зависимости от степени угрозы и возможных последствий. Дифференцированный подход позволяет обеспечить баланс между необходимостью защиты и конституционными правами граждан.

Понятийный аппарат и система правового регулирования

В соответствии с Концепцией общественной безопасности 2013 г. под общественной безопасностью понимается состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей от преступных посягательств, социальных конфликтов, чрезвычайных ситуаций. С. И. Гирько отмечает, что это определение подвергается критике за чрезмерную широту [14, с. 29].

Структура угроз анализируется через трехэлементную модель. Выделяются три взаимосвязанных элемента: радикализованная идеология, противоправная деятельность и организованные формирования [5, с. 78]. Применительно к транспорту эта структура проявляется в террористической идеологии, террористических актах и деятельности террористических групп.

В. М. Корякин подчеркивает, что транспортная безопасность – это состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства [11, с. 26]. Ключевая особенность – сфокусированность исключительно на актах незаконного вмешательства. Правопорядок на транспорте охватывает состояние упорядоченности всех общественных отношений. С.Н. Зайкова обращает внимание на необходимость разграничения транспортной безопасности и безопасности дорожного движения [10, с. 48–49].

Общественная безопасность на транспорте является наиболее широким понятием, включающим защиту от всех видов угроз. Транспортная безопасность в легальном определении охватывает лишь защиту от актов незаконного вмешательства, исключая техногенные аварии и общеуголовные правонарушения. Соотношение понятий систематизировано в табл. 2.

Таблица демонстрирует, что транспортная безопасность не охватывает всего спектра угроз.

Нормативно-правовая база представлена иерархической системой, возглавляемой Конституцией РФ. ФЗ «О безопасности» закрепляет основополагающие принципы: приоритет прав человека, законность, системность превентивных мер, координацию [6, с. 221]. Специальное регулирование осуществляется ФЗ «О транспортной безопасности» и ФЗ «О полиции». Стратегия

Таблица 1

Конституционные права граждан и их ограничения
на объектах транспортной инфраструктуры [1; 3; 7]

Конституционное право	Статья Конституции РФ	Ограничение на транспорте	Правовое основание
Свобода передвижения	Ст. 27	Запрет на въезд в зону транспортной безопасности без прохождения досмотра	ФЗ № 16-ФЗ, ст. 12.2
Личная неприкосновенность	Ст. 22	Обязательный досмотр пассажиров и багажа с применением технических средств	ФЗ № 16-ФЗ, ст. 12.2
Неприкосновенность частной жизни	Ст. 23	Видеонаблюдение на объектах транспортной инфраструктуры, хранение записей	ФЗ № 16-ФЗ, ст. 11
Право на информацию	Ст. 29	Ограничения на использование средств связи в зонах особой безопасности	Ведомственные акты

Соотношение понятий в сфере безопасности на транспорте [7; 10; 11; 14]

Понятие	Объект защиты	Источники угроз	Нормативная база
Общественная безопасность	Личность, общество, материальные и духовные ценности	Преступления, чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, социальные конфликты	ФЗ № 390-ФЗ «О безопасности», Концепция общественной безопасности РФ
Правопорядок на транспорте	Система общественных отношений на транспорте	Любые правонарушения и отклонения от правовых предписаний	КоАП РФ, УК РФ, ФЗ № 3-ФЗ «О полиции», отраслевые транспортные кодексы
Транспортная безопасность	Объекты транспортной инфраструктуры и транспортные средства	Акты незаконного вмешательства (терроризм, диверсии, иные противоправные действия)	ФЗ № 16-ФЗ «О транспортной безопасности»

национальной безопасности РФ и Транспортная стратегия РФ определяют долгосрочные цели.

Проблемы включают разрозненность законодательства, пробелы, противоречия между актами. Множественность субъектов правового регулирования при отсутствии единого координирующего органа приводит к несогласованности и дублированию требований.

Система субъектов обеспечения безопасности на объектах транспортной инфраструктуры

И. В. Астраханцев классифицирует субъекты на три группы: субъекты с распорядительно-властными полномочиями, субъекты с правоохранительными полномочиями, субъекты, непосредственно заинтересованные в безопасности [8, с. 18].

К первой группе относятся Правительство РФ, Минтранс России, Ространснадзор, органы субъектов РФ. Особое место занимает Ространснадзор – федеральный орган, осуществляющий контроль и надзор в сфере транспорта. Находится в ведении Минтранса и выполняет специализированные контрольно-надзорные функции: категорирование объектов, утверждение планов безопасности, государственный контроль, привлечение к административной ответственности. В отличие от Минтранса как органа общего управления, Ространснадзор является специализированным контрольно-надзорным органом.

Ко второй группе относятся МВД России, ФСБ России, Росгвардия. И. В. Астраханцев детализирует полномочия органов внутренних дел [8, с. 19–20]: патрулирование, предупреждение и пресечение преступлений, выдача заключений о допуске лиц, участие в государственном контроле, проводимом Ространснадзором. К третьей группе – субъекты транспортной инфраструктуры, перевозчики, частные охранные организации. А. С. Кижанов отмечает, что правовой режим оборота оружия частными охранными организациями обуславливает сближение их статуса с государственными структурами [15, с. 77].

Система субъектов представлена на рис. 1.

Схема демонстрирует иерархическую структуру с особым выделением Ространснадзора как специализированного контрольно-надзорного органа.

Ключевая проблема – отсутствие единого координирующего органа при множественности субъектов. По результатам опроса И. В. Астраханцева, 91 % респондентов считают необходимым принцип единоначалия [8, с. 19]. По рецензии на диссертацию О. И. Матюхина установлено отсутствие единого координирующего органа [18, с. 116]. Респонденты указывают: 24 % – разрозненность законодательства, 17 % – отсутствие основного субъекта, 19 % – устаревание норм.

Отсутствие координирующего органа приводит к дублированию функций, несогласованности действий, размытости ответственности. Наиболее обоснованным видится возложение этой функции на Ространснадзор.

Проблемы правоприменения в сфере транспортной безопасности

Л. В. Шкурина систематизирует риски и угрозы транспортной безопасности, выделяя террористические, криминальные, техногенные и природные факторы [16, с. 147–149]. Террористические угрозы включают взрывы, захваты заложников, диверсии. Криминальные угрозы – посягательства на собственность, нарушения общественного порядка, незаконную транспортировку наркотиков и оружия. Техногенные риски обусловлены нарушением правил эксплуатации, физическим износом инфраструктуры, человеческим фактором. Д. Ю. Глинчиков обращает внимание на проблемы противодействия транснациональным угрозам [20, с. 128].

Правоприменительная практика выявляет системные нарушения требований транспортной безопасности. Т. М. Занина, О. А. Федотова и Н. А. Анисимова выявили основные нарушения при проверках субъектов транспортной инфраструктуры [7, с. 51]: отсутствие утвержденной номенклатуры должностей, нарушение процедур категорирования объектов, несоблюдение требований по разработке планов обеспечения безопасности, отсутствие регламентированного взаимодействия с правоохранительными органами.

Характерный пример – дело ОАО «РЖД» (станция Хабаровск-1), где установлены грубые нарушения: отсутствие подразделения транспортной безопасности, неисполнение плана обеспечения безопасности, необеспечение объекта инженерно-техническими системами

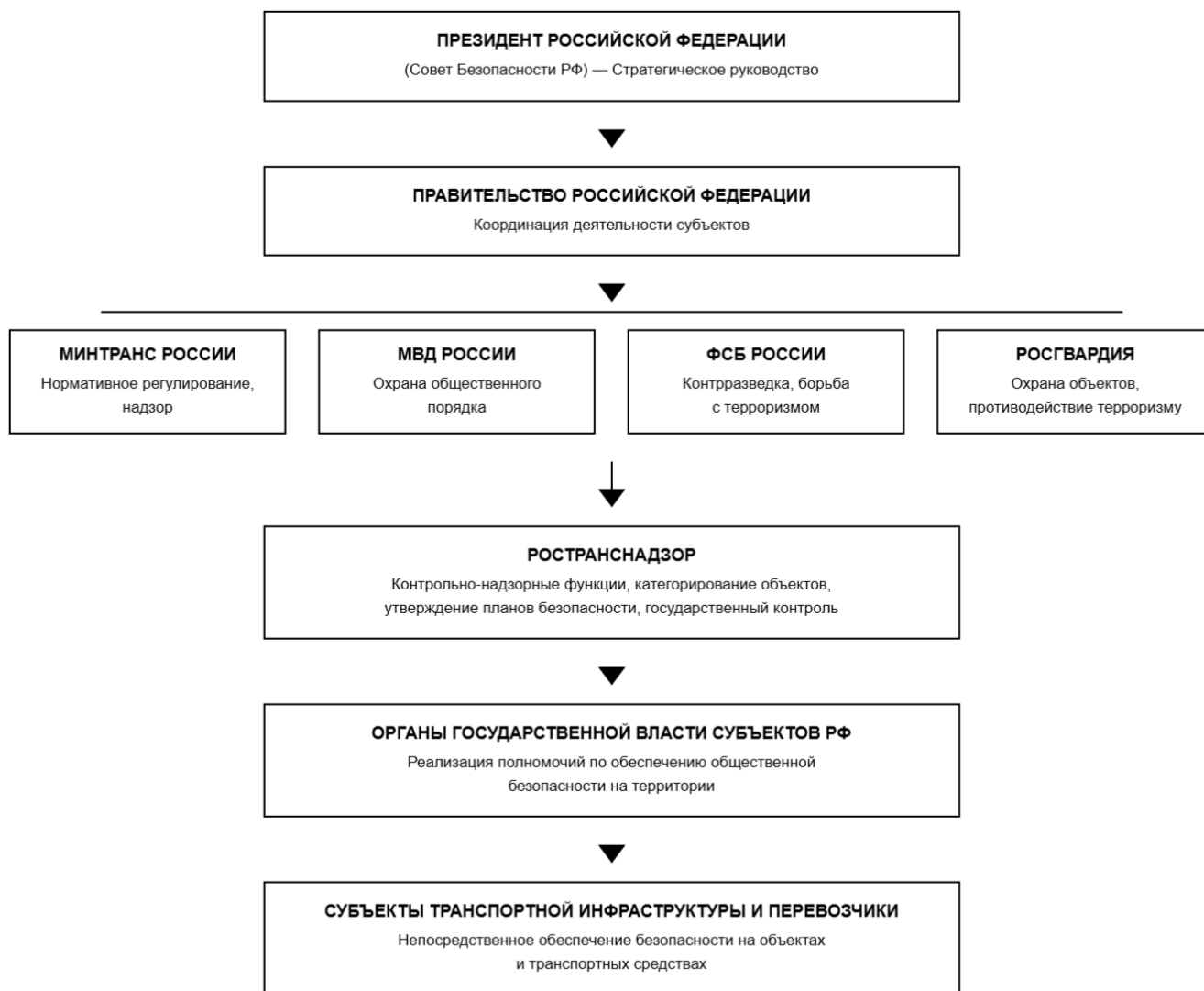

Рис. 1. Система субъектов обеспечения безопасности на объектах транспортной инфраструктуры [1; 2; 7; 8]

защиты. Это свидетельствует о системных недостатках механизмов государственного контроля, осуществляемого Ространснадзором, и необходимости усиления контрольно-надзорной функции.

Выявлено существенное противоречие между нормами различных законодательных актов. Т. М. Заина, О. А. Федотова и Н. А. Анисимова отмечают, что КоАП РФ закрепляет право проведения административного досмотра исключительно за уполномоченными должностными лицами [7, с. 50]. При этом Федеральный закон «О транспортной безопасности» делегирует полномочия по досмотру работникам подразделений транспортной безопасности и частных охранных организаций, не являющимся должностными лицами.

Эта правовая коллизия создает неопределенность в части правового статуса досмотра и может служить основанием для оспаривания его результатов. С. И. Гирько отмечает, что процесс согласования Концепции общественной безопасности существенно затруднялся межведомственными разногласиями [13, с. 653]. Проблема

сохраняется, проявляясь в недостаточной координации при разработке нормативных актов.

Роль и значение Ространснадзора в системе обеспечения транспортной безопасности

Ространснадзор является федеральным органом, осуществляющим контроль и надзор в сфере транспорта, находится в ведении Минтранса России. Конституционно-правовая основа определяется ст. 71 Конституции РФ (федеральное ведение по транспорту) и ст. 72 (совместное ведение по правопорядку). Правовой статус определяется Положением о Ространснадзоре (Постановление Правительства Российской Федерации от 30 июля 2004 г. № 398).

Ространснадзор обладает широким комплексом полномочий, охватывающих весь цикл управления транспортной безопасностью. Государственный контроль осуществляется в форме плановых и внеплановых проверок. Категорирование объектов определяет дифференцированный подход (категории 1–4 или отсутствие категории). Утверждение планов обеспечения безопасности позволяет устанавливать конкретные требования

Таблица 3

Полномочия Ространснадзора в сфере контроля транспортной безопасности

Вид полномочий	Правовое основание	Объекты контроля	Результаты реализации
Категорирование объектов транспортной инфраструктуры	ФЗ № 16-ФЗ, ст. 6	Вокзалы, аэропорты, порты, станции метрополитена	Установление уровня защищенности объекта (категории 1–4 или отсутствие категории)
Утверждение планов обеспечения транспортной безопасности	ФЗ № 16-ФЗ, ст. 10	Объекты транспортной инфраструктуры категорий 1–4	Обязательные требования по инженерно-техническому оснащению и организации режимов безопасности для субъектов транспортной инфраструктуры
Государственный контроль (надзор)	ФЗ № 16-ФЗ, ст. 10; Положение о Ространснадзоре	Субъекты транспортной инфраструктуры, перевозчики	Выявление и пресечение нарушений требований транспортной безопасности, выдача предписаний об устранении нарушений
Привлечение к административной ответственности	КоАП РФ, ст. 11.15.1; ст. 23.36	Должностные лица и юридические лица, нарушившие требования транспортной безопасности	Административные штрафы, административное приостановление деятельности
Выдача заключений о соответствии	ФЗ № 16-ФЗ, ст. 10	Объекты транспортной инфраструктуры после строительства, реконструкции или устранения нарушений	Допуск к эксплуатации или возобновление деятельности объекта

для каждого объекта. Контроль за инженерно-техническим оснащением включает проверку систем видеонаблюдения, контроля доступа, сигнализации, досмотра. Выдача заключений о соответствии осуществляется после строительства, реконструкции или устранения нарушений. Привлечение к административной ответственности осуществляется по статье 11.15.1 КоАП РФ.

Полномочия Ространснадзора систематизированы в табл. 3.

Таблица демонстрирует, что полномочия Ространснадзора охватывают весь цикл обеспечения транспортной безопасности, что создает основу для его определения как координирующего органа.

Представляется обоснованным сформулировать концепцию, согласно которой Ространснадзор должен быть законодательно определен как координирующий орган в системе обеспечения транспортной безопасности.

Обоснование включает несколько аргументов. Во-первых, специализация функций отличает Ространснадзор от Минтранса как органа общего управления. Ространснадзор концентрируется исключительно на вопросах безопасности. Во-вторых, Ространснадзор взаимодействует со всеми ключевыми субъектами: с МВД при выдаче заключений о допуске лиц и проведении проверок, с ФСБ при обмене информацией об угрозах, с Росгвардией при организации охраны, с субъектами транспортной инфраструктуры через контрольно-надзорную деятельность. В-третьих, Ространснадзор обладает всем комплексом полномочий для координации: определяет приоритеты, утверждает планы, устанавливает требования, контрольно-надзорные полномочия обеспечивают мониторинг. В-четвертых, Ространснадзор аккумулирует специализированную экспертизу в области оценки уязвимости объектов, анализа угроз, технических средств безопасности. Р. В. Галицкий вы-

деляет направления совершенствования координации [9, с. 33–35], но не конкретизирует координирующий орган.

Текущая проблема: координирующая роль Ространснадзора не закреплена в законодательстве явным образом, что приводит к размытости ответственности, дублированию функций, отсутствию единой методологии.

Конституционно-правовое регулирование деятельности Ространснадзора должно обеспечивать баланс между императивностью контрольно-надзорных функций и защитой прав участников транспортных отношений. Ространснадзор, осуществляя контроль, одновременно контролирует соблюдение конституционных прав пассажиров при досмотре (ст. 22, 23 Конституции РФ) и способствует обеспечению права на свободу передвижения (ст. 27) через поддержание функционирования транспортной системы.

Направления совершенствования правового регулирования

Приоритетные направления включают:

Принятие федерального закона об общественной безопасности для унификации понятийного аппарата и закрепления соотношения общественной безопасности, транспортной безопасности и правопорядка. С. И. Гирько отмечает, что законопроект должен предусматривать комплексное решение выявленных проблем [13, с. 656].

Законодательное закрепление координирующей роли Ространснадзора через внесение изменений в ФЗ «О транспортной безопасности». Конкретные меры: дополнить статью 10 нормой: «Федеральная служба по надзору в сфере транспорта осуществляет координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов субъектов РФ, субъектов транспортной инфраструктуры, перевозчиков по вопросам

обеспечения транспортной безопасности». Создать при Ространснадзоре межведомственную комиссию с участием МВД, ФСБ, Росгвардии, региональных органов, субъектов транспортной инфраструктуры. Наделить Ространснадзор правом давать обязательные предписания не только субъектам транспортной инфраструктуры, но и другим участникам системы. О. И. Матюхин предлагал законодательно закрепить основной субъект по принципу единоначалия [18, с. 116]. Настоящее предложение конкретизирует этот тезис через Ространснадзор.

Урегулирование правового статуса работников подразделений транспортной безопасности через введение в КоАП РФ статьи 27.7.1 «Досмотр в целях обеспечения транспортной безопасности». Т. М. Занина, О. А. Федотова и Н. А. Анисимова обосновывают необходимость введения особой категории досмотра [7, с. 50]. Необходимо закрепить правовые гарантии для граждан: обязательность уведомления о правах, право на видеофиксацию, возможность обжалования.

Повышение правовой грамотности обеспечивается комплексной системой правового просвещения [3, с. 72]. Правовое просвещение пассажиров должно осуществляться через размещение информационных материалов на объектах, создание единого информационного портала. Обучение персонала должно включать правовой блок: основы конституционных прав граждан, административное и уголовное законодательство, процедурные требования.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

Конституционно-правовое регулирование обеспечения безопасности на объектах транспортной инфраструктуры базируется на разграничении предметов ведения в ст. 71 и 72 Конституции РФ. Федеральный характер регулирования сочетается с совместным ведением по обеспечению правопорядка, что создает сложную систему разграничения полномочий. Эффективность модели снижается из-за недостаточной координации между уровнями власти, отсутствия четких механизмов взаимодействия и размытости ответственности.

Понятийный аппарат характеризуется несогласованностью. Легальное определение транспортной безопасности ограничивается защитой от актов незаконного вмешательства, исключая техногенные аварии, общеуголовные правонарушения, санитарно-эпидемиологические угрозы и социальные конфликты. Правопорядок на транспорте является более широкой категорией, охватывающей упорядоченность всех общественных отношений. Эта понятийная несогласованность создает правовые пробелы и затрудняет формирование комплексного подхода.

Система субъектов характеризуется множественностью участников при отсутствии единого координирующего органа. Эмпирические данные подтверждают масштабность проблемы: 91 % респондентов считают

необходимым принцип единоначалия, 24 % отмечают разрозненность законодательства, 17 % указывают на отсутствие основного субъекта. Множественность субъектов приводит к дублированию функций, несогласованности действий и размытости ответственности.

Главный конституционно-правовой вывод состоит в обоснованности законодательного определения Ространснадзора как координирующего органа в системе обеспечения транспортной безопасности. Ространснадзор обладает всем комплексом специализированных контрольно-надзорных полномочий, охватывающих весь цикл обеспечения безопасности. Он взаимодействует со всеми ключевыми субъектами системы, является специализированным контрольно-надзорным органом и аккумулирует необходимую экспертизу. Конституционно-правовое регулирование деятельности Ространснадзора должно обеспечивать баланс между императивностью контрольно-надзорных функций и защитой прав участников транспортных отношений.

Баланс между мерами безопасности и конституционными правами граждан требует соблюдения принципов необходимости, пропорциональности и соразмерности. Меры безопасности затрагивают широкий спектр конституционных прав – свободу передвижения, личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни. Конституционная допустимость ограничений обусловлена их направленностью на защиту права на жизнь и обеспечение безопасности государства. Меры должны быть дифференцированы в зависимости от категории объекта и реального уровня угроз.

Правоприменительная практика выявляет системные нарушения требований транспортной безопасности. Массовые нарушения свидетельствуют о недостаточной эффективности механизмов государственного контроля, что обосновывает необходимость усиления координирующей роли Ространснадзора через законодательное закрепление его статуса.

Приоритетные направления совершенствования: принятие федерального закона об общественной безопасности, законодательное закрепление координирующей роли Ространснадзора через изменения в ФЗ «О транспортной безопасности» и создание межведомственной комиссии, урегулирование правового статуса работников подразделений транспортной безопасности через введение специальной нормы в КоАП РФ, развитие системы правового просвещения. Комплексный подход к реформированию позволит устранить выявленные системные проблемы.

Транспортная безопасность рассматривается исследователями как структурный и системообразующий компонент национальной безопасности России [12, с. 152; 17, с. 108; 19, с. 263]. Совершенствование конституционно-правового регулирования с акцентом на определение координирующей роли Ространснадзора будет способствовать укреплению национальной безопасности РФ и повышению уровня защищенности граждан при пользовании транспортом.

Список источников

1. Петрова Г. В., Ступаков В. И. Конституционно-правовые основы обеспечения транспортного суверенитета России в связи с сетевым развитием международных транспортных коридоров // Вестник ВНИИ СПК. 2024. Т. 20. № 2. С. 31–37.
2. Кучиев А. З., Каллагов Т. Э. Конституционно-правовое регулирование политики государства в области обеспечения национальной безопасности // Аграрное и земельное право. 2023. № 9. С. 53–55.
3. Гусаим И. В. К вопросу о роли конституционных норм в обеспечении безопасности личности общества и государства // Закон и право. 2025. № 10. С. 63–76.
4. Гусаим И. В. Философско-правовая трактовка понятия «безопасность» // Государственная служба и кадры. 2025. № 2. С. 77–82.
5. Гусаим И. В. Этнорелигиозный экстремизм как угроза государственной и общественной безопасности Российской Федерации // Закон и право. 2025. № 9. С. 74–88.
6. Зайкова С. Н. Принципы национальной и транспортной безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 218–222.
7. Занина Т. М., Федотова О. А., Анисимова Н. А. Обеспечение транспортной безопасности в Российской Федерации : проблемы и пути их решения // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2022. № 3(59). С. 46–52.
8. Астраханцев И. В. Транспортная безопасность современного государства как социюридический феномен // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3(103). С. 15–23.
9. Галицкий Р. В. Транспортная безопасность в системе национальной безопасности : направления совершенствования нормативно-правового регулирования // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 4 (61). С. 31–35.
10. Зайкова С. Н. Транспортная безопасность и безопасность дорожного движения в структуре национальной безопасности Российской Федерации // Актуальные проблемы административного права и процесса. 2021. № 1. С. 48–51.
11. Корякин В. М. О соотношении понятия «транспортная безопасность» со смежными понятиями в области безопасности на транспорте // Транспортное право и безопасность. 2017. № 11 (23). С. 26–32.
12. Крепак Д. В. Транспортная безопасность как составляющая национальной безопасности России : сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. Тюмень, 14 февраля 2021 г. С. 151–153.
13. Гирько С. И. Об актуальности правового регулирования общественной безопасности // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 марта 2023 г.

СПб : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 651–656.

14. Гирько С. И. Понятийный аппарат общественной безопасности : исторический аспект и современность // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 6. С. 27–33.

15. Кижанов А. С. Частные охранные организации как субъекты реализации мер административного принуждения // Юридическая наука. 2024. № 3. С. 76–78.

16. Шкурина Л. В. Риски и угрозы транспортной безопасности : их оценка в системе обеспечения социально-экономической безопасности России // Экономическая безопасность. 2020. Т. 3. № 2. С. 145–154.

17. Чередниченко А. Е. Транспортная безопасность как важнейшая составляющая национальной безопасности // Актуальные вопросы науки и практики : сборник научных трудов по материалам XIII Международной научно-практической конференции. Анапа, 5 октября 2019 г. С. 107–111.

18. Рецензия на диссертацию Матюхина О. И. Организационно-правовое обеспечение транспортной и авиационной безопасности на объектах инфраструктуры воздушного транспорта органами внутренних дел // Проблемы правоохранительной деятельности. 2025. № 3. С. 115–116.

19. Резер С. М. Роль транспортной безопасности в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Вклад транспорта в национальную экономическую безопасность : сборник трудов II Международной научно-практической конференции, Москва, 6 апреля 2017 г. С. 262–264.

20. Глинчиков Д. Ю. Проблемы транспортной безопасности в системе обеспечения национальной безопасности государства // Вклад транспорта в национальную экономическую безопасность : сборник трудов II Международной научно-практической конференции, Москва, 6 апреля 2017 г. С. 127–129.

References

1. Petrova G. V., Stupakov V. I. Constitutional and legal bases for ensuring the transport sovereignty of Russia in connection with the network development of international transport corridors // Bulletin of the All-Russian Research Institute of SPK. 2024. Vol. 20. № 2. P. 31–37.
2. Kuchiev A. Z., Kallagov T. E. Constitutional and legal regulation of state policy in the field of ensuring national security // Agrarian and Land law. 2023. № 9. P. 53–55.
3. Gusaim I. V. On the role of constitutional norms in ensuring the security of individuals, society and the state // Law and Legislation. 2025. № 10. P. 63–76.
4. Gusaim I. V. Philosophical and legal interpretation of the concept of «security» // Civil service and personnel. 2025. № 2. P. 77–82.
5. Gusaim I. V. Ethnoreligious extremism as a threat to the state and public security of the Russian Federation // Law and Legislation. 2025. № 9. P. 74–88.

6. Zaikova S. N. Principles of national and transport security // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 2. P. 218–222.

7. Zanina T. M., Fedotova O. A., Anisimova N. A. Ensuring transport security in the Russian Federation : problems and solutions // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2022. № 3 (59). P. 46–52.

8. Astrakhantsev I. V. Transport security of the modern state as a socio-legal phenomenon // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 3 (103). P. 15–23.

9. Galitsky R. V. Transport security in the national security system : directions for improving regulatory regulation // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2021. № 4 (61). P. 31–35.

10. Zaikova S. N. Transport safety and road safety in the structure of national security of the Russian Federation // Actual problems of administrative law and process. 2021. № 1. P. 48–51.

11. Koryakin V. M. On the relationship of the concept of «transport safety» with related concepts in the field of transport safety // Transport law and security. 2017. № 11 (23). P. 26–32.

12. Krepak D. V. Transport safety as a component of the national security of Russia : Collection of articles on the results of the International scientific and practical Conference. Tyumen, February 14, 2021. P. 151–153.

13. Girko S. I. On the relevance of the legal regulation of public safety // Actual problems of administrative and administrative procedural law (Sorokin readings) : Collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference, St. Petersburg, March

24, 2023. SPb : St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. P. 651–656.

14. Girko S. I. Conceptual apparatus of public security: historical aspect and modernity // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 6. P. 27–33.

15. Kizhanov A. S. Private security organizations as subjects of the implementation of administrative coercion measures // Legal science. 2024. № 3. P. 76–78.

16. Shkurina L. V. Risks and threats to transport security : their assessment in the system of ensuring socio-economic security of Russia // Economic security. 2020. Vol. 3. № 2. P. 145–154.

17. Cherednichenko A.E. Transport safety as an essential component of national security // Actual issues of science and practice : collection of scientific papers based on the materials of the XIII International Scientific and Practical Conference. Anapa, October 5, 2019. P. 107–111.

18. Review of the dissertation by Matyukhin O. I. Organizational and legal support of transport and aviation security at air transport infrastructure facilities by law enforcement agencies // Law enforcement issues. 2025. № 3. P. 115–116.

19. Rezer S. M. The role of transport security in the national security system of the Russian Federation // The contribution of transport to national economic security : Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 6, 2017. P. 262–264.

20. Glinchikov D. Y. Problems of transport security in the national security system of the state // The contribution of transport to national economic security: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 6, 2017. P. 127–129.

Информация об авторах

И. В. Гусайм – научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук (ЦИПБ РАН);

С. А. Егоров – заместитель начальника кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

I. V. Gusaim – Researcher of the Center for Security Studies of the Russian Academy of Sciences (CIS RAS);

S. A. Egorov – Deputy Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.12.2025; одобрена после рецензирования 26.01.2026; принята к публикации 25.02.2026.

The article was submitted 29.12.2025; approved after reviewing 26.01.2026; accepted for publication 25.02.2026.

Научная статья

УДК 343

EDN: <https://elibrary.ru/ajcfmw>

НИОН: 2015-0066-2/26-422

MOSURED: 77/27-011-2026-02-621

Теория экспертной профилактики в ракурсе прогностической функции судебной экспертологии

Оксана Геннадьевна Дьяконова

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия,
oxana_diakonova@mail.ru

Аннотация. Профилактическая составляющая должна выступать неотъемлемой частью судебно-экспертной деятельности, поскольку она способна повлиять на снижение количества и в определенной мере на качество преступной деятельности и правонарушений в целом. Теоретическая основа профилактической деятельности судебных экспертов была заложена в криминалистической науке, но в большей степени разрабатывалась в русле судебной экспертологии. Судебная экспертология как наука об использовании специальных знаний в судопроизводстве выполняет целый ряд функций, среди которых выделяются методологическая, информационная, объяснительная, синтезирующая, эвристическая и практическая функции. Одной из наиболее значимых функций является прогностическая, которая находит свое выражение прежде всего в разработках, связанных с теорией экспертной профилактики. Представляется важным проследить развитие теории экспертной профилактики, учесть предыдущие разработки и усилить их в целях выполнения задач экспертной профилактики. Кроме того, имеется необходимость выявления проблем практической судебно-экспертной профилактики, формулирование рекомендаций по их минимизации и устранению. Изложенные аспекты рассматриваются в представленной статье.

Ключевые слова: наука, судебная экспертология, функции науки, частная теория экспертной профилактики, судебно-экспертная деятельность, экспертная профилактика

Для цитирования: Дьяконова О. Г. Теория экспертной профилактики в ракурсе прогностической функции судебной экспертологии // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 47–52. EDN: AJCFMW.

Original article

The theory of expert prevention in the perspective of the prognostic function of forensic examination

Oksana G. D'yakonova

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia, oxana_diakonova@mail.ru

Abstract. Preventive measures should be an integral part of forensic work, as they can reduce the quantity and, to a certain extent, the quality of criminal activity and offenses in general. The theoretical basis for the preventive work of forensic experts was laid in criminalistic, but was largely developed within the field of forensic expertology. Forensic expertology, as the science of using specialized knowledge in legal proceedings, performs several functions, including methodological, informational, explanatory, synthesizing, heuristic, and practical ones. One of the most significant functions is prognostic, which is expressed primarily in developments related to the theory of expert preventive measures. It is important to trace the development of the theory of expert preventive measures, consider previous developments, and strengthen them in order to fulfill the objectives of expert preventive measures. Furthermore, there is a need to identify problems in practical forensic expert preventive measures and formulate recommendations for their minimization and elimination. These aspects are discussed in this article.

Keywords: science, forensic expertology, functions of science, private theory of expert prevention, forensic expert activity, expert prevention

For citation: D'yakonova O. G. The theory of expert prevention in the perspective of the prognostic function of forensic examination. Bulletin of economic security. 2026;(2):47–52. (In Russ.). EDN: AJCFMW.

Введение. Теория экспертной профилактики в судебной экспертологии является одной из основополагающих частных теорий наряду с теориями экспертной идентифи-

кации, экспертной диагностики, экспертного прогнозирования и цифровизации судебно-экспертной деятельности. Несмотря на то, что развитие теории экспертной профи-

© Дьяконова О. Г., 2026

лактики началось более пятидесяти лет назад, в настоящее время прослеживается необходимость переосмысления основных постулатов данной теории с целью их актуализации в соответствии с современными тенденциями.

1. Судебная экспертология – наука об использовании специальных знаний в судопроизводстве.

Современные тенденции глобализации, унификации и дифференциации научного знания влияют на судебную экспертологию и обуславливают необходимость комплексного изучения как правовых и организационных, так и исторических аспектов использования специальных знаний в судопроизводстве. Сравнительно-исторический метод помогает выявить истоки формирования научного знания в данной сфере, проследить этапы его эволюции и определить направления дальнейшего совершенствования. Анализ судебной экспертизы и участия специалиста вне контекста истории и науки судебной экспертологии приведет к неполному пониманию предмета исследования и, соответственно, повлияет на качество выводов.

В структуре судебной экспертологии помимо концептуальных положений самой этой науки нашлось место для изучения правовых основ судебно-экспертной деятельности, поскольку данная наука изучает универсальные принципы и закономерности, определяющие сущность судебной экспертизы, начиная с ее назначения и производства и заканчивая рекомендациями по проверке и оценке заключения судебного эксперта, а также участия специалиста и оценке результатов его деятельности. Помимо этого, правовые основы охватывают нормативное регулирование функционирования систем государственных судебно-экспертных учреждений, а также различных негосударственных судебно-экспертных организаций. Правовые закономерности находятся в тесной взаимосвязи с судопроизводством и другими видами юрисдикционной деятельности, в которой используются специальные знания, что обуславливает их изучение и выработку рекомендаций по эффективному использованию специальных знаний с учетом специфики процесса, но опираясь на унифицированные положения, характеризующие виды использования специальных знаний.

Организационные аспекты использования специальных знаний включают судебно-экспертную дидактику и формирование профессиональной этики, нравственной и психологической составляющих деятельности судебного эксперта и специалиста, генезис и развитие систем государственных судебно-экспертных учреждений, развитие и совершенствование организационного обеспечения негосударственных судебно-экспертных и неэкспертных организаций, осуществляющих судебно-экспертную деятельность. Перечисленные аспекты также должны изучаться в русле судебной экспертологии, поскольку они являются едиными для всей судебно-экспертной деятельности, к тому же судебно-экспертной дидактике, профессиональной этике, нравственной и психологической составляющим деятельности судебного эксперта и специалиста должное внимание ни в какой иной области науки им не уделяется, что в целом оправ-

дано, поскольку например, наука управления разрабатывает общие принципы и основы управленческой деятельности, которые углубленно исследуются в рамках отдельных областей научного знания, имеющих свой собственный объект и предмет исследования.

Таким образом, изучение правовых и организационных аспектов использования специальных знаний в рамках судебной экспертологии способствует устранению пробелов и разногласий в законодательстве, регулирующем данную область. Это напрямую касается и формированию правовой основы профилактической деятельности судебного эксперта. Фактически, судебная экспертология исследует закономерности использования специальных знаний в судопроизводстве и иных видах юрисдикционной деятельности, не посягая на предмет исследования процессуального права, доказательственного права и иных правовых научных областей. Однако имеются точки пересечения закономерностей, изучаемых разными юридическими науками, включая судебную экспертологию. Это касается правового статуса сведущих лиц, вопросов их привлечения к участию в судопроизводстве, доказательственного значения результатов их деятельности и некоторых других. При этом очевидно, что совместное изучение в рамках разных наук указанных закономерностей обеспечивает комплексный подход к решению проблем судебно-экспертной деятельности, расширяет границы науки и обогащает ее взаимодействие с другими науками.

2. Функции судебной экспертологии.

В. А. Штофф [19], Г. И. Рузавин [15] определяют в качестве основных объяснительную и предсказательную (прогностическую) функции науки. «Объяснить явление – значит открыть его сущность. Теория потому и является основой научного объяснения, что она представляет собой систематизированное отражение сущности явлений, что в ее утверждениях, принципах, законах, понятиях и категориях отражаются различные существенные связи и отношения действительности» [19, с. 249].

«Научное предсказание позволяет познать ход событий, перспективы развития в ближайшем и более далеком будущем. <...> Характер и точность предвидения определяются сочетанием различных факторов: содержанием фундаментальной теории, знанием конкретных условий, в которых должно находиться предсказываемое явление, характером логических средств, с помощью которых осуществляется вывод предложений о будущем» [19, с. 260]. Эти функции безусловно присущи и судебной экспертологии и вполне действенным является и правило о том, что «в процессе объяснения для ранее известных фактов подыскивается теория, из которой логически выводятся предложения, совпадающие по содержанию с описанием этих фактов, в то время как предсказание состоит в логическом выведении из данной теории следствий, описывающих неизвестные еще факты (свойства, явления), т. е. события, которые могут и должны произойти в будущем, и факты, которые уже существуют, но неизвестны и должны быть открыты в будущем» [19, с. 260].

Прогностическая функция судебной экспертологии является важнейшим инструментом для развития судебно-экспертной деятельности, а также частных теорий в структуре судебной экспертологии, в том числе теории экспертного прогнозирования и теории экспертной профилактики.

Н. П. Майлис предлагает выделять в судебной экспертологии новую функцию – профилактическую, находящуюся в тесной взаимосвязи с практической, синтезирующей и с прогностической функциями. «Исходя из профилактической деятельности процессуальных субъектов, прежде всего, следователя и эксперта, формируются закономерности, которые проявляются в их взаимодействии, благодаря которому происходит взаимное обогащение новыми знаниями, своевременности назначения экспертизы, как фактора влияющего на организацию расследования преступлений и т. п.» [11, с. 63]. Можно поддержать данное предложение и отметить при этом, что профилактическая функция дополняет прогностическую, уточняя и конкретизируя ее целенаправленное действие.

Применительно к теории экспертной профилактики прогностическая и профилактическая функции науки реализуются в накоплении и систематизации знаний, формулировании рекомендаций и/или указаний экспертам и правоприменителям, направленных на предупреждение обстоятельств, причин и условий, способствовавших совершению правонарушения, а также минимизации его последствий. Получению знаний, на основе которых могут быть созданы упомянутые рекомендации и/или указания, предшествует собирание и тщательный анализ данных о причинах и условиях совершения правонарушений, выдвижение гипотез о возможных путях предотвращения правонарушений, устранения их причин и условий, создание моделей различными методами, в том числе мыслительных, их проверку и подтверждение научной достоверности.

И. А. Алиев конкретизировал функции судебной экспертологии (общей теории судебной экспертизы), выделив методологическую, информационную, объяснительную, синтезирующую, эвристическую, практическую и прогностическую [2]. Т. В. Аверьянова, поддерживая выделение вышеприведенных функций, отмечала, что «следует говорить не о методологической, а о мировоззренческой функции, поскольку методологическую роль играют все функции теории» [1], при этом также поддерживала прогностическую функцию, как одну из основополагающих.

Помимо указанных, полагаем, что судебной экспертологии присуща также технико-юридическая и нормативно-юридическая функции, выражающиеся в общем виде в формулировании рекомендаций для правового регулирования деятельности по использованию специальных знаний и их нормативного закрепления.

Перечисленные функции в целом поддерживаются большинством ученых и не вызывают острых дискуссий, напротив выступают проявлением самостоятельности судебной экспертологии как науки, а также всех теорий, которые являются ее составляющими. При этом каждая частная теория в судебной экспертологии обе-

спечивает выполнение каждой из обозначенных функций, составляя тем самым единое ядро научного знания.

3. Развитие теории экспертной профилактики.

Значительный вклад в формирование частной теории экспертной профилактики внесли труды таких ученых, как В. П. Колмаков [10], И. Я. Фридман [18], И. А. Алиев, А. Р. Шляхов, Р. С. Белкин [5], Ю. Г. Корухов [13], Т. В. Аверьянова, Е. Р. Россинская, А. М. Зинин, Н. П. Майлис [11], М. Ш. Махтаев [12], Ф. Г. Аминев [3], В. Ю. Федорович и другие. Многие ученые писали об экспертной профилактике как одного из средств профилактики преступлений, осуществляемой экспертными учреждениями при производстве криминалистических экспертиз. Тем не менее имеющиеся серьезные научные разработки не обеспечивают эффективное применение экспертной профилактики на практике по ряду причин, среди которых и все время возрастающая нагрузка на следственно-судебные органы и экспертные учреждения, отсутствие нормативного регулирования и не соответствующая современным реалиям теоретико-методологическая основа экспертной профилактики и другие.

Одним из фундаментальных трудов, аккумулирующих научные разработки того времени и фактически положивших начало существованию частной теории экспертной профилактики, стала работа И. А. Алиева.

И. А. Алиев, избрав объектом исследования экспертную профилактику как социальную систему, в основе функционирования которой находится закономерная возможность выявления на основе специальных познаний криминогенных факторов и разработка профилактических мер по их устранению в целях предупреждения преступности, не только убедительно аргументировал потребность в создании теории экспертной профилактики, но и разработал ее основополагающие принципы, функциональные особенности, содержательную сторону и внутреннюю организацию, раскрыл предмет теории экспертной профилактики и предмет экспертно-профилактической деятельности [2, с. 19].

И. А. Алиев разделял экспертную профилактику как теорию, некую общую модель, и экспертную профилактическую деятельность, как ее выражение. «Предмет экспертной профилактики составляют имманентно присущие эксперту возможности (реализуемые в повседневной практике) установления на основе специальных познаний обстоятельств, которые фигурируют в качестве условий (а иногда и причин) совершения преступлений; взаимодействие субъектов экспертной профилактики друг с другом и с субъектами более общих систем по предупреждению преступности; организационные, координационные и методические условия, обеспечивающие их деятельность по предупреждению преступлений; комплексы профилактических мероприятий и целевые программы применительно к категориям преступлений, объектам экспертного исследования, региональной профилактической деятельности и т. п.; оценка результативности экспертной профилактической деятельности; способы познания, методы и ме-

тодики исследования, терминология, операционные понятия, прогнозирование дальнейшего развития экспертной профилактики» [2, с. 19]. Предметом же экспертной профилактической деятельности, по мнению И. А. Алиева, выступают фактические данные (факты и обстоятельства) как организационного, так и технического характера, которые устанавливаются экспертом в процессе проведения им экспертного исследования и относятся к обстоятельствам, способствующим совершению правонарушений, а также разрабатываемые на этой базе рекомендации, направленные к устранению этих обстоятельств [2, с. 20]. По мнению Т. В. Аверьяновой приведенные понятия суть одно и то же [1, с. 399]. Однако очевидно, что первый термин, как и подчеркивал И. А. Алиев является более широким и фактически включает в себя второй, что позволяет говорить о частичном пересечении определяемых сущностей.

В диссертации И. А. Алиева сформулированы ключевые научные категории, формирующие сущность теории экспертной профилактики: содержание и понятие специальных познаний, используемых для разработки экспертно-профилактических рекомендаций; свойства и отношения объектов, выявление которых служит основанием для разработки профилактических рекомендаций; виды общих и частных экспертно-профилактических задач; исследования, проводимые экспертом в целях профилактики; характер выявляемых обстоятельств, способствовавших совершению (сокрытию) преступлений и иных правонарушений; характер разрабатываемых экспертом профилактических рекомендаций; субъекты экспертно-профилактической деятельности; формы отражения результатов проведения профилактической деятельности; адресат экспертно-профилактических рекомендаций.

Глубокий анализ закономерностей и компонентов экспертной профилактической деятельности позволил И. А. Алиеву составить логически обоснованную структуру теории экспертной профилактики, включив в нее: 1. Предмет теории экспертной профилактики; 2. Объекты экспертной профилактики; 3. Субъекты экспертной профилактики, их функции в системе, связи и отношения между ними; 4. Методы экспертной профилактики. Полагаем, приведенная структура остается актуальной и может приниматься как основа дальнейшего развития частной теории экспертной профилактики.

4. Проблемы практической судебно-экспертной профилактики.

Выделив профилактическую деятельность судебно-экспертного учреждения и непосредственно судебного эксперта, процессуальную и непроцессуальную формы экспертной профилактики, И. А. Алиев определил конкретные направления выражения каждого вида, а также предложил основные принципы разработки АИПС «Экспертная профилактика», но на практике это реализовано не было. Возможной причиной является тот факт, что экспертная профилактика является как бы дополнительной и необязательной функцией судебно-экспертных учреждений.

В этой связи интересно предложение Е. Р. Россинской о создании в рамках правоохранительных структур Центра судебно-экспертной профилактики, который мог бы аккумулировать информацию в виде экспертных заключений, поступающую как от государственных судебных экспертов, сотрудников систем государственных судебно-экспертных учреждений, так и от иных экспертов, для обобщения и выработки единых профилактических мероприятий [14, с. 211]. Следует поддержать эту идею. Но несмотря на цифровизацию, все более захватывающую практически все области общественной жизни, невзирая на попытки межведомственного взаимодействия, следует отметить, что создание такого центра может вызвать проблемы его функционирования. Основными представляются следующие:

во-первых, отсутствие нормативного закрепления экспертно-профилактической функции в ФЗ ГСЭД, как и в многочисленных проектах (и поправках к ним) нового закона о судебно-экспертной деятельности;

во-вторых, отсутствие механизма экспертной профилактики, который представляет собой «систему функционирования экспертной профилактики, включающая формирование, последующую реализацию и контроль за выполнением рекомендаций, сформулированных экспертом в целях предупреждения обстоятельств, причин и условий, способствовавших совершению правонарушения, а также минимизации его последствий» [6, с. 263–265]. Возможный, но вполне работоспособный, механизм профилактической деятельности судебного эксперта предлагался нами ранее [7];

в-третьих, при наличии работающего механизма экспертной профилактики при направлении экспертных заключений или уведомлений по материалам судебной экспертизы (по терминологии И. А. Алиева), содержащим профилактические рекомендации, необходима работа по обеспечению конфиденциальности, обезличиванию фактических данных, касающихся участников уголовного дела;

в-четвертых, важность обеспечения недоступности профилактической информации широкой общественности, за исключением соответствующих органов государственной власти, государственных организаций, которым адресуются профилактические рекомендации. Кроме того, обеспечение межведомственного взаимодействия неизбежно столкнется с вопросами допустимости разглашения определенных данных (обеспечение секретности и допуска к различным видам тайны), что сделает невозможным распространение таких сведений, пусть даже и в профилактических целях. В связи с этим представляется важным определить специальный документ, составляемый экспертом прежде всего в рамках процессуальной формы судебно-экспертной профилактики – уведомление. Именно в этом документе, а не в заключении судебного эксперта, который предоставляется для ознакомления, проверки и оценки всем участникам судопроизводства, должны быть изложены профилактические рекомендации по предотвращению правонарушений. В противном случае смысл их формулирования утратит свое профилактическое значение;

в-пятых, отсутствие осуществляемого должным образом информационного обеспечения экспертов и правоприменителей. Это связано в первую очередь с отсутствием специального курса по экспертной профилактической деятельности [16; 17] или хотя бы отдельной темы, в рамках которой в полном объеме могло бы быть раскрыто содержание и возможности экспертной профилактики.

Однако наличие вышеуказанных проблем не должно быть безусловным препятствием для обеспечения функционирования механизма экспертной профилактики. Отметим, что механизм экспертной профилактики должен различаться в зависимости от ее формы и вида (процессуальной или непроцессуальной). Когда речь идет о процессуальной форме экспертной профилактики, то вполне можно говорить о необходимости создания если не центра, то отдела в каждой системе государственных судебно-экспертных учреждений, негосударственных организациях, судебно-экспертная деятельность для которых является одной из основных, а также в государственных организациях, для которых судебно-экспертная деятельность является одной из осуществляемых. Возможно также возложение функций по обобщению профилактических рекомендаций на эксперта, определенного руководителем экспертного учреждения или организации. Непроцессуальная форма экспертной профилактики может осуществляться сведущими лицами, не имеющими процессуально-правового статуса. В некоторых случаях специалистами, привлеченными к участию в следственных и иных процессуальных действиях, могут быть сформулированы профилактические рекомендации. Однако этот вопрос требует отдельного углубленного исследования.

Следует подчеркнуть, что формулирование профилактических рекомендаций в рамках реализации экспертной инициативы должно оставаться правом эксперта. В случаях, когда следователь или суд ставят перед экспертом конкретный вопрос о возможных причинах и условиях, способствовавших совершению правонарушения, эксперт обязан обеспечить выполнение экспертного задания в этой части, т. е. сформулировать по возможности необходимые рекомендации.

Представляется необходимым определить, что систематизацию поступающих из государственных СЭУ и негосударственных организаций экспертно-профилактических рекомендаций может осуществлять Федеральная палата судебных экспертов (далее – ФПСЭ), а именно созданный в рамках ФПСЭ комитет по экспертной профилактике, подчиненный Коллегиальному исполнительному органу (совету) [6; 7]. В его функции должен быть включен контроль за доведением экспертно-профилактических рекомендаций до сведения соответствующих государственных органов и их выполнением в установленный срок. Алгоритм действий данного комитета по принятию экспертно-профилактических рекомендаций, их направлению в соответствующие органы и организации и контроль за их выполнением может быть установлен в совместной инструкции ФПСЭ и государственных ведомств, в рамках которых функционируют судебно-

экспертные организации [6, с. 263–266]. Никаких препятствий в представлении экспертно-профилактических рекомендаций от частных экспертов в данном случае быть не может, поскольку все аспекты их взаимодействия с ФПСЭ должны быть урегулированы упомянутой выше инструкцией. Отметим, что И. А. Алиев одним из первых писал о необходимости «принятия единого подзаконного акта (Единой инструкции), детально регламентирующего экспертную профилактическую работу» [2], однако речь шла только о судебно-экспертных учреждениях ведомственной принадлежности, что было обусловлено ситуацией, сложившейся на тот момент времени.

Заключение. Частная теория экспертной профилактики представляет собой систему научных знаний и практических рекомендаций по применению различных способов, приемов и научно-технических средств, применяемых в целях предупреждения обстоятельств, причин и условий, способствующих совершению правонарушения, а также минимизации его последствий. Ее развитие, как составляющей судебной экспертологии, является безусловно важным для деятельности по защите прав и законных интересов личности, общества и государства. Наиболее важным сейчас в рамках этой теории является разработка и нормативное регулирование механизма экспертной профилактики, инструктивное закрепление практических наставлений для экспертов (в рамках процессуальной формы экспертной профилактики) и сведущих лиц (в рамках непроцессуальной формы) по реализации экспертно-профилактических рекомендаций.

Список источников

1. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза : курс общей теории. М. : Норма, 2006. 480 с.
2. Алиев И. А. Проблемы судебно-экспертной профилактики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1990. 32 с.
3. Аминев Ф. Г. Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения : дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа, 2016. 482 с.
4. Аминев Ф. Г. О некоторых проблемах профилактики в судебно-экспертной деятельности и путях их решения // Актуальные проблемы права и государства в XXI век : материалы X Международной научно-практической конференции. 2018. Т. 10. № 2. С. 73–77.
5. Белкин Р. С. Курс криминалистики : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по юрид. специальностям. 3-е изд., доп. М. : Юнити, 2001. 837 с.
6. Дьяконова О. Г. Специальные знания в судебной и иной юрисдикционной деятельности государственных ЕАЭС: теория и практика : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 498 с.
7. Дьяконова О. Г. О регламентации механизма профилактической деятельности эксперта // Судебная экспертиза. 2021. № 4. С. 21–31.
8. Дьяконова О. Г. Организация профессионального сообщества судебных экспертов на основе судебной экспертологии // Судебная экспертиза. 2023. № 1 (73). С. 8–21.

9. Зинин А. М., Майлис Н. П. Судебная экспертиза : учебник для студентов вузов. М. : Юрайт : Право и закон, 2002. 318 с.

10. Колмаков В. П. Некоторые вопросы криминалистической профилактики преступлений // Советское государство и право. М. : Наука, 1961, № 12. С. 106–109.

11. Майлис Н. П. Современные проблемы научных и методологических основ судебной экспертизы // Вестник экономической безопасности. 2016. № 4. С. 63–68.

12. Махтаев М. Ш. Экспертно-криминалистическая профилактика : монография. М. : Юрлитинформ, 2018.

13. Основы судебной экспертизы. Ч. I. Общая теория / Отв. ред. проф. Ю. Г. Корухов. М. : РФЦСЭ, 1997. 430 с.

14. Россинская Е. Р. Экспертная профилактика в условиях цифровизации судебно-экспертной деятельности // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 208–212.

15. Рузавин Г. И. Методы научного познания. М. : Мысль, 1975. 237 с.

16. Федорович В. Ю. Особенности компетенции судебного эксперта в профилактической деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 4 (100). С. 181–185.

17. Федорович В. Ю. Значение профессиональной этики экспертов в реализации задач экспертной профилактики // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 24. № 4. С. 208–212.

18. Фридман И. Я. Судебная экспертиза и вопросы предупреждения преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1974. 39 с.

19. Штофф В. А. Проблемы методологии научного познания : монография. М. : Высш. школа, 1978. 269 с.

References

1. Averyanova T. V. Forensic examination: a course in general theory. M. : Norma, 2006. 480 p.

2. Aliev I. A. Problems of forensic prevention : abstract of dis. ... doctor of legal sciences. Kiev, 1990. 32 p.

3. Aminev F. G. Forensic expertise in the Russian Federation: current problems and ways to solve them : dis. ... Doctor of Sciences (Law). Ufa, 2016. 482 p.

4. Aminev F. G. On some problems of prevention in forensic expertise and ways to solve them // Actual problems of law and the State in the 21st century : proceedings of the X International Scientific and Practical Conference. 2018. Vol. 10. № 2. P. 73–77.

5. Belkin R. S. Course of criminalistics: Textbook for university students studying law. specialties. 3. ed., add. M. : Unity, 2001. 837 p.

6. Dyakonova O. G. Special knowledge in judicial and other jurisdictional activities of the EAEU Member States: theory and practice: dis. ... Doctor of Sciences (Law). M., 2021. 498 p.

7. Dyakonova O. G. On the regulation of the mechanism of preventive expert activity // Forensic examination. 2021. № 4. P. 21–31.

8. Dyakonova O. G. Organization of a professional community of forensic experts based on forensic expertise. 2023. № 1 (73). P. 8–21.

9. Zinin A. M., Mailis N. P. Forensic examination : textbook for university students. M. : Yurayt : Pravo i zakon, 2002. 318 p.

10. Kolmakov V. P. Some issues of criminalistic crime prevention // Soviet state and law. M. : Nauka, 1961, № 12. P. 106–109.

11. Mailis N. P. Modern problems of scientific and methodological foundations of forensic examination // Bulletin of Economic Security. 2016. № 4. P. 63–68.

12. Makhtaev M. S. Expert and criminalistic prevention : monograph. M. : YurLitinform, 2018.

13. Fundamentals of forensic examination. Part I. General theory / Ed. by professor Yu. G. Korukhov. M. : The Russian Federal Center for Forensic Expertise, 1997. 430 p.

14. Rossinskaya E. R. Expert prevention in the context of digitalization of forensic expertise // Bulletin of Economic Security. 2020. № 2. P. 208–212.

15. Ruzavin G. I. Methods of scientific cognition. M. : Mysl, 1975. 237 p.

16. Fedorovich V. Yu. Features of the competence of a forensic expert in preventive activities // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 4 (100). P. 181–185.

17. Fedorovich V. Yu. The importance of professional ethics of experts in the implementation of the tasks of expert prevention // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2022. Vol. 24. № 4. P. 208–212.

18. Friedman I. Ya. Forensic examination and crime prevention issues : abstract of the dis. ... Doctor of Sciences (Law). M., 1974. 39 p.

19. Stoff V. A. Problems of methodology of scientific cognition : monograph. M. : Higher School of Economics. school, 1978. 269 p.

Информация об авторе

О. Г. Дьяконова – профессор кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

O. G. D'yakonova – Professor of the Department of Forensic Expertise of the Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 29.12.2025; одобрена после рецензирования 26.01.2026; принята к публикации 25.02.2026.

The article was submitted 29.12.2025; approved after reviewing 26.01.2026; accepted for publication 25.02.2026.

Научная статья

УДК 340

EDN: <https://elibrary.ru/kmwlit>

НИОН: 2015-0066-2/26-423

MOSURED: 77/27-011-2026-02-622

Использование робототехники в полиции: технологии будущего

Серафима Евгеньевна Зайцева

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

sima-zaitseva@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены различные подходы в применении роботизированных технологий в правоохранительных органах. Актуальность исследуемой темы заключается в поиске решений создания высокотехнологичных разработок в области робототехники, применяемой в полиции, с учетом выявленных преимуществ и недостатков их применения. Научная новизна исследования заключается в проведенном сравнительном анализе возможных способов устранения негативных последствий применения роботов-полицейских.

Ключевые слова: робототехника, сотрудники правоохранительных органов, борьба с преступностью, полицейские роботы, искусственный интеллект, преимущества и недостатки использования роботов-полицейских

Для цитирования: Зайцева С. Е. Использование робототехники в полиции: технологии будущего // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 53–57. EDN: KMWLIT.

Original article

The use of robotics in the police: technologies of the future

Serafima E. Zaitseva

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

sima-zaitseva@yandex.ru

Abstract. Various approaches to the use of robotic technologies in law enforcement agencies are considered. The relevance of the topic under study lies in the search for solutions to create high-tech developments in the field of robotics used in the police, taking into account the identified advantages and disadvantages of their use. The scientific novelty of the study lies in the comparative analysis of possible ways to eliminate the negative consequences of the use of police robots.

Keywords: robotics, law enforcement officers, crime fighting, police robots, artificial intelligence, advantages and disadvantages of using police robots

For citation: Zaitseva S. E. The use of robotics in the police: technologies of the future. Bulletin of economic security. 2026;(2):53–57. (In Russ.). EDN: KMWLIT.

Введение

В течение многих лет роботы рассматривались лишь как полезный продукт, а не как обязательный инструмент. При первом знакомстве с профессией полицейского считалось, что роботы полезны в тактических ситуациях, но вскоре пользователи осознали истинный потенциал предоставляемой им технологии.

Многие страны мира используют роботизированные технологии для осуществления различных видов полицейской деятельности. Этот процесс находится на начальной стадии своего становления, но уже сейчас ясно, что наше будущее неразрывно связано с ним. Первые официально зарегистрированные случаи ис-

пользования полицией роботов относятся к началу 21 века. Затем их привлекали к опасной работе, которую было трудно выполнять людям (например, небольшие роботизированные транспортные средства на колесах доставляли террористам, захватившим заложников, телефоны, с помощью которых они могли вести переговоры с полицией и выдвигать свои требования). По мере развития технологий роботы становятся все более способными и пригодными для выполнения различных задач. Постепенно эти управляемые человеком устройства становились все крупнее и внешне напоминали людей в полицейской форме. С появлением возможности использования искусственного интеллекта

© Зайцева С. Е., 2026

роботы стали более независимыми, а процент их ошибочных действий значительно снизился. Это позволило привлекать Робокopa к различным мероприятиям, где обеспечивается тесный контакт с людьми (например, роботы, говорящие на нескольких языках, стали использоваться для приема жалоб от пострадавших граждан страны или туристов, ставших жертвами преступников). Успешное тестирование многих моделей робокопов еще больше расширило их возможности. Однако до сих пор не появились универсальные роботы, способные полностью заменить живых полицейских.

Материалы и методы

Роботы становятся все более распространенным инструментом борьбы с преступностью для полиции и других сотрудников правоохранительных органов.

Прежде всего, стоит определить, что такое полицейский робот. Само определение «робот» вызывает много споров, и некоторые ученые утверждают, что «совпадения между людьми, алгоритмами, компьютерами, роботами и обычными машинами настолько велики, что не существует четкого юридического определения робота» [1]. Тем не менее, в целом роботы могут рассматриваться как механические объекты, которые воспринимают окружающий мир, обрабатывают то,

что они ощущают, и, в свою очередь, воздействуют на мир.

Полицейские роботы могут принимать различные формы, которые, пожалуй, проще всего описать по тому, как они передвигаются. Некоторые роботы, обычно используемые полицией, такие как роботы для обезвреживания взрывоопасных предметов (EOD), маневрируют с помощью колес или гусениц. А в последние годы некоторые крупнейшие полицейские ведомства США, включая Департамент полиции Нью-Йорка и Лос-Анджелеса, взяли на вооружение четвероногих роботов, напоминающих собак, таких как робот Spot от Boston Dynamics. Полицейские роботы также обладают широким спектром возможностей. Многие роботы могут быть оснащены аксессуарами, или «полезной нагрузкой», например, маневренными руками, способными поднимать предметы и открывать двери. Роботы часто оснащаются множеством камер и датчиков, включая камеры с функцией панорамирования, наклона и масштабирования, тепловизионные камеры, микрофоны и радарные датчики. Оснащение полицейских роботов оружием встречается редко, но не беспрецедентно – полиция за рубежом стала использовать роботов, оснащенных такими боеприпасами, как перцовый баллончик, слезоточивый газ и пейнтбольные мячи [3].

Когда в 2007 году компания ICOR Technology представила своего первого робота, службы общественной безопасности в основном полагались на робототехнику для решения задач по обезвреживанию взрывоопасных предметов. Осознавая возможность расширить возможности группы спецназа в условиях баррикад, ICOR выпустила Mini-CALIBER – компактного портативного робота, который отлично зарекомендовал себя в самых разных ситуациях. С момента своего появления он использовался в различных областях деятельности, начиная с патрулирования, расследований и работы в кризисных ситуациях, связанных с психическим здоровьем

Рис. 1. Из истории возникновения робототехники

Рис. 2. Пример использования робота в полиции

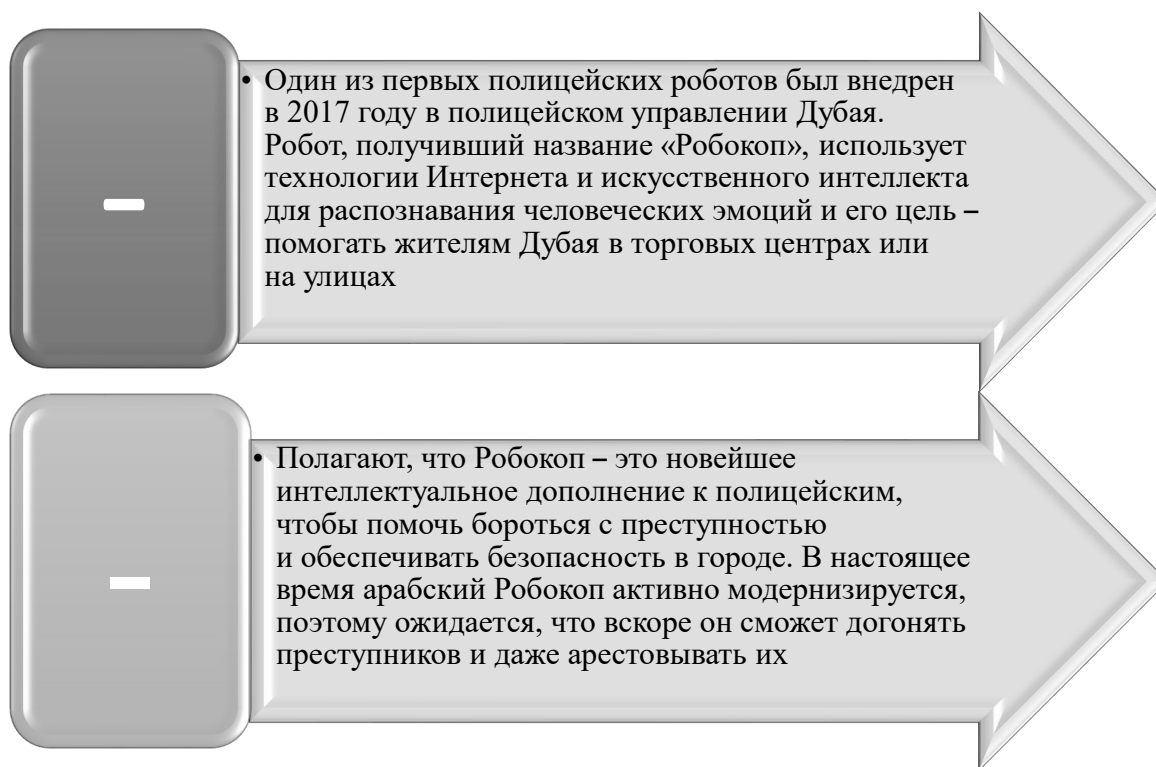

Рис. 3. Возможности одного из первых роботов-полицейских

Результаты

В современных высокоразвитых странах применение робототехники в работе правоохранительных органов является уже явлением, приобретающим обычный характер.

Относительно недавно правоохранительные органы одного из регионов в Индии, а именно, региона Уттар-Прадеш, совершили покупку комплекса беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) Skunk, целью которых является усмирение нарушающих правопорядок людей, причем наведение порядка сопровождается методом распыления содержимого перцовых баллончиков. Сконструированный в ЮАР фирмой Desert Wolf, БПЛА может выстреливать до двадцати зарядов в секунду своими гранулами слезоточивого газа без летального исхода. Полицейские имеют возможность управления БПЛА с земли. Кроме того, беспилотник снабжен встроенными динамиками для общения полицейских с зачинщиками общественных беспорядков и лазерами для разгона протестующих, а также снабжен тепловизором с HD-разрешением и встроенным аудиодатчиком.

Известно, что граница между Северной и Южной Кореей, так называемая «демилитаризованная зона», представляет из себя далеко не мирную территорию с учетом обширного парка частично автономных средств, принадлежащих Южной Корее, совершающих круглосуточное патрулирование. Данные машины-убийцы – SRG-A1 – разработаны фирмой Samsung и имеют вооружение, состоящее из 5,5-мм пулеметов и гранатометов. Их миссия заключается в поиске и обнаружении

мишени на расстоянии 2-х миль, используя при этом тепловые датчики движения и камеры ночного патрулирования. Известно, что полностью автономная функция данных машин является их отличительной особенностью.

Во время судебного процесса в 2012 г. у сотрудников исправительной колонии Пхохан в Южной Корее был робот, главной функцией которого являлось наблюдение за нарушениями порядка. Такой 5-футовый робот-стражник имеет для идентификации и анализа поведения заключенных встроенную 3D-камеру и программное обеспечение. Более того, данный охранник в случае обнаружения беспорядков или физического конфликта между заключенными подает немедленное сообщение об этом. Двухсторонняя связь для общения с заключенными возможна через центр управления. Информация об эксплуатации таких роботов после проведения испытаний отсутствует, хотя по последним сведениям проходит сообщение, что на данный момент в Южной Корее ведется работа по созданию роботов-патрульных.

Согласно поступившей информации из Mashable, в настоящее время в Китае появился собственный полицейский-робот, известный как Anbot и принявший на себя обязанности патрулирования улиц с целью отслеживания и выявления вызывающих подозрение людей, применяя при этом особую систему распознавания личности. Отличительной особенностью таких роботов как RoboCop и Anbot является непрерывное и безостановочное уличное патрулирование, что значительно повышает эффективность их работоспособности по сравнению с людьми-полицейскими. Обладая не только качеством

осуществления пресечения преступных деяний, робот Anbot может также вести контроль качества воздуха и отмечать температурные изменения. Ростом около 1,6 метра, робот-полицейский с помощью голосовых команд и системы камер может осуществлять автономное передвижение. Свое название робот получил от китайских слов «an» (безопасность) и «bot» (робот). Кроме того, обладая для борьбы с правонарушениями электрически заряженным инструментом, робот-полицейский может использовать его для мониторинга. Использование в Китае данного РобоКопа имеет перспективные и далеко идущие планы.

Вышеприведенные примеры использования роботов-полицейских в правоохранительной деятельности указывают на тот факт, что их будущее использование уже предопределено [5].

Обсуждение

При наличии явного положительного эффекта от внедрения робокопов в работу правоохранительных органов, существует и ряд опасений, которые связаны с рядом этических проблем, подлежащих скрупулезному рассмотрению. Известно, что явным преимуществом роботов-полицейских, обладающих искусственным интеллектом, является их потенциал выполнения требующих больших временных затрат и опасных для человека функций. Примерами могут служить использование робокопов в ситуациях, связанных с захватом заложников, либо действия по предотвращению угроз взрыва, уличных перестрелок и прочее, то есть действий, представляющих опасность для жизни полицейских. Кроме того,

участие в поисково-спасательных операциях, мониторинге событий с учетом эффективности и точности роботов-полицейских, обладающих искусственным интеллектом, указывает на тот факт, что в данных случаях их работа незаменима и предпочтительна. Незаменимость данных машин явно видна при обработке колоссального объема данных и требования принятия срочного решения в случае опасности за считанное количество времени. Несомненным плюсом для использования роботов-полицейских является и тот факт, что они могут осуществлять круглосуточное дежурство, исключая риск пропуска важных компонентов при наблюдении за объектами [4].

Но не стоит забывать и о некоторых недостатках использования машин с искусственным интеллектом, особенно если это связано с моральными и этическими проблемами. Стоит при этом упомянуть потенциальную предвзятость в процессе принятия решения. Системы, обладающие искусственным интеллектом, напрямую зависят от данных, вложенных в них. В случае необъективности этих данных, искусственный интеллект не сможет самостоятельно их скорректировать, и это будет означать искажение и опасность при принятии решений роботом-полицейским. Речь идет именно о дезориентации действий робота по отношению к выполнению заложенных в него функций, и окружающие его люди могут быть подвержены дискриминации и неправомерным действиям со стороны машины.

Не стоит забывать и еще об одной этической проблеме при использовании искусственного интеллекта.

Даже полиция Нью-Йорка отказалась от использования «Digidog» от Boston Dynamics в 2021 году, после негативной реакции со стороны сообщества и государственных чиновников. Более того, следует отметить, что хотя роботам могут быть и не присущи расовые предубеждения, это не означает, что лежащая в их основе технология искусственного интеллекта идеальна

На самом деле, как показали исследования, этого даже недостаточно: программы для анализа лиц гораздо чаще ошибочно идентифицируют людей с темной кожей, чем их светлокожих коллег. Некоторые из этих полицейских роботов используют подобную технологию

Существует риск ошибочной идентификации подозреваемых в совершении преступлений. Кроме того, существует вероятность чрезмерного насилия со стороны робота-полицейского

Рис. 4. Примеры выявленных недостатков в применении робокопов

Очевидно, что требуется тщательное регулирование деятельности робота-полицейского, в противном случае его деятельность может вызвать нарушение права человека на неприкосновенность частной жизни и, в самом худшем варианте, деяния робота могут стать орудием подавления.

Отсюда следует вывод, что решение данных этических проблем требует прозрачности при создании и внедрении роботов-полицейских, обладающих искусственным интеллектом. Со стороны правоохранительных органов требуется четкое представление задачи качества исполнения заложенных в робота данные, что, соответственно, требует строгих механизмов подотчетности и наблюдения за соблюдением использования технологий в соответствии с законом. При прогрессивном продвижении задач, связанных с разработкой и внедрением робототехники в правоохранительной деятельности, следует строго соблюдать равновесие между выгодой и имеющими место быть рисками, тем самым обеспечивая подотчетное и этичное применение данной технологии.

Заключение

Подводя итог, стоит еще раз обратить внимание на преимущества и недостатки робототехники, так как использование роботов-полицейских в правоохранительной деятельности до сих пор вызывает настороженность и нарекания со стороны специалистов и общественности. Естественно, что сторонники этого направления указывают на достаточное количество упомянутых выше положительных характеристик при использовании робототехники в полицейской деятельности. Вместе с тем, оппоненты данного научного направления настаивают на внимательном изучении всех недостатков, способных вызвать негативные последствия и даже опасность при внедрении искусственного интеллекта, заложенного в машину, исполняющую функции полицейского.

Как указывалось выше, преимуществами полицейских-роботов является их непрерывность в работе в отличие от полицейских-людей, которым нужны перерывы и смены. Роботы также снижают риски, беря на себя такие опасные миссии, как обнаружение бомб или проникновение на место преступления. Они увеличивают зону наблюдения, гарантируя, что ни одна территория не останется без контроля. Кроме того, роботы могут собирать и обрабатывать данные быстрее, чем люди, что

сокращает время реагирования. Выполняя рутинные или опасные обязанности, они позволяют полицейским людям сосредоточиться на задачах, требующих эмпатии, здравого смысла и принятия сложных решений.

Несмотря на свои преимущества, роботы-полицейские сталкиваются с трудностями. Одной из основных проблем является стоимость, поскольку передовые технологии робототехники и искусственного интеллекта требуют значительных инвестиций. Еще одной проблемой является надежность. Роботы могут работать со сбоями или быть взломанными, что вызывает опасения по поводу безопасности. Также возникают этические вопросы, например, должны ли роботы иметь право принимать решения в правоохранительных органах. Кроме того, доверие общественности не гарантировано, поскольку многие граждане могут испытывать дискомфорт при взаимодействии с машинами, а не с людьми-полицейскими. Для успешной интеграции необходимо тщательно подходить к решению этих проблем [2].

Как следует из всех перечисленных плюсов и минусов при оценивании работы роботизированной техники, решение о ее применении остается за человеком, что привносит в рассматриваемую проблему долю позитива.

Список источников / References

1. Bryan Casey, Mark A. Lemley You Might Be a Robot // *Cornell Law Review*. 2020. Vol. 99. P. 743–746.
2. Lukashov N. V. Organizational and legal basis for the use of police robotic systems in the internal Affairs bodies of the Russian Federation // *Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2020. № 3 (55). P. 210–221.
3. Mike Oitzman. Prosegur Security Launches New Quadruped Patrol Option // *Robot Report*. URL: <https://www.therobotreport.com/prosegur-security-launches-new-quadruped-patrol-option/>
4. Mike Thomas. Are Police Robots the Future of Law Enforcement? Dec. 13, 2023 // Brennan Whitfield. URL: <https://builtin.com/robotics/police-robot-law-enforcement/>
5. Robin Mitchell. Robots on Patrol: The Future of Crime Prevention. 27-09-2023 // URL: <https://www.electropages.com/blog/2023/09/police-robots-safety-solution-or-risk/>

Информация об авторе

С. Е. Зайцева – доцент кафедры иностранных языков Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат педагогических наук, доцент.

Information about the author

S. E. Zaitseva – Associate Professor of the Department of Foreign Languages of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 27.01.2026; одобрена после рецензирования 25.02.2026; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 27.01.2026; approved after reviewing 25.02.2026; accepted for publication 19.03.2026.

Научная статья

УДК 34.3

EDN: <https://elibrary.ru/bctwul>

ИИОН: 2015-0066-2/26-424

MOSURED: 77/27-011-2026-02-623

Институт возмещения вреда, причиненного преступлением: исторический экскурс и современные тенденции совершенствования

Дмитрий Александрович Иванов¹, Анна Владиленовна Скачко², Эльмир Низамиевич Алимамедов³

¹ Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
ida_2008_79@mail.ru

² Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия,
s.matrix@mail.ru

³ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия,
alimelmir@gmail.com

Аннотация. Анализируются исторические предпосылки закрепления правовых положений, регулирующих концептуальные основы возмещения вреда, причиненного преступлением, в российском законодательстве. Доказано, что институт возмещения вреда претерпевал различные изменения в разные исторические периоды, отражая особенности и направленность уголовного процесса в каждом из них.

Авторами установлено, что окончательное решение по поводу возмещения, причиненного преступлением вреда, принимает суд, который изучает все обстоятельства совершенного уголовно наказуемого деяния и принимает обоснованное решение о размере компенсации, если таковая признается уместной.

В заключение авторы пришли к выводу о том, что историко-правовой подход к изучению проблем возмещения вреда позволяет выявить эволюцию этого правового института и понять его современное состояние, определить его значимость для уголовно-процессуальной деятельности и тенденции в развитии.

Ключевые слова: досудебное производство, имущественный вред, физический вред, моральный вред, потерпевший, гражданский иск, уголовно наказуемое деяние

Для цитирования: Иванов Д. А., Скачко А. В., Алимамедов Э. Н. Институт возмещения вреда, причиненного преступлением: исторический экскурс и современные тенденции совершенствования // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 58–62. EDN: BCTWUL.

Original article

Institute of compensation for damage caused by crime: a historical review and contemporary trends in improvement

Dmitry A. Ivanov¹, Anna V. Skachko², Elmir N. Alimov³

¹ Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
ida_2008_79@mail.ru

² Kuban State University, Krasnodar, Russia,
s.matrix@mail.ru

³ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,
alimelmir@gmail.com

Abstract. Analyzed the historical background to the establishment of legal provisions regulating the conceptual foundations of compensation for damage caused by crime in the Russian legislation. It has been demonstrated that the institution of compensation for damages has undergone various changes in different historical periods, reflecting the specific features and focus of criminal proceedings in each.

© Иванов Д. А., Скачко А. В., Алимамедов Э. Н., 2026

The authors established that the final decision regarding compensation for damages caused by a crime is made by the court, which examines all the circumstances of the criminal offense and makes a reasoned decision on the amount of compensation, if deemed appropriate.

In conclusion, the authors concluded that a historical and legal approach to studying the issues of compensation for damages allows to identify the evolution of this legal institution and understand its current status, determine its significance for criminal procedure and development trends.

Keywords: pre-trial proceedings, property damage, physical harm, moral harm, victim, civil claim, criminal offense

For citation: Ivanov D. A., Skachko A. V., Alimov E. N. Institute of compensation for damage caused by crime: a historical review and contemporary trends in improvement. Bulletin of economic security. 2026;(2):58–62. (In Russ.). EDN: BCTWUL.

История становления института возмещения вреда берет свое начало со времен Древнего мира. В этот период возмещение вреда рассматривалось только с точки зрения возмещения материального ущерба.

Вторым периодом традиционно выделяют Средние века. Это время в истории характеризуется периодом так называемой «кровавой мести». Данный аспект был закреплён на государственном уровне и был одним из основных принципов правосудия. В указанный период впервые возникает идея закрепления возмещения морального вреда. Стоит отметить, что возмещение морального вреда реализовалось не только при посягательстве на жизнь и здоровье человека, но и при совершении преступления в отношении имущества.

Период Нового времени характеризуется первыми законодательными источниками, в которых были прописаны способы возмещения вреда, а также процедуры возмещения. В этот период возникают основные элементы современных правил и процедур возмещения вреда. Развиваются гражданские и уголовные правила, которые определяют, кто должен возмещать вред и какую сумму нужно выплатить. Возникает понятие ответственности, как за причинение физического, так и морального вреда.

Новейшее время (XX в. – настоящее время) характеризуется дальнейшим развитием правил и процедур возмещения вреда. В этот период происходит усиление государственного контроля и надзора за процессом возмещения вреда, и появляются новые нормы и законы, регулирующие этот процесс. Правовые институты, связанные с возмещением вреда, становятся более сложными и уточненными, и устанавливаются новые стандарты и практики возмещения вреда.

Первые памятники права свидетельствуют о том, что защита жизни и здоровья граждан была важной частью древних правовых систем. В Законах Хаммурапи закреплены имущественные гарантии на случай утраты кормильца, что указывает на то, что правовые институты также имели цель обеспечить экономическую защиту граждан. Принцип Талиона, основанный на равнозначной ответственности, был также частью древнеримского права и указывал на то, что правовая система стремилась к справедливому возмещению ущерба, причиненного жизни и здоровью гражданина. Очевидно, что защита жизни и здоровья была значимой ценностью

в древности и была закреплена в древних правовых актах [6, с. 157–162].

Нормы римского права нашли свое отражение в Дигестах (533 г. н. э.). Нормы римского права в отношении возмещения вреда требовали компенсации в виде материальных благ, таких как земельные участки и дома, а также предоставления права на приобретение недвижимости. В римском праве отсутствовало единое правило об ответственности за причиненный вред. Понятие «деликт» охватывало все нарушения права, включая объективный вред, вину нарушителя и признание действия деликтом. Таким образом, каждый случай нарушения права рассматривался индивидуально, и суд принимал решение о виновности нарушителя и о необходимости возмещения ущерба [3, с. 342].

Последующие исторические периоды характеризуются активным заимствованием норм римского права, которые закреплялись в актах формирующегося гражданского законодательства различных государств, включая законодательство Древней Руси.

Древняя Русь, основная часть которой была частью Византийской империи, получала значительное влияние от римского права. Основными источниками римского права были Corpus Juris Civilis («Тело гражданского права») и законодательство императоров. Нормы римского права, такие как собственность, наследование, обязательства, были заимствованы и интегрированы в правовую систему Древней Руси.

Однако следует отметить, что адаптация римских норм происходила с учетом особенностей русского общества и традиций.

С течением времени, возмещение вреда, причиненного преступлением, стало одним из видов наказаний, что нашло отражение в «Судном законе людям». Принятие указанного закона было одной из попыток закрепления формализованного судебного процесса и ключевым фактором в укреплении процесса возмещения вреда. Закрепленная система была мало эффективна, поскольку усложняла уголовный процесс, поддерживала незаконное обогащение. В связи с этим в последующем была введена система подачи гражданского иска. Данная система значительно облегчила деятельность правоохранительных органов в то время, поскольку рассматриваемый аспект был выделен в отдельное производство.

С принятием Свода законов Российской Империи система возмещения вреда значительно изменилась. Теперь полиция имела право применить реституцию [4]. Это означало то, что полиция имела право изъять имущество обвиняемого в случае его кражи и вернуть его законному владельцу. Однако, судебная реформа 1864 г. отменила данную процедуру и вернула возмещение вреда по гражданскому иску. При этом возмещение вреда было как материальным, так и нематериальным.

В период Февральской революции 1917 г. были первые попытки рассмотрения гражданского иска в рамках уголовного процесса, однако, данная процедура не увенчалась успехом и никак не была закреплена на законодательном уровне. Со временем гражданский иск был исключен, и возмещение вреда никак не обеспечивалось, ни со стороны государства, ни со стороны правоохранительных органов [7, с. 284–285].

В период НЭПа гражданский иск был снова возвращен и нашел свое отражение в Уголовном кодексе РСФСР. Стоит отметить, что гражданский иск вновь рассматривался в рамках уголовного дела.

Особенности розыскного типа производства в отношении возмещения вреда, причиненного преступлением, возникли в отечественном уголовном процессе в 1930-х гг. и имели сходства с германским образцом. В рамках этого процесса гражданский иск мог быть прекращен в рамках уголовного дела. Это означало отказ правоохранительных органов от возмещения вреда потерпевшему. Потерпевший также имел ограниченные права и мог участвовать только в расследовании, касающемся его непосредственно. Суд имел возможность самостоятельно исключить гражданский иск из уголовного дела.

Таким образом, институт возмещения вреда терпел различные изменения в разные исторические периоды, отражая особенности и направленность уголовного процесса в каждом из них.

В. А. Коваленко приводит определение вреда, причиненного преступлением, и понимает его как «вред, причиненный в результате совершения предусмотренного законом противоправного и общественно опасного деяния (действия или бездействия) лицам, обладающим полномочиями на защиту и восстановление нарушенных прав в рамках уголовного процесса, способы и последствия, которого регулируются законодательством» [1, с. 144–145]. Понятие, приведенное, В. А. Коваленко является широким и охватывает, по нашему мнению, весь институт возмещения вреда.

На сегодняшний день возмещение вреда, причиненного преступлением, по мнению С. А. Шумакова подразумевает «деятельность по восполнению причиненного преступлением ущерба» [8, с. 103]. При этом автор отмечает, что возмещение ущерба может иметь форму компенсации, когда причинены убытки в форме упущенной выгоды или причинен моральный вред. В данном случае, С. А. Шумаков не упоминает про воз-

мещение физического вреда, что, по мнению некоторых авторов, является упущением.

Таким образом, возмещение вреда – это комплекс процессуальных и непроцессуальных мер, предпринимаемых дознавателем, следователем или судом с целью восстановления нарушенных прав потерпевших, направленных на компенсацию имущественного, морального или физического вреда, который был причинен потерпевшему преступлением.

В свою очередь, М. Ф. Федоров в качестве видов вреда выделяет [5, с. 377–379]:

1. Имущественный вред.

2. Физический вред. Физический вред всегда проявляется в физических страданиях человека. Физические страдания понимаются как индивидуальные ощущения и боли, которые человек испытывает в результате физического вреда. Они могут быть временными или постоянными, их степень может варьировать от незначительной до серьезной.

3. Моральный вред. Моральный вред – это психологические или эмоциональные страдания, вызванные преступлением. Включает ощущения тревоги, страха, стресса, психологического дискомфорта и нарушения душевного равновесия.

Все эти виды вреда могут быть учтены в ходе судебного процесса и могут служить основанием для требования компенсации или возмещения вреда, причиненного преступлением.

А. В. Коробкин, Т. П. Бутенко, исходя из видов вреда, причиненного преступлением, приходят к мнению о том, что «возмещение вреда – это межотраслевой институт». И с этим невозможно не согласиться. Возмещение вреда, причиненного преступлением, закреплено во многих нормативных правовых актах, в том числе и международных [2, с. 175].

Декларация основных принципов международного правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 г., была создана с целью защиты прав лиц, пострадавших от преступлений. Она закрепляет необходимость установления и укрепления национальных компенсационных фондов для возмещения вреда, когда это невозможно осуществить по различным причинам, таким как финансовая неплатежеспособность виновного лица или его неустановление.

Статья 52 Конституции Российской Федерации в значительной мере отражает этот всемирно признанный принцип, утверждая охрану прав жертв преступлений и злоупотреблений властью. Российское государство также принимает на себя обязанность обеспечить доступ пострадавших к справедливости и компенсацию за причиненный вред.

Вступив в силу, УПК РФ закрепил принципы правосудия и защиты «жертв» преступлений и злоупотреблений властью в отечественном законодательстве. Статья 6 УПК РФ, относящаяся к разделу «Принципы уголовного процесса», подтверждает, что основной це-

лью судебных процессов является защита прав и законных интересов пострадавших от преступлений физических и юридических лиц.

На основании принципа возмещения вреда, причиненного преступлением, каждый, кому был причинен вред в результате совершения противоправных действий, имеет право на возмещение ущерба. Это право состоит в неразрывной связи с Конституцией Российской Федерации, которая прямо определяет в статье 52, что государство несет ответственность за возмещение вреда, который был причинен в результате совершения преступления, что является не только юридической обязанностью, но и моральной обязанностью правового государства перед гражданами.

Вышеуказанный В. И. Коваленко обоснованно определяет, что «возмещение ущерба является не только элементом уголовного процесса, но и является механизмом обеспечения справедливости и правопорядка внутри страны» [1, с. 144–145].

Следующим нормативным правовым актом, который необходимо рассмотреть в рамках исследуемой темы, является Гражданский кодекс Российской Федерации. В частности, наибольший интерес представляет глава 59 ГК РФ, которая регулирует право потерпевшего на компенсацию вреда и определяет следующие возможности:

1. Полное возмещение вреда – потерпевший имеет право на полное восстановление нарушенных прав и интересов, включая моральный, физический и имущественный вред. Это означает, что потерпевший вправе требовать возмещение всех видов вреда, если этот вред будет подтвержден.

2. Определение размеров ущерба – потерпевший имеет право обратиться в органы предварительного расследования или в органы прокуратуры с требованием установить точный размер ущерба, который был ему причинен. В соответствии с этим государство в лице правоохранительных органов обязаны принимать меры, направленные на установление характера и размера причиненного вреда, а также меры, которые направлены на возмещение этого вреда.

Таким образом, ГК РФ дает потерпевшему широкие возможности для защиты и восстановления нарушенных прав, включая возможности возмещения полного вреда.

Оценка размера причиненного вреда является важным этапом в рассмотрении уголовного дела по существу и заявленного гражданского иска. Истец должен представить достоверные доказательства, подтверждающие размер причиненного вреда, чтобы суд имел возможность обосновать требуемое возмещение. Если доказательства отсутствуют или не удовлетворительны, суд может отказать в возмещении вреда и рассмотрении гражданского иска.

Определение размера причиненного вреда также может иметь влияние на степень общественной опасности преступления и его квалификацию. Например, если причиненный ущерб является значительным, преступ-

ление может быть признано особо тяжким и караться более строго.

Истец имеет право определить сумму иска, и суд будет принимать это во внимание при определении размера возмещения в соответствии с применимыми нормами УПК РФ и других законов. Тогда суд может решить обоснованность иска и в итоге определить размер возмещения, который будет соответствовать причиненному ущербу.

В статье 44 УПК РФ предусмотрено, что гражданин может подать гражданский иск с целью возмещения морального вреда и затрат, которые связаны с восстановлением нарушенных прав. Согласно рассматриваемой статье, истец обязан указать точный размер возмещаемого вреда, который он считает полным и справедливым.

Однако, как подчеркивает М.Ф. Федоров, «несмотря на то, что потерпевший сам заявляет сумму вреда, окончательное решение все же зависит от того, какое решение примет суд на основании доказанности причиненного вреда» [5, с. 377]. Соглашаясь с мнением автора, суд должен учитывать тяжесть преступления и способность подозреваемого (обвиняемого) возместить заявленный вред. Это подчеркивает важность судебской оценки, так как каждое преступление индивидуально.

При этом важно уточнить, что окончательное решение принимает суд, который изучает все обстоятельства совершенного преступления и принимает обоснованное решение о размере компенсации, если таковая признается уместной.

В случае, когда, предмет преступного посягательства был возвращен, то имущественные права потерпевшего будут считаться восстановленными, в связи с чем, имущественный вред считается возмещенным. Это подразумевает, что потерпевший будет владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, как до совершения преступления.

Чтобы подтвердить факт нанесения физических увечий и, как следствие, для устранения последствий, причиненных преступлением, необходимо медицинское заключение. В некоторых случаях, чеки от покупки медикаментов также будут являться подтверждением нанесения физических увечий.

Однако, последствия от физических увечий возместить полностью не всегда возможно. Условно такие последствия носят название «постоянные» или «долгосрочные». В таких случаях, гражданин, который получил «долгосрочные» увечья, может рассчитывать на моральную компенсацию вреда, причиненного ему противоправным деянием.

В данном контексте, основная задача правовой защиты потерпевшего от преступления – обеспечение защиты и возмещения интересов пострадавших. Часто в процессе применения закона органами предварительного следствия, дознания, прокурором и судом это решение не всегда является эффективным. Возмещение ущерба, который был причинен преступлением, может

занимать продолжительное время и представлять серьезную проблему. Даже в случаях, когда виновное лицо было привлечено к уголовной ответственности, возмещение причиненного ущерба не всегда осуществляется по различным причинам.

В заключение можно сделать вывод о том, что историко-правовой подход к изучению проблем возмещения вреда позволил выявить эволюцию этого правового института и понять его современное состояние, определить его значимость для уголовно-процессуальной деятельности и тенденции в развитии.

Список источников

1. Коваленко В. А. Теоретические и практические особенности рассмотрения института возмещения вреда путем предъявления гражданского иска в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 12.
2. Коробкин А. В., Бутенко Т. П. Понятие и правовая природа института возмещения вреда, причиненного в результате совершения преступления // Вопросы российского и международного права. 2022. № 3.
3. Римское частное право : учебник для вузов. М. : Издательство Юрайт, 2024.
4. Свод законов Российской Империи. Законы Гражданские. Ч. 1. Т. 10. СПб, 1835 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федоров М. Ф. Возмещение вреда, причиненного преступлением // Молодой ученый. 2022. № 18.
6. Федотов А. Г., Никитина Э. В. Место и роль принципа талиона в отечественной уголовно-правовой доктрине // Вестник Российского университета кооперации. 2020. № 1.

Информация об авторах

Д. А. Иванов – профессор кафедры прикладного правоведения и междисциплинарных юридических исследований Российского государственного гуманитарного университета, доктор юридических наук, профессор;

А. В. Скачко – профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, доцент;

Э. Н. Алимamedов – доцент кафедры международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the authors

D. A. Ivanov – Professor of the Department of Applied Law and Interdisciplinary Legal Studies of the Russian State University for the Humanities, Doctor of Legal Sciences, Professor;

A. V. Skachko – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Kuban State University, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor;

E. N. Alimamedov – Associate Professor of the Department of International and Public Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.11.2025; одобрена после рецензирования 24.12.2025; принята к публикации 19.01.2026.

The article was submitted 28.11.2025; approved after reviewing 24.12.2025; accepted for publication 19.01.2026.

References

1. Kovalenko V. A. Theoretical and practical features of considering the institute of compensation for damage by filing a civil claim in criminal proceedings // Current Issues of Russian Law. 2021. № 12.
2. Korobkin A. V., Butenko T. P. Concept and legal nature of the institute of compensation for damage caused as a result of the commission of a crime // Issues of Russian and International Law. 2022. № 3.
3. Roman private law : textbook for universities. Yurait Publishing House, 2024.
4. Code of Laws of the Russian Empire. Civil Laws. Part 1. Vol. 10. St. Petersburg, 1835 // LRS «Consultant-Plus».
5. Fedorov M. F. Compensation for damage caused by a crime // Young Scientist. 2022. № 18.
6. Fedotov A. G., Nikitina E. V. The place and role of the principle of talion in domestic criminal law doctrine // Bulletin of the Russian University of Cooperation. 2020. № 1.
7. Shishkin A. A. History of the development of the domestic institute of compensation for damage caused by a crime // Young Scientist. 2019. № 19.
8. Shumakov S. A. Criminal law significance of compensation for damage caused by a crime : dis. ... cand. of legal sciences. Krasnodar, 2022.

Научная статья

УДК 34

EDN: <https://elibrary.ru/anpxnj>

NIION: 2015-0066-2/26-425

MOSURED: 77/27-011-2026-02-624

Воззрения советских юристов на проблемы соотношения международного и внутреннего права (середина 40-х – конец 70-х годов)

Ирина Сергеевна Искевич¹, Александр Владимирович Подольский², Алексей Михайлович Попов³

^{1,2} Тамбовский государственный технический университет, Тамбов, Россия

¹ Irina_77707@list.ru

² mse.shurik@gmail.com

³ Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия, pamtambov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу воззрений советских юристов-международников с середины 40-х годов до конца 70-х годов на проблему соотношения международного и внутригосударственного права.

Отмечается, что в этот период времени был переосмыслен феномен международного права и дано его новое определение. Авторы связывают изменения в воззрениях советских теоретиков с радикальными изменениями во внешнеполитической обстановке, в которой оказался СССР, став победителем во Второй мировой войне.

Развитие идей о соотношении международного и внутригосударственного права, выдвигавшихся советскими учеными, прослеживается, в частности, на примере заключения послевоенных международных договоров. Как показано в статье, в дальнейшем советская доктрина развивалась в нескольких направлениях: в форме критики западных представлений о соотношении международного и внутреннего права, а также анализа конституционно-правовых реалий западных стран и механизмов имплементации международного права во внутригосударственное.

Авторы доказывают, что недостаточная разработка вопросов соотношения международного и внутреннего права в советской науке была обусловлена тем обстоятельством, что СССР не принимал в этот период на себя обязательств, требовавших внесения существенных изменений в свое законодательство.

Ключевые слова: международное право, конституционное право, рецепция, трансформация, нормативизм, международный договор, внешняя политика

Для цитирования: Искевич И. С., Подольский А. В., Попов А. М. Воззрения советских юристов на проблемы соотношения международного и внутреннего права (середина 40-х – конец 70-х годов) // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 63–69. EDN: ANPXNJ.

Original article

Views of Soviet legal experts on the problems of the relationship between international and domestic law (mid 1940s – late 1970s)

Irina S. Iskevich¹, Alexander V. Podolsky², Alexey M. Popov³

^{1,2} Tambov State Technical University, Tambov, Russia

¹ Irina_77707@list.ru

² mse.shurik@gmail.com

³ Moscow Academy of the Investigative Committee named after A.Ya. Sukharev, Moscow, Russia, pamtambov@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to an analysis of the views of Soviet experts' in international law from the mid 1940s to the late 1970s on the problem of the relationship between international and domestic law.

It is noted that in this period of time, the phenomenon of international law has been reinterpreted and redefined. The authors link changes in Soviet theorists' thinking to radical changes in the international situation the USSR found itself in, becoming a winner in World War II.

The development of ideas concerning the relationship between international and domestic law put forward by Soviet scholars can be seen, more specifically, in the conclusion of post-war international treaties. As indicated in the article, the Soviet doctrine evolved in several directions: in the form of criticism of Western notions of the relationship between international and domestic law, as well as in analysis of constitutional law realities of Western countries and mechanisms for implementing international law in domestic law.

© Искевич И. С., Подольский А. В., Попов А. М., 2026

The authors argue that insufficient elaboration of the issues concerning relationship between international and domestic law in Soviet science was determined by the fact that the USSR did not assume during the period obligations requiring substantial changes in its legislation.

Keywords: international law, constitutional law, perception, transformation, normativism, international treaty, foreign policy

For citation: Iskevich I. S., Podolsky A. V., Popov A. M. Views of Soviet legal experts on the problems of the relationship between international and domestic law (mid 1940s – late 1970s). Bulletin of economic security. 2026;(2):63–69. (In Russ.). EDN: ANPXNJ.

Вступление США, вслед за СССР, во Вторую мировую войну против держав оси, создание в ее ходе антигитлеровской коалиции, объединившей государства с различным социально-политическим и общественным строем, привело к кардинальным изменениям в системе международного права.

И если во время Второй мировой войны отношения между СССР и западными странами выстраивались «по факту», без создания правовой базы, то формирование по итогам войны новой системы международных отношений, выражением чего стало создание ООН, потребовало включения в этот процесс советских ученых-юристов.

Переход к новому мироустройству ознаменовался формированием системы международного права, впервые формально обязывающей практически всех участников международных отношений.

От СССР, как одной из признанных сверхдержав, а в дальнейшем лидера соцлагеря в Европе и Азии, потребовалась выработка принципов международного права, не исключавших идеологические цели и задачи («обеспечение благоприятных условий для построения коммунизма в СССР и во всем мире»), но содержавших признание права на существование в мире государств с некоммунистической идеологией.

Быстрый научно-технический прогресс в области создания мощнейших систем оружия массового поражения стал важнейшим фактором изменения всей системы международного права в сторону обеспечения баланса в противостоянии двух систем. Работа советских правовиков в этой сфере потребовала фактического отказа от былых чисто идейных лозунгов (типа «мировой революции» и «неизбежной гибели капитализма»), оставленных для внутрипартийного употребления и пропаганды в рамках соцлагеря.

СССР оказался вынужден рассматривать международное право не только в качестве поля идеологической борьбы, но и инструмента жизненно необходимого взаимодействия двух социальных систем.

Новые задачи в области науки международного права, вставшие перед советским государством после окончания Второй мировой войны, тотчас же сформулировал Е. А. Коровин. «Само понятие международного права в настоящее время имеет интерес не только умозрительный, но является одной из актуальнейших проблем современности», – писал он в 1945 г. [8, с. 3].

«Очередная задача советской науки международного права, – продолжал он, – стать на уровне советской международной практики, обобщить и осмыслить ее

опыт, расчищать ей дорогу, намечать и прокладывать перед нею новые пути» [8, с. 16].

В той же статье Коровиным была намечена программа исследований, важными темами которой стали история международного права в России, выработка нового понимания международного права и его институтов. В связи с этим неизбежно всплывала тема соотношения международного и внутреннего права, которая обсуждалась советскими юристами-международниками, по мере изменения внутреннего законодательства и вступления в СССР в международные соглашения, в том числе и в области прав человека. Кроме того, Коровин видел необходимость изучения истории международного права в русском и германском ее аспектах [8, с. 5].

Программа эта стала выполняться незамедлительно. Уже в 1947 г. были опубликованы работы Ф. И. Кожевникова «Русское государство и международное право (до XX века)», ставшая одновременно докторской диссертацией будущего судьи Международного Суда ООН, вышедшее в том же году «Учебное пособие по международному публичному праву (Очерки)», учебник «Международное право» В. Н. Дурденевского и С. Б. Крылова (1947), труд Э. В. Грабаря, а также других авторов, посвященные вопросам теории и практики международного права.

Разумеется, эти разработки шли всецело в русле внешней и внутренней политики советского государства и определялись ею. После войны неизбежно встал вопрос об «установлении в Европе такого порядка, который бы полностью исключал возможность новой агрессии со стороны Германии», – говорил еще в 1943 г. И. Сталин [14, с. 125]. Такая постановка вопроса предполагала создание новой системы международных отношений, международного права и нового понимания международного права.

Как отмечал в связи с этим Коровин, перефразируя и углубляя характеристику международного права, данную в свое время петербургским профессором Н. Коркуновым, его можно определить как «совокупность юридических норм, определяющих международную охрану демократического минимума» [8, с. 4].

Изменения в понимании и интерпретации советской наукой сути международного права были разительными и от воззрений 20-х гг. не оставили и следа, в том числе и от концепции «социалистического международного права» (международного права переходного времени), сформулированной тем же Коровиным.

Идею «социалистического международного права» (международного права переходного времени) Корови-

на А. Я. Вышинский еще в 1938 г. совершенно справедливо расценил как «левацкую» и подверг ее чрезвычайно резкой и не во всем обоснованной критике. Прокурор СССР, ставший *de facto* главой и идеологом советской юридической науки, не посмотрел на то, что работа Коровина вышла в свет в 1924 г. и на тот момент вполне соответствовала духу времени и идеологическим установкам [2, с. 23]. К счастью для ее автора, он остался жив (в отличие от ряда своих коллег-правоведов).

В 1945 г., давая новое определение международно-го права, Коровин сослался на работы Н. М. Коркунова и, перефразируя и углубляя данную им характеристику международного права, сформулировал его как «совокупность юридических норм, определяющих международную охрану демократического минимума» [8, с. 4].

Носившаяся буквально в воздухе идея нового осмысления феномена действующего международного права воплотилась впоследствии в работе Ф. И. Кожевникова, сданной в печать в апреле 1946 г. и увидевшей свет на следующий год.

В своей статье Коровин высказал соображения относительно того, какие именно проблемы международного права нуждаются в первоочередной разработке. Ими оказались следующие: субъекты и источники международного права, принципы международного права, правопреемство и как следствие – соотношение международного и внутреннего права. В свете уроков Второй мировой войны необходимой, по мысли Коровина, оказалась и новая, углубленная трактовка понятия международного суверенитета. «Диалектика истории ведет нас через ограничение суверенитета агрессивных наций к укреплению суверенитета миролюбивых государств; к утверждению суверенитета как правовой формы демократической международной политики» [8, с. 6].

Здесь, однако следует уточнить: это определение международного права было сформулировано Кожевниковым еще накануне войны – в 1940 г. Оно и было дословно воспроизведено в издании учебного пособия 1947 г.

«Современное международное публичное право, – писал Кожевников, – представляет собою совокупность исторически изменяющихся правил поведения (норм – конвенционных и обычных), регулирующих специфическиполитические и экономические отношения борьбы и сотрудничества государств во время войны и мира. Это определение исходит прежде всего из тезиса, что не существовало и не существует международное право вообще, единое для всех времен и народов» [4, с. 100].

Эта формула вошла и в учебники международного права, вышедшие под редакцией Кожевникова и при его авторском участии в 1951 и 1954 гг.

В известном смысле новое понимание советскими юристами международного права подразумевало и определенное видение проблемы соотношения международного и внутреннего права. Правда, в ставшем традиционным аспекте влияния советского внутреннего права на право международное. «Социалистическое го-

сударство, – писал в 1949 г. Кожевников, – создает новую, социалистическую законность и новые правовые формы и принципы междугосударственных отношений.

Однако социалистическое государство не только не отбрасывает в сторону все прежние правовые формы международных отношений, созданные всем предшествующим ходом исторических событий, но, наоборот, творчески использует отдельные старые формы, наполняя их качественно новым демократическим содержанием в соответствии с принципами социалистического права» [6, с. 98].

В середине 50-х годов была озвучена новая советская внешнеполитическая доктрина мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Разумеется, на нее не могли не откликнуться советские юристы-международники, что обусловило появление новых нюансов в понимании феномена международного права.

В 1957 г. в новом учебнике Кожевникова было дано несколько измененное определение международного права. Новым в нем стал, например, акцент на том, что нормы международного права направлены на обеспечение мирного сосуществования государств и указание на то, что они защищаются принуждением лишь «в случае необходимости», т. е., что принуждение не является элементом, непременно сопутствующим всякому осуществлению норм международного права [13, с. 3–4].

«Оба эти дополнения, – писал в своей рецензии на учебник Д. Б. Левин, – безусловно правильны. Однако, по нашему мнению, желательны и дальнейшие коррективы. Во-первых, в определении необходимо указать на то, что нормы международного права регулируют отношения государств как с одинаковыми, так и с различными социальными системами (сами по себе слова «обеспечение мирного сосуществования» не включают этого момента). Во-вторых, нормы международного права не выражают какую-то единую «волю господствующих классов», а возникают в процессе согласования различных «воль» относительно признания того или иного правила нормой международного поведения, в том числе «воль» с различным классовым содержанием.

В-третьих, даже в тех случаях, когда нет необходимости применять принуждение для осуществления норм международного права, могут иметь место усилия другого рода, например, меры дипломатического воздействия и т. д. Следовательно, правильнее говорить, что нормы международного права защищаются индивидуальными или коллективными усилиями государств, включающими и меры принуждения, и меры непринудительного воздействия» [11, с. 532].

Классовый характер международного права подчеркивался во всех работах советского периода, особенно в год выхода в свет нового учебника. О нем писал в своей работе того же периода известный советский теоретик международного права Г. И. Тункин [15, с. 23].

Словом, необходимость нового взгляда на фундаментальные понятия и институты международного пра-

ва прямо определялась конкретными, обусловленными злобой дня, вопросами. В связи с этим вопросы соотношения международного и внутригосударственного права, сопряженные с основными и традиционными для международно-правовой науки темами, стали рассматриваться в нескольких аспектах.

Первым в их ряду оказалась тема субъектов международного права. Так, во весь рост встали вопросы признания правительств в эмиграции и их теоретическое осмысление, выразившееся в необходимости создания оригинальных политико-правовых конструкций.

Как писал в 1945 г. Коровин, «длительное пребывание в эмиграции правительств, временно оккупированных Германией государств, породило много вопросов, связанных с юридическим их статусом, начиная с их права на законодательство и кончая их правом осуществлять на иностранной территории судебные, административные и другие функции власти и принуждения. Не останавливаясь на этих моментах, как уже подробно освещенных в литературе, главным образом, в американской и английской (исследование Оппенгеймера и др.), остановлюсь на одной проблеме – международного признания органов национального сопротивления (например, во Франции, в Югославии, в Польше). Опыт войны наглядно показал, что вопрос о том, в какой мере та или другая национальная организация правомочна представлять свой временно поработанный народ и действовать от его имени, не может решаться старыми формально-юридическими методами: отдельные правительства, имевшие или претендовавшие на легальное правопреимство и прочие атрибуты формальной законности, оказывались на деле чем дальше, тем больше оторванными от своего народа и не выражающими его чаяний и воли» [8, с. 6].

«Война, – продолжал автор, – внесла новые моменты и в понятие «основных прав» государств, как субъектов международного права, путем уточнения различия между формальным равенством государств и объемом международной их правоспособности: в декларативных документах держав антигитлеровской коалиции и в уставе Объединенных наций, наравне с признанием суверенного равенства всех миролюбивых государств, признаются особые права и особые обязанности за великими демократическими государствами («большая тройка», «большая пятерка»). Различие здесь не только в усилиях и в жертвах, понесенных ведущими демократическими государствами ради спасения человечества от фашистской чумы. Различие здесь и в тех обязанностях, которые великие миролюбивые державы принимают на себя на будущее время по охране всеобщего мира и по поддержанию международной безопасности. Преимущественное положение великих держав – не новость в истории. Новым является то, что определенные преимущества признаются теперь за великими демократическими государствами не в их собственных интересах, но в интересах всех государств, всего международного коллектива, в смысле соответствия международных прав

международным обязанностям. Действительно, может ли пользоваться на международной арене одинаковыми правами государство, считающее, как например, Швейцария, венцом государственной мудрости проведение политики «*stillsitzen*» («тихо сидеть») среди потрясающих человечество катастроф и государство, готовое кровью своих сыновей, и своим трудовым достоянием оберегать мир, прогресс и культуру человечества от любой угрозы преступного рецидива агрессии. Пора понять, что подлинная демократия и юридическая уравниловка не имеют между собой ничего общего и что организация международных отношений на формально уравнилельных началах была бы вопиющим нарушением принципа самого элементарного равенства, поскольку она привела бы к своеобразной «аристократии» малых государств, наделенных международными правами и свободных от важнейших международных обязанностей. Кроме того, признание за великими демократическими государствами особых прав в соответствии с особыми возложенными на них обязанностями совершенно необходимо для обеспечения действительного, а не бумажного, равенства в международных отношениях» [8, с. 8].

Выработка нового понимания международного права шла рука об руку с критикой его западных концепций, напрямую затрагивавших вопрос о соотношении международного и внутреннего права. Примером тому может служить критика идеи «мирового правительства» и «мирового парламента», идейной базой которой стала нормативистская теория Г. Кельзена.

Идея «мирового правительства» стала весьма популярной на Западе. Как отмечал в 1947 г. на совещании ряда коммунистических партий А. А. Жданов, «подхваченная буржуазными интеллигентами из числа фантазеров и пацифистов идея «всемирного правительства» используется не только как средство давления в целях идейного разоружения народов, отстаивающих свою независимость от посягательств со стороны американского империализма, но и как лозунг, специально противопоставляемый Советскому Союзу, который неустанно и последовательно отстаивает принцип действительного равноправия и ограждения суверенных прав всех народов, больших и малых. В нынешних условиях империалистические страны, как США, Англия и близкие к ним государства, становятся опасными врагами национальной независимости и самоопределения народов, а Советский Союз и страны новой демократии – надежной опорой в защите равноправия и национального самоопределения народов» [3, с. 8].

Критика нормативистской теории Кельзена, легшей в основу идеи «мирового правительства», зазвучала, сначала приглушенно, а затем громко и четко во многочисленных работах советских авторов – Кожевникова, Дурденевского и Крылова, Левина, Тункина [15, с. 40].

Она продолжалась в советской международно-правовой науке вплоть до конца 70-х гг., включая шеститомный курс международного права, первый том которого увидел свет в 1967 г. [9, с. 202–203].

Вопросы соотношения международного и внутреннего права стали рассматриваться уже в первых послевоенных публикациях. Правда, не в общетеоретическом плане, а применительно к конкретным казусам. В частности, казусам, почерпнутым из области международного договорного права.

Так, Кожевников отмечал в 1947 г. со ссылкой на работы французского юриста-международника Ш. Руссо [17, с. 95], что «проблема соотношения между вступившим в силу договором и внутренним законом считается теоретически одной из весьма сложных. Действительно, на практике то или иное разрешение указанной проблемы нередко сильно зависит от внутренних и внешнеполитических обстоятельств».

Советская точка зрения в этом вопросе исходит из признания существования тесной связи между договором и внутренним законом в том смысле, что нередко внутренний закон выражает собою то или иное положение международного права, а международный договор становится частью внутреннего права» [5, с. 95].

Как известно, отмечал Кожевников, Советское правительство «в аспекте своей борьбы за длительный, прочный, справедливый и демократический мир считало необходимым и правомерным предложить всем бывшим вражеским государствам такой мирный договор, который потребовал бы от них полного уничтожения всех фашистских законодательных и иных нормативных актов и издание новых нормативных актов в духе подлинного демократизма. Этот принцип был положен в основу соглашений о перемирии с Италией, Румынией, Венгрией, Болгарией и Финляндией» [5, с. 96].

Так, например, на основании соглашения о перемирии между СССР и Великобританией, с одной стороны, и Финляндией – с другой, от 19 сентября 1944 г. последняя обязывалась, в частности: «Сотрудничать с Союзными Державами в деле задержания лиц, обвиняемых в военных преступлениях, и суда над ними» (ст. 13); «немедленно освободить, независимо от гражданства и национальной принадлежности, всех лиц, содержащихся в заключении в связи с их деятельностью в пользу Объединенных Наций или за их сочувствие делу Объединенных Наций, или ввиду их расового происхождения, а также отменить всякое дискриминационное законодательство и вытекающие из него ограничения» (ст. 20); «немедленно распустить находящиеся на ее территории все прогитлеровские (фашистского типа) политические, военные, военизированные, а также другие организации, ведущие враждебную Объединенным Нациям, в частности Советскому Союзу, пропаганду, и впредь не допускать существования такого рода организаций» (ст. 21) [1, с. 220].

В итоге, как отмечал Кожевников, советское правительство «добивалось и добилось того, что этот принцип нашел свое выражение в соответствующих статьях всех мирных договоров с указанными странами, включая Италию».

В этой связи следует напомнить мнение Советского правительства о недопустимости распространения на

союзные державы обязательств, накладываемых на бывшие вражеские страны.

Так, советские делегаты на Парижской мирной конференции 1946 г. решительно возражали, например, против предложения делегации США распространить на союзные государства (Францию, Югославию, Грецию) ту статью проекта мирного договора с Италией, которая предусматривает обязанность обеспечить предоставление на переходящих к ним территориях прав человека и основных свобод, как это предусмотрено в отношении бывших вражеских государств» [5, с. 96].

Похоже, это был единственный пример, который автор мог привести в плане изложения темы соотношения международного и внутреннего права. Думается, этот пример весьма специфичен, ибо в данном случае одни договаривающиеся государства являлись победителями, а другие – побежденными.

Симптоматичной для исследования советскими авторами темы соотношения международного и внутригосударственного права стала статья Кожевникова 1954 г., опубликованная во втором номере журнала «Советское государство и право». В ней автор обозначил ряд тем, которые будут рассматриваться впоследствии советскими юристами-международниками.

О существовании в международном праве презумпции, согласно которой, если для выполнения международных обязательств необходимо осуществить определенные законодательные мероприятия, то они должны быть осуществлены, писал Тункин [16, с. 9].

Действительно, принимая на себя международные обязательства, государство учитывает свои национальные правовые нормы, возможности, в случае необходимости их изменения в целях приспособления к принимаемым государством международным обязательствам.

«Международный договор и внутренний закон государства, – писал Кожевников, – акты различного юридического порядка, но связанные между собой. (Примером этой связи может послужить то, что нередко международные договоры обязывают государство – участника ввести у себя те или иные законодательные меры). Что касается проблемы соотношения между вступившими в силу договором и внутренним законом государства, то в буржуазной юриспруденции она считается теоретически одной из весьма сложных. Ее разрешение дается или в признании примата (верховенства) договора над законом, или в признании примата закона над договором, или в признании начала равенства договора и закона. В последнем случае предпочтение отдается фактору времени – позднейший акт отменяет предыдущий. Однако на практике разрешение указанной проблемы нередко зависит от внутренних и внешнеполитических обстоятельств» [7, с. 73].

Как писал Левин, «любое государство должно добросовестно соблюдать нормы международного права, международные договоры и обязательства. Но в то же время только та норма международного права может обладать подлинной силой и моральным авторитетом,

которая не влечет за собой навязывания суверенному государству воли другого государства и не вступает в противоречие с принципами государственного строя и права ни одного из тех государств, отношения между которыми она регулирует.

Практика Советского государства и советская доктрина международного права строго придерживаются этой позиции [10, с. 121]. Более того, как продолжал автор, «в практике Советского Союза и стран народной демократии коллизии между нормами международного права и нормами внутригосударственного права невозможны» [12, с. 128].

СССР не принимал на себя обязательств, требовавших внесения существенных изменений в свое законодательство. В результате особое место в работах советских авторов того периода заняли темы правовых процедур и институтов, благодаря которым международное право вписывается в ткань конституционного права. Так анализ международно-правовой проблематики плавно перетекал в исследование конституционно-правовых процедур и институтов зарубежных стран.

Особое место заняло обсуждение темы способов перехода норм международного права во внутригосударственное. Началась активная полемика по поводу содержания понятий «рецепции» («генеральной рецепции», «специальной рецепции») и «трансформации» («имплементации») [9, с. 249] и т. д.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что начиная с конца 40-х гг. тема соотношения международного и внутреннего права стала занимать все большее место в советских исследованиях, однако полного освещения она не получила.

Прежде всего, в силу продолжавшейся до конца 80-х гг. абсолютной монополии аппарата Коммунистической партии Советского Союза, давно подменившего собой государственную власть, на любые подходы к изменениям в идеологии и политике страны, как внутренней, так и внешней.

Развернутое обсуждение темы соотношения международного и внутригосударственного права вынужденно началось в советской науке с середины 70-х гг., когда СССР, стремясь закрепить на международном уровне признание незыблемости «социалистических завоеваний» в Европе, недооценил юридическую, а главное идеологическую опасность предложенного Западом в пакетной сделке комплекса обязательств по так называемой «третьей корзине» (правам человека) и информационным свободам и подписал Хельсинкские соглашения 1975 г. Однако, эта тема заслуживает специального рассмотрения.

Список источников

1. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. Т. 2: 1-е января – 31 декабря 1944 г. 1946. М.: Государственное издательство политической литературы, 1946. 684 с.

2. Вышинский А. Я. Основные задачи науки советского социалистического права: [Сокращенная стенограмма доклада на 1 Совещании по вопросам науки советского права и государства 16 июля 1938 г.] // Советское государство. М., 1938. № 4. С. 4–55.

3. Жданов А. О международном положении (доклад, сделанный на Информационном совещании представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г.). М.: Госполитиздат, 1947. 45 с.

4. Кожевников Ф. И. К вопросу о понятии международного права // Советское государство и право. М., 1940. № 2. С. 100–113.

5. Кожевников Ф. И. Советское государство и международные договоры // Ученые записки Академии общественных наук / Академия общественных наук при ЦК ВКП(б). М., 1947. Выпуск I: СССР и проблемы международного права. С. 80–112.

6. Кожевников Ф. И. И. В. Сталин об основных принципах современного международного права // Советское государство и право. М., 1949. № 12 (декабрь). С. 95–109.

7. Кожевников Ф. И. Некоторые вопросы теории и практики международного договора // Советское государство и право. М., 1954. № 2. С. 62–76.

8. Коровин Е. А. Вторая мировая война и международное право // Труды Военно-юридической академии Красной Армии. М., 1945. Вып. V. С. 3–16.

9. Курс международного права в шести томах. Том I: Понятие и сущность современного международного права. М.: Издательство «Наука», 1967. 284 с.

10. Левин Д. Б. Основные проблемы современного международного права. М.: Госюриздат, 1958. 275 с.

11. Левин Д. Б. Новый советский учебник по международному праву // Советский ежегодник международного права. 1958 / Советская Ассоциация международного права. М.: Издательство АН СССР, 1959. С. 531–538.

12. Левин Д. Б. Актуальные проблемы теории международного права. М.: Наука, 1974. 264 с.

13. Международное право. М.: Госюриздат, 1957. 471 с.

14. Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: ОГИЗ Государственное издательство политической литературы, 1947. 186 с.

15. Тункин Г. И. Сорок лет сосуществования и международное право // Советский ежегодник международного права. 1958 / Советская Ассоциация международного права. М.: Издательство АН СССР, 1959. С. 15–49.

16. Тункин Г. И. Основы современного международного права: учебное пособие. М.: Высшая партийная школа при ЦК КПСС. Кафедра государственного права и советского строительства, 1956. 48 с.

17. Rousseau Ch. Principes Généraux du Droit International Public. Tome I: Introduction. Paris: A. Pédone, 1944. P. 414–429.

References

1. Foreign policy of the Soviet Union during the Patriotic War: Documents and materials. Vol. 2: January 1 – December 31, 1944. 1946. M. : State Publishing House of Political Literature, 1946. 684 p.
2. Vyshinsky A. Ya. The Main Tasks of the Science of Soviet Socialist Law: [Abridged transcript of the report at the 1st Conference on the Science of Soviet Law and the State, July 16, 1938] // Soviet State. M., 1938. № 4. P. 4–55.
3. Zhdanov A. On the international situation (report given at the Information Conference of representatives of some communist parties in Poland at the end of September 1947). M. : Gospolitizdat, 1947. 45 p.
4. Kozhevnikov F. I. On the Concept of International Law. Soviet State and Law. M., 1940, № 2, P. 100–113.
5. Kozhevnikov F. I. The Soviet State and International Treaties. Scientific Notes of the Academy of Social Sciences / Academy of Social Sciences under the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). M., 1947, Issue 1: The USSR and Problems of International Law. P. 80–112.
6. Kozhevnikov F. I. I. V. Stalin on the Basic Principles of Modern International Law // Soviet State and Law. M., 1949. № 12 (December). P. 95–109.
7. Kozhevnikov F. I. Some Issues of the Theory and Practice of International Treaty // Soviet State and Law. M., 1954. № 2. P. 62–76.
8. Korovina E. A. The Second World War and International Law // Works of the Military Law Academy of the Red Army. M., 1945. Issue V. P. 3–16.
9. Course of International Law in Six Volumes. Vol. I: The Concept and Essence of Modern International Law. M. : Nauka Publishing House, 1967. 284 p.
10. Levin D. B. Basic Problems of Contemporary International Law. M. : Gosyurizdat, 1958. 275 p.
11. Levin D. B. New Soviet Textbook on International Law // Soviet Yearbook of International Law. 1958 / Soviet Association of International Law. M. : Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1959. P. 531–538.
12. Levin D. B. Actual Problems of the Theory of International Law. M. : Nauka, 1974. 264 p.
13. International Law. M. : Gosyurizdat, 1957. 471 p.
14. Stalin I. On the Great Patriotic War of the Soviet Union. M. : OGIZ State Publishing House of Political Literature, 1947. 186 p.
15. Tunkin G. I. Forty Years of Coexistence and International Law // Soviet Yearbook of International Law. 1958 / Soviet Association of International Law. M. : Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1959. P. 15–49.
16. Tunkin G. I. Fundamentals of Contemporary International Law : textbook. M. : Higher Party School under the Central Committee of the CPSU. Department of State Law and Soviet Construction, 1956. 48 p.
17. Rousseau Ch. Principes Généraux du Droit International Public. Tome I: Introduction. Paris: A. Pédone, 1944. P. 414–429.

Информация об авторах

И. С. Искевич – заведующий кафедрой международного права Тамбовского государственного технического университета, кандидат юридических наук, доцент;

А. В. Подольский – доцент кафедры международного права Тамбовского государственного технического университета, кандидат юридических наук;

А. М. Попов – доцент кафедры криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

I. S. Iskevich – Head of the Department of International Law of the Tambov State Technical University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

A. V. Podolsky – Associate Professor of the Department of International Law of the Tambov State Technical University, Candidate of Legal Sciences;

A. M. Popov – Associate Professor of the Department of Criminalistics of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.12.2025; одобрена после рецензирования 26.01.2026; принята к публикации 25.02.2026.

The article was submitted 29.12.2025; approved after reviewing 26.01.2026; accepted for publication 25.02.2026.

Научная статья

УДК 34

EDN: <https://elibrary.ru/djzxof>

ИПОН: 2015-0066-2/26-426

MOSURED: 77/27-011-2026-02-625

Влияние криминогенных факторов на формирование миграционной политики

Владимир Николаевич Калинин

Московский областной филиал Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя, Старотеряево, Россия,

vladimirnk@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается влияние миграционных процессов в Российской Федерации на состояние законности и правопорядка. На основании анализа статистических данных делается вывод о том, что связь миграции и преступности не следует переоценивать, как это характерно для бытового восприятия культуры и поведения мигрантов. В то же время не может не настораживать увеличение в структуре преступности иностранных граждан совершаемых тяжких и особо тяжких преступлений, прежде всего террористического и экстремистского характера, в том числе, получающих общественный резонанс.

Ключевые слова: миграция, преступность, преступность мигрантов, преступления, совершаемые иностранными гражданами, криминальная нелегальная миграция, профилактика правонарушений мигрантов

Для цитирования: Калинин В. Н. Влияние криминогенных факторов на формирование миграционной политики // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 70–74. EDN: DJZXOF.

Original article

The impact of criminogenic factors on the formation of migration policy

Vladimir N. Kalinin

Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs

of Russia named after V.Ya. Kikot', Staroteryaev, Russia,

vladimirnk@yandex.ru

Abstract. The impact of migration processes in the Russian Federation on the state of law and order is being examined. Based on the analysis of statistical data, it is concluded that the relationship between migration and crime should not be overestimated, as is typical for everyday perceptions of the culture and behavior of migrants. At the same time, it is alarming to see an increase in the number of serious and particularly serious crimes committed by foreign citizens, especially those of a terrorist and extremist nature, which receive public attention.

Keywords: migration, crime, migrant crime, crimes committed by foreign citizens, criminal illegal migration, prevention of migrant crimes

For citation: Kalinin V. N. The impact of criminogenic factors on the formation of migration policy. Bulletin of economic security. 2026;(2):70–74. (In Russ.). EDN: DJZXOF.

Внешняя миграция, затрагивающая экономические, политические и гуманитарные аспекты глобального развития, сегодня превратилась в одну из наиболее сложных и социально значимых проблем современного мира. Рост миграционной мобильности населения, вызванный неравенством в уровне жизни разных стран, военными конфликтами и климатическими изменениями, ставит перед государствами задачу поиска баланса между защитой национальных границ и выполнением международных обязательств в сфере прав человека.

Миграционная обстановка в России остается сложной. По официальным данным в 2023 г. в страну въехало 12 миллионов мигрантов [3], в 2024 г. их число составляет 9,5 миллионов [4]. Среди них преобладают выходцы из Таджикистана (31 %) и Киргизии (10 %). Также значительную долю составляют граждане Казахстана, Армении, Узбекистана [5].

Значительная часть миграционных проблем, относимых к негативным последствиям миграции, имеет криминогенный характер.

© Калинин В. Н., 2026

Как полагают многие эксперты, само явление миграции выступает в качестве «фоновое сопровождения преступности». Такой подход дает основания для отнесения сферы миграционных правоотношений к предмету криминологических исследований [6].

В современном мире миграционный фактор нередко связан с совершением преступлений приезжими. В то же время проводимые криминологические исследования показывают, что связь этих двух явлений – миграции и преступности, – не следует переоценивать, как это характерно для бытового восприятия культуры и поведения мигрантов (среди населения распространено убеждение, что большинство преступлений, особенно тяжелых, совершается мигрантами). Гораздо отчетливее прослеживается взаимозависимость между притеснением мигрантов и их криминализацией. Преступность мигрантов обусловлена целым рядом социально-экономических факторов, в числе которых нарушения миграционного законодательства (имеются составы административных правонарушений и уголовных преступлений, субъектами которых могут быть только мигранты), а также предубежденным отношением стороны правоохранительных органов и судебной системы [8].

Всплески преступности мигрантов связаны с социально-экономической ситуацией в стране в целом и в регионе их проживания: увеличение числа совершаемых мигрантами преступлений характерно для периодов экономических кризисов, связанных с падением производства и снижением уровня жизни населения. Согласно открытым данным МВД России, Судебного департамента при Верховном Суде и портала правовой статистики Генпрокуратуры, в 2019 г. России было зарегистрировано 2 024 300 преступлений, из них иностранными гражданами совершены 34 900, т. е. 1,72 %, а в 2021–2022 гг. – 2 %.

По словам представителей Генеральной прокуратуры России, на фоне двух миллионов совершаемых в России преступлений о 40 тыс. преступлений, совершаемых иностранными гражданами, «даже говорить не о чем» [11].

Кроме того, мигранты зачастую сами становятся жертвами различных, в том числе тяжких насильственных преступлений. Помимо инфекционных заболеваний, мигранты страдают от психических расстройств «из-за изоляции, нестабильности и трудных условий работы». Как отмечают психологи, эти факторы приводят к развитию депрессии, тревожных расстройств и других психических проблем. Многие мигранты сталкиваются с чувством одиночества, что усугубляет ситуацию [12].

В 2016–2020 гг. число преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории России, снижалось, опустившись до 34,4 тыс. в 2020 г.

В 2021–2022 гг. наблюдался рост числа зарегистрированных преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства. В 2021 г. было

зарегистрировано 36,4 тыс. преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства (на 5,9 % больше, чем в предшествующем, 2020 г.), а в 2022 г. – 40,2 тыс. (+10,3 %).

В 2023 г. число преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, снизилось до 38,9 тыс., что на 3 % меньше, чем в 2022 г., но на 13,2 % больше, чем в первый год. Всего же иностранными гражданами и лицами без гражданства в 2023 г. совершены 39 тыс. преступлений или 3,9 % от общего числа расследованных преступлений [11].

Миграционная преступность характеризуется высокой латентностью.

Как отмечает П. Н. Кобец, число неучтенных преступлений, совершаемых мигрантами, превышает число официально зарегистрированных в 2,5–3 раза. Высокая латентность преступности мигрантов, помимо существующей системы учета преступлений, также объясняется сложностью объявленных в розыск мигрантов, а также содействием национальных диаспор в уклонении их от ответственности.

Наиболее высоколатентными являются преступления, совершаемые мигрантами в своей среде, «внутри диаспоры». По данным опросов, 68 % мигрантов, потерпевших от преступлений, пострадали от противоправных деяний других мигрантов, с которыми они проживали или работали, однако при этом лишь 12 % потерпевших-мигрантов обращались с заявлениями в правоохранительные органы.

В структуре преступлений мигрантов, совершенных в 2023 г., по данным СКР, наблюдается совершение следующих преступлений:

- особо тяжких преступлений +32 %;
- удельный вес особо тяжких преступлений +26 %;
- незаконный оборот наркотиков +27 %;
- преступления экстремистского характера +147 %;
- киберпреступность +27 %.

В 2024 г. по данным МВД России зарегистрировано 1911,3 тыс. преступлений, из которых 38,6 тыс. преступлений совершены иностранными гражданами. Несмотря на общее снижение количества преступлений, совершенных мигрантами на 0,9 % от АППГ 2023 г., увеличилось количество преступлений (на 0,6 %) совершенных гражданами государств – участников СНГ, где их удельный вес от количества преступлений, совершенных иностранными гражданами на территории РФ, составляет 84,8 % [14].

Кроме того, совершенный в марте 2024 г. террористический акт в «Крокус Сити Холл» подтвердил назревшую необходимость реформирования миграционной политики и обновлению законодательства в Российской Федерации, в связи с чем были внесены поправки в федеральное законодательство по рассматриваемой проблеме [1].

Для миграционной преступности характерно создание организованных преступных групп при совершении преступлений. Это же касается натурализованных лиц,

недавно получивших российское гражданство. Кроме того, мигранты совершают заметное количество преступлений на сексуальной почве.

Большая часть миграционных преступлений совершается гражданами стран СНГ (до 90 % в 2018–2020 гг., 82 % в 2022 г. и 83 % в 2023 г.). Причинами преступности мигрантов, как уже было указано, как правило, является социальная неустроенность, финансовые и социальные проблемы. Преступность мигрантов – проблема всех развитых стран, принимающих в массовом порядке мигрантов. Печальная статистика по тяжелым преступлениям, связанным с насилием, опубликована французским изданием *Atlantico* со ссылкой на датские источники. Согласно ей, 40 % изнасилований, грабежей и убийств в Дании – дело рук мигрантов. Во многом объясняется это тем, что на миграцию решаются те, кому нечего терять – люди с самого дна, с очень непростой судьбой, часто искореженной войнами и насилием. Интегрировать их в общество, работающее по иным законам и этическим нормам – практически сверхзадача, которая европейскими социальными программами была провалена.

Тенденции, связанные с динамикой уровня преступности мигрантов, являются предметом социологических исследований. По заказу СКР Институт демографических исследований РАН подготовил обзор на эту тему.

По словам директора Института демографических исследований ФНИСЦ РАН Марины Храмовой, общее число совершаемых мигрантами преступлений невелико и составляет около 2 % от общего числа преступлений, совершенных в России. Как отметила М. Храмова: «Количество преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, составило в целом по России 40,15 тыс. (2,04 % от общей численности зарегистрированных преступлений), в том числе в Москве – 7,68 тыс. и в Московской области – 5,52 тыс. Подавляющая часть преступлений мигрантов совершается гражданами-выходцами из стран СНГ: в 2022 г. это, соответственно, по Москве – 6 809 (88,6 %) и по Московской области – 4 839 (87,63 %)».

По данным МВД России, за 11 месяцев 2023 г. количество преступлений, совершенных иностранцами (лицами без гражданства), составило 36,6 тыс., из которых примерно 83 % совершили граждане СНГ. По сравнению с январем–ноябрем 2022 г. количество преступлений, совершенных иностранными гражданами, уменьшилось на 1 %. Большая часть совершаемых мигрантами преступлений направлена против таких же мигрантов: «преступления не выходят за пределы мигрантских сообществ и чаще всего носят бытовой характер, где-то на религиозной почве или, например, просто драка на рынке». В отношении граждан России фиксируется незначительная доля преступлений, но именно они вызывают наибольший резонанс, – утверждает М. Храмова [15].

Представляет интерес анализ зарубежного опыта противодействия криминальной нелегальной миграции.

В последнее время десятками, а то и сотнями тысяч (1,6 млн только по Германии, 2020–2021 гг.) «мигранты» переселяются в Европу. Глобальная преступная деятельность, затрагивающая 136 разных национальностей и 118 стран мира – в основном женщины с недавним увеличением торговли детьми (две трети девочек). Во всем мире принудительный труд затрагивает 20 млн человек. Организованные преступные группировки играют важную роль в нелегальной иммиграции в Соединенное Королевство.

По данным Международной организации по миграции (МОМ) в 2021 г., трафик нелегальной миграции был бы 3-м самым прибыльным видом деятельности транснациональной организованной преступности с оборотом около 35 миллиардов долларов в год.

В США для обозначения системы тесной взаимосвязи между уголовно-правовой и иммиграционной системами был введен термин «криммиграция», отождествляющий в общественном дискурсе тесную связь криминализации и иммиграции в целом [7, с. 70].

Ключевой темой выступления Председателя Следственного комитета России А. И. Бастрыкина на Петербургском Международном юридическом форуме – 2024 стала проблема мигрантов в России. В своем выступлении «Правовые аспекты миграционной политики в современной России» он отметил увеличение преступлений, совершенных «иностранными специалистами». По его мнению, необходимо кардинально изменить миграционную политику.

А. И. Бастрыкин отметил нежелание иностранных граждан, получивших российское гражданство, становиться на воинский учет. При этом он признал, что работа в этом направлении ведется – около 10 тыс. «новых россиян» отправились в зону спецоперации. А. И. Бастрыкин сообщил, что в 2023 г. было зарегистрировано 38 936 преступлений, совершенных мигрантами, что на 3 % ниже, чем годом ранее. Однако при этом наблюдается увеличение числа сексуальных преступлений. Мигранты стали чаще нападать на правоохранителей и россиян, выполняющих гражданский долг, увеличилось и число резонансных преступлений.

Чаще всего приезжие «специалисты» совершают преступления и противоправные действия в Москве, Московской области и Санкт-Петербурге. Наблюдается рост преступности в Самаре, Челябинской области, Алтайском крае, Ямало-Ненецком АО, Тамбовской, Кемеровской, Пензенской областях и ряде других регионах. «Вот такая география и цифры, которые говорят сами за себя», – прокомментировал глава СКР статистику 2023 г. Кроме того, А. И. Бастрыкин подчеркнул, что количество мигрантов продолжает увеличиваться. Только за первые 4 месяца 2024 г. в Москву приехали 1,2 млн мигрантов, еще 880 тыс. иностранных специалистов заехали в Московскую область, 860 тыс. – в Санкт-Петербург. Всего же в России находятся около 14,5–16,5 млн мигрантов [10].

За 2024 г., по данным МВД России, наблюдалась тенденция снижения числа преступлений, совершенных мигрантами [9]. За первые семь месяцев прошлого года количество преступлений, совершенных мигрантами, уменьшилось на 3,1 %. На 9,2 % снизилось число совершенных иностранными гражданами тяжких и особо тяжких преступлений.

Среди них:

- убийства и покушения на убийство — на 14 %;
- преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности — на 2,5 %;
- преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, — на 21,7 %.

Количество преступлений, совершаемых мигрантами, напрямую зависит от их численности мигрантов в стране. Плохо контролируемая государством миграция, каковой она является в России, в последние годы стала представлять собой настоящую угрозу национальной безопасности Российскому государству. Миграционная преступность связана с увеличением преступлений террористической и экстремистской направленности, тяжких преступлений, в том числе связанных с наркотиками и оружием, иных тяжких преступлений, сопряженными с попытками навязывания населению нашей страны чуждых ему ценностей.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о некоторой противоречивости данных о преступности мигрантов, приводимой различными ведомствами и правоохранительными органами. Последнее затрудняет выработку правильного представления о тенденциях миграционной преступности. Подобный подход позволяет оперировать, в зависимости от преследуемых интересов, различными статистическими данными. Использование либо абсолютных количественных показателей, либо, наоборот, относительных, позволяет достичь в нужных случаях необходимого эффекта. В итоге статистика преступности мигрантов служит весомым средством манипулирования и влияния на формирование миграционной политики.

Также на основании представленных выше данных можно сделать вывод о том, что масштабы преступности мигрантов скорее преувеличиваются, чем преуменьшаются. Преступность мигрантов колеблется в коридоре от 2 до 4 %, не выходя за его пределы. Проводимые криминологические исследования показывают, что связь миграции и преступности не следует переоценивать, как это характерно для бытового восприятия культуры и поведения мигрантов (среди населения распространено убеждение, что большинство преступлений, особенно тяжких, совершается мигрантами). В то же время, не может не настораживать увеличение в структуре преступности иностранных граждан совершаемых тяжких и особо тяжких преступлений, прежде всего террористического и экстремистского характера, в том числе, получающих общественный резонанс.

В этой связи необходимо дальнейшее принятие мер по усилению ответственности за нарушение ино-

странными гражданами российского законодательства, включая возможность наложения ареста на активы мигрантов, причастных к террористической и экстремистской деятельности, повышение эффективности иммиграционного и налогового контроля, а также реализация других мер, предусмотренных в утвержденном Правительством России Плана мероприятий по реализации Концепции государственной миграционной политики на период 2026–2030 гг. [2]. Кроме того, необходимо перенесение акцента на профилактику правонарушений мигрантов, в которой должны участвовать не только все органы государственной власти, но и институты гражданского общества.

Список источников

1. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <https://ivo.garant.ru/>
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2025 г. № 4171-р265-р «План мероприятий по реализации в 2026–2030 годах Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // СПС «Консультант-Плюс».
3. Миграционная ситуация в Российской Федерации за 2023 год // URL: <https://e-cis.info/cooperation/3958/117931/>
4. Запрет на работу и депортация нелегалов: Интервью первого замминистра МВД Александра Горового о реестре мигрантов-нарушителей и борьбе с ними // URL: <https://www.kp.ru/daily/27659.5/5044215/>
5. Росстат раскрыл «портрет» мигранта в России // URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/07/2024/669a2afd9a7947271d418486/>
6. Анисимов А. А., Тихонова О. Б. Актуальные проблемы совершенствования государственной миграционной политики в России // Миграционное право. 2011. № 3.
7. Николаев Б. В., Хазов Е. Н. Иммиграция и национальное неравенство : латиноамериканцы в США // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 66–73.
8. Чудиновских О. Поток мигрантов сократится, а кому от этого станет хуже – увидим // Эксперт. 2024. 8 апреля.
9. Фартыгина А. МВД России зафиксировало снижение преступности среди иностранных граждан // URL: <https://realnoevremya.ru/news/315193-mvd-rossii-fiksiruetsnizhenie-prestupnosti-sredi-inostrannyh-grazhdan?erid=2VtzqumTX1q/>
10. Полное выступление главы СК РФ Александра Бастрыкина на ПМЮФ – 2024 «Правовые аспекты миграционной политики в современной России» // URL: <https://aftershock.news/?q=node/1394812&full&ysclid=m0bh3tzeww83648046/>
11. Генеральная прокуратура Российской Федерации, Главное управление правовой статистики и

информационных технологий. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года. М., 2021. С. 9.

12. URL: https://vz.ru/news/2024/9/13/1287014.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop/

13. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2024/01033/barom02.php/>

14. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2024 года // Аналитический сборник МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». М., 2025. 64 с.

15. URL: <https://www.rbc.ru/economics/10/02/2024/65c4dd649a794779c7f85100/>

References

1. Federal Law № 260-FZ dated August 8, 2024 «On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» // URL: <https://ivo.garant.ru/>

2. Order of the Government of the Russian Federation of December 30, 2025 № 4171-r «Action Plan for the implementation of the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025 in 2026–2030» // LRS «ConsultantPlus».

3. Migration Situation in the Russian Federation in 2023 // Official Website of the CIS Internet Portal. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3958/117931/>

4. Ban on work and deportation of illegal immigrants: Interview with Alexander Gorovoy, First Deputy Minister of the Ministry of Internal Affairs, about the register of migrant offenders and the fight against them // URL: <https://www.kp.ru/daily/27659.5/5044215/>

5. Rosstat reveals the «portrait» of a migrant in Russia // URL: <https://www.rbc.ru/economics/22/07/2024/669a2afd9a7947271d418486/>

6. Anisimov A. A., Tikhonova O. B. Actual problems of improving the state migration policy in Russia // Migration Law. 2011. № 3.

7. Nikolaev B. V., Khazov E. N. Immigration and national inequality : Latin Americans in the USA // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 3. P. 66–73.

8. Chudinovskikh O. The flow of migrants will decrease, and we will see who will suffer from this // Expert. 2024. April 8.

9. Fartygina A. The Russian Ministry of Internal Affairs has recorded a decrease in crime among foreign citizens // URL: <https://realnoevremya.ru/news/315193-mvd-rossii-fiksiruetsnizhenie-prestupnosti-sredi-inostrannyh-grazhdan?erid=2VtzqumTX1q/>

10. Full speech by the head of the Investigative Committee of the Russian Federation Alexander Bastrykin at the SPIEF – 2024 «Legal Aspects of Migration Policy in Modern Russia» // URL: <https://aftershock.news/?q=node/1394812&full&ysclid=m0bh3tzeww83648046/>

11. General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Main Department of Legal Statistics and Information Technologies. The state of crime in Russia for January-December 2020. М., 2021. P. 9.

12. URL: https://vz.ru/news/2024/9/13/1287014.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop/

13. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2024/01033/barom02.php/>

14. The state of crime in the Russian Federation for January-December 2024 // Analytical collection of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of the Federal State Institution «Main Information and Analytical Center». М., 2025. 64 p.

15. URL: <https://www.rbc.ru/economics/10/02/2024/65c4dd649a794779c7f85100/>

Информация об авторе

В. Н. Калинин – доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. N. Kalinin – Associate Professor of the Department of State and Civil Law Disciplines of the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.05.2026; одобрена после рецензирования 22.05.2026; принята к публикации 02.06.2026.

The article was submitted 10.05.2026; approved after reviewing 22.05.2026; accepted for publication 02.06.2026.

Научная статья

УДК 34

EDN: <https://elibrary.ru/mvfpbg>

НИОН: 2015-0066-2/26-427

MOSURED: 77/27-011-2026-02-626

Влияние информационных технологий на коррупционные процессы в государственном управлении

Борис Николаевич Комахин

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

komakhin@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются информационные технологии (ИТ или IT-технологии) в контексте государственного управления, их значение и основные направления применения, потенциальные преимущества и проблемы, а также как IT-технологии способствуют борьбе с коррупцией и увеличивают риски при их неконтролируемом внедрении. В статье обсуждаются ключевые моменты правового регулирования ИТ в аспекте предупреждения коррупционных правонарушений, рассматриваются особенности, при которых IT-технологии могут способствовать росту коррупционных практик в государственной сфере.

Ключевые слова: информационные технологии, коррупция, государственные услуги, власть, чиновники, законодательство, административно-правовое регулирование, электронные платформы

Для цитирования: Комахин Б. Н. Влияние информационных технологий на коррупционные процессы в государственном управлении // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 75–79. EDN: MVFPBG.

Original article

The influence of information technologies on corruption processes in public administration

Boris N. Komakhin

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

komakhin@yandex.ru

Abstract. The information technologies (IT or IT technologies) are being examined in the context of public administration, their importance and main areas of application, potential advantages and problems, as well as how IT technologies contribute to the fight against corruption and increase the risks of their uncontrolled implementation. The article discusses the key points of legal regulation of IT in the aspect of preventing corruption offenses, examines the features in which IT technologies can contribute to the growth of corrupt practices in the public sector.

Keywords: information technology, corruption, public services, government, officials, legislation, administrative and legal regulation, electronic platforms

For citation: Komakhin B. N. The influence of information technologies on corruption processes in public administration. Bulletin of economic security. 2026;(2):75–79. (In Russ.). EDN: MVFPBG.

Введение

Коррупция остается одной из главных проблем, с которой сталкиваются страны по всему миру. Она подрывает доверие к государственным институтам, препятствует экономическому развитию и уводит значительные средства из бюджета. В последние десятилетия информационные технологии (далее также ИТ или IT-технологии) стали мощным инструментом в борьбе с коррупцией и повышением прозрачности государственных процессов. В этой статье мы рассмотрим влияние информационных технологий на коррупционные про-

цессы в государственном управлении, а также их потенциал в борьбе с этим явлением.

Предмет исследования: влияние информационных технологий на коррупционные явления в системе государственного управления.

Цель исследования: проанализировать воздействие ИТ на ключевые аспекты коррупции в государственных органах.

Основная часть

Информационные технологии в современном понимании представляют собой совокупность способов и ме-

тодов сбора, обработки, хранения и передачи информации для разрешения наиболее значимых и ресурсоемких процессов и задач [1, с. 332]. Кроме того, информационные технологии в государственном управлении включают в себя научные, программные, организационные и технические средства позволяющие автоматизировать процессы, направленные на обработку, хранение, передачу и использование информации, связанной с управлением государственными ресурсами и оказанием услуг гражданам.

Для успешной интеграции информационных технологий в государственные учреждения необходимо создать четкую законодательную и административную основу, которая обеспечит высокий уровень прозрачности, доступности и эффективности управленческих процессов. Использование ИТ позволяет автоматизировать процесс предоставления государственных услуг, что значительно сокращает время обработки заявок и документов.

Следует согласиться с Меркурьевым В. В. и Соколовым Д. А., что в наши дни мощнейшее воздействие на провоцирование криминальной активности оказывают интенсивно развивающиеся информационно-коммуникационные технологии, значительно упростившие не только повседневную жизнь обычного человека, но и преступную деятельность злоумышленников [2, с. 77].

Сегодня наблюдается процесс стагнации эволюции методов борьбы с коррупцией, подтверждаемый отсутствием значительных успехов в этой сфере. Это отмечается многими авторами, которые указывают на наличие недостатков в антикоррупционной работе органов публичной власти и действующем законодательстве и предлагают различные способы повышения эффективности методов предотвращения коррупционных проявлений [3, с. 1676].

Эксперты в области управления и антикоррупционных технологий подчеркивают, что именно внедрение ИТ может кардинально изменить подход к борьбе с коррупцией, минимизировать возможности для неправомερных действий и улучшить отчетность властей, так как информационные технологии в контексте борьбы с коррупцией включают в себя различные решения и инструменты, которые помогают в автоматизации процессов, обеспечении прозрачности, мониторинге и анализе деятельности государственных органов.

Современные ИТ-технологии играют ключевую роль в развитии государственного управления. Однако данный прогресс открыл и новые возможности для коррупционных проявлений, которые могут возникнуть в результате неэффективного применения информационных технологий. Следует отметить, что ИТ также возможно использовать и для роста коррупции, если их внедрение не будет должным образом регулироваться или, если отсутствуют соответствующие механизмы контроля.

По справедливому замечанию Архипова А. М. внедрение информационных технологий в государственное управление в целях борьбы с коррупцией несет опре-

деленные риски. Например, государственные органы должны обеспечивать самые высокие стандарты безопасности данных, размещаемых на соответствующих информационных платформах и системах. Это возможно осуществить только путем регулярного обновления технологий, что может повлечь чрезмерные инвестиции в указанную сферу [4, с. 136].

В данном исследовании считаем необходимым рассмотреть ключевые аспекты, в которых внедрение ИТ-технологий в состоянии предупредить коррупционные правонарушения, а также увеличить потенциальные возможности для проявления коррупции в государственном управлении.

Вначале рассмотрим положительные моменты внедрения ИТ в государственное управление.

Внедрение ИТ-технологии через удобные электронные ресурсы (онлайн-платформы) ускоряет предоставление государственных услуг и необходимых документов без задержек и в удобной форме, упрощает взаимодействие с государственными органами и уменьшает необходимость в лицах, которые могут пытаться злоупотребить своей властью.

Разделяем позицию Агеева В. Н., что внедрение информационных технологий, так называемая «цифровизация», на сегодняшний день остается одним из самых актуальных направлений в области борьбы с коррупцией [5, с. 56].

Кроме того, внедрение технологий блокчейн для повышения прозрачности финансовых операций и управления государственными расходами, делает информацию более доступной, что в свою очередь увеличивает эффективность предоставления государственных услуг и создает условия, при которых коррупция становится менее вероятной. Эти факторы способствуют формированию доверительных отношений между государством и гражданами, обеспечивая большую степень ответственности и открытости в действиях государственных учреждений.

Однако, по справедливому замечанию Бориной Л. В., в век прорыва информационных технологий произошло большое изменение в сфере оказания государственных услуг, которая является одной из наиболее подверженных коррупции сфер [6, с. 22]. Становится очевидной важность активного внедрения мер, повышающих транспарентность процессов в государственных органах. Современные информационные технологии должны стать ключевым инструментом в борьбе с коррупцией.

Необходимо, чтобы государственные органы продолжали развивать законодательные и правовые рамки для поддержки этих технологий и борьбы с коррупцией в будущем. Быстрое внедрение новых технологий без достаточных правовых рамок может привести к созданию условий, в которых коррупция процветает. Сделав акцент на этих принципах, следует создать более честное и открытое общество, в котором коррупция не будет находить почвы для роста.

Жизненно важно учитывать, что для успешного внедрения информационных технологий в систему государственного управления необходимо наличие соответствующих нормативных актов. Эти акты формируют правовую основу, регулирующую процесс цифровизации, обеспечивают защиту данных и способствуют повышению прозрачности общественных процессов [12].

Создание мобильных приложений для сообщения о фактах коррупции позволяет гражданам анонимно сообщать о правонарушениях. Это, в свою очередь, увеличивает количество разоблачений и способствует идентификации коррупционных схем.

Хотя внедрение IT-технологий в государственное управление приводит к многим положительным изменениям, необходимо также осознавать риски, которые возникают в результате их применения. Управленческая деятельность сама по себе содержит риски коррупционного поведения и при определенных обстоятельствах может модифицироваться в новую сферу «коррупционных услуг» [7, с. 224].

Так, использование информационных технологий наряду с положительными моментами может увеличить потенциальные возможности для коррупции и привести к ее новым формам, таким как подкуп через киберпреступность, где злоумышленники, манипулируя данными, скрывают факты о своих действиях, тем самым избегают ответственности, используют уязвимости в системах для получения неправомерной выгоды. Например, они изменяют записи или подделывают документы, включают неэтичные маневры в распределении бюджетных субсидий или лицензий, манипулируют с тендерами.

Внедрение сложных информационных систем создает ситуацию, когда действия отдельных чиновников остаются незамеченными. Поэтому, с одной стороны, с помощью инновационных технологий многие процессы становятся прозрачнее, быстрее, дешевле и эффективнее, а с другой стороны могут проявлять побочные эффекты, такие как развитие электронной коррупции и киберугрозы [8, с. 12]. Если систему защиты данных не удастся поддерживать на должном уровне, а информационные технологии не работают как требуется или имеют недостаточную инфраструктуру, то это приведет к утечкам информации, различным комбинациям с документами и укрывательству злоупотреблений. Недостаточно проверенные IT-системы подвергают государственные структуры рискам, а технические сбои создают ситуации, когда чиновники, воспользовавшись неразберихой, совершают коррупционные действия.

Неправильное и поспешное внедрение ИТ без наличия четкого регуляторного контроля приводит к ситуациям, когда коррупция начинает процветать из-за отсутствия необходимых мер безопасности и ответственности. А бюрократические барьеры, в случае если ИТ-системы не обеспечивают достаточных механизмов контроля, таких как аудит и проверка данных, корруп-

ционные схемы остаются незамеченными. Потребность в контроле и регулировании новых технологий должна быть осознана на всех уровнях.

Кроме того, вопросы конфиденциальности данных также становятся актуальными. Необходимо находить баланс между необходимостью анализа данных для предотвращения преступлений и соблюдением прав граждан на конфиденциальность [9, с. 96].

Если электронные платформы непрозрачные, трудны для использования, а граждане не имеют возможность получить информацию о процессах, правилах и результатах работы государственных органов, это уменьшает общественный контроль и создает предпосылки для коррупции, а граждан, не имеющих доступа к необходимой информации о работе государственных структур, делает наиболее уязвимыми к манипуляциям со стороны чиновников.

Недостаточный уровень подготовки сотрудников, которые работают с IT-системами, низкая их квалификация, отсутствие соответствующих знаний и недостаток обучения по использованию ИТ приводит к неэффективности и некомпетентности, что способствует возникновению коррупционных практик [10]. Чиновники могут использовать свое незнание системы для получения личных выгод.

Анонимность интернета также создает потенциальные возможности для коррупционных действий, таких как угрозы или шантаж, которые могут происходить без физического присутствия сторон.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, стоит подчеркнуть, что информационные технологии действительно стали неотъемлемой частью современного государственного управления, а их внедрение способствует повышению эффективности работы органов власти, улучшает доступность услуг для граждан и повышает уровень доверия к государственным институтам, предоставляя множество возможностей для улучшения процессов в государственном управлении. Однако, наряду с преимуществами, существуют и вызовы, такие как необходимость обеспечения безопасности данных и настоятельное неприятие инноваций со стороны некоторых граждан.

Несомненно, будущее государственных услуг напрямую зависит от развития и внедрения новых ИТ, что ставит перед государственными органами задачи по их эффективному использованию и развитию.

Развитие информационных технологий противодействия коррупции, отдельные проекты их успешного внедрения в реальную правовую жизнь общества, позволяют ставить сегодня вопрос о разработке соответствующей концепции развития цифровых технологий по противодействию коррупции. Систематизация правовой политики в данном вопросе, четкое понимание принципов, перспектив, рисков применения технологических инноваций в антикоррупционной политике российского государства становится объективно необходимым эта-

пом развития информационного общества и сетевого государства [11, с. 59].

Информационные технологии становятся важным инструментом в борьбе с коррупцией в государственном управлении, способствуя прозрачности, открытости и эффективности механизмов, связанных с предоставлением государственных услуг, но не следует забывать о потенциальных рисках, связанных с их внедрением. Вне зависимости от положительных аспектов, ИТ могут способствовать росту коррупционных проявлений при отсутствии надлежащего контроля, регулирования и обучения. Важно, чтобы органы власти развивали не только технологии, но и укрепляли правовые основы и механизмы контроля, чтобы минимизировать коррупционные угрозы и обеспечить эффективное, прозрачное и этичное государственное управление.

Список источников

1. Троянская М. А., Еременков А. А. Информационные технологии в государственном управлении : понятие, виды, задачи и направления государственного регулирования // Вестник Академии знаний. 2022. № 50 (3). С. 331–337.
2. Меркурьев В. В., Соколов Д. А. Изменчивость как неотъемлемое свойство преступности // Новые, появляющиеся и видоизменяющиеся формы преступности : научные основы противодействия (Долговские чтения) : сб. мат. II Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 24–25 марта 2022 г.) / науч. ред. В. В. Меркурьев, Ю. А. Тимошенко; сост. М. В. Ульянов, Н. В. Сальников; Университет прокуратуры РФ. М., 2022. С. 66–78.
3. Минбалеев А. В., Евсиков К. С. Информационные технологии противодействия коррупции // Журнал Сибирского федерального университета, серия: гуманитарные науки. 2021. Т. 14, № 11. С. 1674–1689.
4. Архипов А. М. Использование информационных технологий в борьбе с коррупцией // Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС. Сборник научных статей научно-практической конференции, посвященной Дню российской науки. Н. Новгород, 2021. С. 133–137.
5. Агеев В. Н. Информационные технологии как средство противодействия коррупции в Российской Федерации // Национальная безопасность // Nota bene. 2023. № 6. С. 49–60.
6. Борина Л. В. Информационные технологии в системе противодействия коррупции в сфере государственных закупок // Межведомственная научно-практическая конференция. СПб, 2025. С. 22–25.
7. Ломанов Е. Н., Комахин Б. Н., Поздняков Е. В., Прокошин М. С. Цифровизация управления : антикоррупционный курс административных и финансовых правоотношений : учебное пособие // коллектив авторов ; под общ. ред. В. А. Прокошина. М. : ЮСТИЦИЯ, 2018. 314 с.

8. Мухамадиева Д. Н. Цифровизация против коррупции. Возникновение е-коррупции // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2019. № 1 (171). С. 9–13.

9. Теплая Н. А., Батчаева З. Б., Гук О. А. Информационные технологии в борьбе с экономической преступностью : использование ИТ для предотвращения мошенничества и коррупции // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. № 7, Т. 9. С. 94–99.

10. Государственная служба в органах внутренних дел Российской Федерации / под науч. ред. К. К. Гасанова, О. В. Зиборова ; под общ. ред. Б. Н. Комахина, Е. Н. Хазова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2025. 231 с.

11. Кравченко А. Г., Овчинников А. И., Мамычев А. Ю., Воронцов С. А. Использование цифровых технологий в сфере противодействия коррупции // Административное и муниципальное право. 2020. № 6. С. 52–62.

12. Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Troyanskaya M. A., Eremenkova A. A. Information technologies in public administration : concept, types, tasks and directions of state regulation // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2022. № 50 (3). P. 331–337.
2. Merkuryev V. V., Sokolov D. A. Variability as an inherent property of crime // New, emerging and changing forms of crime: scientific foundations of counteraction (Dolgovsky readings) : collection of mat. of the II All-Russian Scientific and Practical Conference (Moscow, March 24–25, 2022) / scientific editors V. V. Merkuryev, Yu. A. Timoshenko ; comp. M. V. Ulyanov, N. V. Salnikov; University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. M., 2022. P. 66–78.
3. Minbaleev A. V., Evsikov K. S. Information technologies for combating corruption // Journal of the Siberian Federal University, series: humanities. 2021. Vol. 14, № 11. P. 1674–1689.
4. Arkhipov A. M. The use of information technologies in the fight against corruption // Nizhny Novgorod Institute of Management, a branch of the RANEPa. Collection of scientific articles of the scientific and practical conference dedicated to the Day of Russian Science. N. Novgorod, 2021. P. 133–137.
5. Ageev V. N. Information technologies as a means of combating corruption in the Russian Federation // Nota bene. 2023. № 6. P. 49–60.
6. Borina L. V. Information technologies in the system of combating corruption in public procurement // Interdepartmental scientific and practical Conference. SPb, 2025. P. 22–25.

7. Lomanov E. N., Komakhin B. N., Pozdnyakov E. V., Prokoshin M. S. Digitalization of management : an anti-corruption course in administrative and financial legal relations : textbook // collective of authors ; under the general editorship of V. A. Prokoshin. M. : JUSTITIA, 2018. 314 p.

8. Mukhamadieva D. N. Digitalization against corruption. The emergence of e-corruption // Bulletin of Samara State University of Economics. 2019. № 1 (171). P. 9–13.

9. Teplaya N. A., Batchaeva Z. B., Guk O. A. Information technologies in the fight against economic crime: using IT to prevent fraud and corruption // Economics and management: problems, solutions. 2025. № 7, Vol. 9. P. 94–99.

10. Public service in the internal affairs bodies of the Russian Federation / under the scientific editorship of K. K. Hasanov, O. V. Ziborov ; under the general editorship of B. N. Komakhin, E. N. Khazov. 4th ed., revised and add. M. : UNITY-DANA, 2025. 231 p.

11. Kravchenko A. G., Ovchinnikov A. I., Mamych A. Yu., Vorontsov S. A. The use of digital technologies in the field of anti-corruption // Administrative and municipal law. 2020. № 6. P. 52–62.

12. Decree of the President of the Russian Federation dated May 9, 2017 № 203 «On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030» // LRS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

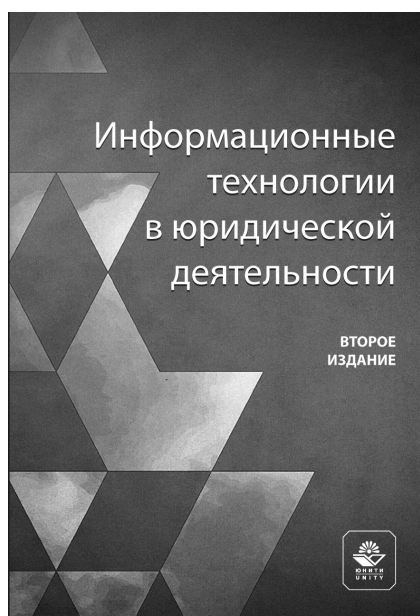
Б. Н. Комахин – профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации.

Information about the author

B. N. Komakhin – Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Honored Employee of the internal affairs bodies of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026; одобрена после рецензирования 19.02.2026; принята к публикации 18.03.2026.

The article was submitted 15.01.2026; approved after reviewing 19.02.2026; accepted for publication 18.03.2026.

Информационные технологии в юридической деятельности. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под ред. А. И. Уринцова. 351 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник».

Рассмотрены основные понятия и категории информатики в юриспруденции, программное обеспечение, охватывающие практически все области юридической деятельности. Предложена оригинальная схема направлений информатики в аспекте их изучения в юридическом вузе. Приведены примеры использования в юридической деятельности современных информационных технологий, таких как мультимедиа, экспертные системы и др. Отдельные главы посвящены рассмотрению технологий работы с правовыми информационными системами, структуры, состава и принципов функционирования программного обеспечения информационных технологий. Изложены основы информационной безопасности и защиты информации в компьютерных системах. Разобраны проблемы защиты информации на персональном компьютере от потери и разрушения, несанкционированного доступа, вопросы восстановления

утраченных данных, надежного удаления данных и т. д. Особое место отведено вопросам обеспечения защиты информации в компьютерных сетях.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» и специальности «Правоохранительная деятельность».

Научная статья

УДК 34

EDN: <https://elibrary.ru/kgwgkc>

ИПОН: 2015-0066-2/26-428

MOSURED: 77/27-011-2026-02-627

Конституционно-правовое регулирование гражданства Российской Федерации: сходства и различия отечественной практики с международными стандартами

Шамиль Магомедович Нурадинов¹, Сергей Леонидович Нечай²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
office@unity-dana.ru

² Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, Брянск, Россия,
s.l.nechay@gmail.com

Аннотация. Анализируются фундаментальные основы отечественного и международного правового регулирования конституционно-правового института гражданства. Рассматриваются основные способы приобретения и прекращения российского гражданства. Проводится анализ как отечественного конституционно-правового регулирования, так и международных правовых актов. Раскрываются их сходные и различные положения. Обозначается вывод о следовании и соответствии отечественного законодательства о гражданстве международно-правовым стандартам в данной сфере.

Ключевые слова: гражданство, государство, правовое регулирование гражданства, филиация, приобретение гражданства, натурализация, гражданство России, оптация, прекращение гражданства, репатриация

Для цитирования: Нурадинов Ш. М., Нечай С. Л. Конституционно-правовое регулирование гражданства Российской Федерации: сходства и различия отечественной практики с международными стандартами // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 80–85. EDN: KGWGKC.

Original article

Constitutional and legal regulation of citizenship of the Russian Federation: similarities and differences between domestic practice and international standards

Shamil M. Nuradinov¹, Sergey L. Nechay²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
office@unity-dana.ru

² Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, Bryansk, Russia, s.l.nechay@gmail.com

Abstract. Analyzed the fundamental principles of domestic and international legal regulation of the constitutional institution of citizenship. Examined the main methods for acquiring and terminating Russian citizenship. Analyzed both domestic constitutional regulation and international legal acts. Identified their similarities and differences. It is concluded that domestic citizenship legislation adheres to and complies with international legal standards in this area.

Keywords: citizenship, state, legal regulation of citizenship, filiation, acquisition of citizenship, naturalization, citizenship of Russia, option, termination of citizenship, repatriation

For citation: Nuradinov Sh. M., Nechay S. L. Constitutional and legal regulation of citizenship of the Russian Federation: similarities and differences between domestic practice and international standards. Bulletin of economic security. 2026;(2):80–85. (In Russ.). EDN: KGWGKC.

Международные подходы к приобретению и прекращению гражданства демонстрируют большую вариативность правовых и политических решений, обусловленных как историческими традициями конкрет-

ных государств, так и общепризнанными принципами международного права.

В современных правовых системах, особенно в тех, где признается приоритет международного права

© Нурадинов Ш. М., Нечай С. Л., 2026

над внутренним или их непосредственное действие, государство должно приводить свое законодательство в соответствие с международными обязательствами. В Российской Федерации этот принцип частично отражен в Конституции (статья 15, часть 4) [1]. Однако с 2020 г. и далее произошли изменения, уточняющие соотношение между внутренним и международным правом.

В целом, институт гражданства рассматривается в контексте защиты основных прав и свобод человека, что особенно подчеркнуто во Всеобщей декларации прав человека (ст. 15), Международном пакте о гражданских и политических правах и Конвенции о правах ребенка. Тем не менее каждое государство вправе устанавливать собственные критерии, механизмы и процедуры, учитывая национальную специфику и приоритеты в области миграции, безопасности и социальной политики.

Гражданство Российской Федерации регулируется системой нормативных правовых актов, включающей Конституцию РФ, федеральные законы, указы Президента Российской Федерации и ведомственные нормативные акты. основополагающим документом в данной сфере является Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [2], который устанавливает правовые основы приобретения, прекращения и восстановления гражданства, а также определяет соответствующие полномочия государственных органов.

В целях реализации положений данного закона приняты указ Президента Российской Федерации от 22 ноября 2023 г. № 889 «Вопросы гражданства Российской Федерации» [3] и указ Президента Российской Федерации от 26 декабря 2022 г. № 951 «О некоторых вопросах приобретения гражданства Российской Федерации» [4], конкретизирующие процедуры, связанные с приемом в гражданство и прекращением гражданства.

Отдельные аспекты регулирования гражданства связаны с вопросами территориальных изменений. Так, Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ [10] закрепляет правовой статус Луганской Народной Республики в составе Российской Федерации, включая механизмы упрощенного получения гражданства ее жителями.

Важное значение имеют ведомственные акты, детализирующие административные процедуры. В частности, приказ МВД России от 20 сентября 2023 г. № 689 [5] регламентирует порядок подачи уведомлений о приобретении иностранного гражданства, получении вида на жительство за рубежом, а также уведомлений об их утрате. Аналогичный порядок подачи уведомлений через дипломатические представительства и консульские учреждения Российской Федерации утвержден приказом МИД России от 23 октября 2023 г. № 21573 [6].

Контроль за соблюдением норм законодательства о гражданстве обеспечивается путем проверки наличия или отсутствия гражданства у лиц, что предусмотрено приказом МВД России от 9 октября 2023 г. № 753 [7].

Кроме того, вопросы учета и систематизации данных о гражданстве регламентируются совместным приказом МВД России и МИД России от 29 сентября 2023 г. № 727/20184 [8], который определяет порядок ведения статистического и персонального учета лиц, в отношении которых приняты решения по вопросам гражданства.

Отдельные аспекты правового регулирования связаны с территориальными изменениями. Федеральные конституционные законы от 4 октября 2022 г.: № 5-ФКЗ (Донецкая Народная Республика) [9], № 6-ФКЗ (Луганская Народная Республика) [10], № 7-ФКЗ (Запорожская область) [11], № 8-ФКЗ [12] (Херсонская область, включая отдельные районы бывшей Николаевской области) закрепили их правовой статус в составе Российской Федерации и ввели механизмы упрощенного получения гражданства для жителей указанных территорий.

Важное значение имеют ведомственные акты, детализирующие административные процедуры. Так, приказ МВД России от 20 сентября 2023 г. № 689 регулирует порядок подачи уведомлений о приобретении иностранного гражданства, получении вида на жительство за рубежом и их утрате, а приказ МИД России от 23 октября 2023 г. № 21573 устанавливает аналогичный порядок через дипломатические представительства и консульские учреждения. Контроль за соблюдением законодательства обеспечивается приказом МВД России от 9 октября 2023 г. № 753; вопросы статистического и персонального учета урегулированы совместным приказом МВД России и МИД России от 29 сентября 2023 г. № 727/20184.

Наряду с правилами приобретения гражданства законодатель уделяет внимание и основаниям прекращения. В частности, подп. «а» ч. 1 ст. 22 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» предусматривает утрату гражданства за совершение особо тяжких преступлений, а расширенный перечень соответствующих составов преступлений определен в ст. 24 того же закона.

Одним из фундаментальных блоков в данной сфере является приобретение гражданства. Традиционно выделяют несколько способов:

1. Филиация (по рождению). Как правило, она рассматривается в трех формах:

- по праву крови (*Jus sanguinis*), когда ребенок приобретает гражданство по гражданству родителей (или одного из них), независимо от места рождения. Этот подход исторически свойственен государствам, стремящимся сохранить этнокультурную идентичность, а также поддержать прочные связи внутри национальной общности;

- по праву почвы (*Jus soli*), когда гражданство ребенка определяется по факту рождения на территории соответствующего государства. Такая модель часто встречается в странах с традиционно высокими миграционными потоками (например, США), где важной задачей является инклюзия родившихся на территории лиц в социально-правовое пространство;

– по наследству, что представляет собой относительно редкий вариант, встречающийся в законодательстве отдельных стран Европы. Считается особой формой филиации, когда гражданство может передаваться по «семейной линии» или в рамках династических прав, но в современном мире эта процедура используется весьма ограниченно.

2. Натурализация (укоренение), или вступление в гражданство по волеизъявлению лица. Она регулируется правом конкретного государства и, как правило, требует соблюдения ряда условий: от прохождения языкового или культурного теста до подтверждения легальности пребывания и наличия устойчивых социально-экономических связей. Подобный путь широко распространен и рассматривается в научной литературе как наиболее гибкая форма приобретения гражданства, позволяющая государствам выбирать критерии, соответствующие их миграционной и демографической политике.

3. Дарование гражданства. Этот способ нередко применяется как исключительный или почетный, когда глава государства (или уполномоченный орган) присваивает гражданство за особые заслуги. Часто подобные решения принимаются в отношении деятелей науки, культуры, спорта, а также в случае значительных инвестиций в экономику. С теоретической точки зрения, дарование гражданства демонстрирует суверенное право государства определять круг лиц, которые, по мнению властей, принесут пользу обществу.

4. Оптация. Данный институт предполагает выбор лицом гражданства при изменении границ государств. Он регулируется международными договорами, позволяя людям, проживающим на спорных или передаваемых территориях, самостоятельно определять свою дальнейшую гражданско-правовую принадлежность. При этом в правоприменительной практике нередко возникают сложности, связанные с процедурой уведомления населения и соблюдения сроков подачи заявлений на оптацию.

5. Трансферт. В отличие от оптации, трансферт означает автоматический переход населения из одного гражданства в другое вместе с передачей территории одним государством другому. Хотя формально эта процедура предусмотрена рядом международных норм, на практике она встречается реже и, как правило, обусловлена политическими соглашениями высшего уровня.

Помимо перечисленных способов приобретения гражданства, международная практика выделяет и отдельные механизмы, связанные с изменением гражданско-правового статуса уже после его утраты или при необходимости возвращения на родину. В данном контексте речь идет о прекращении гражданства, куда входят следующие институты:

1. Реинтеграция, представляющая собой восстановление в гражданстве лиц, ранее его имевших и по разным причинам утративших. Этот путь отражает стремление государства вернуть своих бывших граждан, которые в силу исторических и личных обстоятельств сохранили социально-культурные связи с родиной.

2. Репатриация, которая подразумевает возвращение военнопленных, перемещенных лиц, беженцев, а также эмигрантов с восстановлением в правах гражданства. В международной доктрине репатриация часто рассматривается как способ гуманитарного регулирования последствий войн, конфликтов и стихийных бедствий, когда люди фактически лишаются возможности оставаться в чужой стране.

3. Отказ от гражданства (или выход из гражданства) – это процедура, инициируемая самим гражданином, желающим прекратить правовую связь с государством. В ряде стран такая возможность ограничена законодателем (например, требуют наличия другого гражданства или гарантии того, что лицо не окажется лицом без гражданства). Существует мнение, что жесткое регулирование выхода из гражданства продиктовано обязанностью государства предотвращать появление апатридов, а также заботиться о социально-правовой защите собственных граждан.

Право на гражданство, будучи закрепленным в универсальных документах по правам человека, служит базовой гарантией для личности и подразумевает, что ни одно государство не вправе произвольно лишать человека гражданского статуса, если это приведет к безгражданству. Современные ученые в области права акцентируют внимание на том, что гражданство выполняет не только защитную функцию (доступ к правам и свободам), но и интеграционную: оно позволяет государству и обществу признавать «своих» членов, делегировать им определенные права и обязанности, а также формировать общую идентичность.

Российский институт гражданства соотносится с международными стандартами, хотя и имеет ряд особенностей, связанных с историческим контекстом и нормативным правовым регулированием. В соответствии со ст. 15 Всеобщей декларации прав человека [13], каждая личность обладает правом на гражданство и не может быть произвольно лишена этого статуса; данные положения отражены и в российском законодательстве. Среди универсальных принципов международного права также выделяются гарантии предотвращения безгражданства (закрепленные, в частности, в Конвенции о сокращении безгражданства 1961 г.) [14], а также требование к государствам обеспечивать прозрачные и доступные механизмы обжалования решений, связанных с приобретением или утратой гражданства.

Хотя Россия формально не присоединилась к ряду профильных конвенций, законодательная база, представленная Конституцией РФ и Федеральным законом «О гражданстве Российской Федерации», в целом учитывает международные тенденции, например, путем признания гражданства для детей, чьи родители не имеют гражданства или неизвестны, что помогает сокращать число лиц без гражданства. Приобретение российского гражданства возможно как по рождению, в основе чего лежит преимущественно принцип «права крови» (*jus sanguinis*) с отдельными элементами «права почвы»

(jus soli), так и путем натурализации, где требуются пятилетний срок проживания по виду на жительство, знание русского языка и отсутствие судимостей.

Такая система в целом согласуется с общемировой практикой, допускающей установление разумных условий для приема в гражданство. При этом в России предусмотрены упрощенные процедуры для ряда категорий лиц (бывшие граждане СССР, носители русского языка, состоящие в браке с гражданином РФ и др.), что отражает стремление государства содействовать репатриации и сохранить культурные и исторические связи. Кроме того, существует механизм оптации и восстановления гражданства, соответствующий международной практике и учитывающий трансформацию государственных границ, а также право лиц вернуться на территорию своего происхождения. Подобные подходы демонстрируют сочетание общепризнанных принципов и национальной специфики, обусловленной политическими и историческими факторами, что в итоге формирует характерные черты российского института гражданства.

В отношении прекращения гражданства Россия допускает добровольный выход, при условии, что у заявителя есть гражданство другого государства или гарантия его получения, а также законные основания постоянно находиться за рубежом. При этом требование подтвердить наличие или возможность получения другого гражданства частично коррелирует с международными нормами, направленными на недопущение безгражданства (в частности, отраженными в Конвенции о сокращении безгражданства 1961 г.), хотя не все государства формулируют столь же жесткий критерий.

Принудительное лишение гражданства, формально запрещенное ст. 6 Конституции РФ, может осуществляться в форме отмены решения о приобретении гражданства в случаях, когда установлено, что оно было получено обманным путем или при совершении террористической и экстремистской деятельности. Подобная практика, когда формально речь идет об «отмене натурализации», а не о лишении, соответствует ряду положений международного права (например, ст. 7 Европейской конвенции о гражданстве 1997 г.), хотя и вызывает дискуссии в части, касающейся экстремистской деятельности. В некоторых правовых системах лишение гражданства допускается при совершении особо тяжких преступлений, однако ряд стран подчеркивает приоритет сохранения гражданства для предотвращения безгражданства.

В международной сфере подобные положения тоже встречаются, но в разных государствах механизм применяется по-разному: в одних странах минимизирована возможность принудительного лишения гражданства, а в других законодательства расширяют перечень оснований, включая причины, связанные с государственной безопасностью. В любом случае, международное право требует, чтобы лишение не носило дискриминационного или произвольного характера и не превращало человека в лицо без гражданства.

Множественное и двойное гражданство в России не запрещено, однако гражданин обязан уведомлять государственные органы о наличии второго гражданства, что рассматривается как дополнительное бюрократическое требование и отличает российскую практику от некоторых других стран. В большинстве зарубежных государств подобное уведомление не всегда является обязательным. Вместе с тем, требование о декларировании наличия иного гражданства в России объясняется стремлением обеспечить прозрачность правового статуса лиц и учесть вопросы, связанные с национальной безопасностью, а также доступом к государственным должностям, предполагающим доступ к секретным сведениям.

Особое внимание Россия уделяет предотвращению безгражданства, прежде всего через автоматическое предоставление российского гражданства рожденным в РФ детям, если их родители неизвестны или не имеют гражданства, а также путем упрощенной процедуры для определенных категорий лиц без гражданства. В то же время страна не участвует в некоторых конвенциях, напрямую связанных с сокращением безгражданства (1961) и европейским регулированием вопросов гражданства (Европейская конвенция о гражданстве 1997 г.), что формально ограничивает ее международно-правовые обязательства в данной сфере. Наряду с этим Россия активно использует упрощенные процедуры натурализации для «соотечественников», носителей русского языка и жителей некоторых постсоветских регионов, что отражает ее национальные интересы и исторические связи, но иногда вызывает дискуссии в международном сообществе.

Таким образом, российское законодательство о гражданстве, в целом основанное на базовых международных принципах (государственный суверенитет в вопросах гражданства, запрет произвольного лишения гражданства, стремление к сокращению безгражданства), обладает рядом специфических черт. К ним относятся упрощенный порядок приобретения гражданства для граждан бывшего СССР, обязательство уведомления о наличии второго гражданства, а также некоторые ограничения, связанные с доступом к госслужбе и секретной информации для лиц с много гражданством. Принимая во внимание эти особенности, можно констатировать, что Россия в основном следует универсальным принципам международного права в сфере гражданства, однако сохраняет и развивает уникальные элементы правового регулирования, связанные с региональными условиями, политическими приоритетами и историческим опытом.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
2. Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание

законодательства Российской Федерации. 2023. № 18. Ст. 3215.

3. Указ Президента Российской Федерации от 22 ноября 2023 г. № 889 «Вопросы гражданства Российской Федерации» (вместе с «Положением о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации», «Положением о порядке принесения Присяги гражданина Российской Федерации») // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 48. Ст. 8551.

4. Указ Президента РФ от 26 декабря 2022 г. № 951 «О некоторых вопросах приобретения гражданства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 1 (часть I). Ст. 189.

5. Приказ МВД России от 20 сентября 2023 г. № 689 «Об установлении Порядка подачи уведомления о приобретении гражданства (подданства) иностранного государства либо получении вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства, уведомления об утрате гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства, в Министерство внутренних дел Российской Федерации или его территориальные органы, в том числе в электронной форме» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Приказ МИД России от 23 октября 2023 г. № 21573 «Об утверждении Порядка подачи уведомления о приобретении гражданства (подданства) иностранного государства либо получении вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства, и уведомления об утрате гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства, в дипломатические представительства или консульские учреждения» // СПС «Гарант».

7. Приказ МВД России и МИД России от 9 октября 2023 г. № 753/20664 «Об организации работы по проведению проверки наличия или отсутствия у лица гражданства Российской Федерации в целях реализации полномочий, предусмотренных частями 4 и 6 статьи 40 Федерального закона от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // СПС «Гарант».

8. Приказ МВД России и МИД России от 29 сентября 2023 г. № 727/20184 «Об организации ведения статистического и персонального учета лиц, в отношении которых приняты отдельные решения по вопросам гражданства, лиц, подавших уведомления, предусмотренные статьей 11 Федерального закона от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // СПС «Гарант».

9. Федеральный конституционный закон Российской Федерации «О принятии в Российскую Федерацию и образовании Донецкой Народной Республики и о внесении изменений в Конституцию Российской Федерации» от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 40. Ст. 6354.

10. Федеральный конституционный закон «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики» от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 40. Ст. 6356.

11. Федеральный конституционный закон Российской Федерации «О принятии в Российскую Федерацию и образовании Запорожской области и о внесении изменений в Конституцию Российской Федерации» от 4 октября 2022 г. № 7-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 40. Ст. 6358.

12. Федеральный конституционный закон Российской Федерации «О принятии в Российскую Федерацию и образовании Херсонской области и о внесении изменений в Конституцию Российской Федерации» от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 40. Ст. 6360.

13. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. № 67. 05.04.1995.

14. Конвенция о сокращении безгражданства (заключена в г. Нью-Йорке 30.08.1961) // URL: <http://www.mid.ru/>

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

2. Federal Law on April 28, 2023 № 138-FZ «On Citizenship of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2023. № 18. Art. 3215.

3. Decree of the President of the Russian Federation on November 22, 2023 № 889 «Issues of Citizenship of the Russian Federation» (together with the «Regulations on the Procedure for Considering Issues of Citizenship of the Russian Federation», «Regulations on the Procedure for Taking the Oath of a Citizen of the Russian Federation») // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2023. № 48. Art. 8551.

4. Decree of the President of the Russian Federation on December 26, 2022 № 951 «On Certain Issues of Acquiring Citizenship of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2023. № 1 (Part I). Art. 189.

5. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia on September 20, 2023 № 689 «On Establishing the

Procedure for Submitting a Notification of the Acquisition of Citizenship (Nationality) of a Foreign State or Obtaining a Residence Permit or Other Document Confirming the Right of Permanent Residence of a Citizen of the Russian Federation in a Foreign State, Notification of the Loss of Citizenship (Nationality) of a Foreign State or a Residence Permit or Other Document Confirming the Right of Permanent Residence of a Citizen of the Russian Federation in a Foreign State, to the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation or its Territorial Bodies, Including in Electronic Form» // LRS «ConsultantPlus».

6. Order of the Ministry of Foreign Affairs of Russia on October 23, 2023 № 21573 «On Approval of the Procedure for Submitting Notification of the Acquisition of Citizenship (Nationality) of a Foreign State or Obtaining a Residence Permit or Other Document Confirming the Right of Permanent Residence of a Citizen of the Russian Federation in a Foreign State, and Notification of the Loss of Citizenship (Nationality) of a Foreign State or a Residence Permit or Other Document Confirming the Right of Permanent Residence of a Citizen of the Russian Federation in a Foreign State, to Diplomatic Missions or Consular Offices» // LRS «Garant».

7. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Ministry of Foreign Affairs of Russia on October 9, 2023. 2023 № 753/20664 «On the organization of work to verify the presence or absence of a person's citizenship of the Russian Federation in order to implement the powers provided for in Parts 4 and 6 of Article 40 of the Federal Law on April 28, 2023 № 138-FZ «On Citizenship of the Russian Federation» // LRS «Garant».

8. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Ministry of Foreign Affairs of Russia on September 29, 2023 № 727/20184 «On the Organization of Maintaining Statistical and Personal Records of Persons in

Respect of Whom Certain Decisions Have Been Made on Citizenship Issues, Persons Who Submitted Notifications Provided for in Article 11 of Federal Law № 138-FZ on April 28, 2023 «On Citizenship of the Russian Federation» // LRS «Garant».

9. Federal Constitutional Law of the Russian Federation «On Admission to the Russian Federation and the Formation of the Donetsk People's Republic and on Amendments to the Constitution of the Russian Federation» on October 4, 2022 № 5-FKZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. № 40. Art. 6354.

10. Federal Constitutional Law «On the Admission of the Luhansk People's Republic to the Russian Federation and the Formation of a New Subject within the Russian Federation – the Luhansk People's Republic» on October 4, 2022 № 6-FKZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. № 40. Art. 6356.

11. Federal Constitutional Law of the Russian Federation «On the Admission to the Russian Federation and the Formation of the Zaporizhzhia Oblast and on Amendments to the Constitution of the Russian Federation» on October 4, 2022 № 7-FKZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. № 40. Art. 6358.

12. Federal Constitutional Law of the Russian Federation «On the Admission to the Russian Federation and the Formation of the Kherson Oblast and on Amendments to the Constitution of the Russian Federation» on October 4, 2022 № 8-FKZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2022. № 40. Art. 6360.

13. Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly 10.12.1948) // Rossiyskaya Gazeta. № 67. 05.04.1995.

14. Convention on the Reduction of Statelessness (concluded in New York on 30.08.1961) // URL: <http://www.mid.ru/>

Информация об авторах

Ш. М. Нурадинов – профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации;

С. Л. Нечай – профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Брянского филиала Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, кандидат исторических наук.

Information about the authors

Sh. M. Nuradinov – Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation;

S. L. Nechay – Professor of the Department of State and Civil Law Disciplines of the Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Candidate of Historical Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.11.2025; одобрена после рецензирования 22.12.2025; принята к публикации 30.01.2026.

The article was submitted 11.11.2025; approved after reviewing 22.12.2025; accepted for publication 30.01.2026.

Научная статья

УДК 342.72/.73

EDN: <https://elibrary.ru/khccik>

ИИОН: 2015-0066-2/26-429

MOSURED: 77/27-011-2026-02-628

Человек как высшая ценность в свете поправки 2020 года в Конституцию России

Алексей Михайлович Осавелюк¹, Наталья Михайловна Чепурнова²

¹ Перервинская духовная семинария Русской Православной Церкви, Москва, Россия, ppds@ppds.ru

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, chepurnovana@mail.ru

Аннотация. Актуальность статьи вызвана неоднозначностью понимания содержания принципа ст. 2 Конституции России. На основе анализа ее положений, научной литературы показана дискуссия среди ученых о том, как понимать принцип ст. 2 Основного Закона страны, провозгласившей, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью.

Особое внимание уделяется анализу влияния поправки, включенной в Конституцию России в 2020 г., на содержание указанного принципа. В заключение авторы аргументировано формулируют свое понимание содержания указанного принципа.

Ключевые слова: Конституция, человек, высшая ценность, права человека

Для цитирования: Осавелюк А. М., Чепурнова Н. М. Человек как высшая ценность в свете поправки 2020 года в Конституцию России // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 86–89. EDN: KHCCIK.

Original article

Humanity as the supreme value in light of the 2020 amendment to the Constitution of the Russian Federation

Alexey M. Osavelyuk¹, Natalya M. Chepurnova²

¹ Perervinsk Theological Seminary of the Russian Orthodox Church, Moscow, Russia, ppds@ppds.ru

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, chepurnovana@mail.ru

Abstract. The relevance of this article stems from the ambiguity in the understanding of the principle contained in Article 2 of the Russian Constitution. Based on an analysis of its provisions and the scientific literature, this article presents a scholarly debate on how to understand the principle contained in Article 2 of the country's Basic Law, which proclaims that the individual, their rights, and freedoms are the supreme value.

The particular attention is paid to the impact of the 2020 amendment to the Russian Constitution on the content of this principle. In conclusion, the authors provide a reasoned interpretation of this principle.

Keywords: Constitution, human being, supreme value, human rights

For citation: Osavelyuk A. M., Chepurnova N. M. Humanity as the supreme value in light of the 2020 amendment to the Constitution of the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2026;(2):86–89. (In Russ.). EDN: KHCCIK.

Введение. Серьезные аксиологические исследования статуса человека, его прав и свобод в конституционном праве России активизировались после вступления в юридическую силу действующей Конституции, ст. 2 которой закрепила принцип, согласно которому «человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Если бы во втором предложении указанной статьи не была бы установлена обязанность государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, возможно, закрепление указанного принципа не вызвало бы в науке противоречивых суждений.

Но вскоре, как свидетельствуют факты, после вступления в действие Конституции РФ мнения специалистов по данному принципу разделились. Ибо одни авторы стали безапелляционно поддерживать указанную особую конституционную норму [1], а другие, наоборот, оценивают ее критически [2, разд. 2–3; 3, с. 316; 4, с. 7].

Цель. В свете вышеизложенного насущную актуальность для правильной оценки содержания указанного конституционного принципа, а, следовательно, и точного его толкования для применения на практике, вызывает необходимость раскрыть его содержание и

определить его место среди других ценностей, закрепленных в Конституции.

Методы. Для достижения указанной цели мы поставили задачу посредством применения логического, формально-юридического, сравнительно-правового и других методов познания раскрыть содержание указанного принципа и определить его место среди других принципов и конституционных норм, как ценностей.

Обсуждение. Из буквального толкования содержания ст. 2 Конституции России видно, что человек, его права и свободы, следуя законам логики, не могут быть высшей ценностью, коль скоро государство, в котором проживает более 140 млн. человек, обязано соблюдать и защищать права и свободы отдельного человека и гражданина. Аналогичную мысль высказывают и некоторые другие авторы [5, с. 16].

Но из вывода о том, что он не является высшей ценностью не ясно: является ли человек, его права и свободы ценностью вообще; если да, то какое ее место среди других ценностей; и главное – как повлияла на эту ценность поправка, включенная в Конституцию в 2020 году. Обращение к содержанию ч. 3 ст. 55 Конституции дает ответ на один из поставленных вопросов: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [11].

Во-первых, из содержания данной нормы следует, что, если права и свободы человека могут быть ограничены, они высшей ценностью являться не могут.

Во-вторых, основы конституционного строя, нравственность, здоровье, права и законные интересы других лиц и т. д., в пользу которых, согласно данной статье, могут быть ограничены права и свободы отдельного человека, являются не чем иным, как более высокими ценностями, которые, как видно из приведенного перечня, касаются группы лиц или даже всего населения России, но не отдельного человека.

В-третьих, из этой же статьи следует, что права и свободы отдельного человека являются конституционной ценностью. В противном случае в ст. 55 Конституции было бы только два пункта.

Таким образом, сочетание указанных статей Конституции впервые после Октября 1917 г. показывает, что человек, его права и свободы действующей Конституцией Российской Федерации провозглашены конституционной ценностью, а не «винтиком», как это было в советских конституциях, в огромном централизованном многомиллионном советском государственном механизме.

Вместе с тем, поскольку положения ст. 2 Конституции России помещены в ее главу первую «Основы конституционного строя» и в соответствии с ч. 2 ст. 16 данной главы Конституции «никакие другие положения настоящей Конституции не могут противоречить основам конституционного строя Российской Федерации», то они ни-

чем другим, кроме как принципом являться не могут. Что придает самому человеку, его правам и свободам особую значимость. Просто понимать данный принцип буквально, ограничиваясь только ст. 2, не стоит. В соответствии со способом комплексного правоприменения данный принцип необходимо толковать исходя из совокупности положений ст. 2 и ч. 3 ст. 55 Конституции России.

Относительно поправки, включенной в Конституцию в 2020 г. и ее влиянии на принцип ее ст. 2. Поскольку положения главы 1 Конституции можно изменять только через пересмотр Основного Закона, то данная поправка изменить название указанного принципа не могла. Но его содержание, как мы уже видели на примере ч. 3 ст. 55 Конституции, получило соответствующую конкретизацию и более полное наполнение.

Сказанное в полной мере касается и положений новой ст. 75.1, включенной в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., провозгласившей о создании условий для «повышения благосостояния граждан, взаимного доверия государства и общества, гарантирования защиты достоинства граждан и уважения человека труда, обеспечения сбалансированности прав и обязанностей гражданина, социального партнерства, экономической, политической и социальной солидарности». Поскольку она не только существенно расширяет содержание прав и свобод как каждого отдельного человека, их защиту, так и всех граждан Российской Федерации.

Еще большее расширение прав и свобод, их защиту гарантирует новая ст. 79.1, включенная в Конституцию в том же году, которая имплементировала в Основной Закон страны один из основных принципов международного права – принцип мирного сосуществования государств и народов. Имплементация в Конституцию данного принципа не только нацеливает Российскую Федерацию на «поддержание и укрепление международного мира и безопасности», но и на «недопущение вмешательства во внутренние дела государства».

Тем самым гарантируется защита прав и свобод отдельного человека и всего населения государства как на его территории, так и за ее пределами. Но самое главное заключается в том, что с включением в Основной Закон данной статьи принцип защиты прав человека поднимается на качественно более высокий уровень – государство обязано защищать права своих граждан и на международном уровне с использованием международных институтов, а также принципов и норм международного права.

Тем более, что в Конституции России, национальном законодательстве и в международном праве имеются совпадающие юридические категории, которые не только имеют прямое отношение к человеку, как ценности, но и отражают один из важнейших ее аспектов – это достоинство.

В законодательстве Российской Федерации защите человеческого достоинства как ценности придается очень серьезное значение. Например, о нем речь идет в ст. 21, 75.1, 83, 102 Конституции, ст. 150, 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, ст. 5.61 Кодекса

Российской Федерации об административных правонарушениях, ст. 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, которые разными способами, характерными для соответствующих отраслей права, защищая достоинство, охраняют человека как ценность.

Например, в ст. 152 ГК РФ закреплено положение, в соответствии с которым применение к нарушителю мер ответственности за неисполнение судебного решения не освобождает его от обязанности совершить предусмотренное решением суда действие. Человек, в отношении которого распространены сведения, порочащие его достоинство, наряду с опровержением таких сведений или опубликованием своего ответа вправе требовать возмещения убытков и компенсации морального вреда, причиненных распространением таких сведений.

Кроме того, в международном праве установлено такое же серьезное отношение к человеческому достоинству. Например, в преамбуле к Всеобщей декларации прав человека приращенное достоинство, и равные и неотъемлемые права считаются основой свободы, справедливости и всеобщего мира [12].

Преамбула и ст. 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах объявили, что «признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира» [13] и обязанностью участвующих в нем государств.

Но, как и с принципом, закрепленным в ст. 2 Конституции России, так и с достоинством человека имеется проблема. С одной стороны, ни национальное законодательство, ни международные документы легального определения данного понятия не дают, а с другой стороны, светская юридическая наука определяют его как субъективное представление о человеке.

В светском праве достоинство также провозглашается как ценностная категория. Под ним обычно понимают ценностное отношение личности к самой себе и отношение к ней других людей. Достоинство является формой проявления самосознания и самоконтроля, на которых строится требовательность человека к самому себе.

Например, В. В. Невинский отмечал, что это «совокупность качеств биологического, нравственно-этического, материального и социального характера, которые человек ценит в себе, ориентируясь на определенный стандарт жизни» [6, с. 167].

С. А. Авакян более критично отмечает, что «достоинство личности – категория, которая не зависит от параметров внешней (общественной и индивидуальной) оценки. Человек может заблуждаться насчет своих достоинств, превозносить их, а то и не обладать ими» [7, с. 666].

С. С. Заикин, характеризуя право, как один из социальных регуляторов, использующих различные оценочные суждения, задается вопросом: если оно говорит о достоинстве, как «о должном, которое может как существовать, так и нет» то, как к нему относиться [8, с. 29]?

Косвенно ближе к нашей позиции суждения М. В. Варлен, которая, характеризуя рассматриваемое понятие как

старейший общественный институт, который изменялся в каждую историческую эпоху, может пониматься в рамках национальных традиций [9, с. 291–311].

Поэтому, как представляется, для устранения указанных «нестыковок» с пониманием достоинства, как и в ситуации с рассматриваемым принципом, необходимо обратиться к поправке, включенной в Конституцию России в 2020 г. Тем более, что в новой ст. 67.1, включенной в Основной Закон в указанном году, речь идет о преемственности национальных традиций, сохранении памяти наших предков, тысячелетней истории Отечества, вере в Бога [10].

Вывод. Таким образом, конституционная новелла ст. 67.1 позволяет нам наиболее полно и верно взглянуть на самого человека. На человека как истинную высшую ценность, на его достоинство, да и на саму Конституцию как ценность. Поскольку наши предки, создававшие и передавшие нам существующее государство, создавали его на нравственной и религиозной основе.

А согласно библейскому откровению, природа человека не только сотворена Богом, но и наделена Им свойствами по Его образу и подобию (см.: Быт. 1, 26). Только на этом основании можно утверждать, что человеческая природа и его достоинство – уважение и сохранение в человеке образа Божия и именно такой высшей ценности.

Список источников

1. Комментарий к Конституции Российской Федерации (под общ. ред. Карповича В. Д.). М.: «Юрайт-М», «Новая Правовая культура», 2002. Ст. 2.
2. «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека» от 2 июля 2008 г. (разд. III.2, III.3) // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/>
3. Осавелюк А. М. Регулирование правового статуса человека современным конституционным правом // Актуальные проблемы современного российского государственного права. Сборн. трудов. Гл. ред. С. Н. Бабурин. Вып. 2. М., 2009.
4. Якунин В. И. Государственная идеология и национальная идея: конституционно-ценностный подход // Государство и право. 2007. № 5.
5. Бабурин С. Н., Голик Ю. В., Капитонов С. А. Роль государства в современном мире // Актуальные проблемы современного российского государственного права: сб. научных трудов. Вып. 1 / Под общ. ред. С. Н. Бабурина. М.: Изд-во РГТЭУ, 2008.
6. Невинский В. В. Философско-правовая идея достоинства человека в эпоху античности // Актуальные проблемы правоведения на современном этапе. Томск, 1999.
7. Авакян С. А. Конституционное право России: учебный курс. 5-е изд., перераб. и доп. В 2 т. Т. 1. М., 2014.
8. Заикин С. С. Использование достоинства личности как правовой ценности в аргументации Конституционного Суда Российской Федерации: практическое значение и невольная игра в слова // Конституционное и муниципальное право. 2026. № 1. С. 28–33.

9. Варлен М. В. Достоинство личности и его правовая защита // Права человека : доктрина и практика : монография / отв. ред. И. Г. Дудко. М. : Норма : Инфра-М, 2025.

10. Осавелюк А. М. Нравственная основа прав человека в свете поправки в Конституцию России 2020 года // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 9. С. 63–69.

11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // URL: <http://www.pravo.gov.ru/>

12. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/

13. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901156/>

References

1. Commentary on the Constitution of the Russian Federation (ed. by V. D. Karpovich). M. : «Yurait-M», «New Legal Culture», 2002. Art. 2.

2. «Fundamentals of the Teaching of the Russian Orthodox Church on Human Dignity, Freedom and Rights» of July 2, 2008 (Sec. III.2, III.3) // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/>

3. Osavelyuk A. M. Regulation of the legal status of a person by modern constitutional law // Actual problems of modern Russian political science. Collection of works. Ed.-in-Chief S. N. Baburin. Issue. 2. M., 2009.

4. Yakunin V. I. State ideology and national idea : constitutional value approach // State and Law. 2007. № 5.

5. Baburin S. N., Golik Yu. V., Kapitonov S. A. The role of the state in the modern world // Actual problems of modern Russian political science : collection of scientific papers. Issue 1 / Under the general editorship of S. N. Baburin. M. : Publishing house of Russian State Trade and Economics University, 2008.

6. Nevinsky V. V. Philosophical and legal idea of human dignity in the era of antiquity // Actual problems of jurisprudence at the present stage. Tomsk, 1999.

7. Avakyan S. A. Constitutional law of Russia : study course. 5th ed., revised and enlarged. In 2 vol. Vol. 1. M., 2014.

8. Zaikin S. S. The use of personal dignity as a legal value in the argumentation of the constitutional court of the Russian Federation : practical significance and unwitting wordplay // Constitutional and municipal law. 2026. № 1. P. 28–33.

9. Varlen M. V. Personal dignity and its legal protection // Human rights : doctrine and practice : monograph / Ed. by I. G. Dudko. M. : Norma : Infra-M, 2025.

10. Osavelyuk A. M. Moral basis of human rights in light of the 2020 amendment to the Constitution of Russia // Bulletin of the Moscow State Law University (MSAL) named after O.E. Kutafin. 2025. № 9. P. 63–69.

11. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru/>

12. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/

13. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901156/>

Информация об авторах

А. М. Осавелюк – научный руководитель магистратуры, профессор кафедры церковно-практических дисциплин Перервинской духовной семинарии Русской Православной Церкви Московского Патриархата, доктор юридических наук, профессор;

Н. М. Чепурнова – заведующая кафедрой междисциплинарных программ и исследований по юриспруденции Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный деятель науки и высоких технологий Российской Федерации.

Information about the authors

A. M. Osavelyuk – Supervisor of the master's program, Professor of the Department of Church and Practical Disciplines of the Perervinsky Theological Seminary of the Russian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate, Doctor of Legal Sciences, Professor;

N. M. Chepurnova – Head of the Department of Interdisciplinary Programs and Research in Jurisprudence of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Scientist and High Technology Worker of the Russian Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.04.2026; одобрена после рецензирования 12.05.2026; принята к публикации 29.05.2026.

The article was submitted 20.04.2026; approved after reviewing 12.05.2026; accepted for publication 29.05.2026.

Научная статья

УДК 343

EDN: <https://elibrary.ru/kihata>

ИПОН: 2015-0066-2/26-430

MOSURED: 77/27-011-2026-02-629

Насилие в семейно-бытовой сфере с использованием сети Интернет: современные вызовы и векторы развития уголовного законодательства

Роман Борисович Осокин

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
osokinr@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы уголовно-правового противодействия насилию в семейно-бытовой сфере в условиях цифровизации общества. Отмечается рост новых форм насилия в семейно-бытовой сфере, совершаемых с использованием сети Интернет и цифровых технологий, таких как киберпреследование, распространение личной информации и угрозы в сети. Проведен анализ современного состояния российского законодательства по противодействию обозначенному негативному явлению, выявлены пробелы (отсутствие отдельного закона о насилии в семейно-бытовой сфере, частичная декриминализация побоев) и сложности квалификации преступлений с «цифровым» элементом. Исследуется международный опыт и практика постсоветских государств в криминализации таких деяний. На основе выявленных проблем предложены направления совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации: введение специальных составов преступлений за кибернасилие, преследование (сталкинг), незаконное распространение интимных материалов, а также разработка комплексного закона о профилактике насилия в семейно-бытовой сфере.

Ключевые слова: насилие в семейно-бытовой сфере, кибернасилие, интернет, сталкинг, цифровое насилие

Для цитирования: Осокин Р. Б. Насилие в семейно-бытовой сфере с использованием сети Интернет: современные вызовы и векторы развития уголовного законодательства // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 90–94. EDN: KIHATD.

Original article

Domestic violence in the family sphere using the internet: contemporary challenges and directions for the development of criminal legislation

Roman B. Osokin

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot',
Moscow, Russia, osokinr@mail.ru

Abstract. Examined the criminal law issues of combating domestic violence in the family sphere in conditions of society's digitalization. It highlights the emergence of new forms of domestic violence committed using the Internet and digital technologies, such as cyberstalking, dissemination of personal information, and online threats. The current state of Russian legislation on countering domestic violence is analyzed, revealing gaps (the absence of a specific domestic violence law, the partial decriminalization of battery) and difficulties in qualifying offenses with a «digital» element. International experience and the practice of post-Soviet states in criminalizing such acts are reviewed. Based on the identified issues, the author proposes directions for improving Russia's criminal legislation: introducing special offenses for cyber-violence, stalking, and unlawful distribution of intimate materials, as well as developing a comprehensive law on domestic violence prevention.

Keywords: domestic violence, cyberbullying, Internet, stalking, digital violence

For citation: Osokin R. B. Domestic violence in the family sphere using the internet: contemporary challenges and directions for the development of criminal legislation. Bulletin of economic security. 2026;(2):90–94. (In Russ.). EDN: KIHATD.

© Осокин Р. Б., 2026

Насилие в семейно-бытовой сфере является острой социально-правовой проблемой в Российской Федерации. Особую тревогу вызывает появление новых его форм, обусловленных развитием информационно-коммуникационных технологий. Сегодня агрессоры все чаще используют цифровые инструменты для контроля, запугивания и преследования своих партнеров.

Интернет и социальные сети превратились в еще одну арену насилия в семейно-бытовой сфере. Распространены случаи его кибернетического проявления – умышленных действий, направленных на вторжение в частную жизнь жертвы или причинение ей вреда с помощью сети Интернет [4, с. 288]. Например, агрессоры устанавливают слежку за онлайн-активностью партнера, получают незаконный доступ к его персональной информации, распространяют интимные фотографии без согласия, рассылают угрозы через мессенджеры и социальные сети. Показателен прецедент дела «Володина против России» в Европейском суде по правам человека¹ (ЕСПЧ): бывший сожитель на протяжении нескольких лет терроризировал Валерию Володину, размещая в сети ее интимные фотографии и направляя угрозы расправы, тогда как полиция отказывалась возбуждать дело. ЕСПЧ в 2019 г. признал, что российские власти не обеспечили должной защиты жертвы, указав на неэффективность национальных механизмов противодействия кибернасилию [1]. Этот случай продемонстрировал лагуну в российской системе защиты: законодательство и правоприменение оказались не готовы к вызовам цифровой эпохи. Тем самым, проблема насилия в семейно-бытовой сфере осложнилась новой цифровой составляющей. Постановка проблемы сводится к необходимости адаптировать уголовное законодательство и практику правоприменения к современным реалиям, включающим интернет-измерение. Российское уголовное право пока не содержит специальных норм, учитывающих совершение насильственных действий в семье с использованием сети Интернет. Не урегулированы понятия «киберсталкинг», «цифровое насилие в семейно-бытовой сфере».

Таким образом, налицо научная новизна и практическая значимость исследования: необходимо осмыслить явление цифрового насилия в семейно-бытовой сфере с точки зрения уголовного права и разработать рекомендации по совершенствованию законодательства, исходя из современных реалий. В рамках основной части статьи будет проведен анализ пробелов законодательства и правоприменительной практики, связанных с рассматриваемой проблемой, а также рассмотрены примеры решений в зарубежных и близких по правовой системе государствах. Это позволит предложить обоснованные пути разрешения обозначенных проблем.

¹ Российская Федерация с 16 сентября 2022 г. не является участником Европейской конвенции по правам человека, но вынесенные до этого периода решения Европейского Суда по правам человека подлежат исполнению.

В современном российском уголовном законодательстве отсутствует самостоятельная норма уголовного закона, предусматривающая ответственность за насилие в семейно-бытовой сфере. Соответствующие деяния квалифицируются по общим нормам УК РФ – от побоев и причинения вреда здоровью до убийства, в зависимости от последствий. Специфические признаки, присущие именно данному виду насильственных посягательств (повторяемость, сопряженность с отношениями зависимости, уязвимое положение жертвы), прямо не отражены в Особенной части УК РФ. Лишь ст. 116.1 УК РФ (нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию) косвенно адресует проблему, вводя уголовную ответственность за повторные случаи побоев в семье. Однако сама необходимость применения ст. 116.1 УК РФ обусловлена декриминализацией первичных побоев: после 2017 г. первоначальный акт насилия в семейно-бытовой сфере считается административным проступком. В результате соответствующей реформы значительное число агрессоров избегают строгой ответственности, будучи наказанными лишь штрафом или административным арестом за первичные побои, и нередко продолжают свою преступную модель поведения.

Еще одной проблемой является отсутствие легальной дефиниции насилия в семейно-бытовой сфере и, как следствие, затруднения в разграничении соответствующих посягательств от иных преступлений. Закон не выделяет потерпевших от обозначенного вида насилия как особую категорию, не учитывает отношений родства или совместного проживания при квалификации. Например, побои (ст. 6.1.1 КоАП РФ или ст. 116 УК РФ) одинаково трактуются, будь то нанесение ударов супруге либо ссора с незнакомым человеком. Отягчающие обстоятельства, перечисленные в ст. 63 УК РФ, не включают ситуацию совершения преступления против члена семьи.

Таким образом, уголовное право Российской Федерации формально не признает соответствующее деяние отдельным феноменом, что усложняет статистический учет и разработку специализированных мер борьбы [2, с. 34]. В отсутствие специальной нормы следственным органам зачастую трудно квалифицировать комплексное проявление длительного системного насилия в семейно-бытовой сфере, включающего психологическое давление, экономическое принуждение, угрозы и физическое насилие, – такие деяния распадаются на отдельные составы (угроза жизни, побои, истязание) без увязки в единое продолжаемое преступление. Это не отражает всей полноты вреда, причиняемого жертве систематическим абюзом в семье.

Особые трудности возникают, когда речь идет о деяниях, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий. Цифровое измерение насилия в семейно-бытовой сфере включает разнообразные формы: онлайн-травля (кибербуллинг)

близкого человека, навязчивое кибер-преследование (сталкинг) через соцсети, установка скрытых приложений слежения на телефон партнера, распространение в сети Интернет сведений личного характера или интимных материалов с целью шантажа и унижения жертвы, контроль над финансовыми транзакциями и аккаунтами и др. Подобные действия пока не получили отдельной уголовно-правовой оценки в Российской Федерации. Некоторые из них могут подпадать под существующие нормы (например, незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица – ст. 137 УК РФ; неправомерный доступ к компьютерной информации – ст. 272 УК РФ; угроза убийством онлайн – ст. 119 УК РФ; клевета, совершенная онлайн – ст. 128.1 УК РФ и ст. 5.61.1 КоАП РФ, оскорбление – ст. 5.61 КоАП РФ). Однако комплексный характер цифрового насилия в семейно-бытовой сфере остается неучтенным. Нет признающего фактор родственных отношений квалифицирующего признака для преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных средств в отношении близких. Кроме того, отсутствие необходимой уголовно-правовой нормы приводит к тому, что систематический харассмент в сети Интернет может остаться без должной правовой реакции, если не содержит прямых угроз или не подпадает под иной уголовно-правовой или административно-правовой запрет.

Для выработки оптимальных путей совершенствования законодательства и правоприменительной практики полезно обратиться к опыту других стран, в том числе близких Российской Федерации по правовой системе. В ряде государств предпринимаются важные шаги по криминализации насильственных посягательств в семейно-бытовой сфере, включая проявляемые в цифровой сфере. Например, многие страны Европы в последние годы ввели новые специальные нормы либо уточнили действующие, предусматривающие уголовную ответственность за соответствующие деяния, в том числе совершаемые онлайн [6]. Во Франции введена уголовная ответственность за киберпреследование женщин и девочек; в Словении и Польше прямо криминализирован сталкинг в форме как онлайн, так и офлайн-преследования; в Италии самостоятельным преступлением стало незаконное распространение интимных изображений (так называемая «реванш-порнография»). В Ирландии принят закон, вводящий сразу два новых состава, связанных с распространением интимных изображений без согласия, независимо от наличия у виновного прямого умысла. Эти меры отражают понимание того, что информационные технологии дают преступникам новые инструменты, требующие адекватной правовой реакции.

Постсоветские государства также начали реформирование законодательства в данной сфере. В Республике Узбекистан еще в 2019 г. был принят Закон «О защите женщин от притеснений и насилия», введший в правовое поле определения сексуального, психологического и

физического насилия. В узбекское уголовное законодательство были внесены изменения, усиливающие ответственность за преступления в семейно-бытовой сфере. В Республике Казахстан в апреле 2024 г. принят закон о криминализации бытового насилия, устраняющий пробел, при котором ранее значительная часть бытовых конфликтов квалифицировалась лишь как административные проступки. Новый казахстанский закон предусматривает возвращение уголовной ответственности за ряд насильственных проявлений в обозначенной сфере, вводит защитные предписания и специальные меры профилактики.

Таким образом, соседи Российской Федерации по региону постепенно переходят к более решительной модели борьбы с насилием в семейно-бытовой сфере, совмещающей карательные и превентивные инструменты. Этот опыт заслуживает внимания: например, Республика Узбекистан официально ввела понятие психологического насилия, что позволяет привлекать к ответственности за угрозы, оскорбления, унижения, даже если они не сопровождались физическим вредом. Для российской ситуации, где психологическое давление и запугивание через сеть Интернет распространены, подобный шаг мог бы быть крайне полезен.

Следует упомянуть, что некоторые элементы борьбы с цифровыми формами насилия уже применяются на практике. Например, органы правопорядка ряда стран создают специализированные подразделения для мониторинга и расследования киберпреступлений против личности. В Эстонии учреждена должность «веб-констеблей» – сотрудников полиции, специализирующихся на интернет-правонарушениях, включая онлайн-травлю. В Австрии принят комплекс мер «Против ненависти в сети» (Hass im Netz), предоставивший правоохранителям новые инструменты реагирования на интернет-угрозы. Хотя прямой перенос этих моделей в Российскую Федерацию затруднен в условиях ограниченного сотрудничества с государствами, в которых приняты соответствующие новшества, их изучение полезно для формирования собственных механизмов, в том числе – для действующего в системе МВД Российской Федерации Управления К, специализирующегося на борьбе с киберпреступлениями.

Анализируя российскую практику расследования насильственных преступлений в семейно-бытовой сфере с использованием сети Интернет, следует отметить ряд характерных проблем.

Во-первых, высокая латентность насилия в семейно-бытовой сфере в целом [3, с. 5; 7, с. 341] и с использованием сети Интернет, в частности, – жертвы не обращаются в полицию из страха перед агрессором, недоверием к правоохранительным органам, сложностью аргументировать и доказать факт совершенного в их отношении посягательства (особенно в виртуальном пространстве), из-за экономической/психологической зависимости. Это усугубляется тем, что административные дела о побоях возбуждаются только при заявлении по-

терпевшего, а полиция не всегда оперативно реагирует на такие обращения.

Во-вторых, в случаях цифрового преследования часто недооценивается реальная опасность ситуации. К сожалению, до сих пор распространено мнение, что интернет-угрозы – не всерьез. В результате нередко отказы в возбуждении дел по заявлениям о травле и угрозах в сети, если нет прямого физического ущерба. Отсутствие методик собирания электронных доказательств, нехватка технических навыков у сотрудников ОВД [5, с. 117] – все это затрудняет расследование кибернасилия. В деле Володиной, упомянутом ранее, полиция 7 раз отказывала в возбуждении уголовного дела по ее жалобам на угрозы и публикацию интимных фото, не воспринимая интернет-преследование как существенную угрозу жизни. Такая ситуация требует серьезной коррекции подходов.

В-третьих, отсутствие превентивных мер и специализированных служб поддержки жертв снижает эффективность борьбы. Без закона о профилактике насилия в семейно-бытовой сфере сотрудники ОВД не имеют полномочий выносить охранные ордера, обязывающие агрессора покинуть общее жилье или запрет приближаться к жертве. Потерпевшие вынуждены самостоятельно искать убежище. Есть позитивные сдвиги на региональном уровне – создаются кризисные центры, телефоны доверия, но без федеральной нормативной базы их деятельность не системна. Не урегулирован вопрос ведения реестра лиц, склонных к насилию в семейно-бытовой сфере, и проведения с ними профилактической работы. В итоге даже известные полиции семейные дебоширы зачастую остаются без надзора до совершения тяжкого преступления.

Результаты проведенного исследования подтверждают, что российская система уголовно-правовой защиты от насилия в семейно-бытовой сфере нуждается в серьезном совершенствовании с учетом современных реалий, включая цифровой контекст.

Во-первых, назрела необходимость принятия специализированного федерального закона в исследуемой области. Такой закон должен закрепить само понятие «насилие в семейно-бытовой сфере», охватывающее физическое, психологическое, сексуальное, экономическое и цифровое насилие, определить круг защищаемых лиц (нынешние и бывшие супруги, сожители, родственники и пр.), а также ввести систему мер профилактики и защиты жертв (охранные ордера, учет агрессоров, реабилитационные программы). Закон позволит устранить межведомственную разобщенность и создаст основу для специальной подготовки сотрудников ОВД по работе с подобными случаями.

Во-вторых, необходимой представляется криминализация цифровых форм насилия посредством предусмотрения в УК РФ отдельной нормы, предусматривающей использование электронных технологий. Например, это могло бы быть введение уголовной ответственности за преследование (сталкинг), включая

онлайн-формы навязчивого наблюдения и угроз, как это сделано в ряде стран. Той же нормой целесообразно установить ответственность за незаконное распространение интимных материалов без согласия лица (аналог законов против реванш-порнографии в зарубежной практике). Эти новеллы восполнят пробел, из-за которого сейчас киберпреследование нередко остается безнаказанным.

В-третьих, необходимы институциональные меры. Надо внедрять специальную подготовку сотрудников ОВД по вопросам насилия в семейно-бытовой сфере, в том числе с использованием сети Интернет, развивать методики сбора электронных доказательств, сотрудничество с интернет-провайдерами для сохранения переписки, удаления нелегального контента и т. д.

В заключение представляется целесообразным подчеркнуть, что насилие в семейно-бытовой сфере, в том числе осуществляемое с использованием сети Интернет, – комплексная проблема, требующая синергии правовых, социальных и просветительских мер. Совершенствование уголовного законодательства – важнейший вектор работы, без которого невозможна действенная защита конституционных прав граждан на жизнь, здоровье, личную неприкосновенность и достоинство. Реализация предложенных мер позволит приблизить российскую правовую систему к современным стандартам и эффективно противостоять новым вызовам, обеспечивая безопасность семьи как основной ячейки общества.

Список источников

1. Европейский Суд по правам человека (Третья секция): по делу «Володина против России» // URL: <https://share.google/JHY05bDu3Xgewl4lx/>
2. Батюкова В. Е. Противодействие домашнему насилию уголовно-правовыми средствами // Вестник РПА. 2021. № 3. С. 32–38.
3. Гришко Н. А. Преступное насилие, совершаемое женщинами в семейно-бытовой сфере : дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2019. 213 с.
4. Жилкин М. Г. Кибернасилие и неприкосновенность частной жизни: правовые вызовы и пути совершенствования уголовного законодательства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2025. Т. 1. № 69. С. 287–290.
5. Зарина И. Х. Проблемы и пути совершенствования деятельности по собиранию цифровых доказательств при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации // Вестник УЮИ. 2025. № 2 (108). С. 116–121.
6. Комиссар по правам человека: В цифровом мире не должно быть места насилию над женщинами и девочками // URL: https://www.coe.int/ru/web/commissioner/blog/2022/-/asset_publisher/aa3hyyf8wKBn/content/no-space-for-violence-against-women-and-girls-in-the-digital-world/

7. Кудрявцев А. В., Симагина Н. А. Кибербуллинг как актуальная проблема XXI века // Право и управление. 2024. № 11. С. 338–344.

References

1. European Court of Human Rights (Third Section): in the case of Volodina v. Russia // URL: <https://share.google/JHY05bDu3Xgewl4lx/>
2. Batyukova V. E. Combating domestic violence by criminal law means // RPA Bulletin. 2021. № 3. P. 32–38.
3. Grishko N. A. Criminal violence committed by women in the family and domestic sphere: dis. ... Cand. of Law. Kursk, 2019. 213 p.
4. Zhilkin M. G. Cyberviolence and privacy: legal challenges and ways to improve criminal legislation // Legal

science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. Vol. 1, № 69. P. 287–290.

5. Zarina I. Kh. Problems and Ways to Improve the Collection of Digital Evidence in Investigating Cybercrimes // Bulletin of the UJI. 2025. № 2 (108). P. 116–121.

6. Commissioner for Human Rights: There Should Be No Place for Violence against Women and Girls in the Digital World // URL: https://www.coe.int/ru/web/commissioner/blog/2022/-/asset_publisher/aa3hyyf8wKBn/content/no-space-for-violence-against-women-and-girls-in-the-digital-world/

7. Kudryavtsev A. V., Simagina N. A. Cyberbullying as a pressing problem of the 21st century // Law and Management. 2024. № 11. P. 338–344.

Информация об авторе

Р. Б. Осокин – начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

R. B. Osokin – Head of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 26.01.2026; одобрена после рецензирования 19.02.2026; принята к публикации 18.03.2026.

The article was submitted 26.01.2026; approved after reviewing 19.02.2026; accepted for publication 18.03.2026.

Присвоение и растрата чужого имущества как формы хищения. Уголовно-правовой анализ: монография / Эриашвили Н. Д., Григорьев А. И., Игнатов А. Н. 6-е изд., перераб. и доп. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Дана уголовно-правовая характеристика присвоения и растраты чужого имущества, выделены объективные, субъективные и квалифицирующие признаки этих преступлений.

Рассмотрены особенности квалификации и методики расследования присвоений и растраты имущества в Российской Федерации.

Сформулированы некоторые предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Для ученых-правоведов, практикующих юристов, работников судебной системы, сотрудников правоохранительных органов. Может быть использована при преподавании курса уголовного права в учебных заведениях юридического профиля.

Научная статья

УДК 34.3

EDN: <https://elibrary.ru/kqrbwr>

NIION: 2015-0066-2/26-431

MOSURED: 77/27-011-2026-02-630

Особенности осмотра электронных носителей информации при расследовании вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления через сеть «Интернет»

Василий Джонович Потапов¹, Марина Владимировна Соколова²,
Александр Александрович Дахкильгов³

¹ Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия,
potapov1961@yandex.ru

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
arev_8989@mail.ru

³ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия,
alikd@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности осмотра электронных носителей информации в ходе расследования преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в противоправную деятельность посредством сети Интернет. Особое внимание уделено специфике выявления, фиксации и сохранения цифровой информации, полученной из мобильных телефонов, компьютеров, планшетов и иных гаджетов, используемых подозреваемыми и потерпевшими лицами. Приводятся рекомендации по организации взаимодействия органов следствия с техническими специалистами и провайдерами телекоммуникационных услуг.

Ключевые слова: осмотр предметов, несовершеннолетний, электронные носители информации, вовлечение в совершение преступления, информационно-телекоммуникационная сеть Интернет, следователь

Для цитирования: Потапов В. Д., Соколова М. В., Дахкильгов А. А. Особенности осмотра электронных носителей информации при расследовании вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления через сеть «Интернет» // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 95–99. EDN: KQRBWR.

Original article

Features of the inspection of electronic media in the investigation of the involvement of a minor in the commission of a crime through the Internet

Vasily D. Potapov¹, Marina V. Sokolova², Alexander A. Dakhkilgov³

¹ Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia,
potapov1961@yandex.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
arev_8989@mail.ru

³ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,
alikd@mail.ru

Abstract. Considered the peculiarities of the inspection of electronic media during the investigation of crimes related to the involvement of minors in illegal activities via the Internet. Special attention is paid to the specifics of identifying, recording and preserving digital information obtained from mobile phones, computers, tablets and other gadgets used by suspects and victims. Recommendations are given on the organization of interaction between investigative authorities and technical specialists and telecommunications service providers.

Keywords: inspection of objects, minor, electronic media, involvement in the commission of a crime, Internet information and telecommunications network, investigator

For citation: Potapov V. D., Sokolova M. V., Dakhkilgov A. A. Features of the inspection of electronic media in the investigation of the involvement of a minor in the commission of a crime through the Internet. Bulletin of economic security. 2026;(2):95–99. (In Russ.). EDN: KQRBWR.

© Потапов В. Д., Соколова М. В., Дахкильгов А. А., 2026

Стремительное развитие средств беспроводной связи стало результатом безграничных возможностей для подготовки, совершения и сокрытия противоправных деяний абсолютно новыми способами и средствами. Платформа получения разного рода информации – Интернет, в том числе социальные сети, стали местом совершения преступлений. Сеть «Интернет» не только дала человеку безграничные возможности в области передачи, распространения и рассылки информации, но и стала способом вовлечения в совершение противоправных деяний как взрослых лиц, так и несовершеннолетних, несмотря на расстояние и границы.

Несмотря на то, что показатель количества уголовно наказуемых деяний, совершенных лицами, не достигшими возраста 18 лет или при их соучастии в 2024 г. уменьшился на 3,4 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, данный показатель все же является значительным среди общей массы преступности несовершеннолетних [3].

В последние годы распространение получило вовлечение несовершеннолетних в совершение мошеннических действий, когда несовершеннолетний является «дроппером». То есть участником мошеннических схем, когда банковская карта или счет несовершеннолетнего лица используются для перевода, обналичивания или отмывания похищенных у потерпевших денежных средств.

За три года число преступлений с участием несовершеннолетних «дропперов» выросло в 74 раза, это отметил на XXVIII Петербургском международном экономическом форуме заместитель председателя правления Сбербанка Станислав Кузнецов [5].

Так, наиболее часто вовлекаются несовершеннолетние в совершение преступлений через социальные сети (70 %), в основном «ВКонтакте», «Одноклассники» и «Instagram» (запрещенная на территории РФ), а в остальных случаях – через мессенджеры Telegram, WhatsApp, Likee и другие. Преступники используют различные схемы и психологические манипуляции, адаптированные под возрастную категорию несовершеннолетних, воздействуя на них через указанные социальные сети и мессенджеры [7, с. 129].

В этой связи правоприменителям следует уделить особое внимание такому следственному действию, как осмотр электронных носителей информации, которыми пользуются несовершеннолетние, что позволит следователю построить доказательственную базу на той информации, что хранится в виртуальном пространстве, вопрос заключается лишь в правильном процессуальном оформлении ее изъятия.

В следственной практике сегодня распространены случаи производства осмотра электронных носителей информации по делам о дистанционных преступлениях, как неотложное следственное действие, позволяющее получить максимальный спектр информации о случившемся. Объектом такого осмотра являются электронные средства коммуникации и хранения информации. В этой

связи необходимо отметить, что при вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления через сеть «Интернет» производство осмотра электронных носителей информации у несовершеннолетнего обязательно, если у следствия имеются данные о технических устройствах, в которых хранится информация, имеющая значение для уголовного дела.

Особенностями осмотра электронных носителей информации у несовершеннолетнего лица является то, что при осмотре должен присутствовать его законный представитель, чтобы права несовершеннолетнего не были нарушены, а также были соблюдены этические нормы [1, с. 35]. Если же присутствие законного представителя невозможно, то процедура должна быть проведена с участием педагога или психолога.

Осмотр необходимо начинать с указания точных данных устройства, которое будет осматриваться, а именно: групповая принадлежность, марка и модель устройства, которые можно найти как на задней крышке осматриваемого предмета, так и в настройках самого устройства через «общие сведения об устройстве» (например, iPhone 11 Pro Max), цвет корпуса, защитные элементы (защитное стекло, пленка), аксессуары (чехол), различные платежные элементы (платежный стикер), наличие трещин, царапин, отколов и подобных дефектов, иных предметов, которые могут находиться под чехлом устройства также указываются при осмотре и описываются в протоколе [6, с. 419]. Обязательному указанию подлежит IMEI устройства (их количество зависит от слотов под сим-карту конкретного устройства, но в большинстве случаев их количество не превышает двух). IMEI устройства можно найти в настройках устройства, а также при помощи комбинации чисел на панели вызова «*#06#» [4].

Далее следователь указывает о степени заряженности устройства и наличие на нем блокировки. Данная информация имеет принципиальное значение, так как при наличии пароля на телефоне следователь не имеет права самостоятельно предпринимать попытки по его разблокированию, а должен поручить это эксперту в рамках судебной компьютерно-технической экспертизы. Если на устройстве отсутствует пароль, то следователь начинает осмотр внутренних приложений на телефоне. В первую очередь, необходимо изучить приложения социальных сетей и мессенджеров. Необходимо сразу оговориться, что в данных приложениях содержится личная информация гражданина, которая охраняется законом, поэтому самостоятельно следователь не имеет права ее изучать, т. е. сам осмотр следователю необходимо проводить в присутствии лица, которому данная информация принадлежит. Более того следователь должен убедиться, что данное лицо согласно на осмотр данной информации, о чем необходимо сделать соответствующую отметку в протоколе.

Далее следователь начинает осмотр самого приложения, который необходимо начинать с указания того какое именно приложение открывалось (название соци-

альной сети или мессенджера), затем следователю необходимо предложить владельцу устройства указать какая именно информация имеет значение для следствия. Так, следователь, даже получив разрешение на доступ к личным данным лица, хранящимся в виртуальном пространстве, не может осматривать их все без разбора, так как в таком случае он допустит явное нарушение прав и свобод человека и гражданина, а само следственное действие впоследствии может быть признано недействительным. В приложении для следователя преимущественное значение будет иметь переписка несовершеннолетнего с подстрекателем. Сама переписка может содержать в себе большое количество текста, значение которого при первичном осмотре следователю не всегда удастся понять. Поэтому следователю следует в максимальном объеме сохранить имеющуюся информацию. Самым простым способом является использование скриншотов, которые затем пересылаются кому-либо из участников следственного действия и впоследствии распечатываются, и прикладываются к уголовному делу как материальный носитель доказательственной информации. В настоящее время во многих мессенджерах существует функция по блокировке снимков экрана (скриншотов). Если следователем будет выявлена указанная функция, то следует сделать снимки экрана мессенджера или социальной сети на фотоаппарат или же сотовый телефон. Либо же имеющаяся информация копируется на электронный носитель информации (компакт-диск, флеш-карта), который также будет признан вещественным доказательством по уголовному делу [9, с. 55–60].

Далее осмотру подлежит галерея изображений и фотографий в телефоне. В особенности важно осмотреть имеющиеся фотографии на телефоне по делам, когда несовершеннолетний вовлекается в сбыт наркотических средств и психотропных веществ. Так в галерее могут находиться фотографии места закладок, скриншоты координат, где они были оставлены. Также в галерее могут содержаться другие фотографии, указывающие на иные преступления. Как, например, фотографии с нацистской символикой или же атрибутикой АУЕ («Арестантский уклад един» – термин, используемый в молодёжной среде и субкультуре криминального мира России. Это своеобразная идеология и система ценностей, пропагандируемая среди молодёжи и заключающаяся в подражании тюремному образу жизни, уважению уголовников и восхвалению криминалитета).

Если устройство имеет выход к Интернету, то обязательно необходимо осмотреть историю браузера, которая содержит записи с названиями посещенных сайтов и временем перехода на них. При необходимости следователь может осуществить поиск необходимой ему информации вручную, используя функцию поиска сайтов по ключевым словам. Так, следователь может сразу отследить, что несовершеннолетний посещал запрещенные ресурсы, пропагандирующие преступность или аморальный образ жизни, либо признанные экстре-

мистскими на территории РФ. Если таковые будут обнаружены, то следователь должен указать в протоколе название ресурса, дату его посещения, посредством какого браузера осуществлялся к нему доступ, а также полное доменное имя сайта.

Если осмотреть содержимое устройства не представляется возможным на месте, из-за того, что оно под паролем или из-за того, что владелец устройства оказывает противодействие и не разрешает доступ к устройству оно изымается. Также рекомендуется изымать зарядные устройства к данному устройству, иначе в дальнейшем могут возникнуть проблемы с питанием телефона и его работоспособностью. При изъятии электронного носителя информации, следователю следует обязательно привлекать специалиста, который непосредственно будет производить изъятие технического устройства. Это необходимо для того, чтобы в процессе изъятия, его проводило лицо, которое обладает нужным объемом знаний из области техники и технических устройств с целью сохранения значимой для уголовного дела информации на материальном носителе.

Так, для целесообразности и эффективности изъятия электронных носителей информации и копирования, содержащейся на них информации в соответствии со ст. 164.1 УПК РФ участие специалиста обязательно. Так как специалист будет осуществлять непосредственное изъятие устройства или копирование с него информации, а также способствовать следователю в заполнении протокола, указывая на то, что он конкретно делает, используя специальную терминологию. Например: *«... на задней панели системного блока 8 слотов: второй слот сверху занят панелью с параллельным портом и разъемом USB, при этом разъем параллельного порта отсутствует, третий слот сверху занят панелью с двумя COM-портами, пятый слот сверху занят видеокартой, остальные слоты закрыты фальш-панелями»* [2, с. 162].

Так, специалист оказывает содействие следствию путем анализа технических аспектов дела, включая расшифровку данных, а также консультирует следователя относительно возможностей восстановления удаленной информации и по подготовке вопросов для назначения судебной экспертизы.

Назначение компьютерно-технической экспертизы по электронным носителям информации будет обязательным, если в рамках обычного осмотра следователю не удастся получить всю необходимую по уголовному делу информацию [8, с. 263].

Компьютерно-техническую экспертизу рекомендуется не назначать без консультации с экспертом, который будет ее проводить. Следователю стоит заранее узнать о технических возможностях эксперта, так как на практике складываются ситуации, когда эксперт не в состоянии ответить на поставленные ему вопросы, например, когда на устройстве установлено новое программное обеспечение, которое полностью блокирует доступ к нему без

пароля. Назначать судебную компьютерную экспертизу следует в следующих случаях:

- устройство под паролем, поэтому свободный доступ к его носителю заблокирован;
- устройство повреждено таким образом, что визуально изучить информацию, находящуюся в нем, не представляется возможным;
- есть основания полагать, что часть информации с устройства была удалена или была произведена процедура «сброс настроек»;
- требуется установить IP-адрес устройства, а также использовалось ли данное устройство для связи с другим устройством.

Опытные пользователи всегда производят регулярную чистку своих устройств, преступники делают это в разы чаще. Тут сразу встает вопрос о том, есть ли возможность восстановить данные или они утрачены безвозвратно.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что при расследовании вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления посредством сети «Интернет» в обязательном порядке, требуется тщательный осмотр электронных носителей информации и назначение компьютерно-технической экспертизы, так как только в рамках экспертного исследования следователь сможет получить всю криминалистически значимую информацию с электронного носителя информации. При невозможности скорого назначения и производства компьютерно-технической экспертизы основным первоначальным следственным действием будет являться осмотр устройства, с обязательным участием необходимых при осмотре лиц, способствующих правильному осмотру и фиксации необходимой информации.

Список источников

1. Анисимова Н. В., Маркова Д. В. Процессуальные особенности участия законного представителя несовершеннолетнего на стадии предварительного расследования // Актуальные вопросы производства предварительного следствия в современных условиях совершенствования уголовно-процессуального законодательства : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 7 апреля 2022 года. М. : Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, 2022. С. 34–36.
2. Криминалистика : образцы протоколов осмотра места происшествия : учебное пособие / С. Д. Долгинов, А. А. Курбатов, Д. Н. Энглези ; под общей редакцией С. Д. Долгинова ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2021. 184 с.
3. URL: <https://мвд.пф/>
4. URL: <https://www.gosuslugi.ru/help/faq/>
5. URL: <https://forumspb.com/>
6. Павлов Р. В. Тактика осмотра предметов и документов при расследовании преступлений в сфере

информационно-телекоммуникационных технологий // Проблемы становления гражданского общества : сборник статей Международной научной студенческой конференции. В 2-х частях, Иркутск, 21 марта 2025 года. Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2025. С. 418–422.

7. Расторопов С. В., Соколова М. В. Алгоритм действий следователя на стадии возбуждения уголовного дела при расследовании вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 129–133.

8. Соколова М. В. Особенности назначения судебных экспертиз при расследовании киберпреступлений // Криминалистика : наука, практика, опыт : Всероссийская научно-практическая конференция к 85-летию заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации профессора А. Ф. Волынского : сборник научных трудов, Москва, 23 мая 2024 года. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2024. С. 263–266.

9. Способы получения доказательств и информации в связи с обнаружением (возможностью обнаружения) электронных носителей : учебное пособие / В. Ф. Васюков, Б. Я. Гаврилов, А. А. Кузнецов и др. ; под общ. ред. Б. Я. Гаврилова. М., 2023. 160 с.

References

1. Anisimova N. V., Markova D. V. Procedural features of the participation of the legal representative of a minor at the stage of preliminary investigation // Current issues of conducting a preliminary investigation in modern conditions of improving criminal procedure legislation : proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, April 7, 2022. М. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named V.Ya. Kikot', 2022. P. 34–36.
2. Criminalistics : samples of incident scene inspection protocols : textbook / S. D. Dolginov, A. A. Kurbatov, D. N. Englesi ; edited by S. D. Dolginov ; Perm State National Research University. Perm, 2021. 184 p.
3. URL: <https://мвд.пф/>
4. URL: <https://www.gosuslugi.ru/help/faq/>
5. URL: <https://forumspb.com/>
6. Pavlov R. V. Tactics of inspection of objects and documents in the investigation of crimes in the field of information and telecommunication technologies // Problems of the formation of civil society : collection of articles of the International Scientific Student Conference. In 2 parts, Irkutsk, March 21, 2025. Irkutsk : Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2025. P. 418–422.
7. Rastoropov S. V., Sokolova M. V. Algorithm of actions of an investigator at the stage of initiation of a criminal case in the investigation of the involvement of

a minor in the commission of a crime using the Internet information and telecommunications network // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 1. P. 129–133.

8. Sokolova M. V. Features of the appointment of forensic examinations in the investigation of cybercrimes // Criminalistics : science, practice, experience : All-Russian Scientific and practical conference dedicated to the 85th anniversary of the Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation

Professor A. F. Volynsky : collection of scientific papers, Moscow, May 23, 2024. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', 2024. P. 263–266.

9. Methods of obtaining evidence and information in connection with the detection (possibility of detection) of electronic media : textbook. manual / V. F. Vasyukov, B. Ya. Gavrilov, A. A. Kuznetsov and others ; under the general editorship of B. Ya. Gavrilov. M., 2023. 160 p.

Информация об авторах

В. Д. Потапов – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, доктор юридических наук, профессор;

М. В. Соколова – доцент кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

А. А. Дахкильгов – старший преподаватель кафедры международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Information about the authors

V. D. Potapov – Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Doctor of Legal Sciences, Professor;

M. V. Sokolova – Associate Professor of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

A. A. Dakhkilgov – Senior Lecturer of the Department of International and Public Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.11.2025; одобрена после рецензирования 16.12.2025; принята к публикации 19.01.2026.

The article was submitted 11.11.2025; approved after reviewing 16.12.2025; accepted for publication 19.01.2026.

Научная статья

УДК 342.951

EDN: <https://elibrary.ru/nniscj>

ИИОН: 2015-0066-2/26-432

MOSURED: 77/27-011-2026-02-631

Реализация государственной миграционной политики в сфере трудовой и переселенческой миграции: вопросы теории и практики

Анатолий Семенович Прудников

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Исследуются актуальные проблемы и особенности реализации современной государственной миграционной политики Российской Федерации в двух ключевых аспектах: трудовой и переселенческой миграции. Анализируется их взаимосвязь с задачами обеспечения национальной безопасности, демографического развития и социально-экономической стабильности государства. На основе комплексного подхода выявляются наиболее уязвимые аспекты в регулировании миграционных процессов, в частности, выражающиеся в сравнении экономической целесообразности привлечения иностранной рабочей силы и стратегических рисков, связанных с интеграцией мигрантов в социальную жизнь государства. Особое внимание уделяется анализу доминирующей модели трудовой миграции, характеризующейся высокой долей нелегального пребывания мигрантов на территории России и низким уровнем квалификации привлекаемых работников, а также выявляются ключевые административные и социально-экономические барьеры для их реализации. В заключение формулируются предложения и выводы касательно модернизации миграционной стратегии в сфере переселенческой и трудовой миграции.

Ключевые слова: миграционная политика, трудовая миграция, переселенческая миграция, национальная безопасность, нелегальная миграция, интеграция мигрантов, демографическая политика, рынок труда, органы внутренних дел

Для цитирования: Прудников А. С. Реализация государственной миграционной политики в сфере трудовой и переселенческой миграции: вопросы теории и практики // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 100–102. EDN: NNISCJ.

Original article

Implementation of the state migration policy in the field of labor and resettlement migration: theoretical and practical issues

Anatoly S. Prudnikov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. Explored urgent problems and features of the implementation of the modern state migration policy of the Russian Federation in two key aspects: labor and resettlement migration. Their relationship with the tasks of ensuring national security, demographic development and socio-economic stability of the state is analyzed. On the basis of an integrated approach, the most vulnerable aspects are revealed in the regulation of migration processes, in particular, expressed in comparison with the economic feasibility of attracting foreign labor and strategic risks associated with the integration of migrants into the social life of the state. Particular attention is paid to the analysis of the dominant model of labor migration, characterized by a high share of illegal stay of migrants in Russia and a low level of qualifications of the employees involved, as well as key administrative and socio-economic barriers for their implementation. The conclusion formulates proposals and conclusions regarding the modernization of the migration strategy in the field of resettlement and labor migration.

Keywords: migration policy, labor migration, resettlement migration, national security, illegal migration, migrant integration, demographic policy, labor market, internal affairs agencies

For citation: Prudnikov A. S. Implementation of the state migration policy in the field of labor and resettlement migration: theoretical and practical issues. Bulletin of economic security. 2026;(2):100–102. (In Russ.). EDN: NNISCJ.

Современная миграционная политика Российской Федерации представляет собой сложный, многокомпонентный инструмент государственного регулирования, находящийся на стыке экономических, социальных,

демографических и правоохранных приоритетов. Ее формирование и реализация обусловлены необходимостью ответа на комплекс вызовов и угроз, среди которых ключевыми являются вопросы реализации де-

© Прудников А. С., 2026

миграционной политики России, структурные изменения на рынке труда, а также потенциальные угрозы национальной безопасности, вызываемые недостаточно регулируемые миграционными потоками. В данном контексте анализ особенностей реализации политики в сфере трудовой и переселенческой миграции позволяет выявить системные противоречия и определить некоторые векторы ее возможной оптимизации.

Центральное место в современной миграционной политике России занимает трудовая миграция, которая, несмотря на свою экономическую значимость как фактора восполнения дефицита рабочей силы в отдельных секторах экономики, порождает ряд проблем. Одной из фундаментальных особенностей является определенный уровень нелегальной составляющей миграционных потоков. По экспертным оценкам, десятки процентов трудящихся-мигрантов находятся вне поля официального учета уполномоченных миграционных органов, что создает благоприятную среду для теневой экономики, коррупционных практик и нарушений трудовых прав самих мигрантов. Данная ситуация детерминирована не только недостаточной эффективностью контрольно-надзорной деятельности, но и сохраняющейся экономической заинтересованностью ряда работодателей в использовании социально незащищенного труда [5].

Важной характеристикой современной модели трудовой миграции является ее качественная структура, вызванная развитием научно-технического прогресса, увеличением образованности кадров, повышением профессионализма работников. Доминирование низкоквалифицированной рабочей силы из стран Средней Азии определяет сырьевую модель экономики и не соответствует стратегическим задачам технологической модернизации. Более того, декларируемая экономическая выгода от массового привлечения мигрантов оказывается во многом мифологизированной. Как показывают исследования, совокупные затраты, связанные с их пребыванием (включая нагрузку на социальную и правоохранительную инфраструктуру), зачастую превышают прямые экономические выгоды. Значительный макроэкономический ущерб наносится масштабным оттоком капитала в виде денежных переводов, который, по данным Банка России, достигает 2–2,5 млрд долларов ежегодно [5].

В связи с этим, в сфере национальной безопасности и социальной стабильности государства, недостаточно эффективные механизмы социокультурной адаптации и интеграции ведут к формированию этнических проблем, где действуют альтернативные правовые и социальные нормы. Это способствует росту межэтнической напряженности, криминализации среды мигрантов и создает потенциальные угрозы распространения радикальных идеологий. Долгосрочным стратегическим вызовом является демографическая динамика: более высокие показатели рождаемости в среде мигрантов на фоне депопуляции коренного населения в перспективе могут привести к существенным изменениям этнокультурного ландшафта страны.

В противовес трудовой, переселенческая миграция, ориентированная на возвращение в Россию соотечественников, а также на привлечение иностранцев, разделяющих традиционные духовно-нравственные ценности в соответствии с Указом Президента РФ № 702 от 19 августа 2024 г. [2], позиционируется как стратегический ресурс демографического, так и ценностного развития. Однако ее реализация демонстрирует пока еще недостаточную эффективность.

Анализ правоприменительной деятельности территориальных органов МВД России показал, что почти 14 % всех участников Государственной программы по добровольному переселению соотечественников на момент постановки на учет в территориальном органе МВД России в данном статусе имели разрешение на временное проживание или вид на жительство, либо получили временное убежище на территории Российской Федерации, а также имели статус беженца, еще около 10 % всех лиц, поставленных на учет в качестве участника Государственной программы, проживали в этот момент в субъекте Российской Федерации, в программе переселения которого участвуют.

При этом за 2025 г. свыше чем на 32,2 % увеличилось количество участников Государственной программы, снятых с учета, в том числе добровольно отказавшихся от данного статуса на 6 %, снятых по решению территориальных органов МВД России об утрате данного статуса – на 37 % [6].

Ключевыми проблемными аспектами, снижающими результативность переселенческой политики, являются определенные административные барьеры. К ним относятся сложности с оформлением правового статуса, признанием документов об образовании и квалификации, приобретением гражданства. Социально-экономические препятствия не менее значимы: отсутствие действенных механизмов решения жилищного вопроса, недостаточное количество рабочих мест с достойным уровнем оплаты труда, проблемы с трудоустройством по специальности (по некоторым оценкам, только треть переселенцев работает по своей профессии). Инструментальный подход к соотечественникам как к ресурсу для региональных рынков труда без создания комплексной системы их поддержки и адаптации существенно снижает привлекательность программы для потенциальных переселенцев.

Стоит отметить, что в соответствии с Указом Президента РФ от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» [3] миграционная политика должна быть направлена на создание благоприятного режима для добровольного переселения в Россию лиц (в том числе покинувших ее), которые способны органично включиться в систему позитивных социальных связей и стать полноправными членами российского общества. При этом, обеспечивая соблюдение разумного баланса государственных, общественных и частных интересов, важно сохранять открытость Российской Федерации для тех иностранных граждан, которые не свя-

зывают с ней свое будущее или будущее своих детей и не намерены полностью интегрироваться в российское общество, но стремятся приехать в Россию как в страну, предоставляющую им благоприятные условия для туризма, трудовой или предпринимательской деятельности, получения образования, поддержания родственных, социальных и культурных связей с проживающими в России иностранными и российскими гражданами, соблюдают требования законодательства Российской Федерации, бережно относятся к ее материальным и культурным ценностям, окружающей среде и природным ресурсам, уважают многообразие региональных и этнокультурных укладов жизни населения Российской Федерации.

В связи с чем, реализация миграционной политики в обоих ее аспектах предполагает расширение полномочий сотрудников органов внутренних дел, в частности, которые выполняют широкий спектр функций: от обеспечения законности и противодействия нелегальной миграции до регистрационного учета и поддержания общественного порядка. Центральная роль в этой системе отводится сотрудникам подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России, которые в рамках профилактических мероприятий осуществляют сбор статистической информации о фактах нарушения миграционного законодательства иностранными гражданами и лицами без гражданства. Эффективность их работы напрямую влияет на уровень контролируемости миграционных процессов и является необходимым условием для минимизации сопутствующих им рисков.

В заключение следует констатировать, что современная государственная миграционная политика Российской Федерации в сфере трудовой и переселенческой миграции характеризуется наличием глубоких системных дисбалансов. С одной стороны, сохраняется экономически мотивированная, но недостаточно контролируемая модель привлечения низкоквалифицированной иностранной рабочей силы. С другой стороны, демонстрирует недостаточно ориентированную переселенческую программу, которая должна быть направлена на долгосрочное демографическое и ценностное развитие. Преодоление этих противоречий требует внесения соответствующих изменений в законодательство в сфере миграции, в контексте повышения эффективности контрольных и надзорных мероприятий в сфере трудовой и переселенческой миграции.

Необходима селективная политика, предполагающая повышение требований к квалификации и культурной интеграции трудящихся-мигрантов, и создание стимулов для переселения в Россию соотечественников и иных категорий мигрантов, являющихся высококвалифицированными и квалифицированными специалистами.

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/>
2. Указ Президента Российской Федерации от 19 августа 2024 г. № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/>
3. Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/>
4. Прудникова Т. А. Контрольно-надзорная деятельность органов внутренних дел в сфере миграции : вопросы теории и практики : монография. М. : Юнити-Дана, 2025. 199 с.
5. URL: <https://rosstat.gov.ru/>
6. URL: www.mvd.ru/

Bibliographic list

1. Decree of the President of the Russian Federation on July 2, 2021 № 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/>
2. Decree of the President of the Russian Federation on August 19, 2024 № 702 «On the provision of humanitarian support to persons sharing traditional Russian spiritual and moral values» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/>
3. Decree of the President of the Russian Federation on October 15, 2025 № 738 «On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2026–2030» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/>
4. Prudnikova T. A. Control and supervision activities of internal affairs bodies in the field of migration : issues of theory and practice : monograph. M. : Unity-Dana, 2025. 199 p.
5. URL: <https://rosstat.gov.ru/>
6. URL: www.mvd.ru/

Информация об авторе

А. С. Прудников – профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the author

A. S. Prudnikov – Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 23.10.2025; одобрена после рецензирования 21.11.2025; принята к публикации 12.01.2026.

The article was submitted 23.10.2025; approved after reviewing 21.11.2025; accepted for publication 12.01.2026.

Научная статья

УДК 343.98:004.738.5

EDN: <https://elibrary.ru/jxclvh>

НИОН: 2015-0066-2/26-433

MOSURED: 77/27-011-2026-02-632

Анализ и расследование преступлений в сфере криптоактивов: синтез криминалистической методологии, технологий блокчейн-форензики и открытых данных (OSINT)

Анна Георгиевна Соломатина

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

a.smorodinova@mail.ru

Аннотация. Проводится комплексный анализ современных методологий выявления и расследования преступлений, связанных с использованием криптовалют и децентрализованных финансов (DeFi). На основе системного подхода синтезируются принципы классической криминалистики, инструменты блокчейн-форензики (такие как кластеризация адресов, графовый и сигнатурный анализ) и методы сбора открытых источников информации (OSINT). Теоретическая модель верифицируется на практике через детальный разбор реальных кейсов международного и российского уровня (включая дело биржи WEX/Винника, российские схемы вишинга). Автор формулирует универсальный алгоритм действий для специалиста-криминалиста, адаптированный под условия процессуальных норм Российской Федерации. Делается вывод о формировании новой междисциплинарной отрасли знания – криптокриминалистики, эффективность которой зависит от интеграции юридических, технических и аналитических компетенций. Статья адресована специалистам в области уголовного права, криминалистики, финансовой безопасности и блокчейн-технологий.

Ключевые слова: блокчейн-форензика, криптокриминалистика, OSINT, кластеризация адресов, отмывание денег, киберпреступность, цифровые следы

Для цитирования: Соломатина А. Г. Анализ и расследование преступлений в сфере криптоактивов: синтез криминалистической методологии, технологий блокчейн-форензики и открытых данных (OSINT) // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 103–108. EDN: JXCLVH.

Original article

Analysis and investigation of crimes in the field of crypto assets: synthesis of forensic methodology, blockchain forensics technologies and open source data (OSINT)

Anna G. Solomatina

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

a.smorodinova@mail.ru

Abstract. The comprehensive analysis of modern methodologies for detecting and investigating crimes involving cryptocurrencies and decentralized finance (DeFi) is presented. Using a systematic approach, it synthesizes principles of classical criminology, blockchain forensics tools (such as address clustering, graph and signature analysis), and open-source intelligence (OSINT) methods. The theoretical model is verified through detailed case studies of real international and Russian cases (including the WEX/Vinnik exchange case and Russian phishing schemes). The author develops a universal algorithm of actions for forensic specialists, adapted to the procedural norms of the Russian Federation. The article concludes that a new interdisciplinary field of knowledge – cryptocriminology is emerging, whose effectiveness depends on the integration of legal, technical, and analytical competencies. The study is addressed to specialists in criminal law, criminology, financial security, and blockchain technologies.

Keywords: blockchain forensics, crypto forensics, OSINT, address clustering, money laundering, cybercrime, digital traces

For citation: Solomatina A. G. Analysis and investigation of crimes in the field of crypto assets: synthesis of forensic methodology, blockchain forensics technologies and open source data (OSINT). Bulletin of economic security. 2026;(2):103–108. (In Russ.). EDN: JXCLVH.

© Соломатина А. Г., 2026

Стремительная цифровизация финансового сектора и распространение технологий распределенных реестров породили новую, сложную для традиционных систем правоприменения криминальную экосистему. Псевдонимность транзакций, скорость кросс-граничных переводов, отсутствие единого регулятора и техническая сложность создали практически идеальные условия для эволюции экономических преступлений. В ответ на этот вызов формируется комплексная междисциплинарная практика, которую можно определить как криптокриминалистику. Она стоит на пересечении права, криминалистики, компьютерных наук и финансового анализа.

Проблема исследования заключается в отсутствии унифицированной, научно обоснованной и практико-ориентированной методологии, которая бы интегрировала технологические возможности блокчейн-анализа с требованиями юридической процедуры. Как отмечают российские исследователи, «отечественное уголовно-процессуальное законодательство не содержит специальных норм, регламентирующих порядок собирания и оценки данных распределенных реестров в качестве доказательств» [9, с. 228]. Зарубежные специалисты, такие как Сара Мейклджен (Sarah Meiklejohn), концентрируются преимущественно на технических аспектах кластеризации и деанонимизации, часто в отрыве от процессуального контекста [8, с. 59].

Цель данной статьи – разработать и обосновать универсальный алгоритм криптокриминалистического расследования, синтезирующий методологию независимых исследователей, инструментарий профессиональной блокчейн-форензики и юридические стандарты доказывания.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

- 1) систематизировать и описать поэтапный алгоритм расследования;
- 2) выявить и проанализировать ключевые инструменты и методы на каждом этапе;
- 3) провести верификацию алгоритма на реальных кейсах международного и российского уровня;
- 4) формулировать правовые и технические требования к доказательной базе, полученной в ходе такого расследования.

Объектом исследования выступает деятельность по выявлению и расследованию преступлений в сфере криптоактивов. Предметом – методы, инструменты и алгоритмы, используемые в рамках криптокриминалистики.

Криптокриминалистика базируется на триаде взаимодополняющих подходов: блокчейн-форензика (анализ цепочек транзакций), OSINT (работа с открытыми цифровыми следами) и юридическая квалификация.

Анализ данных непосредственно в блокчейне является первым фундаментальным этапом, цель которого состоит в реконструкции финансового потока и идентификации ключевых узлов (адресов/класте-

ров) посредством общедоступных блок-эксплореров (Etherscan, BscScan) и профессиональных платформ таких как: Arkham Intelligence или Chainalysis Reactor. Алгоритмы машинного обучения, интегрированные в эти сервисы, автоматически группируют адреса и визуализируют транзакционные графы, формируя массив первичных цифровых следов. Однако, чтобы эти следы приобрели юридическое значение и статус уголовно-процессуальных доказательств, необходимо теоретически осмыслить сам механизм кластеризации как способ реиндентификации субъектов в условиях псевдонимной сети.

Кластеризация адресов как эвристический механизм реиндентификации субъектов представляет собой формализованную процедуру отнесения разнородных блокчейн-адресов к единому кошельку или контролируемому субъектом множеству. Методология опирается на три доминирующие эвристики:

- *common-input* (правило совместного входа), вытекающее из протокольной невозможности подписания транзакции несколькими ключами без распоряжающегося ими субъекта;
- *change-address* (адрес «сдачи»), формируемый автоматикой кошельков для возврата избыточного входа;
- паттерны *peel-chain*, демонстрирующие последовательное «снятие» слоев UTXO-цепочки [8, с. 59].

В отечественной науке принципиальное значение кластерного подхода обосновал А. А. Бирюков, показавший, что даже частичное применение эвристик снижает анонимность сети более чем на 40 % [2, с. 21–23].

Графовый анализ – централистская топология криптовалютного денежного оборота. Построение ориентированного мультиграфа $G = (V, E)$, где V – множество адресов, а E – множество транзакционных ребер, позволяет количественно описать архитектуру «цифрового кровообращения». Вычисление метрик центральности (*in/out-degree*, *betweenness centrality*) выявляет узлы-хабы: криптовалютные биржи, миксеры и транзитных посредников.

Исследование Ермилова Д. С., Панова М. А. и Яновича Ю. В. продемонстрировало, что центральность по посредничеству коррелирует с юридическим статусом узла: значения $> 0,005$ почти полностью приходятся на коммерческие сервисы, подпадающие под регулирование ФЗ «О цифровых финансовых активах» [5, с. 463].

Метод сигнатурного (поведенческого) анализа предназначен для идентификации операций с аномальными параметрами, несоответствующими установленным статистическим моделям нормального рыночного поведения. В основу метода положено сопоставление характеристик транзакций с типичными паттернами легитимной активности, что позволяет вычленять подозрительные кластеры. К числу наиболее релевантных детектируемых аномалий относятся:

1. Транзакции с завышенной комиссией. Аномалией считается превышение комиссии медианного зна-

чения для сопоставимых операций в десять и более раз ($\geq 10x$). Столь существенная переплата часто указывает на стремление отправителя обеспечить мгновенное включение транзакции в блок, что характерно для операций, требующих высочайшей срочности исполнения.

2. «Пылевые» атаки (Dusting). Данный паттерн представляет собой массовую рассылку микроскопических сумм («пыли») на обширное множество адресов. Фундаментальная цель таких действий – не экономический перевод, а последующая эвристическая деанонимизация: отслеживая дальнейшее движение этих средств, злоумышленник может установить связи между кошельками и раскрыть принадлежность кластеров.

3. Переводы с округленными суммами. Подозрения вызывают операции, выходное значение которых в точности кратно крупным круглым суммам в фиатном эквиваленте (напр., 1 000 или 10 000 USD). Подобная точность нетипична для рыночных расчетов, но часто встречается в практике структурирования денежных потоков при легализации (отмывании) капиталов, где требуется соблюдение формальных пороговых значений.

4. Спиральные цепочки (Peel Chain). В рамках этой схемы актив последовательно дробится: каждый новый перевод снимает лишь малую часть ($\leq 10\%$) полученного баланса, переправляя ее далее, в то время как остаток сохраняется на предыдущем адресе. Итеративное «отшелушивание» средств таким образом затрудняет прослеживание первоначального источника актива, маскируя его происхождение.

Практические исследования ученых показали, что совокупное применение сигнатурных фильтров повышает точность выявления подозрительных транзакций до 94 % по сравнению с 61 % при классическом графовом подходе [7, с. 10].

Таким образом, сигнатурные маркеры превращают хаотический поток транзакций в семантически насыщенный массив, где каждое статистическое отклонение – это потенциальный след умышленного поведения. Однако цифровой «отпечаток» еще не равен юридическому субъекту: чтобы превратить адрес в лицо, необходимо перейти от технической идентификации к социальной идентичности.

OSINT-расследование и деанонимизация лица являются следующим этапом расследования, цель которого является установление связи между псевдонимным блокчейн-адресом и реальным субъектом (физическим или юридическим лицом). Как отмечают авторы, «установление личности является ключевой и наиболее сложной задачей, требующей конвергенции данных из различных независимых источников» [1, с. 19].

Во исполнение этой цели применяется четыре взаимодополняющих метода. Во-первых, временная корреляция: временные метки транзакций сопоставляются с публичной активностью в социальных медиа (Twitter/X,

Telegram, Discord), что позволяет статистически значимо ($p < 0,01$) связать хэш транзакции с конкретным аккаунтом.

Во-вторых, для установления дополнительных «якорей» цифровой идентичности используются метаданные, извлекаемые из публичных источников: записей WHOIS, исторических снимков DNS (например, через сервисы вроде SecurityTrails) и репозитории исходного кода (таких как GitHub). Это позволяет связать смарт-контракты или кошельки с конкретными доменами, разработчиками или организациями по «авторским отпечаткам» в коде.

В-третьих, применяется перекрестная проверка по базам публично утекших данных. Анализ заключается в поиске исследуемых идентификаторов (адресов электронной почты, хэшей паролей, доменов) в агрегированных коллекциях компрометирующих сведений, таких как Have I Been Pwned или DeHashed. Обнаружение в таких утечках позволяет связать псевдонимную криптовалютную активность с реальными учетными записями, установить поведенческие паттерны владельца или подтвердить его принадлежность к определенной организации.

Однако именно правовой механизм обеспечивает трансформацию аналитической гипотезы в юридически значимое доказательство. Ключевую роль в этом играют запросы к регулируемым провайдерам виртуальных активов (VASP). В рамках международного сотрудничества, регламентированного стандартами FATF (в частности, «Правилom поездки» – Travel Rule), лицензированные биржи и иные VASP обязаны предоставлять правоохранительным органам архивы данных клиентов, собранные в рамках процедур KYC (Know Your Customer) и AML (Anti-Money Laundering). В результате такой процедуры происходит окончательная корреляция криптографического идентификатора (адреса кошелька) с персональными данными физического лица (паспорт) или регистрационными реквизитами юридического лица.

Полученное тождество завершает цепочку деанонимизации, но не завершает следственный цикл: чтобы электронный след стал доказательством, он должен быть «материализован» в форме, пригодной для уголовного процесса.

Следующая процедура фиксации выстраивает непрерывную цепочку, превращающую эфемерный поток байтов в доказательство. Сначала каждый фрагмент исходных данных и финальный отчет оборачиваются в криптографический «панцирь» – хэш SHA-256, становящийся цифровым отпечатком момента. Затем к нему прикрепляется доверенная метка времени по RFC 3161, свидетельствующая о том, что указанный набор битов существовал не позднее зафиксированного времени, и тем самым исключая ретроспективную подмену. Документ, оформленный в архивно-стойком формате PDF/A, подписывается квалифицированной электронной подписью эксперта, превращая расчетливую техни-

ку в акт удостоверения, равный по юридической силе собственноручной подписи. Наконец, весь массив материалов помещается на опечатанный электронный носитель, сопровождаемый описью, составленной в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.8-2013 [4], – так цифровая эпоха входит в судебное досье, сохраняя целостность и воспроизводимость до последнего бита. В тот момент, когда последний бит опечатан и опись заверена, электронный след перестает быть нематериальной абстракцией: он превращается в процессуальный артефакт, готовый к предъявлению в суде. Именно здесь методика показывает свою жизнеспособность – на реальных историях, где цифровые улики становятся поводом для обвинений и приговоров.

Для расследования преступления в ходе уголовного судопроизводства применяется строгая процедура фиксации цифровых доказательств, обеспечивающая их процессуальную допустимость. Она создает неразрывную и верифицируемую цепочку, трансформируя цифровые данные в вещественное доказательство (ст. 81 УПК РФ).

Процедура включает следующие обязательные этапы:

1. Криптографическая фиксация. Все изъятые данные и заключение эксперта хэшируются алгоритмом SHA-256. Полученные хэши служат уникальными цифровыми отпечатками, фиксирующими состояние файлов на момент изъятия.

2. Привязка к доверенному времени. На хэши накладывается криптографическая метка времени (RFC 3161) от аккредитованного удостоверяющего центра. Это процессуально подтверждает момент фиксации и исключает последующую фальсификацию.

3. Оформление и удостоверение. Заключение с приложениями формируется в формате PDF/A и подписывается квалифицированной электронной подписью эксперта, что придает документу юридическую силу, равную собственноручной подписи (ст. 6 ФЗ № 63-ФЗ).

4. После опечатывания носителя цифровая информация приобретает статус вещественного доказательства, надлежащим образом процессуально оформленного для приобщения к делу и представления в суд. Эффективность методики подтверждается судебной практикой, где такие доказательства ложатся в основу обвинительных заключений и приговоров.

Дело биржи WEX (BTC-e) и Александра Винника показывает, к чему приводит тот же алгоритм, когда расследование осуществляют уполномоченные государственные органы. BTC-e стала первым прецедентом, когда блокчейн-аналитика выступила не вспомогательным, а центральным доказательством международного уголовного процесса. Согласно отчету Chainalysis, биржа обработала свыше 4 млрд долларов в биткоинах, в том числе 29 млн, полученных от форума по торговле украденными данными Joker's Stash, и активно использовала миксеры для завуалирования следов. Построен-

ная аналитиками модель потоков показала, что платформа выполняла роль «центрального лимфоузла»: через нее проходили монеты, украденные при взломе Mt.Gox, выкупы после ransomware-атак Locky и доходы теневых маркетплейсов.

Каждая транзакция оставляла идентифицируемый профиль активности: аномальная скорость оборота, комиссии, статистически отклоняющиеся от медианы, и кластеры, устойчиво конвергирующие к единому кошельку. Совокупность цифровых кривых была процессуально закреплена в рамках уголовного дела и дополнена данными, полученными в соответствии с требованиями ст. 7, 8, 89 УПК РФ. В рамках оперативно-розыскных мероприятий была идентифицирована личность – гражданин Российской Федерации А. Винник. Его задержание и последующая экстрадиция проведены в соответствии с правовыми механизмами международного сотрудничества, предусмотренными ст. 11 УПК РФ и Европейской конвенцией о выдаче 1957 г. Приговором Кассационного уголовного суда Франции (25.10.2022) Винник осужден к пяти годам лишения свободы по обвинению в отмывании денежных средств и участии в преступном сообществе [6]. Дело стало прецедентом, подтверждающим, что устойчивые топологические центры, формируемые операторами по отмыванию виртуальных активов, независимо от уровня псевдонимизации подпадают под действие международных норм о правовой помощи и классифицируются в правоприменительной практике аналогично офшорным счетам, используемым для легализации доходов.

В 2021 г. Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции МВД РФ завершило расследование транснационального вишинг-преступного сообщества, чья модель отмывания выстраивалась по следующей схеме «фиатные средства потерпевшего → P2P-обменник → криптовалюта → дробное перераспределение». Опираясь на сведения Росфинмониторинга, следователи построили граф денежных потоков и выделили устойчивые кластеры, связанные с аккаунтами крупных P2P-площадок. Полученные цифровые идентификаторы стали основанием для предъявления требований о раскрытии KYC-данных в соответствии со ст. 7 ФЗ-115 «О противодействии легализации (отмыванию) доходов» и п. 4 Правил ведения реестра операторов цифровых финансовых активов: биржи предоставили анкетные данные, подтверждающие личности фигурантов. Данный пример демонстрирует адаптированную российскую версию криптокриминалистического цикла: классические оперативно-розыскные мероприятия (опрос потерпевших, анализ SIM-карт, наблюдение за подозреваемыми и пр.), проводившиеся на основании ст. 7, 8, 89 УПК РФ, синхронизированы с блокчейн-анализом и требованиями о предоставлении сведений, предусмотренных ст. 7 ФЗ № 115-ФЗ; полученные таким образом цифровые следы были приобщены к уголовному делу в порядке ст. 84 УПК РФ

и в совокупности признаны судом допустимыми доказательствами, что нашло свое отражение в приговоре, предусматривающем наказание в виде лишения свободы на срок от 7 до 9 лет.

В апреле 2025 г. сотрудники ГУ МВД по г. Москве при участии Group-IB пресекли деятельность вишинг-группы, рассылавшей SMS о «обязательной регистрации цифрового рубля» и перенаправлявшей жертв на фишинговый ресурс cbr-digital-wallet.com. Полученные реквизиты банковских карт немедленно конвертировались в криптовалюту через российские P2P-площадки и выводились в Tether на зарубежные биржи. Аналитики построили граф потоков USDT, выделили устойчивые кластеры «агрегаторов» и на основании ст. 7 ФЗ-115 запросили KYC-данные у операторов цифровых активов; это позволило установить личности 14 фигурантов и предъявить им обвинение по ч. 3 ст. 159 УК РФ [3].

Проанализированные примеры – от одиночного OSINT-архитектора до межгосударственного прецедента BTC-е и отечественного вишинг-расследования – наглядно показывают, что блокчейн-аналитика перешла из экспериментального арсенала хакеров в категорию рутинной криминалистической техники. Логический итог этой трансформации формулируется в следующих выводах:

1. Криптокриминалистика окончательно оформилась как самостоятельная междисциплинарная область, конституирующаяся на стыке юриспруденции, криминалистики, анализа данных и компьютерных наук; без компетенций во всех четырех полях эксперт не способен воспроизвести полный цикл «цифровое следствие – процессуальное доказательство».

2. Эффективное расследование транзакционных преступлений требует неизменной последовательности: (1) блокчейн-форензика (реконструкция потока), (2) OSINT-деанонимизация, (3) юридическая фиксация. Пропуск любого этапа снижает доказательственную ценность выводов и размывает стандарт «устранения разумных сомнений».

3. Кластеризация и графовый анализ вышли в ранг промышленного стандарта: инструменты Arkham, Chainalysis, Elliptic автоматизируют выявление сложных связей и тем самым реализуют на практике эвристическую методику, описанную С. Мейклджен.

4. Критическим узлом остается процессуальное оформление, так как без надлежащей фиксации цифровые улики остаются информацией, но не доказательством. Протокол криптографической хэш-фиксации и временного анкерования (RFC 3161) является обязательным элементом цепочки custody.

5. Российскому законодателю необходима специальная норма УПК РФ, регламентирующая изъятие, исследование и оценку данных распределенных реестров; проект такой нормы может опираться на представленную трехэтапную методологию и уже апробированные криптографические протоколы.

Список источников

1. Батоев В. Б. Использование мессенджеров в преступной деятельности : проблемы деанонимизации пользователей и дешифрования информации // Оперативник (сыщик). 2017. № 2 (51). С. 15–20.

2. Бирюков А. А., Ховратович Д. В., Пустогаров И. В. Деанонимизация клиентов в P2P-сети Bitcoin // Труды конференции ACM SIGSAC CCS 2014. 2014. С. 15–29.

3. В Москве раскрыта вишинг-группа, маскирующаяся под ЦБ РФ и похищающая средства через «цифровой рубль» // Group-IB. 2025. 23 мая. URL: <https://www.group-ib.com/blog/cbr-digital-ruble-phishing/>

4. ГОСТ Р 7.0.8-2013. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Дело-производство и архивное дело. Термины и определения // URL: <https://meganorm.ru/Index2/1/4293773/4293773970.htm/>

5. Ермилов Д. С., Панов М. А., Янович Ю. В. Automatic Bitcoin address clustering // Proc. IEEE ICMLA 2017. 2017. С. 461–466.

6. Винник сообщил, что он уже дома и поблагодарил Путина, Лаврова и Трампа // Российская газета. 2025. 13 февр. URL: <https://rg.ru/2025/02/14/vinnik-soobshchil-cto-on-uzhe-doma-i-poblagodaryl-putina-lavrova-i-trampa.html/>

7. Ли Л. В., Лю Ф., Цзя К. и др. Bitcoin Address Clustering Based on Change Address Improvement // IEEE Trans. Comput. Social Syst. 2023. Vol. 10. Iss. 3. С. 1–12.

8. Meiklejohn S. et al. A Fistful of Bitcoins: Characterizing Payments Among Men with No Names // Communications of the ACM. 2016. Vol. 59. Iss. 4. P. 86–93.

9. Шурдумов А. А. Блокчейн-верификация доказательств в уголовном процессе // Закон и право. 2025. № 8. С. 226–230.

References

1. Batoev V. B. Use of messengers in criminal activities : problems of user de-anonymization and information decryption // Operative (Detective). 2017. № 2 (51). P. 15–20.

2. Birukov A. A., Khovratovich D. V., Pustogarov I. V. Deanonymization of clients in Bitcoin P2P network // Proceedings of ACM SIGSAC CCS 2014 Conference. 2014. P. 15–29.

3. Phishing group masquerading as Central Bank of Russia and stealing funds via «digital ruble» uncovered in Moscow // Group-IB. 2025. May 23. URL: <https://www.group-ib.com/blog/cbr-digital-ruble-phishing/>

4. GOST R 7.0.8-2013. System of standards for information, librarianship and publishing. Records management and archival affairs. Terms and definitions // URL: <https://meganorm.ru/Index2/1/4293773/4293773970.htm/>

5. Ermilov D. S., Panov M. A., Yanovich Yu. V. Automatic Bitcoin address clustering // Proc. IEEE ICMLA 2017. 2017. P. 461–466.

6. Vinnik said that he was already at home and thanked Putin, Lavrov, and Trump // Rossiyskaya Gazeta. 2025. February 13. URL: <https://rg.ru/2025/02/14/vinnik-soobshchil-cto-on-uzhe-doma-i-poblagodaryl-putina-lavrova-i-trampa.html/>

7. Li L. V., Liu F., Jia K. et al. Bitcoin Address Clustering Based on Change Address Improvement //

IEEE Trans. Comput. Social Syst. 2023. Vol. 10. Iss. 3. P. 1–12.

8. Meiklejohn S. et al. A Fistful of Bitcoins: Characterizing Payments Among Men with No Names // Communications of the ACM. 2016. Vol. 59. Iss. 4. P. 86–93.

9. Shurdumov A. A. Blockchain verification of evidence in criminal proceedings // Law and State. 2025. № 8. P. 226–230.

Информация об авторе

А. Г. Соломатина – доцент кафедры противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. G. Solomatina – Associate Professor of the Department of Countering Crimes in the Field of Information and Telecommunication Technologies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 02.02.2026; одобрена после рецензирования 26.02.2026; принята к публикации 25.03.2026.

The article was submitted 02.02.2026; approved after reviewing 26.02.2026; accepted for publication 25.03.2026.

Государственная служба в органах внутренних дел Российской Федерации. Под ред. О. В. Зиборова, Б. Н. Комахина, Е. Н. Хазова. [О. В. Зиборов и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. 223 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

**Государственная служба
в органах внутренних дел
Российской Федерации**

Второе издание

Изложены теоретические положения, на основе которых осуществляется практическая деятельность при прохождении государственной службы в правоохранительных органах. Учтены многочисленные изменения и дополнения законодательства, а также положительный опыт и практика деятельности различных подразделений органов внутренних дел и войск национальной гвардии России.

Для студентов вузов, курсантов и слушателей, обучающихся в юридических учебных заведениях МВД России по специальностям «Правовое обеспечение национальной безопасности», «Правоохранительная деятельность».

Научная статья

УДК 349.2

EDN: <https://elibrary.ru/znvnfv>

НИОН: 2015-0066-2/26-434

MOSURED: 77/27-011-2026-02-633

Вид профессиональной деятельности как элемент национальной системы квалификаций. Часть вторая

Светлана Евгеньевна Титор

Государственный университет управления, Москва, Россия,

setitor@mail.ru

Аннотация. В настоящем исследовании продолжен анализ выделения «видов профессиональной деятельности» как классифицирующего элемента системы квалификаций. Анализ проведен на примерах нескольких групп профессиональных стандартов и квалификационных справочников. Во второй части изучены примеры подходов формирования системы профессиональных стандартов по видам профессиональной деятельности. По итогам исследования сформулированы подходы для совершенствования систематизации квалификационных характеристик. В исследовании применены общенаучные методы исследования, контент-анализ, сравнительный анализ. Исследование выполнено коллективом авторов, вторая часть представлена Титор С. Е.

Ключевые слова: профессиональные стандарты, квалификационные справочники, национальная система квалификаций, характеристика квалификаций, вид профессиональной деятельности, область профессиональной деятельности

Для цитирования: Титор С. Е. Вид профессиональной деятельности как элемент национальной системы квалификаций. Часть вторая // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 109–115. EDN: ZNVNFV.

Original article

A type of professional activity as an element of the national qualification system. Part two

Svetlana E. Titor

State University of Management, Moscow, Russia,

setitor@mail.ru

Abstract. This study continues the analysis of the identification of «types of professional activity» as a classifying element of the qualifications system. The analysis is based on the examples of several groups of professional standards and qualification reference books. In the second part, examples of approaches to the formation of a system of professional standards by types of professional activity are studied. Based on the results of the study, approaches have been formulated to improve the systematization of qualification characteristics. The study uses general scientific research methods, content analysis, and comparative analysis. The study was done by a team of authors, the second part is presented by Titor S. E.

Keywords: professional standards, qualification manuals, national qualification system, qualification characteristics, type of professional activity, field of professional activity

For citation: Titor S. E. A type of professional activity as an element of the national qualification system. Part two. Bulletin of economic security. 2026;(2):109–115. (In Russ.). EDN: ZNVNFV.

Пример 1. Анализ профессиональных стандартов в области лифтового хозяйства.

Сравнительный анализ профессиональных стандартов «Специалист по эксплуатации лифтового оборудования» и «Электромеханик по лифтам» [1] показывает, что оба профстандарта в качестве цели вида

профессиональной деятельности определяют: «Обеспечение безопасной эксплуатации лифтов». Придерживаясь логики рассмотренных выше Рекомендаций, оба эти профстандарта, имея единую цель ВПД, должны быть отнесены к одному и тому же ВПД. Логично предположить, что различные виды профессиональной дея-

© Титор С. Е., 2026

тельности *не могут иметь* одну и ту же цель. Между тем, как показывает практика, разные профстандарты могут относиться к разным ВПД, имея идентичную цель.

Проанализируем другие профессиональные стандарты в сфере лифтовой деятельности. Анализ трех профессиональных стандартов сферы эксплуатации лифтов имеет разный ВПД, в то время как у всех идентичная цель – *обеспечение безопасной эксплуатации лифтов*. На наш взгляд, есть возможность объединения всех трех профессиональных стандартов в единый, с единым видом профессиональной деятельности – «безопасная эксплуатация лифтов».

Анализ еще двух профессиональных стандартов в сфере монтажа и запуска лифтов и иных подъемных механизмов показывает схожесть целей ВПД, а именно: монтаж и запуск в эксплуатацию лифтов и иных объемных механизмов. В профессиональном стандарте «Монтажник лифтов, платформ подъемных для инвалидов, поэтажных эскалаторов» основная цель этого ВПД заключается в *монтаже лифтового и иного подъемного оборудования*, а в профстандарте «Наладчик электронного оборудования лифтов, подъемных платформ для инвалидов, эскалаторов, пассажирских конвейеров» – цель: тот же самый монтаж, только *электрооборудования лифтового и иного подъемного оборудования*. Очевидно, что монтаж лифтов и иных подъемных механизмов невозможен без электронного оборудования, т. е. цель у обоих профстандартов единая – *монтаж и запуск в эксплуатацию лифтового и иного подъемного оборудования*. Анализ должности/профессии «Монтажник электрических подъемников (лифтов)» из ЕТКС [2] показывает, что эта должность/профессия включает в себя весь спектр работ из двух рассматриваемых профстандартов по монтажу и наладке лифтов и других электрических подъемников. Напрашивается вывод, что у рассматриваемых профстандартов единая цель ВПД – комплексный монтаж и запуск лифтов и иных подъемных механизмов, а соответственно, и ВПД должен быть единым.

Пример 2. Анализ профессиональных стандартов в торговле.

В общей массе профессиональных стандартов встречаются такие, которые имеют мизерно профильные трудовые функции, совпадающие с видом профессиональной деятельности. Например, профессиональный стандарт «Продавец оптики» [3]. В профстандарте «Продавец оптики» ВПД и единственная обобщенная трудовая функция (далее – ОТФ) совпадают: «Продажа оптических средств коррекции зрения». ЕТКС и ЕКС не содержат должностных обязанностей по такой узконаправленной профессиональной деятельности. «Продавец оптики» – это производная трудовая функция от профессии «продавец непродовольственных товаров», которую регламентирует ЕТКС [4]. Следуя логике разработчика указанного профстандарта, необходимо разработать профессиональные стандарты отдельно на каж-

дого продавца по каждому виду продаваемого товара: например, на молочные изделия или на аудио- и видеотехнику и т. д. [5]. Видится, что такое узкопрофильное выделение ВПД в отдельный профстандарт совершенно не оправданно.

Пример 3. Анализ профессиональных стандартов в области охраны объектов.

Аналогичный пример следует привести в отношении профстандарта «Работник по обеспечению охраны образовательных организаций» [6], ВПД которого заключается в «обеспечении охраны образовательных организаций». Вид профессиональной деятельности соотносится с видом занятости в соответствии с ОКЗ «5414. Охранники». В области охраны имеется еще один профстандарт «Специалист ведомственной охраны объектов нефтегазовой отрасли» [7], ВПД которого также соотносится с видом занятости в соответствии с ОКЗ «5414. Охранники». Оба профстандарта отнесены к одному и тому же ОКВЭД «80.10. Деятельность частных охранных служб». Анализ указанных профстандартов показывает следующее:

1. Оба профстандарта имеют идентичную цель вида деятельности: *обеспечение охраны и контроль безопасности вверенных им объектов*.

2. Оба профстандарта имеют идентичные трудовые действия:

- «наблюдение за уровнем угроз» и
- «обеспечение пропускного и внутриобъектового режимов».

Однако, в одном профстандарте (Работник по обеспечению охраны образовательных организаций) эти трудовые действия выделены в отдельную ОТФ. А во втором (Специалист ведомственной охраны объектов нефтегазовой отрасли) эти же трудовые действия сгруппированы в трудовую функцию и включены как составляющая часть ОТФ.

3. Оба профстандарта устанавливают идентичное возможное наименование должности/профессии – «охранник». Однако, соотношение с ЕКС и ЕТКС у рассматриваемых профстандартов различное. В профстандарте «Работник по обеспечению охраны образовательных организаций» охранник соотносится с ЕТКС «Охранник» [8]. А в профстандарте «Специалист ведомственной охраны объектов нефтегазовой отрасли» охранник соотносится с ЕКС «Охранник вневедомственной охраны» [9]. При этом к замещению должности/профессии «Охранник» ЕТКС предъявляет требования о наличии профессионального обучения и повышения квалификации один раз в 5 лет. А для замещения должности/профессии «Охранник вневедомственной охраны» ЕКС требует наличия среднего общего (полного) образования и специальной подготовки по установленной программе. То есть требования для замещения должностей «охранник» и «охранник вневедомственной охраны» идентичные, однако профстандарты устанавливают разные уровни квалификации, причем на два пункта:

– в профстандарте «Работник по обеспечению охраны образовательных организаций» для рассматриваемых трудовых функций требуется 2 уровень квалификации;

– в профстандарте «Специалист ведомственной охраны объектов нефтегазовой отрасли» для этих же трудовых функций установлен 4 уровень квалификации.

Пример 4. Анализ профессиональных стандартов по уборке помещений.

В области профессиональной уборки помещений и объектов принято три (!) профессиональных стандарта:

- работник по уборке и поддержанию в работоспособном состоянии объектов железнодорожной инфраструктуры [10];

- работник по комплексной уборке территории, относящейся к общему имуществу в многоквартирном доме [11];

- работник профессиональной уборки [12].

Некоторые особенности «уборщика» объектов железнодорожной инфраструктуры имеются, например, выделена трудовая функция «станционный рабочий». В остальном же все три профстандарта описывают трудовую функцию уборщика, сопряженную с соответствующими профессиями из ЕТКС.

Пример 5. Анализ профессиональных стандартов в области логистики.

Анализ нескольких профессиональных стандартов в сфере логистики [13; 14; 15; 16; 17] показывает, что весь комплекс профессиональной деятельности по этим профстандартам охватывается единым профессиональным стандартом: «Специалист по логистике на транспорте» [16]. Детали же трудовых действий, отраженные в других профессиональных стандартах, являются лишь отраслевой спецификой логистической деятельности на различных производствах. И вся логистическая деятельность соотносится с должностью «транспортного экспедитора» в соответствии с ЕКС [18].

Анализ трех профессиональных стандартов в области логистики из различных направлений экономической деятельности в соотношении с должностью «транспортный экспедитор» из ЕКС показывает, что все основные трудовые действия у специалистов-логистов идентичны и сводятся к следующим:

- организация перемещения, хранения товарно-материальных ценностей;

- планирование и контроль поставок и перемещения товарно-материальных ценностей;

- организация, контроль и оптимизация логистических маршрутов передвижения и поставки товарно-материальных ценностей;

- управленческо-организационные функции по организации поставок товарно-материальных ценностей.

Справедливо возникает вопрос о необходимости и обоснованности разработки такого большого количества различных, идентичных по ВПД и ее целям, профессиональных стандартов с конкретизацией по раз-

личным видам экономической деятельности. Причем, рассматриваемые профстандарты затрагивают только сферу авиастроения, сбора отходов и уборки городских территорий и химическую промышленность. Логично предположить, что другие отрасли экономики вправе будут разработать свой собственный профстандарт по логистическим операциям с учетом своих собственных производственных особенностей. Таким образом, вместо одного описания должности/профессии «логиста» или «транспортного экспедитора» (как это предусмотрено в ЕКС), появится огромное количество профстандартов однородного содержания. Справедливо отметить, что особенности логистической деятельности по отраслям экономики следовало бы отражать в должностных инструкциях конкретного работодателя, у которого непременно будут наличествовать и иные особенности, и специфика на конкретном рабочем месте.

Пример 6. Анализ профессиональных стандартов в области маркетинга.

Анализ еще четырех однотипных профессиональных стандартов «Специалист по интернет-маркетингу» [19], «Маркетолог» [20], «Специалист в области маркетинга детских товаров» [21], «Специалист по маркетинговым исследованиям в области пищевой и перерабатывающей промышленности» [22] показывает, что цель ВПД в этих профстандартах сводится к «организации процессов продвижения продуктов и услуг» на соответствующем потребительском рынке. Различие между этими четырьмя профстандартами заключается лишь в направлении и специфике продвигаемых ими товаров и услуг: детские товары, интернет-продукты или продукты пищевой промышленности. Трудовые действия рассмотренных профстандартов по маркетинговой деятельности соотносятся с должностью/профессией «Специалист по маркетингу» по ЕКС. Трудовые действия четырех профстандартов и должностные обязанности специалиста по маркетингу по ЕКС идентичны и сводятся к следующим:

- маркетинговые исследования, основанные на анализе рынка соответствующих продуктов, товаров и услуг;

- разработка политики и стратегии, маркетинговых программ по сбалансированному развитию производства продуктов и товаров, сферы услуг в соответствующей отрасли;

- управление маркетинговой деятельностью организации.

Напрашивается вывод, что должностные обязанности «Специалиста по маркетингу» по ЕКС продублированы в четырех профстандартах с добавлением специфики соответствующей сферы услуг и производства продуктов и товаров. Логично, что отраслевая специфика маркетинговой деятельности должна отражаться в должностных инструкциях конкретного работодателя, у которого, кроме отраслевых особенностей, непременно найдутся организационные особенности маркетинговой

деятельности. Дублирование идентичных ВПД в профстандартах по отраслям загромождает и увеличивает складывающуюся систему профстандартов.

Заключение. Выводы.

Следует разобраться с дифференциальным подходом к разработке профстандартов. Изначально было предложено разрабатывать профстандарты на «вид профессиональной деятельности». При этом следовало вначале разработать перечень ВПД, классифицировать их, систематизировать, и только потом начать разрабатывать профстандарты. Такую работу должен был сделать регулятор – Минтруд. Однако, Минтруд пошел по другому пути: вначале разработка профстандартов, включая выделение ВПД в отдельный и самостоятельный, и только затем регистрация и систематизация ВПД. При этом само понятие ВПД в процессе несколько раз изменялось и, в конечном итоге, не определено окончательно. Как результат, разработчики профстандартов понимали ВПД на свое усмотрение, применяли собственные классификации, в результате чего получился полный абсурд в системе ВПД. На данный момент представители регулятора – ВНИИ труда, уже признали данную ошибку [1]. Разработан проект постановления Правительства РФ [23], которым предполагается изменить порядок формирования системы профстандартов, взяв за основу их дифференциацию «вид профессиональной деятельности», основанный на ОКЗ. Такой подход, на наш взгляд, был бы правильным и системным. Предлагается ускорить принятие указанного проекта постановления Правительства РФ.

Аналогичные подходы приняты при формировании национальных рамок квалификации в некоторых из проанализированных зарубежных стран: Германия, Южная Корея.

Однако, за этим последует полная отмена уже принятых профстандартов и разработка новых, уже по новой классификации, поскольку систематизировать уже имеющиеся профстандарты под новую систему, на наш взгляд, не представляется возможным, ввиду слишком большой разницы в принципах их разработки (имеется ввиду – в принципах определения ВПД, на который они разработаны).

Список источников

1. Приказ Минтруда России от 31 марта 2021 г. № 193н «Об утверждении профессионального стандарта «Электромеханик по лифтам» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=383988&cacheid=DADABF86F20B883DD5B795E9E42EF546&mode=splus&rnd=CFAFC4B22075A1B2F2F0A497B0FE8AAB#HqWjyU02Q2vp0bW1/>
2. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 6 апреля 2007 г. № 243 «Об утверждении Единого тарифно-квалификационного справочника работ и профессий рабочих, выпуск 3, раздел «Строительные, монтажные и ремонтно-строительные работы» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=8572&dst=100035&field=134&rnd=T87CwQ#qGluKkUJ8KqVdIPF/>

3. Приказ Минтруда России от 21 января 2016 г. № 16н «Об утверждении профессионального стандарта «Продавец оптики» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=196653&dst=100010&field=134&rnd=1GVB7w#jZfSLkUgPejH2Y8I1/>

4. Постановление Минтруда РФ от 5 марта 2004 г. № 30 «Об утверждении Единого тарифно-квалификационного справочника работ и профессий рабочих, выпуск 51, разделы: «Производство алкогольной и безалкогольной продукции»; «Хлебопекарно-макаронное производство»; «Кондитерское производство»; «Крахмалопаточное производство»; «Производство сахара»; «Производство пищевых концентратов»; «Табачно-махорочное и ферментационное производства»; «Эфиромасличное производство»; «Производство чая»; «Парфюмерно-косметическое производство»; «Масложировое производство»; «Добыча и производство поваренной соли»; «Добыча и переработка солодкового корня»; «Элеваторное, мукомольно-крупяное и комбикормовое производства»; «Торговля и общественное питание»; «Производство консервов» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=7913&dst=102493#A1tULkUsn0k0LnZd1/>

5. Мышко Ф. Г., Титор С. Е. Особенности регулирования труда торговых (региональных) представителей // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 5. С. 107–113.

6. Приказ Минтруда России от 11 декабря 2015 г. № 1010н «Об утверждении профессионального стандарта «Работник по обеспечению охраны образовательных организаций» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=192826&dst=100008#SYc2zkU6Fd5GDBon/>

7. Приказ Минтруда России от 14 марта 2023 г. № 143н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист ведомственной охраны объектов нефтегазовой отрасли» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=444920#1gk6zkU2tEwtjiVy/>

8. Постановление Госкомтруда СССР, Секретариата ВЦСПС от 31 января 1985 г. № 31/3-30 «Об утверждении «Общих положений Единого тарифно-квалификационного справочника работ и профессий рабочих народного хозяйства СССР»; раздела «Профессии рабочих, общие для всех отраслей народного хозяйства» Единого тарифно-квалификационного справочника работ и профессий рабочих, выпуск 1» // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=311295/>

9. Приказ Минздравсоцразвития России от 10 декабря 2009 г. № 977 «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников организаций атомной энергетики» // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=292141/>

10. Приказ Минтруда России от 27 апреля 2023 г. № 365н «Об утверждении профессионального стандарта «Работник по уборке и поддержанию в работоспособном состоянии объектов железнодорожной инфраструктуры» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=448380#LFNhzkUtnRIIsv4/>

11. Приказ Минтруда России от 14 сентября 2022 г. № 534н «Об утверждении профессионального стандарта «Работник по комплексной уборке территории, относящейся к общему имуществу в многоквартирном доме» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=429393#7PUhzkUSFN9UWLSr/>

12. Приказ Минтруда России от 21 апреля 2022 г. № 232н «Об утверждении профессионального стандарта «Работник профессиональной уборки» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=418029&dst=100001#ltAszkU6dLcDFUh11/>

13. Приказ Минтруда России от 27 октября 2020 г. № 749н «Об утверждении профессионального стандарта «Работник по логистике в сфере обращения с отходами потребления» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=370149&cacheid=260ADBB7C499835A2DED2F4F03609952&mode=splus&rnd=CFAFC4B22075A1B2F2F0A497B0FE8AAB#KVRnjyUeEDyd4Tbq/>

14. Приказ Минтруда России от 17 октября 2022 г. Т№ 661н «Об утверждении профессионального стандарта «Логист автомобилестроения» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=432020&cacheid=2F1A4B2A831DB8CCBECC14C2A62152AE&mode=splus&rnd=CFAFC4B22075A1B2F2F0A497B0FE8AAB#kAinjyUGmtE7OpNp/>

15. Приказ Минтруда России от 27 апреля 2023 г. № 407н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист логистического планирования и контроля механизированной уборки городских территорий и территорий объектов недвижимости» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=448379&cacheid=19F5F42982830574C57787E499DA4860&mode=splus&rnd=CFAFC4B22075A1B2F2F0A497B0FE8AAB#n5unjyUmay4aPSNY/>

16. Приказ Минтруда России от 8 сентября 2014 г. № 616н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по логистике на транспорте» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=211658&cacheid=7245F62F86C20715AB484160B6A3AADF&mode=splus&rnd=CFAFC4B22075A1B2F2F0A497B0FE8AAB#xO5ojyUotsGIwxy11/>

17. Приказ Минтруда России от 16 сентября 2022 г. № 565н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по складской логистике химической и биотехнологической продукции» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=429325&cacheid=1C6BBB3E2F8E3CD43CE6B524C68E4442&mode=splus&rnd=CFAFC4B22075A1B2F2F0A497B0FE8AAB#81IojyUEPzfY7g7w/>

18. Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих, утв. Постановлением Минтруда России от 21 августа 1998 г. № 37 // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=191036/>

19. Приказ Минтруда России от 19 февраля 2019 г. № 95н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по интернет-маркетингу» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=324735&cacheid=D3D21DB2FE645B38DDBDA2C48DD2CAEE&mode=splus&rnd=CFAFC4B22075A1B2F2F0A497B0FE8AAB#VDqpjyUwZVA2MMef2/>

20. Приказ Минтруда России от 8 ноября 2023 г. № 790н «Об утверждении профессионального стандарта «Маркетолог» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=464391&dst=1000000001&cacheid=92ACE7B75C13FF1534A97C53D71B8A7E&mode=splus&rnd=CFAFC4B22075A1B2F2F0A497B0FE8AAB#sv7qjyUrkFCWbtR6/>

21. Приказ Минтруда России от 22 октября 2021 г. № 759н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в области маркетинга детских товаров» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=401459&cacheid=91CB13F5671387CE4CEB8CFB77743EEB&mode=splus&rnd=CFAFC4B22075A1B2F2F0A497B0FE8AAB#xBPqjyUUr2GeW3ko2/>

22. Приказ Минтруда России от 2 сентября 2020 г. № 557н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по маркетинговым исследованиям в области пищевой и перерабатывающей промышленности» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=363261&cacheid=05FC1E9C76638CD5A63CA668E21302F8&mode=splus&rnd=CFAFC4B22075A1B2F2F0A497B0FE8AAB#IzjqjyUy3YdPzM3L3/>

23. Проект Постановления Правительства Российской Федерации «О внесении изменений в Правила разработки и утверждения профессиональных стандартов» (по состоянию на 12.06.2025) (подготовлен Минтрудом России, ID проекта 01/01/02-25/00154435) // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PNPA&n=110203#P8DisnUaxxEJ4Lo5/>

References

1. Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated March 31, 2021 № 193н «On approval of the professional standard «Elevator Electrician» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=383988&cacheid=DADABF86F20B883DD5B795E9E42EF546&mode=splus&rnd=CFAFC4B22075A1B2F2F0A497B0FE8AAB#HqWjyU02Q2vp0bW1/>

2. Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation dated April 6, 2007 № 243 «On approval of the Unified Tariff and Qualification Directory of jobs and professions of workers, issue 3, section «Construction, installation and repair work» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=383988&cacheid=DADABF86F20B883DD5B795E9E42EF546&mode=splus&rnd=CFAFC4B22075A1B2F2F0A497B0FE8AAB#HqWjyU02Q2vp0bW1/>

W&n=88572&dst=100035&field=134&rnd=T87CwQ#qGIuKkUJ8KqVdIPF/

3. Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated January 21, 2016 № 16n «On approval of the professional standard «Optics Salesman» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=196653&dst=100010&field=134&rnd=1GVB7w#jZfSLkUgPejH2Y8I1/>

4. Resolution of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated March 5, 2004 № 30 «On Approval of the Unified Tariff and Qualification Directory of Workers' Jobs and Professions, Issue 51, sections: «Production of alcoholic and non-alcoholic beverages»; «Bakery and pasta production»; «Confectionery production»; «Starch production»; «Sugar production»; «Production of food concentrates»; «Tobacco, flour and fermentation production»; «Essential oil production»; «Tea production»; «Perfumery and cosmetics production»; «Fat and oil production»; «Extraction and production of table salt»; «Extraction and processing of licorice root»; «Elevator, grain milling and feed production»; «Trade and catering»; «Canned food production» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=7913&dst=102493#A1tULkUsn0k0LnZd1/>

5. Myshko F. G., Titor S. E. Peculiarities of labor regulation of trade (regional) representatives // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 5. P. 107–113.

6. Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated December 11, 2015 № 1010n «On approval of the professional standard «Security worker of educational organizations» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=192826&dst=100008#SYc2zkU6Fd5GDBon/>

7. Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated March 14, 2023 № 143n «On approval of the professional standard «Specialist in departmental protection of oil and gas industry facilities» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=444920#1gk6zkU2tEwtjiVy/>

8. Resolution of the State Committee of Labor of the USSR, the Secretariat of the All-Union Central Trade Union of January 31, 1985 № 31/3-30 «On approval of the «General Provisions of the Unified Tariff and Qualification Directory of Works and Professions of Workers of the USSR National Economy»; section «Professions of workers common to all branches of the national Economy» of the Unified Tariff and Qualification Directory of Works and Professions of Workers, issue 1» // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=311295/>

9. Order № 977 of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation dated December 10, 2009 «On Approval of the Unified Qualification Directory of Positions of Managers, Specialists and Employees, section «Qualification characteristics of positions of employees of nuclear energy organizations» // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=292141/>

10. Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated April 27, 2023 № 365n «On approval of the professional standard «Employee for cleaning and maintenance of railway infrastructure facilities» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=448380#LFNhzkUtjnRIIsV4/>

11. Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated September 14, 2022 № 534n «On approval of the professional standard «Employee for complex cleaning of the territory belonging to common property in an apartment building» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=429393#7PUhzkUSFN9UWLSr/>

12. Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated April 21, 2022 № 232n «On approval of the professional standard «Professional cleaning worker» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=418029&dst=100001#ltAszkU6dLcDFUh11/>

13. Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated October 27, 2020 № 749n «On approval of the professional standard «Logistics worker in the field of consumer waste management» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=370149&cacheid=260ADBB7C499835A2DED2F4F03609952&mode=splus&rnd=CFAFC4B22075A1B2F2F0A497B0FE8AAB#KVRnjyUeEDyd4Tbq/>

14. Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated October 17, 2022 T№ 661n «On approval of the professional standard «Logistics of the automotive industry» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=432020&cacheid=2F1A4B2A831DB8CCBECC14C2A62152AE&mode=splus&rnd=CFAFC4B22075A1B2F2F0A497B0FE8AAB#kAinjuUGmtE7OpNp/>

15. Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated April 27, 2023 № 407n «On approval of the professional standard «Specialist in logistics planning and control of mechanized cleaning of urban areas and territories of real estate» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=448379&cacheid=19F5F42982830574C57787E499DA4860&mode=splus&rnd=CFAFC4B22075A1B2F2F0A497B0FE8AAB#n5unjyUmay4aPSNY/>

16. Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated September 8, 2014 № 616n «On approval of the professional standard «Transport Logistics Specialist» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=211658&cacheid=7245F62F86C20715AB484160B6A3AADF&mode=splus&rnd=CFAFC4B22075A1B2F2F0A497B0FE8AAB#xO5ojyUotsIwxy11/>

17. Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated September 16, 2022 № 565n «On approval of the professional standard «Specialist in warehouse logistics of chemical and biotechnological products» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=429325&cacheid=1C6BBB3E2F8E3CD>

43CE6B524C68E4442&mode=splus&rnd=CFAFC4B22075A1B2F2F0A497B0FE8AAB#81IojyUEPfyZ7g7w/

18. Qualification directory of positions of managers, specialists and other employees, approved by Resolution of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated August 21, 1998 № 37 // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=191036/>

19. Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated February 19, 2019 № 95n «On approval of the professional standard «Internet Marketing Specialist» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=324735&cacheid=D3D21DB2FE645B38DDBDA2C48DD2CAEE&mode=splus&rnd=CFAFC4B22075A1B2F2F0A497B0FE8AAB#VDqpjyUwZVA2MMeF2/>

20. Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated November 8, 2023 № 790n «On approval of the professional standard «Marketer» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=464391&dst=1000000001&cacheid=92ACE7B75C13FF1534A97C53D71B8A7E&mode=splus&rnd=CFAFC4B22075A1B2F2F0A497B0FE8AAB#sv7qjyUrkFCWbtR6/>

21. Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated October 22, 2021 № 759n «On approval of the professional standard «Specialist in marketing of children's goods» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=401459&cacheid=91CB13F5671387CE4CEB8CFB77743EEB&mode=splus&rnd=CFAFC4B22075A1B2F2F0A497B0FE8AAB#xBPqjyUUr2GeW3kO2/>

22. Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated September 2, 2020 № 557n «On approval of the professional standard «Marketing Research Specialist in the field of food and processing industry» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=363261&cacheid=05FC1E9C76638CD5A63CA668E21302F8&mode=splus&rnd=CFAFC4B22075A1B2F2F0A497B0FE8AAB#IzjqjyUy3YdPzM3L3/>

23. Draft Decree of the Government of the Russian Federation «On Amendments to the Rules for the Development and Approval of Professional Standards» (as of 12.06.2025) (prepared by the Ministry of Labor of the Russian Federation, project ID 01/01/02-25/00154435) // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PNPA&n=110203#P8DisnUaxxEJ4Lo5/>

Библиографический список

1. Волошина И. А., Новиков П. Н., Прянишникова О. Д. Научные подходы к понятию «вид профессиональной деятельности» и практика его применения // Социально-трудовые исследования. 2024. № 3 (56). С. 18–31.

Bibliographic list

1. Voloshina I. A., Novikov P. N., Pryanishnikova O. D. Scientific approaches to the concept of «type of professional activity» and the practice of its application // Social and labor research. 2024. № 3 (56). P. 18–31.

Информация об авторе

С. Е. Титор – доцент кафедры частного права Государственного университета управления, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

S. E. Titor – Associate Professor of the Department of Private Law of the State University of Management, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 11.11.2025; одобрена после рецензирования 16.12.2025; принята к публикации 19.01.2026.

The article was submitted 11.11.2025; approved after reviewing 16.12.2025; accepted for publication 19.01.2026.

Научная статья

УДК 34

EDN: <https://elibrary.ru/rfcedu>

ИИОН: 2015-0066-2/26-435

MOSURED: 77/27-011-2026-02-634

Особенности правовой природы некоторых цифровых объектов гражданского оборота

Альберт Владиславович Тумаков^{1,2}

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
albert-tumakov@rambler.ru

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Россия

Аннотация. Исследуются особенности правовой природы некоторых цифровых объектов гражданского оборота. Рассматриваются отдельные аспекты эволюции обозначенных объектов гражданского оборота, возникших в финансовой сфере. Автор обосновывается вывод о том, что электронные денежные средства необходимо рассматривать как специальную разновидность безналичных денежных средств, дифференцируемую по ряду признаков. В статье проводится сравнительно-правовой анализ цифровой валюты и криптовалют, цифровых прав и цифровых финансовых активов. В результате установлено, что правовой режим функционирования исследуемых объектов развивается по пути контролируемой и лицензируемой легализации.

Ключевые слова: правовая природа, объекты гражданских прав, электронные денежные средства, цифровые финансовые активы, цифровые права, цифровая валюта, цифровой рубль

Для цитирования: Тумаков А. В. Особенности правовой природы некоторых цифровых объектов гражданского оборота // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 116–121. EDN: RFCEDU.

Original article

Features of the legal nature of certain digital objects of civil circulation

Albert V. Tumakov^{1,2}

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
albert-tumakov@rambler.ru

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia

Abstract. Explored the features of the legal nature of certain digital objects of civil circulation. Examined certain aspects of the evolution of the designated objects of civil circulation that have emerged in the financial sector. The author substantiates the conclusion that electronic funds should be considered as a special type of non-cash funds that can be differentiated by a number of features. The article provides a comparative legal analysis of digital currency and cryptocurrencies, digital rights, and digital financial assets. As a result, it has been established that the legal regime of functioning of the studied facilities is developing along the path of controlled and licensed legalization.

Keywords: legal nature, objects of civil rights, electronic money, digital financial assets, digital rights, digital currency, digital ruble

For citation: Tumakov A. V. Features of the legal nature of certain digital objects of civil circulation. Bulletin of economic security. 2026;(2):116–121. (In Russ.). EDN: RFCEDU.

С начала 2010-х гг. мы наблюдаем трансформацию экономики, разворачивающуюся под влиянием различных факторов. Ключевым условием изменения является тотальная цифровизация экономических отношений. Процесс внедрения цифровых технологий во все экономические циклы, в свою очередь, влечет изменение правового

регулирования. Результатом подобной регламентации стало расширение перечня объектов гражданского оборота.

Оценивая изменение правового регулирования в части объектов гражданского оборота, представляется возможным утверждать, что трансформация происходит по двум направлениям:

© Тумаков А. В., 2026

– в отношении новых объектов гражданского оборота, возникших в процессе цифровизации экономики (к числу таковых объектов следует относить электронные денежные средства, цифровые валюты и цифровые финансовые активы);

– в отношении объектов оборота, уже известных российской правовой системе, но претерпевших изменения под влиянием процессов цифровизации – это прежде всего объекты права интеллектуальной собственности, трансформировавшиеся в системы искусственного интеллекта и результаты их использования.

Фактические причины и механизмы, присущие процессу цифровизации и меняющие структуру гражданского оборота, являются предметом внимания многих исследователей в юридической науке [5; 2; 1], подчеркивающих особую важность в своевременном формировании строгого правового регулирования. Однако важно отметить, что появление таких технологий, как Интернет и системы мобильной связи, не завершает развитие инноваций. В связи с этим обстоятельством цифровизация представляет собой динамический процесс. В свою очередь, право не всегда успевает адекватно реагировать на появляющиеся изменения.

В статье затрагиваются вопросы эволюции ряда объектов гражданского оборота, возникших в финансовой сфере: электронные денежные средства, цифровые финансовые активы и цифровые права, а также цифровая валюта и цифровой рубль [9].

Электронные денежные средства.

Электронные денежные средства (далее – ЭДС) впервые в качестве самостоятельного объекта были описаны в российской правовой системе в 2011 г. – с принятием Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (далее – Закон о НПС).

Соотношение ЭДС с наличными и безналичными деньгами, как традиционными объектами расчетов, не было определено ни Законом о НПС, ни принятыми в его развитие нормативными правовыми актами. Несмотря на то, что в данный момент в области расчетов имеется определенное правовое регулирование и богатая теоретическая база, правовой режим представленного объекта исследован явно недостаточно. По первому впечатлению ЭДС воспринимаются как разновидность безналичных денег, давно известная российскому правопорядку. На правомерность использования данного сравнения указывает также то обстоятельство, что, с точки зрения экономических функций, ЭДС могут рассматриваться как мера товарной стоимости, выраженная в определенной (денежной) единице, которой является рубль Российской Федерации [6]. И именно рубль Российской Федерации является единицей измерения ЭДС.

Тем не менее более детальный анализ сложившихся отношения к ЭДС позволяет выявить некоторые признаки, отражающие отличия данного понятия. Прежде всего необходимо отметить, что ЭДС, как средство

платежа, является объектом ограниченного оборота, так как Закон о НПС устанавливает ряд следующих ограничений применительно к операциям с ЭДС:

– предельный размер операции с использованием электронного средства платежа для ЭДС (ч. 20 ст. 7, ч. 5 ст. 10 Закона о НПС);

– предельный размер остатка ЭДС (ч. 4, 5, 7 ст. 10 Закона о НПС);

– ЭДС не может быть использовано как средство накопления, поскольку Закон о НПС одновременно устанавливает ограничение на предельный размер ЭДС, размещаемых на одном электронном кошельке, и предусматривает запрет начисления процентов на суммы ЭДС;

– оборот ЭДС является ограниченным и по субъективному, и по процессуальному признаку, т. к. сумма ЭДС должна быть предварительно представлена одним лицом другому – тому, кто ведет учет предоставленных средств (т. н. оператор по переводу ЭДС, учитываемый в специальном порядке), а в процессе предоставления оператору денежных средств для учета ЭДС не происходит открытия банковского счета.

С учетом этого можно отметить, что ЭДС необходимо рассматривать как специальную разновидность безналичных денежных средств, дифференцируемую по признакам:

а) ограничений в обороте;

б) специального способа подачи распоряжений о переводе средств (ЭДС), реализуемого с использованием специального вида электронного средства платежа – электронного кошелька или предоплаченной карты.

Именно в этом качестве ЭДС появились и остались в российском гражданском обороте. В свою очередь, миграция этого объекта из Закона об НПС в ст. 128 ГК РФ, содержащую перечень объектов оборота, не состоялась.

ЭДС не получили особенного развития и в экономическом плане. Оборот ЭДС до 2021 года демонстрировал стабильный рост (по данным РБК) [3]. Однако по данным Банка России в настоящее время оборот ЭДС значительно меньше, нежели оборот безналичных денежных средств, а количество операторов ЭДС перестало расти [11]. Тем не менее развитие ЭДС в отдельный и самостоятельный объект гражданского оборота представляется потенциально возможным.

Следующим этапом появления и легализации новых объектов имущественного оборота цифровой среды стало возникновение цифровых финансовых активов и цифровых валют, связанное с принятием в 2020 г. Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 259-ФЗ) [15].

Цифровая валюта как объект гражданского оборота имеет своей основой режим криптовалют, которые известны миру и нашей стране более десяти лет.

Выступая, прежде всего, в качестве аппаратно-программного средства, криптовалюта представляет собой одновременно и результат ряда технических процессов, и программный код, который:

а) является производной технологией создания, движения и хранения данных с использованием механизмов асимметричного криптографического шифрования и децентрализации (большая часть известных криптовалют основана на технологии Blockchain (блокчейн);

б) не имеет физической формы (монеты, банкноты).

В законодательстве Российской Федерации криптовалюта в целом отсутствует как отдельный и самостоятельный объект. Можно отметить отдельные попытки квалификации криптовалюты в качестве имущества в рамках отдельных случаев банкротства [14], AML-контроля гражданских или уголовных дел [10]. Однако такие случаи нужно расценивать как отдельные случаи, не порождающие комплексного правового регулирования.

Реализованная в рамках ГК РФ конструкция цифровых прав, в случае ее применения к криптовалюте, позволяет рассматривать криптовалюту не как средство платежа, а как ценную бумагу, существующую в электронном виде и удостоверяющую определенное имущественное право [4].

Это подчеркивается в некоторых практических исследованиях [4], с отсылкой к тексту ст. 128 ГК РФ, в котором цифровые права отнесены к объектам гражданских прав и имущественным правам (наряду с безналичными денежными средствами и бездокументарными ценными бумагами) [13]. Из этого следует, что правовой режим цифровой валюты в качестве цифрового права может вмещать в себе различные обязательственные права: получить купленную в магазине вещь, получить проценты с переданных в заем средств и т. п., но только в рамках товаров и услуг, существующих в электронной виртуальной системе (по аналогии с бонусными системами онлайн-магазинов).

Представляется возможным отметить, что в России наблюдается устойчивая тенденция к разграничению криптовалюты (даже тогда, когда она признана средством платежа) от легальной фиатной государственной валюты, применению в отношении криптовалют AML-законодательства, а также положений о лицензировании деятельности и оценки рисков.

Свое легальное продолжение порядок криптовалют получил в режиме цифровой валюты. Для регулирования были приняты отдельные нормативные акты:

– Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [17];

– Закон № 259-ФЗ.

Легальное определение цифровой валюты из Закона № 259-ФЗ следующее: «... Цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового

кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам».

Соответственно, цифровая валюта прямо не отнесена к деньгам, а является лишь «совокупностью электронных данных» [18], которые далее, в соответствии с Законом № 259-ФЗ, предлагается считать имуществом [12].

Нужно подчеркнуть, что в целом российским правовым порядком операции по обмену цифровых валют на иные объекты гражданского оборота не запрещены. Однако ст. 14 Закона № 259-ФЗ вводит как регулирование отдельных институтов в этой сфере, так и устанавливает ряд запретов:

1. Организация эмиссии цифровой валюты в Российской Федерации допустима исключительно с привлечением объектов национальной информационной инфраструктуры. Критерием признания объектов таковыми является либо регистрация в национальном доменном пространстве, либо физическое расположение технических средств (информационных систем или программно-аппаратных комплексов) на территории страны.

2. Процессы эмиссии и организации цифровой валюты, включая предоставление ее функционала третьим лицам и оказание обеспечивающих услуг для сделок, влекущих переход прав на нее, также должны производиться с использованием объектов российской информационной инфраструктуры.

3. Юридические лица, личным законом которых является российское право, филиалы, представительства и иные обособленные подразделения международных организаций и иностранных юридических лиц, компаний и других корпоративных образований, обладающих гражданской правоспособностью, созданные на территории Российской Федерации, физические лица, фактически находящиеся в Российской Федерации не менее 183 дней в течение 12 следующих подряд месяцев, не вправе принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передаваемые ими (им) товары, выполняемые ими (им) работы, оказываемые ими (им) услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг).

При этом ни Закон 259-ФЗ, ни иные принятые в сфере оборота цифровой валюты акты, не определяют конкретных регуляторных требований к процедурам

эмиссии и оборота цифровых валют или требований к статусу их участников.

В соответствии с ч. 3 ст. 3 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», цифровая валюта признается имуществом. Аналогичный режим цифровая валюта имеет для целей законодательства о банкротстве, законодательства об исполнительном производстве и законодательства о коррупции [7].

Имеющееся в России правовое регулирование цифровых валют не позволяет говорить о полном отождествлении криптовалют и цифровых валют, так как для перевода в цифровую валюту, по смыслу Закона № 259-ФЗ, криптовалюта теряет свои ключевые признаки, такие как анонимность и децентрализованность. Можно констатировать, что цифровая валюта, в соответствии с вышеуказанным Федеральным законом, представляет собой некий упорядоченный вариант существования криптовалюты, в отношении которого законодателем установлены идентифицирующие признаки (информационная система и эмитент).

Важно отметить, что хотя правоприменители и судебные органы экстраполируют на цифровые валюты режим имущества в определенных ситуациях (фактически открывая возможность для судебной защиты этого объекта), имеющиеся в области правового регулирования цифровых валют [20] нормативные акты, не устраняют ряд существующих пробелов в регулировании их оборота.

Цифровые финансовые активы и цифровые права.

Основанием для появления в российском правовом поле цифровых финансовых активов и цифровых прав стали следующие нормативные акты:

1. Федеральный закон № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» регулирует оборот цифровых прав (утилитарных цифровых прав) [16]:

- 1) право требовать передачи вещи (вещей);
- 2) право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав их использования;
- 3) право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг.

2. Ранее упомянутый Закон № 259-ФЗ регулирует оборот цифровых валют и следующих видов цифровых финансовых активов:

- права на денежные требования;
- права на возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам;
- права участия в капитале непубличного акционерного общества;
- право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг.

Общим для указанных объектов «цифровые права» и «цифровой финансовый актив» [8] является признак

среды создания и функционирования этих объектов, содержащийся как в ст. 141.1. ГК РФ, так и в указанных специальных законах: условия осуществления соответствующих прав определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Этот признак среды функционирования является существенным отличием цифрового права, как объекта гражданского оборота, от других «традиционных» объектов, таких как вещи или иное имущество, которые могут существовать вне каких-либо информационных систем. Это обстоятельство также подтверждено тем, что уже упоминавшееся содержание понятия «цифровой» не нашло своего фактического отражения ни в нормах ГК РФ, ни в нормах специального законодательства. И в итоге это позволяет говорить о том, что цифровые объекты оборота в российской правовой системе становятся таковыми не по признаку *materia corpus* (существование в виде материального объекта в материальном мире), а в силу использования определенной среды или технологии – специальной информационной системы [8]. Отдельное значение имеет вопрос о том, могут ли такие информационные системы создаваться и существовать отдельно, как например, сеть Интернет или виртуальное пространство в целом, но российский законодатель пошел по пути контролируемого и лицензируемого процесса: информационная система для оборота цифровых валют должна быть легализована и отвечать требованиям, установленным законом.

В дальнейшем регулирование цифровых прав по модели регулирования рынка ценных бумаг, ограничение легализованных прав по признаку использования определенной технологии стало определяющим для развития всех объектов цифровых гражданских прав.

Цифровой рубль.

Логически завершенная в ушедшем 2025 г. активность Банка России по внедрению цифровой формы российской фиатной валюты (цифрового рубля) позволяет предположить, что регулятор не предполагает развития самостоятельного режима криптовалют, а будет легализовывать оборот этого объекта через оборот иных легальных объектов, таких как цифровые активы и цифровой рубль.

Цифровой рубль (далее – ЦР) – это цифровая форма российской национальной валюты, которую Банк России планирует выпускать в дополнение к существующим формам денег [9].

Как отдельные единицы, цифровые рубли будут учитываться на счетах цифрового рубля (цифровых кошельках) граждан и организаций, открытых на платформе Банка России. Там же будут проходить операции с цифровыми рублями [19] с возможностью их инициирования через системы дистанционного банковского обслуживания и платежные приложения коммерческих кредитных организаций.

Ключевых декларируемых преференций от использования новой формы российской национальной валюты несколько:

– операции с ЦР будут прозрачнее, так как цифровой рубль является индивидуально определенным объектом по технологии своего функционирования;

– расчеты будут более безопасными, так как они будут проходить через инфраструктуру Банка России;

– тарифы по операциям с ЦР будут выгодны для пользователей, операции для граждан будут бесплатными, а для бизнеса — с минимальной комиссией, в целом они не будут зависеть от тарифов коммерческих кредитных организаций.

Подводя итоги, важно отметить следующее:

1. Происходящие в России процессы цифровизации нашли свое логическое воплощение в процессе трансформации субъектов, объектов и правил гражданского оборота.

2. Результатом этих процессов стало появление в российском гражданском обороте ряда новых объектов, таких как электронные денежные средства, цифровые права, цифровые финансовые активы, цифровые валюты и признание этих новых объектов оборота имуществом.

3. Правовой режим функционирования новых объектов развивается не по пути саморегулирования рынка, а по пути контролируемой и лицензируемой легализации. Автор согласен с подходом законодателя о необходимости соответствия информационной системы установленным законом требованиям. Выбранный путь уменьшает число рисков и формирует более предсказуемую и стабильную экономику.

4. Наиболее легальным и логически завершенным из рассмотренных в статье новых объектов гражданского оборота (отмеченных признаком «цифры») представляется цифровой рубль. Представляется, что иные цифровые объекты в ближайшее время также получают должную правовую регламентацию, что обусловлено не только активностью Банка России в этом направлении, но и диктуется сложившимися реалиями.

Список источников

1. Вавилин Е. В. Трансформация гражданско-правовых и процессуальных отношений с использованием искусственного интеллекта : формирование новых правовых режимов // Проблемы гражданского процесса. 2021. № 6. С. 13–35.

2. Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота : проблемы и тенденции развития (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. Т. 1 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2021. 287 с.

3. За 2017–2021 гг. оборот электронных денег в России вырос более чем в 5 раз: с 281 до 1135 млрд руб. // URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/13735/>

4. Зазулин А. И. Цифровые валюты. Цифровые права // ЭЖ-Юрист. 2022. № 14 (1215).

5. Ильин В. Г. Объекты гражданских прав в условиях цифровизации имущества // Интерактивная наука. 2022. № 10 (75). С. 71–74.

6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // URL: <http://www.pravo.gov.ru/>

7. Никитин Д. В. Правовой режим цифровой валюты : цивилистическое исследование : дис. ... канд. юр. наук. Казань, 2023. 230 с.

8. Указание Банка России от 10 апреля 2023 г. № 6406-У «О формах, сроках, порядке составления и представления отчетности кредитных организаций (банковских групп) в Центральный банк Российской Федерации, а также о перечне информации о деятельности кредитных организаций (банковских групп)» // ЭПС «Гарант».

9. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации // URL: https://cbr.ru/about_br/publ/onfinmarket/

10. Определение Верховного Суда РФ №48-КГ21-3-К7 от 1 июня 2021 г. по делу №2-5227/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Перечень операторов электронных денежных средств // URL: https://www.cbr.ru/registries/nps/oper_zip/

12. Письмо ФНС России от 16 марта 2021 г. № СД-4-3/3427@ «О рассмотрении обращения» // ЭПС «Гарант».

13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15 августа 2019 г. № Ф05-8713/2017 по делу № А40-12639/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

14. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. по делу № А40-124668/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

15. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. № 173, 06.08.2020.

16. Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. № 172, 07.08.2019.

17. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 60, 20.03.2019.

18. Хужин А. М. Третий конгресс цивилистов правоохранительных органов : сборник статей. М. : Русайнс, 2021. 511 с.

19. Цифровой рубль // URL: <https://cbr.ru/fintech/dr/>

20. Червякова Д. В. Перспективы цифровизации экономики в РФ // Наука и практика : проектная деятельность – от идеи до внедрения : материалы XIII региональной научно-практической конференции, 2024. Томск. С. 26–28.

References

1. Vavilin E. V. Transformation of civil law and procedural relations using artificial intelligence : formation of new legal regimes // Problems of civil procedure. 2021. № 6. P. 13–35.
2. Vasilevskaya L. Yu., Poduzova E. B., Tasalov F. A. Digitalization of civil turnover : problems and development trends (civilistic research) : monograph : in 5 volumes Vol. 1 / ed. by L. Yu. Vasilevskaya. M. : Prospekt, 2021. 287 p.
3. In 2017–2021, the turnover of electronic money in Russia increased more than 5 times: from 281 to 1135 billion rubles // URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/13735/>
4. Zazulin A. I. Digital currencies. Digital rights // EJ-Lawyer. 2022. № 14 (1215).
5. Ilyin V. G. Objects of civil rights in the context of property digitalization // Interactive science. 2022. № 10 (75). P. 71–74.
6. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru/>
7. Nikitin D. V. The legal regime of digital currency : a civilistic study : dis. ... candidate of legal sciences. Kazan, 2023. 230 p.
8. Instruction of the Bank of Russia dated April 10, 2023 № 6406-U «On the forms, deadlines, procedure for compiling and submitting reports of credit institutions (banking groups) to the Central Bank of the Russian Federation, as well as on the list of information on the activities of credit institutions (banking groups)» // EPR «Garant».
9. The main directions of development of the financial market of the Russian Federation // URL: https://cbr.ru/about_br/publ/onfinmarket/
10. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation № 48-KG21-3-K7 dated June 1, 2021 in case №2-5227/2019 // LRS «ConsultantPlus».
11. List of electronic money operators // URL: https://www.cbr.ru/registries/nps/oper_zip/
12. Letter from the Federal Tax Service of Russia dated March 16, 2021 № SD-4-3/3427@ «On consideration of the appeal» // EPR «Garant».
13. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated August 15, 2019 № F05-8713/2017 in case № A40-12639/2016 // LRS «ConsultantPlus».
14. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated May 15, 2018 in case № A40-124668/2017 // LRS «ConsultantPlus».
15. Federal Law № 259-FZ of July 31, 2020 «On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. № 173, 06.08.2020.
16. Federal Law № 259-FZ dated August 2, 2019 «On attracting investments using investment platforms and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. № 172, 07.08.2019.
17. Federal Law № 34-FZ of March 18, 2019 «On amendments to Parts One, Two and Article 1124 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. № 60, 20.03.2019.
18. Khuzhin A. M. The Third Congress of Law Enforcement Civilists : a collection of articles. M. : Rusains, 2021. 511 p.
19. Digital ruble // URL: <https://cbr.ru/fintech/dr/>
20. Chervyakova D. V. Prospects of digitalization of the economy in the Russian Federation // Science and practice : project activity – from idea to implementation : proceedings of the XIII Regional Scientific and practical conference, 2024. Tomsk. P. 26–28.

Информация об авторе

А. В. Тумаков – докторант факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доцент кафедры финансовых рынков, технологий и регулирования Института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. V. Tumakov – Doctoral Student of the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel and Research Staff of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Associate Professor of the Department of Financial Markets, Technologies and Regulation of the Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 03.03.2026; одобрена после рецензирования 02.04.2026; принята к публикации 28.04.2026.

The article was submitted 03.03.2026; approved after reviewing 02.04.2026; accepted for publication 28.04.2026.

Научная статья

УДК 34

EDN: <https://elibrary.ru/rknomg>

ИИОН: 2015-0066-2/26-436

MOSURED: 77/27-011-2026-02-635

Сравнительная характеристика международно-правового регулирования сотрудничества Российской Федерации с отдельными арабскими государствами в сфере борьбы с преступностью

Вадим Романович Удунян

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

vadim_udunyan@mail.ru

Аннотация. Проводится сравнительно-правовой анализ двусторонних договоров Российской Федерации с отдельными арабскими государствами, которые регламентируют вопросы взаимодействия в сфере борьбы с преступностью. Констатируется наличие как типовых подходов к закреплению форм сотрудничества, так и норм, отражающих региональную специфику. В статье также поднимаются проблемы взаимодействия на основе существующей правовой базы в условиях значительных различий между отдельными арабскими государствами в социальной, экономической и политической сферах. Формулируются выводы о перспективах развития международно-правового регулирования по вопросам борьбы с преступностью на современном этапе.

Ключевые слова: Лига арабских государств, арабские государства, международное сотрудничество в борьбе с преступностью, международная правовая помощь по уголовным делам, двустороннее сотрудничество

Для цитирования: Удунян В. Р. Сравнительная характеристика международно-правового регулирования сотрудничества Российской Федерации с отдельными арабскими государствами в сфере борьбы с преступностью // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 122–128. EDN: RKNOMG.

Original article

Comparative characteristics of the international legal regulation of cooperation between the Russian Federation and individual Arab States in the field of combating crime

Vadim R. Udunyan

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

vadim_udunyan@mail.ru

Abstract. Provided a comparative legal analysis of the bilateral treaties of the Russian Federation with individual Arab states, which regulate issues of cooperation in the field of combating crime. It is stated that there are both standard approaches to consolidating forms of cooperation and norms reflecting regional specifics. The article also raises the problems of interaction based on the existing legal framework in the context of significant differences between individual Arab states in the social, economic and political spheres. Conclusions are formulated about the prospects for the development of international legal regulation on combating crime at the present stage.

Keywords: League of Arab States, Arab States, international cooperation in combating crime, international legal assistance in criminal matters, bilateral cooperation

For citation: Udunyan V. R. Comparative characteristics of the international legal regulation of cooperation between the Russian Federation and individual Arab States in the field of combating crime. Bulletin of economic security. 2026;(2): 122–128. (In Russ.). EDN: RKNOMG.

Введение

Современные отношения, складывающиеся между арабскими государствами и Российской Федерацией носят многоплановый характер и затрагивают различные

сферы межгосударственного взаимодействия – такие как экономика, урегулирование ближневосточного конфликта, безопасность, военное дело, вопросы миграции, культурного обмена и др. Начало зарождению вза-

© Удунян В. Р., 2026

имотношений с арабским миром было положено еще во времена Советского Союза, когда он осуществлял всеобъемлющую политическую и материальную поддержку многих арабских стран в их борьбе против колониализма, зависимости от западных держав, а также в обретении государственности. Отношения строились на основе стратегического партнерства, где идеология (поддержка прогрессивных режимов и национально-освободительных движений) тесно переплеталась с геополитическими интересами СССР в противостоянии с западными странами в ходе «холодной войны». Практически на всем протяжении второй половины XX в. взаимодействие СССР и арабских стран носило весьма конструктивный характер и было в целом лишено существенных конфликтов и противоречий [1, с. 65–80]. Хотя в отдельные периоды (конец 1970-х – 1980-е гг. XX в.) происходило охлаждение в отношениях, вызванное переориентацией внешней политики отдельных арабских государств на США и Европу, а также в связи с участием СССР в некоторых вооруженных конфликтах, затрагивавших интересы арабского мира (например, поддержка просоветских властей в Афганистане).

Советский Союз приветствовал создание Лиги арабских государств. Он поддерживал многие резолюции ЛАГ и общую арабскую позицию по ключевым вопросам, прежде всего, по палестинской проблеме и осуждению Израиля. Также имела место ответная поддержка арабскими государствами советских инициатив в ООН (например, признание Германской демократической республики, ГДР). Однако, в отличие от сегодняшнего дня, у СССР не было прямых институализированных отношений с ЛАГ как с организацией, подобных современному формату «Россия-ЛАГ». Взаимодействие советского периода было в основном опосредованным – через поддержку ключевых стран – членов ЛАГ и общую политическую риторику на международной арене. После распада Советского Союза Россия в целом сохранила данный формат сотрудничества, но значительно расширила институциональную составляющую, многие аспекты взаимодействия обрели прочную правовую основу в виде международных договоров, значительно расширился спектр направлений взаимных интересов РФ и государств – членов Лиги.

Вместе с тем, сохранилась тенденция, в соответствии с которой Россия не заключает всеобъемлющих многосторонних договоров непосредственно с Лигой арабских государств как с единой организацией. Вместо этого правовая база строится на трех уровнях:

1. *Универсальный уровень*, т. е. взаимодействие, осуществляемое через универсальные международные организации, членами которых являются как Российская Федерация, так и арабские государства (ООН, Интерпол, МОМ, МОТ и др.).

В частности, Российская Федерация и все государства – члены ЛАГ являются участниками ключевых универсальных конвенций, которые формируют правовую базу для сотрудничества в сфере борьбы с преступ-

ностью: Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. и дополняющих ее протоколов (против торговли людьми, контрабанды мигрантов, незаконного изготовления и оборота огнестрельного оружия). Эта конвенция предусматривает такие формы сотрудничества, как взаимная правовая помощь, экстрадиция, совместные расследования, что используется Россией и отдельными арабскими государствами в качестве правовой основы взаимодействия. Также РФ и члены ЛАГ участвуют во многих многосторонних конвенциях по борьбе с терроризмом, включая Международную конвенцию о борьбе с бомбовым терроризмом, Конвенцию о борьбе с финансированием терроризма и др., а также в Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года и других международных договорах в сфере контроля над наркотиками.

Участие Российской Федерации и государств – членов ЛАГ в универсальных договорах по борьбе с преступностью позволяет несколько нивелировать отсутствие конвенционных источников на уровне прямых отношений с данной международной организацией. Большинство соответствующих конвенций ООН подробно регламентируют формы сотрудничества, а имплементация отдельных положений в национальное правоохранительное законодательство дает возможность их использовать для реализации международной правовой помощи по уголовным делам.

2. *Региональный уровень* (на основе актов, заключенных между РФ и ЛАГ). Таких документов немного, как уже отмечалось, основной тенденцией в этом вопросе является сохранившаяся в целом практика СССР не заключать двусторонние договоры непосредственно с Лигой как отдельным субъектом международного права. В числе немногочисленных документов, регламентирующих наиболее общие аспекты взаимодействия, следует выделить Меморандум о взаимопонимании между Министерством иностранных дел РФ и Генеральным секретариатом ЛАГ от 23 сентября 2003 г. [2, с. 168–169]. Это ключевой документ, заложивший основу для системного сотрудничества с региональной организацией. Документ не является юридически обязывающим, он предусматривает проведение регулярных консультаций и сотрудничество в различных сферах, включая поддержание международного мира и безопасности, борьбу с терроризмом и транснациональной организованной преступностью. Позднее был выработан и принят Совместный план действий по реализации Меморандума о взаимопонимании. Этот документ, регулярно ежегодно обновляемый, конкретизирует сотрудничество, актуализирует его направления применительно к меняющейся повестке дня. Тем не менее, он также является инструментом «мягкого права» и основой для именно политического диалога.

Помимо указанных документов – Меморандума и Совместного плана по его реализации – у России с ЛАГ имеются заключенные соглашения технического характера, например Соглашение между Правительством Рос-

сийской Федерации и Лигой арабских государств о пребывании представительства Лиги арабских государств на территории Российской Федерации от 2 июля 2015 г., которое не создает специальных обязательств сторон в сфере борьбы с преступностью [3, с. 28–33].

Сотрудничество Российской Федерации с арабскими странами развивается также на основе документов, принятых в рамках более узкого формата государств, чем членство в ЛАГ. Как отмечалось, члены Лиги являются весьма разными с точки зрения возможностей, экономического развития, политических целей, а также географического положения и соответственно имеют более специализированные интересы. В частности, выделяются страны Персидского залива, которые создали особый формат сотрудничества – Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (далее – ССАГПЗ). В 2011 г. Меморандум о взаимопонимании, аналогичный документу, заключенному в 2003 г. с ЛАГ, был подписан Российской Федерацией и с этим межгосударственным образованием [4]. В числе целей сотрудничества правоохранительная деятельность не упоминается, но перечень направлений взаимодействия установлен как открытый, который может дополняться по итогам консультаций. Регулярно на встречах министров иностранных дел России и ССАГПЗ вырабатываются планы действий, аналогичные планам действий в формате Россия – ЛАГ, которые конкретизируют совместную деятельность применительно к странам субрегиона [5].

Таким образом, региональный формат сотрудничества Российской Федерации и арабских государств реализуется в рамочном варианте на основе программных и рекомендательных документов. Их характер является в основном политическим, в них не конкретизированы не только формы сотрудничества, но и большинство направлений, включая борьбу с преступностью.

В связи с этим следует констатировать, что договорная база сотрудничества Российской Федерации с арабскими странами в борьбе с преступностью представлена в настоящее время не на уровне ЛАГ, а на уровне двусторонних отношений с отдельными государствами – участниками, а также в рамках механизмов универсальных организаций.

3. Двусторонний уровень. В настоящее время Россия имеет практику заключения двусторонних договоров с арабскими государствами в двух форматах: расширенном, когда заключается многопрофильный договор о правовой помощи, который может охватывать как взаимодействие по уголовным, так и по гражданским делам; вторым форматом выступают специализированные соглашения о выдаче. В частности, приняты и действуют договоры со следующими государствами:

1) Алжир: Конвенция между Российской Федерацией и Алжирской Народной Демократической Республикой о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 10 октября 2017 г. [6];

2) Конвенция между Российской Федерацией и Алжирской Народной Демократической Республикой о выдаче от 15 июня 2023 г. [7];

3) Бахрейн: Договор о взаимной правовой помощи по уголовным делам (подписан 26.05.2016 г., вступил в силу 18.04.2019 г.); Соглашение между Российской Федерацией и Королевством Бахрейн о выдаче от 27 мая 2016 г. [8, с. 55–62]; Соглашение между Российской Федерацией и Королевством Бахрейн о передаче лиц, осужденных к лишению свободы от 15 декабря 2015 г. [9, с. 67–74];

4) Египет: Договор между Российской Федерацией и Арабской Республикой Египет о взаимной правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, коммерческим и семейным делам от 23 сентября 1997 г. [10]; Договор между Российской Федерацией и Арабской Республикой Египет о передаче для отбывания наказания лиц, осужденных к лишению свободы от 23 июня 2009 г. [11]; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Арабской Республики Египет о сотрудничестве в области борьбы с преступностью от 23 сентября 1997 г.;

5) ОАЭ (Объединенные Арабские Эмираты): Договор между Российской Федерацией и Объединенными Арабскими Эмиратами о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 25 ноября 2014 г.;

6) Марокко: Конвенция между Российской Федерацией и Королевством Марокко о выдаче от 15 марта 2016 г. [12].

Сравнительный анализ двусторонних договоров

Как видно, из более чем 20 государств – членов ЛАГ юридически обязывающие договоры в области борьбы с преступностью заключены и действуют в отношении менее половины участников. При этом обращает на себя внимание, что часть из них заключили с Россией несколько отдельных договоров, разграничивающих общие вопросы оказания правовой помощи и специальные вопросы. Часть государств ограничилась только соглашениями о правовой помощи. Также следует отметить, что с теми государствами, которые вышли на заключение нескольких договоров, их принятие осуществлялось одновременно. Часть договоров, затрагивающих вопросы борьбы с преступностью, были «унаследованы» современной Россией от Советского Союза (например, договор о правовой помощи с Тунисской Республикой 1984 г. [13]).

Также с отдельными арабскими государствами соглашения подобного формата были заключены, но не прошли процедуру ратификации и соответственно не вступили в силу. К ним, в частности относятся Договор о взаимной правовой помощи по уголовным делам с Королевством Саудовская Аравия и Договор о выдаче с этим государством. Оба документа были подписаны 1 июля 2021 г., но на данный момент еще не ратифицированы. Россия ведет работу по заключению подобных соглашений и с другими арабскими государствами, например, с Кувейтом и Оманом.

Несмотря на то, что указанные двусторонние договоры с арабскими государствами заключались в разное время (в диапазоне примерно 30 лет), в разном контексте политической обстановки и различных вызовов и угроз, но их основные положения являются довольно типичными для такого рода соглашений. И только принятые в последние годы акты стали отличаться от классической модели, ориентируясь на новейшие достижения науки и техники, информатизацию различных сторон жизни общества и новые вызовы и угрозы. Таким, в частности, выступает Договор с Объединенными Арабскими Эмиратами. Однако договоры с другими государствами, построенные по прежней модели, доказали свою эффективность многочисленными фактами сотрудничества правоохранительных органов, основой которого они выступали.

Первый двусторонний договор такого рода, ставший образцом для аналогичных соглашений с другими государствами арабского мира, стал Договор между Российской Федерацией и Арабской Республикой Египет о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1997 г. Он является одним из старейших и наиболее проработанных соглашений такого рода не только в арабо-российских отношениях, но и стал основой для заключения Египтом аналогичных документов с другими третьими странами. Проанализируем его основные положения.

Договор является основным документом, регулирующим все аспекты правовой помощи по уголовным делам между Россией и Египтом. Он был разработан, принят и реализуется «в связке» с отдельным Договором о сотрудничестве в борьбе с преступностью. Соглашение применяется по широкому спектру уголовных дел, связанных с преступлениями, наказуемыми по законодательству обоих государств (принцип двойной криминализации). Это включает как общеуголовные экономические преступления (кражи, мошенничество), так и тяжкие преступления (убийства, терроризм, наркоторговля, коррупция, отмывание денег). Договором предусматривается реализация следующих ключевых форм сотрудничества: выполнение различных процессуальных действий по запросам правоохранительных органов сторон: допросы свидетелей, потерпевших, подозреваемых и экспертов; проведение обысков, выемок; осмотры местности и вещественных доказательств. Также правовая помощь предполагает передачу вещественных доказательств, предоставление информации и документов из судебных и иных архивов, вручение судебных и иных документов, также установление местонахождения разыскиваемых лиц. Официальными языками запросов об оказании правовой помощи, в соответствии с договором, являются русский и арабский. Как и во всех аналогичных договорах, данный акт определяет центральные органы, ответственные за осуществление непосредственного взаимодействия. Со стороны России это традиционно Генеральная прокуратура РФ. Со стороны Египта – Министерство юстиции Египта.

Важнейшим аспектом любого соглашения о правовой помощи является регулирование оснований отказа в ее оказании. Договор с Египтом устанавливает исчерпывающий перечень таких оснований, и не допускает их расширительного толкования. Эти основания в целом являются стандартными для таких соглашений. В частности, предусматривается отказ в случае, если исполнение запроса может нанести ущерб суверенитету, безопасности или публичному порядку запрашиваемой стороны; если запрос касается преступления, которое запрашиваемая сторона рассматривает как политическое или военное; если имеются веские основания полагать, что запрос был представлен с целью судебного преследования лица по признаку его расы, религии, гражданства или политических убеждений. Вместе с Договором о сотрудничестве в борьбе с преступностью анализируемый акт образует полноценный правовой «пакет» для экстрадиции преступников и оказания всей необходимой помощи в расследовании.

В целом договор о правовой помощи с Египтом стал на десятилетия прочной основой для правоохранительного сотрудничества России с данным арабским государством. Безусловно, он принимался в совсем других исторических, политических условиях, а также в условиях иного акцента на криминальные угрозы, составляющие интерес обеих сторон. Однако даже в ситуации смещения акцентов (включая организованную преступность и терроризм, в особенности после терактов в отношении российского самолета над Синаем в 2015 г.), активизацию сотрудничества в борьбе с наркотрафиком, договор позволяет успешно реализовывать основные направления сотрудничества. Отдельную роль данный документ играет в регулировании вопросов разрешения инцидентов, возникающих в процессе пребывания российских туристов в Египте (уголовные и административные деяния, кража документов, инцидентами с нарушением прав российских граждан и т. д.).

Следует отметить, что двусторонние договоры Российской Федерации с арабскими государствами по вопросам борьбы с преступностью за последние практически 30 лет претерпели значительную эволюцию, обусловленную многочисленными факторами – от изменения политической составляющей до формирования нового нарратива взаимных интересов. В контексте темы настоящего исследования считаем целесообразным провести сравнительный анализ положений отдельных договоров о правовой помощи в целях выявления наиболее общих тенденций изменений в правовом регулировании. В частности, предлагаем сравнить рассмотренный выше договор с Арабской республикой Египет и заключенный позднее договор с Алжирской Народной Демократической Республикой.

Оба договора в основе своей являются «классическими» соглашениями о правовой помощи. В обоих документах закреплён принцип отказа от выдачи для уголовного преследования собственных граждан, а также принцип двойной криминализации деяний. Но часть

норм отличаются в сторону расширения форм сотрудничества. Так, договор с Египтом построен по традиционной для советских и российских соглашений о правовой помощи схеме, где все сферы сотрудничества (гражданские, семейные и уголовные дела) объединены в одном документе, а многие формы взаимодействия совпадают. Это, безусловно, удобно, с точки зрения создания единой правовой базы межгосударственных контактов. Договор же с Алжиром, будучи также единым документом, имеет более четкое и строгое разделение на две автономные части: по гражданским и по уголовным делам, с аналогичным выделением соответствующих форм сотрудничества. Это отражает более современный и структурированный подход к кодификации международного документа. Однако юридической техникой различия не заканчиваются. В документах закреплён несколько разный подход к формам сотрудничества. В договоре с Египтом отсутствует институт передачи лица для отбывания наказания в страну его гражданства. Если российский гражданин осужден в Египте к лишению свободы, он отбывает наказание в египетских местах лишения свободы, и соответственно наоборот. Этот классический принцип, тем не менее, создаёт гуманитарные и практические проблемы для осуждённых лиц (языковой барьер, климат, питание, удалённость от родственников). К договору с Алжиром, в отличие от Египта, действует отдельный Протокол о передаче лиц, осуждённых к лишению свободы, который был заключён одновременно с договором и является неотъемлемой его частью. Это означает, что Россия и Алжир могут запрашивать возможность возвращения своих граждан для отбывания наказания на родине. Наличие такого механизма говорит о более высоком уровне доверия и более глубокой интеграции правоохранительных и пенитенциарных систем между Россией и Алжиром по сравнению с некоторыми другими государствами.

Таким образом, договор о правовой помощи между Российской Федерацией и Алжиром является более современным, комплексным, ориентированным на гуманитарную составляющую, а также на соблюдение прав заключённых. За счёт наличия Протокола о передаче осуждённых он обеспечивает более полный цикл правового взаимодействия, особенно в уголовно-исполнительной сфере.

Также представляется необходимым проследить дальнейшую трансформацию правового регулирования сотрудничества Российской Федерации и арабских стран в борьбе с преступностью путём сравнительного анализа первого двустороннего договора и последнего по времени заключения актов в рамках стран ЛАГ – а именно договором с Объединёнными Арабскими Эмиратами.

Договор с ОАЭ представляется, безусловно, более современным и прагматичным документом, учитывающим особенности правовой системы именно ОАЭ, а не арабских стран в целом. Он не имеет комплексного характера как договор с Египтом, а ориентирован на

экстрадицию и правовую помощь по уголовным делам. Тогда как более ранний договор в числе других направлений включает правовую помощь по гражданским, семейным и трудовым делам, более поздний акт регулирует в основном уголовно-правовые вопросы. Договор с Египтом был подписан в эпоху, когда сотрудничество в основном касалось традиционных видов преступности и защиты интересов немногочисленных тогда туристов и бизнесменов. К 2022 г. присутствие российских граждан в арабских странах на постоянной или временной основе (а особенно в Объединённых Эмиратах) значительно возросло, а характер противоправных деяний существенно изменился. Релоканты из России были замечены в отмывании денег, киберпреступлениях, торговле оружием и других деяниях, которые ранее не проявлялись так ярко на пространствах арабских стран. В связи с этим договор с ОАЭ учёл данные особенности.

Договор сохранил классический принцип двойной криминализации преступлений, а также широкий перечень форм сотрудничества – составление и пересылка документов, допросы, обыски, передача вещественных доказательств. Вместе с тем, он носит более конкретизированный процессуальный характер, с учётом современных вызовов (в том числе формы оказания правовой помощи конкретизированы в отношении содействия расследованию киберпреступлений). Ещё одной отличительной особенностью договора с ОАЭ 2022 г. выступает акцент на конфискации активов, полученных незаконным путём, в том числе от террористической деятельности и для террористической деятельности. В договоре с Египтом конфискация упоминается как одна из многих форм правовой помощи, а в договоре с ОАЭ конфискации доходов от преступной деятельности посвящена целая отдельная глава. Это отражает глобальный тренд на борьбу с отмыванием денег и лишение преступников их финансовой основы. Договор предусматривает механизмы идентификации, ареста и конфискации активов, полученных преступным путём, даже если они легализованы через сложные финансовые схемы.

Таким образом, заключённый в 2022 г. договор Российской Федерации и ОАЭ продемонстрировал новый этап в развитии двусторонней нормативно-правовой базы сотрудничества правоохранительных органов. Помимо конкретизации и расширения форм взаимодействия прослеживается тенденция к отступлению от некоторых классических принципов функционирования таких механизмов. Основными причинами изменений, как видится, является углубление общего политического сотрудничества между государствами, активизация неправительственных контактов и связей между странами (туризм, бизнес, вложения в недвижимость, активизация финансовых потоков, укрывательство подозреваемых в совершении тяжких преступлений). Данные факторы объективно отражаются на правовой и политической стабильности в обеих странах, что вызвало

необходимость в адекватном правовом ответе на новую реальность.

Выводы и перспективы сотрудничества

Современное состояние сотрудничества Российской Федерации и арабских государств в сферах обеспечения безопасности и борьбы с преступностью переживает новый подъем и приобретает новые качественные характеристики. После 2022 г., когда вследствие геополитических изменений многие контакты с прежними партнерами по антикриминальному сотрудничеству были утрачены или понижены в своем уровне, для России стал важен поиск новых путей взаимодействия с дружественными государствами в том числе и в правоохранительной сфере.

Основные современные правовые проблемы взаимодействия России и арабских государств в сфере борьбы с преступностью можно свести к четырем основным аспектам: различия в правовых системах и уголовном законодательстве; проблемы правовой помощи и экстрадиции; процессуальные и доказательственные проблемы; сложности в борьбе с конкретными видами преступлений.

Первая группа проблем характеризуется наличием существенных и не очень проблем несоответствия отдельных положений российского законодательства и законодательства арабских государств, что может препятствовать эффективному сотрудничеству в борьбе с преступностью. В целом несоответствие законодательства – обычное явление в международной практике. Однако во взаимоотношениях с арабскими странами это явление бывает более выражено. Вторая группа проблем связана с реализацией правовой помощи и экстрадиции на практике. Есть целый ряд государств региона, с которыми до настоящего времени у России отсутствует двусторонняя договорная база. В отсутствие договора сотрудничество строится на основе многосторонних конвенций (например, Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г.) или принципа взаимности, который менее надежен и порождает неопределенность в отношении перспектив реализации запросов о правовой помощи. При этом даже при наличии договора процесс выдачи преступников часто бывает долгим и бюрократизированным. Третья группа проблем связана с различиями в уголовно-процессуальном законодательстве и реализацией помощи в конкретных следственных и оперативных мероприятиях. Отдельной проблемой выступает допустимость доказательств. Методы их сбора, фиксации, приобщения к материалам уголовных дел регулируются в России и арабских странах по-разному. К примеру, в отдельных арабских юрисдикциях показания женщин не равны по своей доказательной силе показаниям мужчин. При этом следует не забывать, что даже акт международной правовой помощи состоялся, это вовсе не гарантирует, что доказательства, полученные на территории одной страны с нарушением ее национального законодательства, будут приняты судом другого государства и приобщены к делу.

Тем не менее, несмотря на наличие проблем, в последние годы наметился потенциал в расширении правовых основ сотрудничества России и арабских государств, обусловленный, прежде всего, обострением террористических вызовов, а также расширением криминального использования информационных технологий. Так, заключенные в последние три года межведомственные меморандумы о взаимопонимании и соглашения являются важным этапом дальнейшего развития нормативной базы межгосударственного взаимодействия.

Список источников

1. Примаков Е. М. Конфиденциально : Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). М. : ИИК «Российская газета», 2006.
2. Прохорова Г. Россия и региональные организации Ближнего Востока и мусульманского мира // Россия и мусульманский мир. 2010.
3. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Лигой арабских государств о пребывании представительства Лиги арабских государств на территории Российской Федерации // Бюллетень международных договоров ноябрь 2017, № 11.
4. Меморандум о взаимопонимании по стратегическому диалогу между Российской Федерацией и государствами – членами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива от 1 ноября 2011 г. // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/sovetsotrudnicstva-arabskih-gosudarstv-persidskogo-zaliva-ssagpz-/1742203/
5. URL: <https://russia-islworld.ru/temy/rf-i-arabskie-strany-podpisali-plan-dejstvuj-po-itogam-foruma-sotrudnicstva-2023-12-20-38434/>
6. Конвенция между Российской Федерацией и Алжирской Народной Демократической Республикой о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 10 октября 2017 г. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308148/
7. Конвенция между Российской Федерацией и Алжирской Народной Демократической Республикой о выдаче от 15 июня 2023 г. // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/505173-8/>
8. Соглашение между Российской Федерацией и Королевством Бахрейн о выдаче от 27 мая 2016 г. // Бюллетень международных договоров № 11, ноябрь, 2018 год.
9. Соглашение между Российской Федерацией и Королевством Бахрейн о передаче лиц, осужденных к лишению свободы от 15 декабря 2015 г. // Бюллетень международных договоров август 2017, № 8.
10. Договор между Российской Федерацией и Арабской Республикой Египет о взаимной правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, коммерческим и семейным делам от 23 сентября 1997 г. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121654/
11. Договор между Российской Федерацией и Арабской Республикой Египет о передаче для отбывания нака-

зания лиц, осужденных к лишению свободы от 23 июня 2009 г. // URL: <https://docs.cntd.ru/document/902182265/>

12. Конвенция между Российской Федерацией и Королевством Марокко о выдаче от 15 марта 2016 г. // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/43680/

13. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Тунисской Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам от 26 июня 1984 г. // Ведомости Верховного Совета СССР 9 июля 1986 года, №28, ст. 525.

References

1. Primakov E. M. Confidential : the Middle East on stage and behind the scenes (second half of the 20th – early 21st century). М. : Rossiyskaya Gazeta Information and Research Center, 2006.

2. Prokhorova G. Russia and regional organizations of the Middle East and the Muslim world // Russia and the Muslim World. 2010.

3. Agreement between the Government of the Russian Federation and the League of Arab States on the presence of the League of Arab States representative office on the territory of the Russian Federation // Bulletin of International Treaties, November 2017, № 11.

4. Memorandum of understanding on strategic dialogue between the Russian Federation and the Member States of the Cooperation Council for the Arab States of the Gulf of November 1, 2011 // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/sovet-sotrudnicestva-arabskih-gosudarstv-persidskogo-zaliva-ssagpz-/1742203/

5. URL: <https://russia-islworld.ru/temy/rf-i-arabskie-strany-podpisali-plan-dejstvij-po-itogam-foruma-sotrudnicstva-2023-12-20-38434/>

6. Convention between the Russian Federation and the People's Democratic Republic of Algeria on mutual legal assistance in criminal matters of October 10, 2017 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308148/

7. Convention between the Russian Federation and the People's Democratic Republic of Algeria on extradition of June 15, 2023 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/505173-8/>

8. Agreement between the Russian Federation and the Kingdom of Bahrain on extradition of May 27, 2016 // Bulletin of International Treaties № 11, November 2018.

9. Agreement between the Russian Federation and the Kingdom of Bahrain on the transfer of persons sentenced to imprisonment of December 15, 2015 // Bulletin of International Treaties, August 2017, № 8.

10. Treaty between the Russian Federation and the Arab Republic of Egypt on mutual legal assistance and legal relations in civil, commercial and family matters of September 23, 1997 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121654/

11. Treaty between the Russian Federation and the Arab Republic of Egypt on the transfer of persons sentenced to imprisonment for serving their sentences of June 23, 2009 // URL: <https://docs.cntd.ru/document/902182265/>

12. Convention between the Russian Federation and the Kingdom of Morocco on Extradition of March 15, 2016 // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/43680/

13. Treaty between the Union of Soviet Socialist Republics and the Republic of Tunisia on legal assistance in civil and criminal cases of June 26, 1984 // Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR, July 9, 1986, № 28, Art. 525.

Информация об авторе

В. Р. Удунян – старший преподаватель кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

V. R. Udunyan – Senior Lecturer of the Department of Human Rights and International Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 29.12.2025; одобрена после рецензирования 26.01.2026; принята к публикации 25.02.2026.

The article was submitted 29.12.2025; approved after reviewing 26.01.2026; accepted for publication 25.02.2026.

Научная статья

УДК 347.78.01

EDN: <https://elibrary.ru/nsmara>

НИОН: 2015-0066-2/26-437

MOSURED: 77/27-011-2026-02-636

Изменения в управлении многоквартирными домами: проблемы и решения

Светлана Александровна Устимова¹, Екатерина Николаевна Рассказова²

¹ Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия,
7791sveta@mail.ru

² stepanovakatya@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены нормативные изменения, произошедшие в сфере ЖКХ в отношении регулирования подходов по управлению многоквартирными домами в 2024–2025 гг. Проведен анализ основных новаций и выявлены проблемные аспекты в отношении необходимости принятия нормативных актов, направленных на решение проблем обслуживания аварийных домов. Сделан вывод, что проведенные изменения в отношении регулирования управления многоквартирными домами имеют позитивную направленность. Но имеющиеся на сегодняшний день проблемы в сфере ЖКХ накапливались десятилетиями, поэтому требуется комплексное решение системных задач, ориентированное на постоянное совершенствование процесса управления многоквартирными домами и расширение прав собственников в отношении использования общего имущества.

Ключевые слова: управление, многоквартирный дом, лицензирование, нововведение, проблема

Для цитирования: Устимова С. А., Рассказова Е. Н. Изменения в управлении многоквартирными домами: проблемы и решения // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 129–133. EDN: NSMARA.

Original article

Changes in the management of apartment buildings: problems and solutions

Svetlana A. Ustimova¹, Ekaterina N. Rasskazova²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
7791sveta@mail.ru

² stepanovakatya@yandex.ru

Abstract. Examined the regulatory changes that have occurred in the housing and communal services sector regarding the regulation of approaches to managing apartment buildings in 2024–2025. The analysis of the main innovations has been carried out and problematic aspects have been identified regarding the need to adopt regulations aimed at solving the problems of servicing emergency homes. It is concluded that the changes made in the regulation of the management of apartment buildings have a positive orientation. But the current problems in the housing and communal services sector have been accumulating for decades, so a comprehensive solution to systemic problems is required, focused on continuous improvement of the management process of apartment buildings and the expansion of the rights of owners in relation to the use of common property.

Keywords: management, apartment building, licensing, innovation, problem

For citation: Ustimova S. A., Rasskazova E. N. Changes in the management of apartment buildings: problems and solutions. Bulletin of economic security. 2026;(2):129–133. (In Russ.). EDN: NSMARA.

В Российской Федерации в отношении эксплуатации жилищного фонда задействовано более 67 тыс. организаций. При этом около половины (36,5 тыс.) из них составляют товарищества собственников жилья и недвижимости (далее – ТСЖ и ТСН, соответственно), еще около трети (21,5 тыс.) – управляющие организации

(далее – УО), около 9,6 тыс. жилищно-строительных (далее – ЖСК) и жилищных кооперативов. При этом всего в нашей стране насчитывается 950 тыс. многоквартирных домов (далее – МКД), общая жилая площадь которых превышает 2,5 млрд кв. м. Из них в непосредственном управлении граждан находится 235 тыс. МКД, что со-

© Устимова С. А., Рассказова Е. Н., 2026

составляет лишь 25 % от их общего количества. Еще около 52 тыс. или чуть более 5 % от общего количества МКД управляются ТСЖ, ТСН, ЖСК и жилищными кооперативами. Основная же часть МКД (617 тыс. или 65 % от общего количества) находится в ведении УО [4].

Согласно действующим нормативным подходам, контроль за деятельностью УО, ТСЖ и ТСН осуществляется региональными органами государственного жилищного надзора (далее – ГЖН). Но многочисленные обращения граждан в органы прокуратуры и суды за защитой своих прав в отношении управления общим имуществом собственников МКД указывают на существование системных проблем в отношении качества управления МКД. Данные проблемы накапливались годами, но в 2024–2025 гг. был принят ряд важных решений, на анализе которых необходимо остановить свое внимание.

Так, с целью повышения прозрачности сферы управления жильем и дальнейшего регулирования деятельности ГЖН Минстрой России при взаимодействии с органами прокуратуры внес ряд изменений в отношении подходов к назначению на должность главного жилищного инспектора региона: введены требования о необходимости наличия у кандидата на данную должность соответствующего опыта работы в сфере ЖКХ на руководящих должностях. Это выглядит важным с позиции того, что часто на указанных должностях оказывались чиновники, ранее не связанные с работой в сфере ЖКХ, что не позволяло говорить о наличии у них необходимой квалификации и понимания специфики данной сферы. Также был внесен и ряд изменений в отношении оцениваемых целевых показателей и индикаторов деятельности органов ГЖН с акцентом на обеспечение прав граждан. Произошла и дальнейшая цифровизация контрольной деятельности: с целью анализа показателей работы региональных органов ГЖН с 2025 г. Минстрой России использует комплексную информационную систему [5].

Также важными выглядят и изменения, внесенные в Жилищный кодекс РФ [1] в отношении необходимости с 1 марта 2025 года публикации в ГИС ЖКХ уведомлений о проведении общих собраний собственников (далее – ОСС) и размещения их протоколов. Также ужесточены требования к проведению ОСС в электронной форме: теперь такое первое ОСС в МКД обязательно должно быть проведено через ГИС ЖКХ или региональную информационную систему – исключена возможность использования коммерческих систем. При этом участие в голосовании собственников подтверждается с помощью верификации через портал Госуслуг, что исключает возможность фальсификации решений собственников.

Еще одним важным шагом в целях совершенствования управления общим имуществом собственников МКД стало ужесточение требований к УО в отношении:

- 1) учредителей компаний и возможности внесения их в реестр дисквалифицированных лиц;
- 2) состава и квалификации персонала УО;
- 3) материально-технического обеспечения УО.

Согласно внесенным изменениям Минстроем России [3] с 2026 г. установлены требования к обязательной годовой отчетности УО, позволяющие с большей степенью детализации раскрывать вопросы управления общим имуществом собственников (рис. 1).

Важным выглядит, что в годовом отчете УО должны быть указаны и реквизиты актов выполненных работ с указанием места их размещения в ГИС ЖКХ. Также ранее обобщенные данные о платежах и долгах по помещению в МКД теперь должны быть детализированы по двум группам – собственники и наниматели.

С учетом значительного количества МКД, требующих проведения капитального ремонта (далее – капремонт), и имеющейся тенденции по переносу этих сроков на уровне региональных властей, важным с позиции обеспечения надежной эксплуатации МКД в рамках всего жизненного цикла объекта выглядит внедрение Минстроем России инструмента управления региональными программами капремонта, предполагающего разделение МКД по категориям в зависимости от необходимости и срочности проведения капремонта, исходя из фактического состояния МКД. Это позволяет сформировать обновленные технические паспорта МКД, что не только упорядочит учет жилищного фонда, но создаст возможности для повышения достоверности базы данных о его состоянии.

На уровне Правительства РФ [2] внесены изменения, вступающие в силу с 1 марта 2026 г., направленные на изменение автоматизацию процесса лицензирования предпринимательской деятельности в сфере управления МКД, а также цифровизацию контрольной функции органов ГЖН (рис. 2).

На уровне Совета Федерации разработан ряд рекомендаций Минстрою России для совершенствования управления МКД и повышения эффективности надзорной деятельности (рис. 3).

Необходимо отметить, что на рассмотрении Государственной Думы пока находится ряд важных законопроектов в сфере ЖКХ: об учете жилищного фонда, о сокращении сроков выдачи лицензий УО, об отчетности УО и ТСЖ, об управлении аварийными домами и техническом обслуживании лифтов [10].

Полагаем, что необходимо скорейшее принятие данных документов в качестве нормативных актов, что позволит добиться совершенствования регулирования процесса управления МКД.

Также отметим, что еще с 2022 г. не решен вопрос о нормативном закреплении Минстроем России понятия «гарантирующей» УО, порядка ее создания и функционирования [6; 9]. Вместе с тем, согласно предложениям о функционировании «гарантирующей» УО [7] введение подобного механизма позволит решить проблему содержания и управления общим имуществом аварийных МКД, а также урегулировать вопрос назначения «временных» УО на новостройках.

Таким образом, необходимо признать, что проведенные изменения в отношении регулирования управле-

Рис. 1. Обязательные требования по годовой отчетности УО по содержанию и текущему ремонту МКД (авторская разработка)

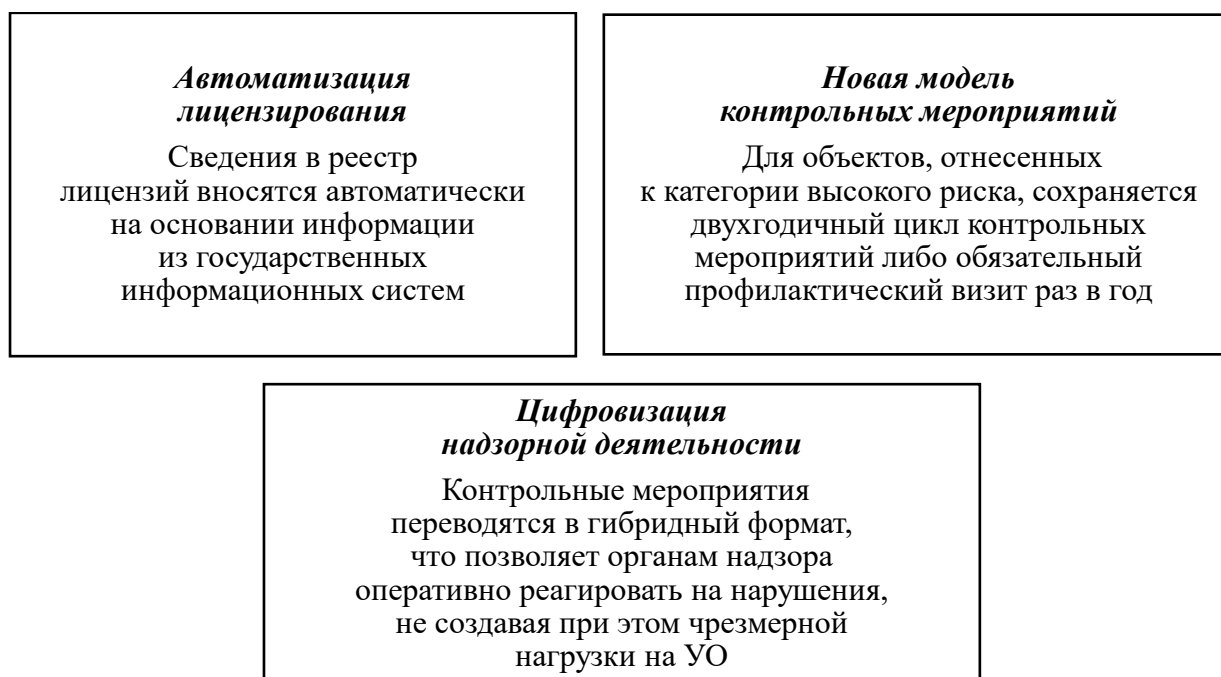

Рис. 2. Основные изменения в совершенствовании процесса лицензирования и контроля в управлении МКД (авторская разработка)

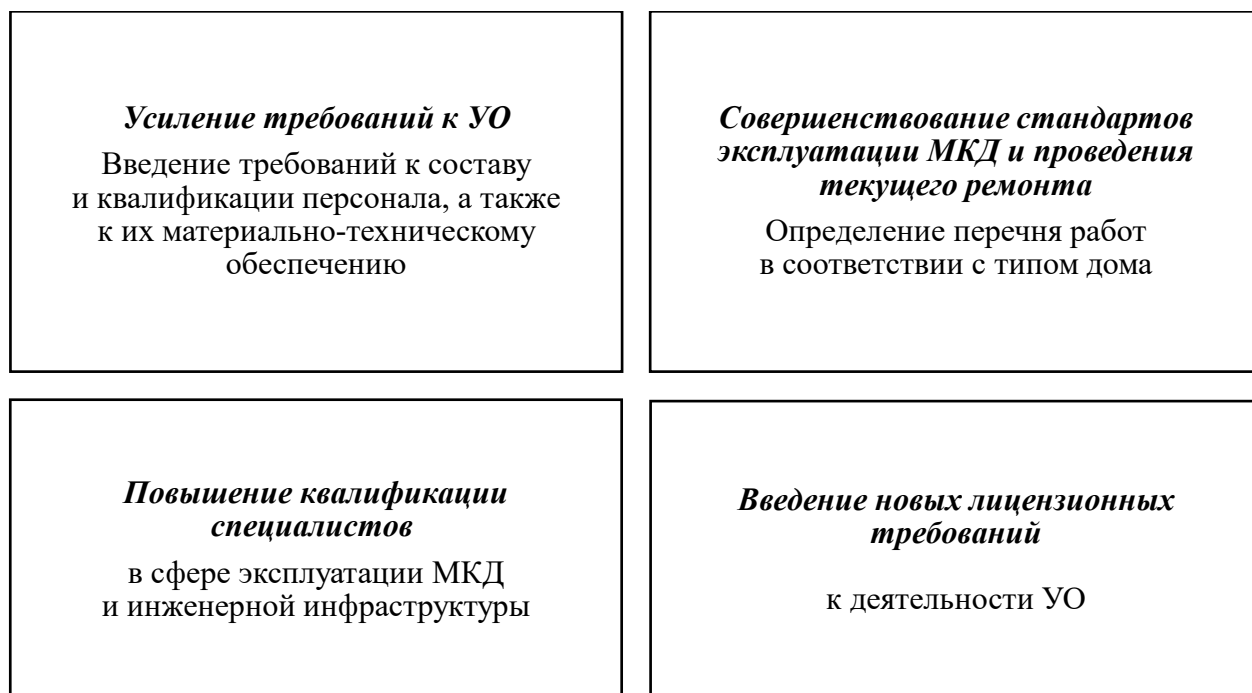

Рис. 3. Основные рекомендации Совета Федерации Минстрою России в отношении совершенствования системы управления МКД [8]

ния МКД имеют позитивную направленность, позволяют повысить ответственность УО, обеспечить повышение качества обслуживания МКД и проведение ремонта. Но важно учитывать, что имеющиеся на сегодняшний день проблемы в сфере ЖКХ накапливались десятилетиями. Поэтому устранить их несколькими решениями административно-организационного плана и ужесточения контрольно-надзорной деятельности недостаточно, необходимо комплексное решение системных задач, ориентированное на постоянное совершенствование процесса управления МКД и расширение прав собственников в отношении использования общего имущества.

Список источников

1. Федеральный закон от 7 июня 2025 г. № 125-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и статьи 19 и 24 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 23. Ст. 2984.
2. Постановление Правительства РФ от 10 сентября 2025 г. № 1400 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СПС «Гарант».
3. Приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 20 ноября 2025 г. № 728/пр «Об утверждении перечня сведений, обязательных для отражения в отчете о деятельности по управлению многоквартирным домом, и формы такого отчета» // СПС «Гарант».
4. Вопросы повышения эффективности управления многоквартирными домами обсудили на парламентских слушаниях в Совете Федерации // URL:

<https://www.minstroyrf.gov.ru/press/voprosy-povysheniya-effektivnosti-upravleniya-mnogokvartirnymi-domami-obsudili-na-parlamentskikh-slu/>

5. Гемель А. С., Домрачева Е. О., Сотникова Л. В. Цифровизация ЖКХ : текущее состояние и перспективы // Управление в современных системах. 2025. № 2 (46). С. 78–84.

6. Козин Н. В России хотят создать команду спасения для «бесхозных» домов // URL: <https://www.pnp.ru/social/v-rossii-khotyat-sozdat-komandu-spaseniya-dlya-beskhoznykh-domov.html/>

7. Концепция управления многоквартирными домами гарантирующей управляющей организацией // URL: https://urbaneconomics.ru/sites/default/files/konceptsiya_upravleniya_mkd_garantiruyushchei_upravlyayushchei_organizaciei.pdf/

8. Новые правила лицензирования и контроля в сфере управления многоквартирными домами // URL: <https://alrf.ru/articles/novye-pravila-litsenzirovaniya-i-kontrolya-v-sfere-upravleniya-mnogokvartirnymi-domami/>

9. Рябова К. А. Перспективы и тенденции развития российской доктрины и законодательства в сфере управления многоквартирными домами // Молодой ученый. 2023. № 46 (493). С. 289–291.

10. Хасаев Г. Р., Мироненко О. В. Трансформация роли и функций управляющих организаций в современной системе ЖКХ // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке. 2025. Т. 1. С. 1014–1018.

References

1. Federal Law dated June 7, 2025 № 125-FZ «On amendments to the Housing Code of the Russian Federation

and Articles 19 and 24 of the Federal Law «On state registration of real estate» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2025. № 23. Art. 2984.

2. Decree of the Government of the Russian Federation dated September 10, 2025 № 1400 «On Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation» // LRS «Garant».

3. Order of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation dated November 20, 2025 № 728/pr «On approval of the list of information required to be reflected in the report on the management of an apartment building and the form of such a report» // LRS «Garant».

4. The issues of improving the efficiency of managing apartment buildings were discussed at the parliamentary hearings in the Federation Council // URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/press/voprosy-povysheniya-effektivnosti-upravleniya-mnogokvartirnymi-domami-obsudili-na-parlamentskikh-slu/>

5. Gemel A. S., Domracheva E. O., Sotnikova L. V. Digitalization of the housing and public utilities sector : current state and prospects // Management in Modern Systems. 2025. № 2 (46). P. 78–84.

6. Kozin N. In Russia, they want to create a rescue team for «unowned» houses // URL: <https://www.pnp.ru/social/v-rossii-khotyat-sozdat-komandu-spaseniya-dlya-beskhoznykh-domov.html/>

7. The concept of managing apartment buildings by a guaranteeing management organization // URL: https://urbaneconomics.ru/sites/default/files/koncepciya-upravleniya_mkd_garantiruyushchei_upravlyayushchei_organizaciei.pdf/

8. New rules for licensing and control in the field of management of multi-apartment buildings // URL: <https://alrf.ru/articles/novye-pravila-litsenzirovaniya-i-kontrolya-v-sfere-upravleniya-mnogokvartirnymi-domami/>

9. Ryabova K. A. Prospects and trends in the development of the Russian doctrine and legislation in the field of management of multi-apartment buildings // Young Scientist. 2023. № 46 (493). P. 289–291.

10. Khasaev G. R., Mironenko O. V. Transformation of the role and functions of management organizations in the modern housing and communal services system // Scientific, technical, and economic cooperation between the countries of the Asia-Pacific region in the 21st century. 2025. Vol. 1. P. 1014–1018.

Информация об авторах

С. А. Устимова – доцент кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Е. Н. Рассказова – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

S. A. Ustimova – Associate Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

E. N. Rasskazova – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.12.2025; одобрена после рецензирования 26.01.2026; принята к публикации 25.02.2026.

The article was submitted 25.12.2025; approved after reviewing 26.01.2026; accepted for publication 25.02.2026.

Научная статья

УДК 34.342.9

EDN: <https://elibrary.ru/seqjqy>

ИПОН: 2015-0066-2/26-438

MOSURED: 77/27-011-2026-02-637

Практика использования инновационных приложений для осуществления общественного порядка и обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации

Инна Викторовна Федорова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

karnavalinna73@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы информационной оснащенности ведомств для противодействия преступности в настоящее время, касающиеся развития информационно-телекоммуникационных технологий как в Российской Федерации в целом, так и в органах внутренних дел, как в наиболее важном регуляторе общественных отношений и противодействия преступлениям и административным правонарушениям. Выделяются перспективные направления реализации информационной оснащенности ведомств для противодействия преступности. Рассмотренные проблемы актуальны и требуют разрешения, что будет способствовать укреплению и защите от общественно опасных деяний и противодействию преступности.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационные технологии, инновационные приложения, мобильные приложения, общественный порядок, общественная безопасность

Для цитирования: Федорова И. В. Практика использования инновационных приложений для осуществления общественного порядка и обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 134–137. EDN: SEQJQY.

Original article

The practice of using innovative applications to implement public order and ensure public safety in the Russian Federation

Inna V. Fedorova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

karnavalinna73@mail.ru

Abstract. Considered the problems of information equipment of departments for combating crime at the present time, concerning the development of information and telecommunication technologies both in the Russian Federation as a whole and in law enforcement agencies, as the most important regulator of public relations and countering crimes and administrative offenses. Promising directions for the implementation of information equipment of departments for combating crime are highlighted. The considered problems are relevant and need to be resolved, which will contribute to strengthening and protecting against socially dangerous acts and countering crime.

Keywords: information and telecommunication technologies, innovative applications, mobile applications, public order, public safety

For citation: Fedorova I. V. The practice of using innovative applications to implement public order and ensure public safety in the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2026;(2):134–137. (In Russ.). EDN: SEQJQY.

В настоящее время Российская Федерация является не самой развитой страной в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. Такие показатели стимулируют нашу страну с каждым годом все больше заниматься развитием информационной сферы. С момента наступления века информатизации новые тех-

нологии каждый день появляются, преобразовываются или упрощаются и сразу же устаревают, в связи с чем Правительство Российской Федерации поставило перед своей страной такие задачи, как: достижение технологического суверенитета, переход к инновационно-ориентированному экономическому росту, технологическое

© Федорова И. В., 2026

обеспечение устойчивого развития производственных систем. Данные цели выражают серьезное намерение к развитию и получили свое закрепление в Распоряжении Правительства РФ от 20 мая 2023 г. №1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» [1].

Как страна в целом, так и органы внутренних дел активно работают на совершенствование информационных систем России. Обращаясь к аппаратно-комплексной системе «Безопасный город», хочется сказать о том, что такая глобальная взаимосвязанная сеть дала большой толчок развитию систем борьбы с преступлениями и правонарушениями с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [5]. Эта борьба ведется на уровне между государством и гражданами. Государство ведет борьбу посредством введения нормативных правовых актов на различных уровнях и регулированию страны в целом, в зависимости от периода времени и обстановки. Сотрудники органов внутренних дел, являющиеся исполнительным звеном, используют хоть и менее, но все еще широкомасштабные системы [6]. Самым низшим звеном представленной цепочки является защита самих граждан от окружающей их преступности. Однако, если брать в расчет градацию по предупреждению и пресечению преступности с самого начала, то работу граждан невозможно недооценить, именно изучение гражданином окружающей обстановки и проработка с самим собой, а также представление ситуации и опыта близким, друзьям или знакомым, способно нейтрализовать преступность на начальной ее стадии.

Защита граждан самих себя начинается от простых приемов и восходит к более сложным, требующим определенных знаний. Благодаря изучению некоторых правил и приемов, возможно предостеречь себя и своих близких от преступлений и правонарушений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Например, Администрация и городская Дума Краснодара на своем официальном сайте опубликовала информацию для своих граждан с заголовком «Как не стать жертвой мошенников в интернете». При знании мошеннических схем и соблюдении некоторых правил правонарушителям будет сложнее обмануть вас, поэтому необходимо тщательно ознакомиться с рекомендациями Администрации и городской Думы города Краснодар, а именно:

1. Не ищите легкую наживу.

Быстрого заработка в интернете не существует, а объявления с фразой «заработок в интернете без вложений» означают, что вас осторожно заманивают в финансовую пирамиду или другую мошенническую сеть;

2. Не верьте друзьям на слово.

Мошенники часто взламывают аккаунты и мессенджеры, чтобы прикинуться вашим другом и выманить деньги. Для того, чтобы раскусить таких мошенников, достаточно просто быть внимательнее и обратить внимание на его поведение: ваш друг неожиданно оказал-

ся на даче, без денег, у него изменился телефон, появились какие-то новые неожиданные обстоятельства и т. д.;

3. Придумайте сильный пароль.

В качестве пароля от интернет-сервисов с доступом к вашим личным данным поставьте любой набор цифр, букв и знаков препинания. Говорят, что лучшие пароли придумывают коты, когда ходят по клавиатуре, ведь проще восстановить пароль, чем вернуть украденные деньги [2].

Предложенные принципы являются наиболее всеобщими, но не исчерпывающими. Например, Следственное управление Следственного комитета РФ по Кировской области в своей памятке «Как не стать жертвой киберпреступников» диктует следующее:

1) для обеспечения безопасной работы в интернете необходимо установить современное лицензионное антивирусное программное обеспечение и регулярно его обновлять для того, чтобы злоумышленники не смогли без вашего ведома заразить персональный компьютер и использовать различные ссылки и программы для хищения личных данных;

2) если речь идет о мошенничестве с использованием банковских карт, то здесь наиболее важно нигде не говорить и не вводить на малоизвестных сайтах свой ПИН-код, а также не следует передавать свою карту другим лицам. Пользоваться банкоматами, оборудованными дополнительными устройствами, также не стоит;

3) при телефонном мошенничестве важно помнить о том, что сказать вам может кто угодно и что угодно. Никогда не стоит принимать информацию от незнакомых номеров за беспрекословную истину. Если вам звонят и представляются сотрудниками банка, не поленитесь сбросить звонок и набрать на официальный номер вашего банка самому, а если вам сказали, что ваш родственник попал в трудную ситуацию, не спешите лезть в онлайн-банк и переводить кому-то деньги, свяжитесь со своим близким напрямую и разберитесь [3]. Помимо тех правил, которые необходимо знать, чтобы защитить себя, также существует обратная сторона, в виде защиты уже других лиц от преступных посягательств.

Существуют способы самостоятельной борьбы с преступлениями и административными правонарушениями при помощи информационно-телекоммуникационных технологий, когда их используют не злоумышленники для совершения правонарушений и преступлений, а непосредственно граждане для своевременного предупреждения и пресечения данных деяний. Форма таких технологий заключается в, казалось бы, обычных приложениях на смартфон, но все не так просто.

Так, например, жителем Челнов Ренатом Фазатиновым было создано малоизвестное, но с очень перспективным будущим приложение «Lis». Каждый может установить это приложение себе на телефон и, как обещают разработчики, бороться с насилием в отношении людей на основе быстрой взаимопомощи. Данная про-

грамма делит всех пользователей на родителей, детей и тех, кому пришел сигнал о помощи. При этом имеется важная пометка, что сигнал о помощи может поступить только совершеннолетнему пользователю. Говоря о рассмотрении форм участия, на официальном сайте приложения описывается подробная информация, кому и что нужно знать. Таким образом:

Детям – как только ребенок почувствовал подозрительную или странную ситуацию, будто что-то происходит не так, ему нужно достать свой телефон и открыть «Lis» и держать свой палец у кнопки «SOS». В случае возникновения угрозы необходимо как можно быстрее нажать на кнопку и заблокировать телефон, спрятать его в карман. Если угроза реальная, ребенку необходимо громко кричать и привлекать внимание прохожих. В случае, когда угроза миновала, необходимо отменить сигнал о помощи. При многократном использовании кнопки беспричинно пользователь блокируется и теряет доступ к приложению.

Родителям – если вам поступил сигнал «SOS» от вашего ребенка, постарайтесь не паниковать и созвониться с ним. Ориентируйтесь в ситуации и мыслите трезво. Если угрозы нет – отмените сигнал, если угроза сработала, и ребенок не выходит на связь, скорее всего к нему уже спешит доброволец, находящийся неподалеку. В таком случае на экране родителя высветится фото и контакт для связи с тем, кто уже спешит на помощь. Для наиболее эффективной работы приложения, родителям необходимо обеспечить приложению доступ к своей геолокации и геолокации ребенка, а также включить доступ уведомлений от приложения.

Людям, получившим сигнал о помощи – данная программа основана на добровольной основе, потому поступивший вызов можно как принять, так и отказаться от него. Если же человек согласился, ему необходимо добраться до ребенка как можно быстрее. Возможно, несколько минут станут решающими в чьей-то жизни. Необходимо действовать по обстоятельствам, но аккуратно, не подвергая себя опасности, ведь никогда не знаешь, что именно тебя ждет, а преступник может быть вооружен. Если ситуация оказалось крайне тяжелой, отмените сигнал, чтобы не пострадали другие люди, бегущие на помощь (при нажатии кнопки «SOS» приложение ищет минимум 5 людей) и постарайтесь вызвать специальные службы.

Помимо всего прочего, на главной странице официального сайта приложения «Lis» имеется агитационный ролик на 1,5 минуты, включающий в себя визуализацию информации о том, как свойства геолокации и кнопки сигнала помощи помогут спасти жизнь ребенка.

Ренат Фазатинов, создавший данную программу, рассказывает о своей задумке следующее: «Идея пришла мне в голову после пропажи Василисы Галицыной в 2013 году. Я был волонтером, ходили с супругой по ночам, прочесывали поля с фонариком. Тогда я задумался: неужели люди не могут придумать что-то такое, что

оперативно дало бы результаты?!». Тогда Фазатинов и разработал мобильное приложение Life Is Safe (LIS), что в переводе «Жизнь безопасна». Главная его функция – вызов ближайшей помощи. Алгоритм приложения может призвать и мобилизовать тех, кто рядом. Ренат отмечает, что в помощь его разработка нацелена не только детям, но и молодым девушкам, а также пожилым людям, попавшим в беду, поскольку нажать кнопку сигнала о помощи может абсолютно любой пользователь [4]. Представленная разработка является лишь одним из всевозможных средств, создание которых приведет к противодействию преступлениям и административным правонарушениям, а возможно и спасет чью-то жизнь. Необходимость создания подобных информационных ресурсов выражается в ее действительно положительных возможностях и результатах.

Например, случай, произошедший в январе 2023 года, явно выражает необходимость создания информационных ресурсов для защиты прав. Уехавший жить в Европу русский «айтишник» создал шуточный интернет-сервис «Мой донос», но результат его удивил. Приложение было размещено в плеймаркете 15 января 2023 года и создавалось как индивидуальная заинтересованность «айтишника» Владимира, который хотел узнать, будут ли люди доносить друг на друга. «Доносы никуда не дойдут и останутся здесь. Я читаю, удивляюсь, иногда радуюсь, когда пишут негативное мнение про само приложение или критику властей», – сказал Владимир. Спустя время стало понятно, что некоторые доносы не шуточные, а вполне себе реальные, около 20 % из которых были написаны с подробным описанием проступков «нарушителей» и содержали личные данные. Большинство из них могли бы стать поводом для возбуждения дел по статьям о фейках и дискредитации армии. Также разработчик говорит о том, что он, при создании данного приложения, руководствовался своим мотивом, направленным на то, чтобы человек, которому не к кому обратиться, выплеснул весь свой гнев в данное приложение и ему стало легче, что уберегло бы его от совершения глупостей в дальнейшем. Как пишет сайт «Полигон. Медиа» – «Мой донос» – приложение шуточное, а доносчики настоящие».

Таким образом, изложенные ситуации и небольшая практика применения приложений, наглядно представляет давно возникшую необходимость создания, введения и использования средств защиты граждан с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, только теперь, в век информатизации, осуществить ее действительно возможно.

Список источников

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» (вместе с «Концепцией технологического развития на период до 2030 года») // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447895/

2. Как не стать жертвой мошенников в интернете, 31 января 2022 г. // Сайт Администрации и городской Думы Краснодара. URL: <https://krd.ru/administratsiya/administratsii-vnutrigorodskikh-okrugov/pvo/news/kak-ne-stat-zhertvoy-moshennikov-v-internete/>

3. Памятка «Как не стать жертвой кибермошенников» // Сайт Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Кировской области/ URL: <https://kirov.sledcom.ru/folder/876364/item/1157365/>

4. Приложение «Lis» // URL: <https://lis16.com/>

5. Федорова И. В., Березина М. Г., Егорова В. С. Уровень информационной оснащенности ведомств для противодействия преступности в реальное время : проблемы и пути решения // Криминологический журнал. 2025. № 1. С. 150–153.

6. Федорова И. В., Ржаницына И. А., Егорова В. С. К вопросу об административных правонарушениях и преступлениях в области информационных технологий // Международный журнал гражданского и торгового права. 2025. № 1. С. 49–55.

References

1. Decree of the Government of the Russian Federation dated May 20, 2023 № 1315-r «On approval of the Concept

of Technological Development for the period up to 2030» (together with the «Concept of Technological Development for the period up to 2030») // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447895/

2. How not to become a victim of scams on the Internet, January 31, 2022 // Website of the Administration and the City Duma of Krasnodar. URL: <https://krd.ru/administratsiya/administratsii-vnutrigorodskikh-okrugov/pvo/news/kak-ne-stat-zhertvoy-moshennikov-v-internete/>

3. Memo «How not to become a victim of cyberbullying» // Website of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Kirov region/ URL: <https://kirov.sledcom.ru/folder/876364/item/1157365/>

4. Application «Lis» // URL: <https://lis16.com/>

5. Fedorova I. V., Berezina M. G., Egorova V. S. The level of information equipment of departments for combating crime in real time : problems and solutions // Criminological Journal. 2025. № 1. P. 150–153.

6. Fedorova I. V., Rzhantsyna I. A., Egorova V. S. On the issue of administrative offenses and crimes in the field of information technology // International Journal of Civil and Commercial Law. 2025. № 1. P. 49–55.

Информация об авторе

И. В. Федорова – доцент кафедры административной деятельности ОВД Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

I. V. Fedorova – Associate Professor of the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 25.12.2025; одобрена после рецензирования 26.01.2026; принята к публикации 25.02.2026.

The article was submitted 25.12.2025; approved after reviewing 26.01.2026; accepted for publication 25.02.2026.

Научная статья

УДК 34

EDN: <https://elibrary.ru/kyziqq>

ИИОН: 2015-0066-2/26-439

MOSURED: 77/27-011-2026-02-638

Конституционализация как специфическая закономерность развития современного права и цивилизации государства

Владимир Иванович Червонюк

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
v.chervonyuk@yandex.ru

Аннотация. Развитие права и государства в современных условиях в значительной мере обусловлено фактором конституционализации, при том, что его действие не ограничивается сферой внутригосударственных интеракций, непосредственно оказывая влияние на международные правовые порядки. Исследование конституционализации в качестве механизма подчинения властных институтов принципам конституционализма, или конституционализации, составляет предмет анализа статьи.

Ключевые слова: глобальный конституционализм, «конституционалистские» принципы, «конституционалистская триада», субстантивный аспект действия конституционализации, традиционные ценности, объект конституционализации, деконституционализация

Для цитирования: Червонюк В. И. Конституционализация как специфическая закономерность развития современного права и цивилизации государства // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 138–145. EDN: KYZIQQ.

Original article

Constitutionalization as a specific pattern of the development of modern law and state civilization

Vladimir I. Chervonyuk

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
v.chervonyuk@yandex.ru

Abstract. The development of law and the state in modern conditions is largely determined by the factor of constitutionalization, which is not limited to intrastate interactions but also has a direct impact on international legal orders. This article analyzes constitutionalization as a mechanism for subordinating power institutions to the principles of constitutionalism.

Keywords: global constitutionalism, «constitutionalist» principles, «constitutionalist triad», substantive aspect of constitutionalization, traditional values, object of constitutionalization, deconstitutionalization

For citation: Chervonyuk V. I. Constitutionalization as a specific pattern of the development of modern law and state civilization. Bulletin of economic security. 2026;(2):138–145. (In Russ.). EDN: KYZIQQ.

Ставший достаточно модным и популярным термин «конституционализация» в значительной мере остается неопределенным; еще больше неясностей существует относительно выражаемого им понятия и тех конституционных реалий, которые оно отражает. Распространенный в западной литературе аргумент относительно глобализации как фактора распространения конституционализации в действительности не может быть признан универсальным, не раскрывает действительных причин многообразных форм и сфер проявления в общественной жизни конституционализации.

Самое распространенное и совсем не точное понимание конституционализации, мультиплицируемое множеством работ, представлено как «закрепление каких-либо положений в тексте конституции, придание им конституционной силы» [из наиболее ранних работ: 1]. Получается так, что конституционализация исключительно или равным образом связана с расширением нормативного содержания национальной конституции. С позиции современного понимания существа конституционализации традиционная интерпретация оказывается чрезмерно упрощенной и, в сущности,

© Червонюк В. И., 2026

отождествлена исключительно или главным образом с вносимыми в конституционный текст поправками. В таком понимании конституционализация обусловлена исключительно проявлением нормотворческой активности государства и связанного с этим расширения сфер государственно-правового воздействия. Между тем конституционализация, если исходить из ее истинного смысла, не ограничивается интервенцией норм конституционного права (конституции) на участки, зоны правового пространства, ранее не подверженные их (конституционных норм) действию [2]. Как это становится все более очевидным, ресурс конституционного права не исчерпывается исключительно нормативным текстом национальной конституции или, что то же самое, нормативность (обязательность) действующей конституции не ограничивается позитивированными в ее тексте установлениями, притом сводимыми исключительно или главным образом к конституционным нормам.

Понятие конституционализации требует соотнесения представленного в конституционно-правовой доктрине понимания предметных областей действия конституционного права, или, иными словами, его предмета. Главная мысль в этой связи заключается в том, что конституционализация, т. е. пределы распространения регулирующего воздействия конституционного права, по своей сути означает процесс экстенсивного распространения норм, принципов, идей, конституционно-судебных доктрин, духа и смысла конституции в существующем социально-правовом пространстве. В таком контексте конституционализация предполагает уточнение предмета, функций (социально-правового предназначения), переоценки «статуса» конституционного права в национальной структуре права, а вместе с этим специфики (закономерностей) конституционно-правового воздействия¹, (включая механизмы имплементации конституционно-правовых понятий в отраслевое законодательство, внедрения конституционных идей в правовую идеологию и правовую ментальность публичных властей и публичных должностных лиц, подчинения юридической политики и деятельности государства, всей системы публичной власти конституционным идеям и др.) [4]. Являясь в том числе порождением феномена относительной самостоятельности права (отражающей специфические закономерности развития права), конституционализация вместе с тем находится в зоне интересов государства: трансформация в современных условиях функций государства, его участия в решении самых острых проблем общесоциального

значения объективно предрасполагают к использованию им конституционно-правового [2] инструментария [5, с. 835].

Обращает на себя внимание субстантивный аспект действия конституционализации – связь действия конституции (конституционного права) с феноменом прав человека. В указанном смысле конституционализация не может быть сведена исключительно или главным образом к расширению границ действия конституционного права (действующей конституции страны) [6]. Действие конституционного права и национальной конституции сохраняется в пределах зон досягаемости правового регулирования вообще. Однако проникающие возможности конституционного права обнаруживаются всегда там, где присутствие отраслевого нормативного инструментария недостаточно для эффективного обеспечения прав и свобод человека и гражданина, как того требуют в условиях XXI века современные правовые (конституционные) стандарты демократического социального правового государства – конституционной демократии.

В рассматриваемом контексте конституционализация предполагает нечто гораздо более значимое, а именно конституционализированную, или подчиненную действию Конституции, правовую систему страны и соответствующие ей национальные правовые порядки – общественный строй страны, не отклоняющийся от доктринально сформулированных и вошедших в практику базовых постулатов конституционализма. Конституционализация в такой интерпретации выступает правовым механизмом утверждения в общественной практике идей конституционализма, или в современной коннотации, утверждения идей справедливого и цивилизованного общественного строя [7]. В сугубо прагматичном значении – ценности для отдельного взятого субъекта – конституционализация предстает в следующем формате: во-первых, отражает особый характер правового воздействия, при котором объект правового регулирования испытывает на себе действие норм национальной конституции и/или норм конституционного права, т. е. попадает в том числе в зону действия национальной конституции; во-вторых, в результате конституционализации участники регулируемых отношений приобретают возможность пользования конституционными средствами и механизмами реализации и охраны принадлежащих им прав и свобод; в-третьих, конституционализация всегда предполагает перераспределение средств правовой регуляции, внедрение в правовую систему более «мягких» средств регуляции. При этом конституционализация не отменяет действие отраслевых регуляторов, но усиливает их, способствуя достижению значительно большего социального эффекта; в-четвертых, едва ли не самый значимый «раздражитель» и источник конституционализации заключен в природе прав человека. Именно необходимость их признания, соблюдения и защиты буквально вызывает к жизни действие

¹ В определенном смысле можно согласиться с тем, что конституционализация правосудия может быть рассмотрена с нескольких основных позиций: применения судами Конституции РФ, а также норм и принципов международного права; реализации системы разделения властей в контексте специфической роли суда; соотношения официального и неформального регулирования; ценностного наполнения конституционного текста и судебного правоприменения [3].

конституционализации¹. Методологически поэтому ущербным представляется противопоставление традиционных ценностей России правам человека, закрепленным в действующей Конституции. Мягко назвать некомпетентным вывод о том, что «Конституция РФ, сохраняя изначально включенные в нее положения о правах и свободах, в нынешней редакции предстает как дуалистичный политико-правовой документ, в котором идеи прав человека и защиты традиционных ценностей потенциально способны порождать коллизии в юридической практике» [3]. При такой оценке фундаментальных и знаковых конструкторов конституционного строя страны есть основания для предположения о том, что коллизии между ценностями и правами человека существуют в воображении авторов, имея в виду, что реализация конституционных ценностей вне гарантирования прав и свобод, в принципе, исключена. Между тем не только в понимании ведущих западных исследователей проблемы (М. Лохлин), как международная, так и внутригосударственная конституционализация «связана с идеей расширения конституционного регулирования прав человека» [8, с. 155–159].

Конституционализация – это, безусловно, нормативное действие Конституции, позиционируемое в самых разных формах. Возникают вполне резонные вопросы, которыми задаются конституционалисты: конституционализация чего должна иметь место или, говоря иначе, какие сферы конституционно-правового пространства могут и должны подвергаться конституционно-правовому воздействию; ограничивается ли это пространство только действием позитивированного (специально-юридического потенциала) конституционного законодательства, прежде всего действием самой конституции, или же данное пространство расширяется посредством всех возможных форм проявления конституции (конституционного права), притом что данный аспект – это не собственно регулятивное действие конституции, но главным образом ее ценностно-ориентационное влияние на общественную практику, формирующиеся правовые порядки. И здесь проявляется необычный срез конституционализации – влияние национальной конституции на общественную практику в самом широком ее значении, включая различные формы правовой коммуникации, правовую деятельность, через передачу, наполнение ценностями конституции взаимодействующих субъектов конституционно-правовой жизни. Именно данный аспект считается едва ли не определяющим в исследованиях целого ряда зарубежных авторов. В отечественной литературе такое понимание конституционализации обозначают лексемой «консти-

туционализация права правовой системы» [9], или «конституционализацией правопорядка»².

Действительно, как это показывает анализ, при обращении к феномену конституционализации западные авторы оценивают его с более широких методологических позиций, не сводя к воздействию на позитивное право (но совершенно не исключая такое влияние), его структурную организацию и характер действия. В фокус внимания вовлекаются процессы конституционализации (конституционного опосредования) правового развития самого общественного строя, развивающийся правопорядок, также понимаемый в предельно широком значении – как строй государственно-правовой жизни. При этом единого подхода в этом вопросе не представлено, соответственно, разброс мнений остается достаточно значительным.

Анализируя публикации в иностранных источниках (видимо, находясь под их влиянием) и обращая внимание на происходящую под влиянием конституционализации «унификацию правопорядков», один из авторов приходит к широкомасштабному выводу (вполне возможно, что эта мысль проистекает из цитируемых данным автором работ западных исследователей), что вследствие конституционализации «происходит стирание границ между публичным и частным правом» [9]. Но такой вывод не основывается на реальных фактах современной правовой действительности. Проведенный на монографическом уровне специальный анализ структурных изменений в праве [11] не подтверждает сделанного допущения. Под влиянием конституционализации в том числе наблюдается трансформация связей публичного и частного, перераспределение методов правового регулирования и даже смещение пределов (границ) действия права. Но для того, чтобы постулируемое «стирание» все же произошло, по меньшей мере потребуется нечто вроде такой химической реакции, как соединение, – «стирание» титульных особенностей ценностей публично-правового и частноправового порядка и появление «синтезированной ценности», что, в принципе, невозможно.

Действительно, современный этап правового регулирования отличается структурными изменениями в праве, наблюдается все более упрочивающаяся связь конституционного права и иных правовых общностей, включая право надгосударственных образований; одновременно заявляет о себе тенденция проникновения конституционно-правовых начал в отраслевое законодательство, в иные нормативно-правовые образования правовой системы (системы права) страны. Отмеченная тенденция концентрированно выражена в понятии конституционализации, относительно новом феномене конституционного развития. Под действием консти-

¹ Именно необходимость их обеспечения и порождает действие феномена конституционализации. Так, принятие Францией Хартии охраны окружающей среды 2004 г. и отнесение ее к источникам Конституции 1958 г. одновременно означало, что экологические права граждан получили характер основных прав; соответственно их реализация, охрана и защита.

² При этом компетентная литература, стараясь быть в тренде, не упускает возможности прибегать к анализу работ западных исследователей, не углубляясь в оценку представленных в них выводов и общих [из относительно давних работ: 10, с. 249].

ционализации происходят качественные и количественные изменения в предмете правового регулирования, наблюдаются изменения в структуре и содержании используемых в законодательной деятельности средств правовой регуляции: все более заметным становится проникновение в сферы действия публичного права диспозитивных начал регулирования. Прежде всего обращает на себя внимание расширяющаяся сфера применения договорного права в публично-правовой сфере и обусловленное этим распространение пространства применения так называемого «мягкого» права: публичные договоры в конституционном и муниципальном праве, использование согласительных процедур в уголовном и уголовно-процессуальном праве (примирение с потерпевшим, досудебное соглашение о сотрудничестве), новейшее законодательство о введении процедуры рассрочки уплаты налога и погашения кредита в финансовом праве и др. Как показывает анализ изменяющихся процессов в структурной организации права, именно расширение пространства конституционализации синхронизировано с процессами конвергенции: соединение в правовом регулировании частноправовых и публично-правовых инструментов. Это обстоятельство в свою очередь обеспечивает баланс частных и публичных интересов: обеспечение безопасности не нивелирует пространства свободы, но предполагает одновременно ее сохранение. Несомненно, присутствие в конституционном праве гуманитарного права играет решающую роль в этих процессах конституционализирующегося правового пространства, вследствие чего расширяется сфера действия норм и принципов, всего комплекса исходных, или общих, нормативно-правовых регуляторов – конституционных целей, конструкций, конституционных традиций и соглашений, конституционно-судебных доктрин. Вследствие этого наблюдается активное проникновение регуляторов конституционного права в отраслевое законодательство, иные нормативно-правовые образования, конституционализируя тем самым национальную правовую систему в целом [11, с. 409–435].

В новейших работах западных авторов, не без магнетического влияния методологии и философии плюрализма, обращается внимание на то обстоятельство, что «в настоящее время ведется не общий, унифицированный дискурс о конституционализации, а, скорее, целый ряд разнообразных дискуссий, в которых используются, соответственно, различные понятия и представления о конституции, конституционализме и конституционализации» (Аннэ Петерс)¹.

При этом феномен конституционализации исследуется исключительно или главным образом в коннотациях глобального конституционализма. Как известно, рож-

денная и укоренившаяся на платформе глобализации теория глобального конституционализма – (по мнению директора Гейдельбергского Института, проф. Макса Планка, «парадигма, разработанная в первом десятилетии тысячелетия в ответ на впечатляющую эволюцию как международного права, так и национального конституционного права многих государств...»)² – «исходит из предположения, что в условиях глобализации возможна конвергенция двух направлений правового регулирования, представленных международным и конституционным правом – в виде их синтеза или нового вида права, определяемого как «глобальное», «наднациональное», «транснациональное» или «международное конституционное право» [12]. По аналогии с получившими на Западе широкое распространение идеями глобального порядка, глобального конституционализма³, позиционируемого в качестве доминирующего нарратива, стали говорить о глобальной конституционализации⁴ – описании участвующих в создании глобального правового порядка формальных правовых и политических процессов.

Соответственно, конституционализация позиционируется «как процесс приведения политической власти в соответствии с конституционными принципами, является многоуровневым явлением: она касается как международных институтов, так и государств⁵. В западном понимании, «конституционалистские» принципы – «это, прежде всего, верховенство права, права человека и демократия (так называемая «конституционалистская

² «Дайджест публичного права» Гейдельбергского Института Макса Планка выражает благодарность автору за разрешение перевести и опубликовать данный материал. Оригинал см. Anne Peters, *Against a Deconstitutionalisation of International Law in Times of Populism, Pandemic, and War* (October 25, 2022) в: Max Planck Institute for Comparative Public Law & International Law (MPIL) Research Paper № 2022-22 dpp.mpil.de\12_2023\12_2023_41_68.pdf).

³ В глобалистике «глобальный конституционализм», как правило, определяется «как теория, дискурс и политическая повестка, отстаивающая применение фундаментальных конституционных принципов (верховенство права, защита прав человека, разделение властей) в международно-правовой сфере, с целью обеспечить нормативное единство, эффективность и справедливость формирующегося глобального международно-правового порядка, включая, таким образом, юридические, функциональные и этические компоненты» (Handbook on Global Constitutionalism / ed. A. F. Lang, A. Wiener. – Cheltenham, UK; Northampton, Mass.: Edward Elgar Publishing, 2017; Atilgan A. *Global Constitutionalism. A Socio-Legal Perspective*. Heidelberg: Springer, 2018 [цит. по: 12, с. 977]).

⁴ Некорректно на основе знакомства с одной из публикаций, в которой определенным образом представлена интерпретация проблемы западными исследователями, утверждать о том, что «принадлежит авторство» [13].

⁵ Thomas Cottier and Maya Hertig, 'The Prospects of 21st Century Constitutionalism', 7 Max Planck UNYB (2003), 261-328 at 299, 301; Anne Peters, 'The Globalisation of State Constitutions', in: Janne Nijman and André Nollkaemper (eds), *New Perspectives on the Divide between National and International Law* (Oxford: Oxford University Press 2007), 251–308.

¹ Лохлин М. Что означает конституционализация? Реф. статьи: Loughlin M. What is constitutionalisation? // *The twilight of constitutionalism?* / Ed. Petra Dobner and Martin Loughlin. Oxford: Oxford univ. press, 2010. P. 48–73 [цит. по: 8, с. 155–159].

триада»)¹. Именно «конституционалистские принципы используются в качестве ориентира для критики международного права в его нынешнем виде» (Петерс А.).

Конституционализация, таким образом, не ограничивается сферой внутригосударственных интеракций, непосредственно оказывая влияние на международные правовые порядки. И в том, и в другом случае конституционализация рассматривается в качестве механизма подчинения властных институтов принципам конституционализма. Справедливости ради, надо сказать, что перечень таких принципов определяется западными исследователями достаточно избирательно. В частности, из него исключен принцип народного суверенитета, принципы социального равенства, между тем как в современном мире «материальное неравенство богатства и доходов растет, причем в разной степени как внутри стран, так и между странами»². Именно все более усиливающееся социальное неравенство не только внутри отдельных государств, но и на международном уровне, по мнению А. Петерс, в числе других факторов несоблюдения «конституционалистских принципов», породило феномен деконституционализации. Неспособность институтов международной системы влиять на отмену далеко не отдельными странами принципов верховенства права, нарушения прав человека, в том числе естественного права пользования родным языком, выступают одновременно и показателем укоренения деконституционализации, и фактором ее углубления, мультипликации на многие страны и народы.

В коннотациях глобального конституционализма, по оценке одного из западных исследователей (Г. А. Браун), термин «конституционализация» интерпретируется в значении глобальных правовых режимов, средства описания экспоненциального роста и влияния международных организаций, описания формальных правовых и политических процессов, участвующих в создании глобального правового порядка: «конституционализировать» что-либо – значит конституировать формальные юридические процессы, в которых права и обязанности кодифицированы и четко определены авторитетные механизмы судебных процедур»³.

¹ Mattias Kumm, Anthony Lang, James Tully and Antje Wiener, How Large is the World of Global Constitutionalism?, *Global Constitutionalism* 3 (2014), 1-8.

² Lucas Chancel, Thomas Piketty, Emmanuel Saez, Gabriel Zucman, et al., *World Inequality Report 2022* (World Inequality Lab 2021); World Bank, *Poverty and Shared Prosperity 2020: Reversal of Fortune*, Washington, DC: World Bank 2020; Price Waterhouse Coopers and UBS (Switzerland), *Riding the Storm: Market Turbulence Accelerates Diverging Fortunes, Billionaires Insights*, PwC and UBS, 2020.

³ Brown G. The constitutionalization of what? // *Global Constitutionalism*. 2012. Vol. 1, № 2. P. 201–228 [цит. по: 9].

Хотя, конечно, следует признать справедливым вывод цитируемого автора о том, что термин «конституционализация» выступает как акт подчинения организации правовой юрисдикции установленному конституционному строю. А, кроме того, утверждается, что «понятие «конституционализация» способно

Сделан акцент на особой роли конституционных учреждений и механизмов в данном процессе, в частности судов, имея, очевидно, в виду фактор судейского активизма; это также законодательные инициативы, а равно ограничение компетенции федеральных органов исполнительной власти в соответствии с международными и национальными конституционными стандартами. Отмечается, что с особенностями вторичной конституционализации по своим свойствам совпадает формирующийся при этом конституционно-правовой порядок [14]. Следовательно, если не оставаться в плену методологии позитивизма, господства юридическо-дескриптивного тренда, и одновременно сохранять приверженность конституционным ценностям, то, видимо, логичен будет вывод о том, что конституционализация обнимает все пространство, в которой так или иначе происходит действие конституции. Права поэтому те западные исследователи, которые оценивают конституционализацию более широко «чем действие конституции в ее позитивном значении – как закрепление прав личности в конституционных актах, отделение конституционной власти от законодательной и подчинение обычного законодательства (более низкого ранга) высшему закону основного порядка, который представляет собой конституцию»⁴.

Уточним: выводы западных исследователей относительно так называемых первичной и вторичной конституционализации применительно к российской конституционной действительности⁵, может быть, в каком-то приближении и добавляют новизны в понимании существа проблемы, но при условии точной интерпретации постулируемых положений применительно к действительным конституционным процессам нашей страны).

С учетом отмеченного может показаться, что концепт конституционализации выводится за пределы предметной области конституционного права либо, на-

также дополнительно относиться к неформальным и внеправовым процессам создания норм, которые могут возникать из различных процессов правового и политического взаимодействия, как итерации к более авторитетному конституционному правовому порядку [9].

⁴ Stourzh G. The Development of Constitutional Precedence and the Constitutionalization of Individual Rights // *Reconsidering Constitutional Formation II Decisive Constitutional Normativity. Studies in the History of Law and Justice*, vol 12 / ed. by U. Müßig. Springer, Cham, 2018 [цит. по: 9].

⁵ Если процессы первичной конституционализации сводятся к разработке и принятию текста Конституции, то процессы вторичной конституционализации касаются «как предписанных государством, так и реализуемых в более свободном режиме, в результате которых текст конституции расширяется за счет интерпретации и выборного применения, таким образом, усиливая степень влияния конституционного права на общественные отношения» [14, с. 34]. В указанном смысле вторичная конституционализация есть особый процесс, «в ходе которого правовые институты, действуя в условиях относительной автономии, создают эффективные конституционные формы существования политической системы» [14, с. 39].

против, он призван охарактеризовать правовое регулирование (включая и международные отношения), соответствующее требованиям конституционности. Как это представляется, феномен «глобальной конституционализации» отражает наблюдаемые в XXI в. процессы конвергенции [о конвергенции в праве: 11, с. 83–96] международного и конституционного права и, как следствие этого, преобразование последнего и, что немаловажно, становление новой иерархии норм транснационального права (так называемый «многоуровневый конституционализм»), появление ранее неизвестных представленных негосударственными институтами субъектов законодательства, и одновременно формирование новой сферы регулирования – глобального административного права и управления.

Отмеченное позволяет сделать вывод и более общего характера, а именно: конституционализацию следует рассматривать в контексте действия фундаментальных начал конституционализма (базовых конституционных принципов) – идеи признания и гарантирования прав человека, утверждения в механизме властвования реального народовластия (прямого народовластия и представительных начал) и обеспечения баланса властей, или утверждения в конституционной практике принципа разделения властей).

Хотя, действительно, конституционализация связана с изменением конституционно-правовых основ – расширением зон, участков социально-правового пространства, подпадающих под влияние нормативного действия конституции. Вместе с тем конституционализация есть материализующееся в общественной практике действие национальной конституции в любых ее проявлениях, не сводимых исключительно к осуществлению (применению властными институтами, реализации непосредственными адресатами) норм, принципов и иных конституционных установлений. В указанном смысле идейно-мотивационное воздействие конституции, непосредственно не порождающее правовых последствий, – также есть проявление конституционализации: это подчинение политики, идеологии, практики не только конституционным императивам, или основным постулатам конституционализма, но и в равной мере духу, смыслу конституции, объективированных в том числе в конституционно-судебных доктринах. Конституционализации подчинена политика государства, которая не может находиться вне ее воздействия. Это касается в том числе не только правоохраны, но законодательства, законодательных стратегий. При таком подходе осуществляемая политика, к примеру, в уголовно-правовой сфере, «приобретает значимый социальный оттенок, обеспечивая соответствие реализуемого в стране уголовно-политического курса социальным ожиданиям населения, что служит дополнительным и весомым фактором легитимации уголовного права и общественной поддержки принимаемых государством решений, «работает» на укрепление политического единства государства и общества, вносит свой вклад в реализацию стра-

тегии построения сильного и солидарного государства» [15; 16].

Именно в таком значении следует оценивать конституционные основы государства (системы публичной власти) и общества, которые представляют собой единство писаных и неписаных правоположений конституционного значения, правосознание, правовую ментальность и конституционную культуру, сложившуюся под влиянием этих факторов конституционную практику [6, с. 16]. Причем, под влиянием конституционализации конституционные основы эволюционируют, не покидая при этом пространство действия фундаментальных начал конституционализма и тем самым не нарушают объективно заданных им пределов. Что касается объективной заданности пространства распространения конституционализации, то с высокой степенью вероятности можно утверждать, что она обусловлена фактором предельного уровня – конституционно воспринятой и защищаемой системой ценностей. Необходимость реализации конституционных ценностей предопределяет формат и масштабы распространения конституционализации.

Следовательно, конституционализация конституционной практики – законодательства, сферы государственного правления, правоохраны и правосудия – должна рассматриваться в контексте наполнения их реализующимися конституционными ценностями. В указанном смысле приверженность Российской Федерации традиционным ценностям должно интерпретироваться в том числе в органичной (конституционной) связи с положениями ст. 2 и 18 Конституции РФ, имея в виду то обстоятельство, что права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. При этом традиционные ценности – это не «объект конституционализации» [17], а методологический ориентир, в каком-то смысле конституционный стандарт для проявления конституционализации, ее распространения в социально-правовом пространстве. Такой подход к пониманию конституционного смысла традиционных ценностей как раз и позволяет охарактеризовать их как «сложный социокультурный феномен, который... системно увязывается с формированием образа гражданина, с выявлением национальной (государственной) идентичности, формированием государственной идеологии» [17].

При этом, конечно, конституционализация возможна и вследствие действия субъективного фактора, в частности, использования властного ресурса в ситуации, которая объективно того не требует.

Изложенное указывает на то, что в определенном смысле конституционализация и действие конституции совпадают, хотя между ними сохраняются различия [18; 19, с. 161–181], при том, что понимание конституции не ограничено ее формально-юридической интерпретацией. Абсолютизации конституционализации

не способствует утверждению уникальности действия конституции в национальной правовой системе страны [2]. Конституционализация есть аспект, пусть и весьма значимый, действия конституции; она является своего рода фактором, придающим национальной конституции характер «живой конституции», устраняет расхождение между «формальной» и «материальной» конституциями и придает устойчивый характер развитию конституционной системы. В то же время применительно к современной действительности конституционализация приобретает характер трансграничного действия, распространяясь одновременно на сферы правового пространства, подпадающие под юрисдикцию международного и регионального (к примеру, европейского) права.

Список источников

1. Большой юридический словарь / Сост.: А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских ; под ред. А.Я. Сухарева. М. : Юрид. лит, 2003.
2. Червонюк В. И. Соотношение свободы и безопасности : новые вызовы и проблема выбора приоритетов // В сб.: Развитие российского права : новые контексты и поиски решения проблемы. III Московский юридический форум. X Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) : материалы конференции : в 4 ч. Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). М., 2016. С. 212–217.
3. Краснов А. В., Юсупов А. А. Судебная деятельность и ее конституционализация : единство и противоречия // Российская юстиция. 2024. № 2. С. 23–30.
4. Червонюк В. И. Имплементация конституционно-правовых понятий: инновационный подход к современным формам (способам) конституционализации // Конституционализм : правовая система России: итоги и перспективы : материалы секции конституционного и муниципального права V Межд. науч.-практ. конф. «Кутафинские чтения». Сборник докладов / Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина. Научные издания. М. : Проспект, 2015. С. 108–119.
5. Червонюк В. И. Идея права и право в идеях : в 2-х т. Т. I. Теория, философия и методология права : монография. М. : Юстицинформ, 2021.
6. Крусс В. И. Конституционализация права : основы теории. М. : Норма: ИНФРА-М, 2016.
7. Червонюк В. И. Имплементация конституционно-правовых понятий в отраслевое (действующее) законодательство (позитивное право) как форма его конституционализации // Государственная служба и кадры. 2014. № 4. С. 13–18.
8. Современный конституционализм : теория, доктрина и практика : сб. науч. тр. / отв. ред. Е. В. Алфеева, И. А. Умнова. М. : ИНИОН РАН, 2013.
9. Плотникова И. Н. «Конституционализация» : к вопросу о понятии // Известия Саратовского универ-

ситета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21. Вып. 2. С. 188–197.

10. Тихомиров Ю. А. Коллизионное право. М. : Изд. г-на Тихомирова, 2001. 394 с.
11. Червонюк В. И. Структура права : теория, методология, технологии и практики формирования : монография. М. : Юстицинформ, 2024.
12. Медушевский А. Н. Глобальный конституционализм – теория мирового правового порядка или новая политическая идеология? // Historia Provinciae – Журнал региональной истории. 2020. Т. 4. № 3. С. 974–1019.
13. Алексеева М. В. Конституционные аспекты цифровых прав в эпоху цифровизации: юридический и практический анализ // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 3. С. 30. С. 27–30.
14. Торнхилл К., Смирнова М. В. Модели вторичной конституционализации в российской политической системе // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 6. С. 34–41.
15. Гузеева О. С. Проблемы теории конституционализации уголовного права. М. : Проспект, 2021.
16. Чирков Ф. В. Конституционализация уголовной политики защиты традиционных ценностей : к постановке проблемы // Российский следователь. 2024. № 6. С. 42–45.
17. Конева Н. С. Конституционализация традиционных ценностей : диалог общества и государства // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 12. С. 17–19.
18. Червонюк В. И. Действие конституции (концептуальный взгляд). 10 лет Конституции РФ: итоги и перспективы. Материалы межвуз. научно-практ. конф. (5 декабря 2003 г.). М. : Московский университет МВД России, 2004. С. 23–37.
19. Червонюк В. И. Действие Конституции в контексте современного правопонимания // Идея права и право в идеях: в 2-х т. : монография. Том II. Кн. 1. Теория конституционного права: сравнительно-правовой и страноведческий анализ / В. И. Червонюк : монография. М. : Юстицинформ, 2022.

References

1. Large legal dictionary / Comp.: A. Ya. Sukharev, V. E. Krutskikh ; edited by A.Ya. Sukharev. M. : Yurid. lit., 2003.
2. Chervonyuk V. I. The relationship between freedom and security : new challenges and the problem of choosing priorities // In the collection: Development of Russian Law: new contexts and the search for solutions to the problem. III Moscow Law Forum. X International Scientific and Practical Conference (Kutafin Readings) : conference proceedings : at 4 v. Kutafin Moscow State Law University (MGUA). M., 2016. P. 212–217.
3. Krasnov A.V., Yusupov A. A. Judicial activity and its constitutionalization : unity and contradictions // Russian justice. 2024. № 2. P. 23–30.

4. Chervonyuk V. I. Implementation of constitutional and legal concepts: an innovative approach to modern forms (methods) of constitutionalization // *Constitutionalism : the legal system of Russia : results and prospects : materials of the section of constitutional and municipal law of the V International Scientific and Practical Conference «Kutafinsky readings». Collection of reports / Moscow State Law University named after O. E. Kutafin. Scientific publications. M. : Prospekt, 2015. P. 108–119.*
5. Chervonyuk V. I. The idea of law and law in ideas : in 2 volumes. V. I. Theory, philosophy and methodology of law : monograph. M. : Justicinform, 2021.
6. Kruss V. I. Constitutionalization of law: fundamentals of theory. M. : Norm: INFRA-M, 2016.
7. Chervonyuk V. I. Implementation of constitutional and legal concepts in sectoral (current) legislation (positive law) as a form of its constitutionalization // *Civil service and personnel. 2014. № 4. P. 13–18.*
8. Modern constitutionalism : theory, doctrine and practice : collection of scientific papers / ed. by E. V. Alferova, I. A. Umnova. M. : INION RAS, 2013.
9. Plotnikova I. N. «Constitutionalization» : on the question of the concept // *Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Economics. Management. Right. 2021. Vol. 21. Issue. 2. P. 188–197.*
10. Tikhomirov Yu. A. Conflict of laws. M. : Publishing house of Mr. Tikhomirov, 2001. 394 p.
11. Chervonyuk V. I. The structure of law : theory, methodology, technologies and practices of formation : monograph. M. : Justicinform, 2024.
12. Medushevsky A. N. Global constitutionalism – a theory of the world legal order or a new political ideology? // *Historia Provinciae – Journal of Regional History. 2020. Vol. 4. № 3. P. 974–1019.*
13. Alekseeva M. V. Constitutional aspects of digital rights in the era of digitalization : legal and practical analysis // *Constitutional and municipal law. 2025. № 3. P. 30. P. 27–30.*
14. Thornhill K., Smirnova M. V. Models of secondary constitutionalization in the Russian political system // *Constitutional and Municipal law. 2016. № 6. P. 34–41.*
15. Guzeeva O. S. Problems of the theory of constitutionalization of criminal law. M. : Prospekt, 2021.
16. Chirkov F. V. Constitutionalization of criminal policy for the protection of traditional values : towards a problem statement // *Russian investigator. 2024. № 6. P. 42–45.*
17. Koneva N. S. Constitutionalization of traditional values : a dialogue between society and the state // *Constitutional and Municipal law. 2023. № 12. P. 17–19.*
18. Chervonyuk V. I. The effect of the constitution (conceptual view). 10 years of the Constitution of the Russian Federation: results and prospects. Materials of the inter-university. scientific and practical conference (December 5, 2003). M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004. P. 23–37.
19. Chervonyuk V. I. The effect of the Constitution in the context of modern legal understanding // *The idea of law and law in ideas: in 2 volumes : monograph. Vol. II. Book 1. Theory of Constitutional law: comparative legal and regional studies analysis / V. I. Chervonyuk : monograph. M. : Justicinform, 2022.*

Информация об авторе

В. И. Червонюк – профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

V. I. Chervonyuk – Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 07.07.2025; одобрена после рецензирования 28.08.2025; принята к публикации 10.10.2025.

The article was submitted 07.07.2025; approved after reviewing 28.08.2025; accepted for publication 10.10.2025.

Научная статья

УДК 340.1

EDN: <https://elibrary.ru/peadqw>

ИПОН: 2015-0066-2/26-440

MOSURED: 77/27-011-2026-02-639

Защита войсками национальной гвардии Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина при обеспечении ими общественной безопасности

Виктор Михайлович Шеншин^{1,2}

¹ Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России, Санкт-Петербург, Россия, vitya-shen@mail.ru

² Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация. Предназначение войск национальной гвардии Российской Федерации раскрывается через защиту прав и свобод человека и гражданина. Приводятся примеры успешной деятельности войск.

Ключевые слова: войска национальной гвардии, защита прав и свобод, человек и гражданин, Росгвардия

Благодарности: статья подготовлена в рамках реализации государственного задания «Комплексное исследование проблем общественной безопасности, как стратегического приоритета национальной безопасности Российской Федерации» (FFFZ-2025-0001).

Для цитирования: Шеншин В. М. Защита войсками национальной гвардии Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина при обеспечении ими общественной безопасности // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 146–151. EDN: PEADQW.

Original article

Protection of human and civil rights and freedoms by troops of the National Guard of the Russian Federation while ensuring public safety

Viktor M. Shenshin^{1,2}

¹ Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Saint Petersburg, Russia, vitya-shen@mail.ru

² Security Research Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The purpose of the troops of the National Guard of the Russian Federation is revealed through the protection of human and civil rights and freedoms. Examples of successful activity of troops are given.

Keywords: national Guard troops, protection of rights and freedoms, man and citizen, Rosgvardiya

Acknowledgements: the article was prepared as part of the implementation of the state assignment «Comprehensive study of public security issues as a strategic priority of the national security of the Russian Federation» (FFFZ-2025-0001).

For citation: Shenshin V. M. Protection of human and civil rights and freedoms by troops of the National Guard of the Russian Federation while ensuring public safety. Bulletin of economic security. 2026;(2):146–151. (In Russ.). EDN: PEADQW.

Положения, содержащиеся в ст. 2 Конституции Российской Федерации, предусматривают, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства.

В системе государственных органов, обеспечивающих реализацию конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина, особое место занимают войска национальной гвардии Российской Федерации. Их предназначение напрямую коррелирует с задачей

защиты ключевых общественных ценностей – жизни, здоровья, прав и свобод граждан, а также конституционного строя, безопасности и правопорядка.

Актуальность настоящего исследования обусловлена функционированием силовых структур Российской Федерации в новых правовых и оперативных условиях, связанных с проведением специальной военной операции. Особый научный и практический интерес представляет деятельность войск национальной гвардии, ко-

торые в данном контексте совместно с Вооруженными Силами и иными подразделениями федеральных органов исполнительной власти выполняют комплекс служебно-боевых задач. Эта деятельность осуществляется в рамках особого правового режима – военного положения, введенного на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей [5].

Одним из важнейших аспектов служебно-боевой деятельности личного состава войск национальной гвардии в зоне специальной военной операции выступает комплексное выполнение задач по стабилизации обстановки на освобожденных от националистических вооруженных формирований территориях. Помимо непосредственного участия в военных операциях, военнослужащие (сотрудники) ведомства осуществляют ключевые функции по обеспечению общественной безопасности и охраны правопорядка. Это включает в себя патрулирование, контроль за соблюдением режима военного положения, охрану объектов жизнеобеспечения и инфраструктуры. Особое значение имеет их деятельность по непосредственной защите гражданского населения от преступных посягательств, включая противодействие мародерству, незаконному обороту оружия и деятельности диверсионно-разведывательных групп.

Значимым направлением деятельности войск в условиях специальной военной операции является выполнение задач по охране важных объектов инфраструктуры и жизнеобеспечения, что выступает необходимым условием для стабилизации социально-экономической обстановки. Подразделения Росгвардии обеспечивают безопасность энергетических узлов, мостов, транспортных коммуникаций, а также объектов повышенной опасности, в первую очередь – предприятий атомной энергетики, предотвращая возможные диверсии и гарантируя их бесперебойное функционирование. Параллельно с этим, реализуя гуманитарно-ориентированные функции, личный состав активно способствует восстановлению мирной жизни на освобожденных территориях. В рамках этой работы росгвардейцы оказывают адресную помощь гражданскому населению продуктами и медикаментами, а также организуют и осуществляют охрану и сопровождение колонн с гуманитарными грузами, обеспечивая их безопасную доставку по назначению [2].

Деятельность войск национальной гвардии в контексте современной государственно-правовой реальности определяется ее ключевой ролью в механизме обеспечения и непосредственной защиты прав и свобод человека и гражданина. Будучи специализированным силовым компонентом государственного аппарата, Росгвардия реализует комплекс публично-властных полномочий, прямо направленных на создание безопасных условий для реализации конституционного правового статуса личности.

Ключевой особенностью функционирования войск национальной гвардии как элемента системы без-

опасности является динамический характер их роли в общем механизме обеспечения правопорядка. Данный тезис находит свое конкретное воплощение и подтверждение в гибком, ситуативно обусловленном применении разнообразных организационно-правовых форм деятельности – от осуществления административно-юрисдикционных полномочий до выполнения специальных и служебно-боевых задач в условиях особых правовых режимов.

В теоретическом дискурсе нередко наблюдается редукция правоохранительной деятельности к ее наиболее публичной и властной составляющей, которая наиболее тесно смыкается с традиционным содержанием и сущностными признаками деятельности государственного аппарата. Эта деятельность воспринимается прежде всего как исполнение функций реализации права с акцентом на применение мер государственного принуждения и легитимную силу.

Деятельность войск национальной гвардии представляет собой комплексную систему, направленную на обеспечение публичной безопасности и правопорядка. Важнейшим аспектом данной системы является разработка и внедрение предложений и практических мер, осуществляемые в рамках тесного межведомственного взаимодействия с другими правоохранительными структурами и их подразделениями. Это сотрудничество обеспечивает синергетический эффект при решении масштабных задач. В спектр полномочий Росгвардии входит обеспечение соблюдения паспортно-визового режима и контроль за соблюдением правил въезда, выезда, транзитного проезда и пребывания на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства. Кроме того, на войска возложено критически важное для обеспечения безопасности функционирование разрешительно-регистрационной системы, включая контроль за оборотом оружия. Помимо этого, Росгвардия вносит существенный вклад в обеспечение безопасности граждан через участие в контроле за соблюдением правил дорожного движения и мероприятиях по обеспечению противопожарной безопасности. Интеграция этих разнонаправленных функций в рамках единой структуры позволяет осуществлять скоординированную политику в сфере внутренней безопасности.

Приведем недавний пример, когда Росгвардия с честью выполнила поставленные задачи по обеспечению безопасности президентских выборов в 2024 г. Масштабная работа по обеспечению безопасности мест голосования была начата еще в феврале 2024 г. Накануне голосования росгвардейцы обследовали избирательные участки и прилегающие к ним территории на предмет обнаружения взрывоопасных предметов и взрывных устройств.

В ходе выборов военнослужащие и сотрудники ведомства обеспечили охрану субъектов, территориальных, участковых и выездных избирательных комиссий, а также общественный порядок на объектах для голо-

сования. Экипажи вневедомственной охраны в период проведения избирательной кампании, а также в дни голосования несли службу в круглосуточном режиме на постах и маршрутах патрулирования улиц и общественных мест.

Ключевым элементом обеспечения легитимности и бесперебойности избирательного процесса выступает комплекс мер по охране общественного порядка. В ходе подготовки и проведения голосования, включая досрочное, был реализован масштабный план межведомственного взаимодействия. Особый механизм оперативного реагирования был реализован по обращениям избирательных комиссий субъектов: для адресного усиления охраны конкретных избирательных участков дополнительно было выделено порядка 1 600 сотрудников. Данные цифры иллюстрируют комплексный и ресурсоемкий характер административно-организационного обеспечения избирательных процедур, направленный на создание условий для свободного волеизъявления граждан.

На территории новых субъектов Российской Федерации выполнены задачи по охране избирательных участков и комиссий, а также отдельной категории их сотрудников, мест их проживания и мест размещения Государственной автоматизированной системы «Выборы». Например, в Донецкой Народной Республике военнослужащие и сотрудники Росгвардии, обеспечивавшие безопасность выборов Президента Российской Федерации, досмотрели избирательные участки на наличие взрывоопасных предметов.

В Москве на соответствие антитеррористической защищенности и инженерно-технической укрепленности проведено более 2-х тыс. обследований мест голосования и хранения избирательной документации. Группы задержания вневедомственной охраны в системе сводной дислокации, чьи маршруты патрулирования проходят в непосредственной близости от мест голосования, незамедлительно реагировали на срабатывание кнопок тревожной сигнализации.

Важнейшим компонентом системы безопасности в ходе голосования являлось неукоснительное соблюдение установленных требований контрольно-пропускного режима и организация физической охраны объектов избирательной инфраструктуры. Для этого был реализован комплекс технико-организационных мер, включавший плановую и внеплановую проверку работоспособности всех элементов инженерно-технической защиты. Особое внимание уделялось диагностике и обеспечению бесперебойного функционирования систем видеонаблюдения, средств тревожной сигнализации и металлодетекторного оборудования. Такие мероприятия позволили минимизировать риски несанкционированного проникновения, создать условия для идентификации и пресечения потенциальных нарушений, а также сформировать документально фиксируемую информационную среду вокруг избирательных участков, что в совокупности способствовало превентивному обе-

спечению правопорядка. Представители лицензионно-разрешительной работы Росгвардии провели в столице около 90 тыс. проверок в сфере оборота оружия и частной охранной деятельности. Дополнительно проводился инструктаж с руководителями частных охранных организаций, привлекаемых к обеспечению общественного правопорядка и общественной безопасности в период проведения выборов.

В контексте исследования механизмов обеспечения правопорядка представляет интерес теоретическая модель, предложенная С. В. Калашниковым. Ученый выделяет общепризнанный универсальный механизм защиты прав и свобод, структурированный по территориально-правовому критерию и включающий несколько взаимосвязанных уровней: межгосударственный (международный), внутригосударственный (национальный) и локальный (местный).

Особенность Росгвардии как правоохранительного института, имеющая нормативное закрепление, заключается в ее уникальной способности осуществлять защиту прав и свобод человека и гражданина на всех выделяемых в теории правозащитных уровнях. Так, на межгосударственном уровне данный потенциал реализуется через участие в международных миротворческих операциях, направленных на защиту гражданского населения за рубежом [1].

В теоретико-правовом аспекте юридические запреты представляют собой правовые обязанности пассивного характера, т. е. предписания воздерживаться от совершения действий определенного рода. В силу этой своей природы их обособленное выделение в качестве самостоятельного элемента в структуре правового статуса личности представляется достаточно условным.

В рамках конституционно-правовой доктрины механизм допустимого ограничения прав и свобод человека и гражданина закреплен в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации. Указанная норма устанавливает, что такие ограничения могут устанавливаться исключительно федеральным законом и лишь в той мере, в какой это необходимо для достижения конституционно значимых целей. К ним, в частности, отнесены защита основ конституционного строя, а также обеспечение обороны страны и безопасности государства. Данная правовая конструкция формирует баланс между реализацией индивидуальных свобод и защитой ключевых публично-правовых интересов, легитимируя ограничительные меры как исключительный, но необходимый инструмент правового регулирования.

В контексте установления правовых ограничений важно подчеркнуть, что действующая в Российской Федерации система конституционного и ведомственного контроля постоянно выявляет случаи несоответствия законодательных и подзаконных актов, а также правоприменительной практики, фундаментальным принципам защиты прав человека. Как свидетельствует практика Конституционного Суда Российской Федера-

ции, им регулярно признаются не соответствующими Конституции нормы, нарушающие и ущемляющие эти права.

А. В. Кудашкин пишет: «Особенности военной службы обуславливают ограничения некоторых прав и свобод военнослужащих, гарантированных гражданам Конституцией Российской Федерации. Данные ограничения распространяются на всех военнослужащих независимо от служебного положения, но должны вводиться только законом и быть соразмерны охраняемому общественному интересу, основываться на принципе запрета чрезмерных ограничений прав и свобод военнослужащих» [4].

В. В. Козлов отмечает: «Запреты, связанные с прохождением военной службы, являются правовыми нормами, определяющими действия, несовместимые с исполнением обязанностей военной службы, установленные действующим законодательством в целях эффективного и качественного исполнения военнослужащими функций в сфере обороны страны и безопасности государства, а также в целях исключения со стороны военнослужащих коррупционных проявлений и иных злоупотреблений служебным положением, нарушение которых влечет юридическую ответственность военнослужащих, в том числе может быть основанием для досрочного прекращения военно-служебных отношений» [3].

Обновление конституционной доктрины Российской Федерации обусловило необходимость критического переосмысления ряда устоявшихся научных парадигм и методологических установок, сформировавшихся в предшествующие десятилетия, что знаменует собой этап концептуального обновления отечественной правовой науки.

Во-первых, анализируя эволюцию правопонимания в отечественной юридической науке, следует констатировать доминирование узконормативистской парадигмы. В ее рамках права и свободы интерпретировались исключительно как производные от государства, а само право редуцировалось к совокупности установленных им норм. Подобная позитивистская трактовка исключала саму возможность признания естественных, природенных прав человека как самостоятельной, до- и надгосударственной категории. В этой логике не существовало и не могло существовать никаких заранее данных, «неотчуждаемых» правовых величин. Индивид, соответственно, мыслился преимущественно как гражданин, чей правовой статус всецело определялся и даровался государственной властью, что подчеркивало его производный и зависимый характер.

Во-вторых, системным фактором, сдерживавшим развитие института прав и свобод, являлось целенаправленное принижение роли права как самостоятельного и верховного регулятора общественных отношений. Идеи верховенства закона и правового государства встречали доктринальное отторжение, поскольку они несли в себе принципиальные ограничения и правовые лимиты

для авторитарной власти, что было несовместимо с логикой тоталитарной политической системы. В этом контексте особую символическую и юридическую значимость приобретает положение ст. 1 Конституции Российской Федерации, провозглашающее Россию правовым государством. Данная норма представляет собой не только формальный принцип, но и ключевой ориентир для преодоления наследия прошлого, утверждая верховенство права как основу конституционного строя.

В-третьих, доктринальная трактовка прав и свобод человека подвергалась существенному сужению в силу упрощенного, догматического понимания соотношения классовых и общечеловеческих начал. Классовые интересы, абсолютизированные в рамках господствующей идеологии, преподносились в качестве универсального нормативного эталона, а *privilegi* определявшего содержание, границы и саму легитимность прав личности, а также модели ее социально одобряемого поведения. Такой редукционизм фактически растворял автономную ценность индивида и универсальные правовые принципы в категориях целесообразности классовой борьбы и государственного строительства.

В-четвертых, сдерживающим фактором выступала доминировавшая доктрина, исходившая из необходимости тотального огосударствления всех сфер общественной жизни. С позиций данной концепции государство рассматривалось как единственный легитимный выразитель и гарант любых коллективных и индивидуальных интересов, что априори обеспечивало абсолютный приоритет государственных интересов над частными. Логическим следствием такого подхода становилось идеологическое и правовое поглощение автономной личности и гражданского общества государственным аппаратом, что лишало субъективные права их изначальной ценности, превращая их в производный инструмент государственной политики.

Основополагающий международный документ, заложивший универсальный правовой базис современной концепции прав человека, – Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г. Ее преамбула констатирует: «Признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира...». Этот тезис, получивший впоследствии практически всеобщее признание со стороны государств, обозначил радикальный поворот от этатистского правопонимания к признанию естественных и неотчуждаемых прав личности в качестве краеугольного камня международного правопорядка и национальных правовых систем, включая Российскую Федерацию. Декларация стала ценностно-правовым фундаментом для последующего развития как международного гуманитарного права, так и конституционализма, ориентированного на преодоление доктрин, отрицающих автономную ценность человеческого достоинства.

Универсальный характер Всеобщей декларации прав человека проявляется в закреплении принципа защиты основных прав и свобод вне зависимости от дискриминирующих признаков, таких как пол, раса, язык, вероисповедание, цвет кожи или социальное положение. Однако, с точки зрения автора, центральное и наиболее ценное положение документа сформулировано в его статье 3, провозглашающей право каждого человека на жизнь, свободу и личную неприкосновенность. Именно этот фундаментальный комплекс прав, составляющий абсолютный минимум человеческого достоинства, оказывается наиболее подверженным систематическим нарушениям и становится особенно уязвимым в условиях вооруженных конфликтов и чрезвычайных ситуаций, что актуализирует проблему создания эффективных международных и национальных гарантий его реализации в кризисных условиях.

Под правовым режимом, применяемым в период вооруженных противостояний, в доктрине принято понимать международное гуманитарное право, известное также как право вооруженных конфликтов. Эта самостоятельная отрасль международного публичного права представляет собой кодифицированный свод норм, основная цель которых заключается в минимизации гуманных последствий и страданий, порождаемых войной, путем ограничения методов и средств ведения военных действий, а также защиты лиц, не принимающих или прекративших участие в боевых действиях.

Генеральный секретарь ООН, в ходе доклада на заседании в 2019 г., указал на нормы гуманитарного права, которые нарушались долгое время и будут нарушаться впредь, если не обеспечить строгое соблюдение положений международных актов, особенно во время ведения боевых действий.

Основываясь на выводах изучения данного вопроса, как в целом, так и отдельных его частей, можно прийти к выводу, что даже исходя из всех изменений, до которых дошел мир в рамках развития права, это не сказалось на ведении войны в плане соблюдения прав человека.

Человечество воевало всю свою историю, это давняя проблема и конца ее не предвидится. Согласно статистике, после Второй Мировой войны на планете было всего лишь 25 дней, когда не велись военные действия. Это говорит нам о том, что человеческую натуру победить невозможно и единственным вариантом сдерживания и минимизации жертв от войны будет разработка и контроль за соблюдением международных нормативных актов, обеспечивающих права человека.

Основополагающими международно-правовыми актами, регламентирующими ведение боевых действий, остаются четыре Женевские конвенции 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним. Именно эти документы составляют ядро международного гуманитарного права и содержат детализированные нормы, направленные на защиту лиц, не принимающих непосредственного участия в военных действиях (раненых, больных, военно-

пленных, гражданского населения), тем самым устанавливая правовые границы допустимого в условиях вооруженного конфликта.

Там же описываются вопросы относительно лиц, которые нарушают данные правила и санкции за соответствующие нарушения. На основании этих международных актов основывают свою деятельность международные гуманитарные организации, в частности Красный Крест, цели и задачи которого как раз направлены на защиту людей, которые пострадали от конфликтов.

Выходит, разрешение проблемы требует не только скрупулезного правового анализа, но и четкой терминологической определенности, позволяющей адекватно понимать природу вооруженного конфликта как комплексного социально-политического явления. Следовательно, данная проблематика не может быть сведена исключительно к сфере международного права, поскольку она обладает значительно более широким междисциплинарным диапазоном, включая политологию, социологию и теорию международных отношений.

В результате анализа установлено, что соблюдение прав человека в период ведения боевых действий является труднореализуемым принципом. Это обусловлено тем, что масштабное применение военной силы по определению затрагивает и ограничивает фундаментальные права и свободы, ставя под вопрос саму возможность поддержания правовых стандартов в экстремальных условиях конфликта.

Объективная сложность сочетания режима вооруженного конфликта с полным соблюдением прав человека заключается в их изначальной противоречивости: конфликт легитимирует контролируемое насилие, которое неизбежно ограничивает права. В этих условиях центральным регулирующим механизмом становится не достижение идеального стандарта, а реализация принципа минимизации вреда, закрепленного в международном гуманитарном праве. Он обязывает участников конфликта предпринимать все практически возможные меры для защиты гражданского населения и недопущения излишних нарушений их фундаментальных прав, что представляет собой адаптацию универсальных правовых стандартов к экстремальным условиям ведения боевых действий.

Таким образом, войска национальной гвардии занимают важное место в механизме защиты прав и свобод человека и гражданина.

Список источников

1. Булатов Р. Б., Купаев Ш. Р. Роль уполномоченного по правам человека в Российской Федерации во внесудебной системе защиты прав граждан // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2023. № 1 (58). С. 19–23.
2. Зубарев Н. В. О некоторых вопросах организации взаимодействия войск национальной гвардии с органами и подразделениями силового блока Рос-

сии при чрезвычайных обстоятельствах // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2025. № 1 (66). С. 7–20.

3. Козлов В. В. Ограничения, запреты и обязанности, связанные с прохождением военной службы, установленные федеральным законодательством о противодействии коррупции и о государственной гражданской службе Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах. 2018. № 5. С. 5–8.

4. Кудашкин А. В. Теоретико-правовые основы военной службы в Российской Федерации // Военное право. 2018. № 5. С. 66.

5. Указ Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» // URL: www.pravo.gov.ru/

References

1. Bulatov R. B., Kupaev S. R. The role of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation

in the extrajudicial system of protection of citizens' rights // Law. Safety. Emergency situations. 2023. № 1 (58). P. 19–23.

2. Zubarev N. V. On some issues of organizing the interaction of the National Guard troops with the organs and units of the Russian military bloc in emergency circumstances // Law. Safety. Emergency situations. 2025. № 1 (66). P. 7–20.

3. Kozlov V. V. Restrictions, prohibitions and duties related to military service established by the federal legislation on combating corruption and on the state civil service of the Russian Federation // Law in the Armed Forces. 2018. № 5. P. 5–8.

4. Kudashkin A. V. Theoretical and legal foundations of military service in the Russian Federation // Military law. 2018. № 5. P. 66.

5. Decree of the President of the Russian Federation dated October 19, 2022 № 756 «On the introduction of martial law in the territories of the Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporizhia and Kherson regions» // URL: www.pravo.gov.ru/

Информация об авторе

В. М. Шеншин – доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России, старший научный сотрудник Центра исследования проблем безопасности Российской академии наук, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. M. Shenshin – Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Senior Researcher of the Security Research Center of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 13.01.2026; одобрена после рецензирования 19.02.2026; принята к публикации 18.03.2026.

The article was submitted 13.01.2026; approved after reviewing 19.02.2026; accepted for publication 18.03.2026.

Научная статья

УДК 339

EDN: <https://elibrary.ru/rrnalc>

ИИОН: 2015-0066-2/26-441

MOSURED: 77/27-011-2026-02-640

Оптимизация модели импортозамещения при применении технологий искусственного интеллекта в управлении промышленными предприятиями

Кирилл Игоревич Антоненков

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия

kikipkf@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются подходы к оптимизации модели импортозамещения на промышленных предприятиях с использованием технологий искусственного интеллекта (ИИ). Подчеркивается, что ИИ позволяет повысить эффективность управления цепочками поставок, оптимизировать производственные процессы и минимизировать риски, связанные с переходом на аналоги. Особое внимание уделено применению ИИ для анализа данных, прогнозирования потребностей, управления запасами и обеспечения кибербезопасности.

Ключевые слова: импортозамещение, искусственный интеллект, промышленные предприятия, управление цепочками поставок, кибербезопасность, цифровизация

Для цитирования: Антоненков К. И. Оптимизация модели импортозамещения при применении технологий искусственного интеллекта в управлении промышленными предприятиями // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 152–156. EDN: RRNALC.

Original article

Optimization of the import substitution model through the application of artificial intelligence in the management of industrial enterprises

Kirill I. Antonenkov

Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia, kikipkf@mail.ru

Abstract. Examined approaches to optimizing the import substitution model in industrial enterprises using artificial intelligence (AI) technologies. It emphasizes that AI enhances the efficiency of supply chain management, optimizes production processes and minimizes risks associated with transitioning to domestic alternatives. Particular attention is paid to the use of AI for data analysis, demand forecasting, inventory management, and cybersecurity.

Keywords: import substitution, artificial intelligence, industrial enterprises, supply chain management, cybersecurity, digitalization

For citation: Antonenkov K. I. Optimization of the import substitution model through the application of artificial intelligence in the management of industrial enterprises. Bulletin of economic security. 2026;(2):152–156. (In Russ.). EDN: RRNALC.

Когда экономика сталкивается с ограничительными мерами, а задача усиления внутренней производственной базы выходит на первый план, особенно востребованными оказываются стратегии импортозамещения, направленные на поддержание устойчивости предприятий и повышение их конкурентоспособности [1, с. 56]. Замещение зарубежных компонентов, сырья и методов отечественными аналогами минимизирует риски, сокращает вероятность разрывов в логистических

сетях и способствует укреплению финансовой стабильности.

В этом контексте внедрение искусственного интеллекта оказывается одним из определяющих инструментов рационализации импортозамещения – ИИ облегчает агрегирование информации, автоматизирует управление производственными циклами и предоставляет возможности для точного прогнозирования угроз. Само по себе совершенствование механизмов импортозамещающей

политики с использованием ИИ обуславливается необходимостью внедрения цифровых решений, расширения потенциала предприятий и модификации управленческих структур.

Насущность изучения подобного феномена объясняется целым рядом причин. С одной стороны, обострившиеся в 2022–2024 гг. геополитические вызовы, например, введенные санкции, подтолкнули хозяйствующие субъекты к пересмотру традиционных методов снабжения, что спровоцировало рост себестоимости продукции и увеличение производственных циклов. В отрасли машиностроения, для иллюстрации, уровень использования иностранных составляющих уменьшился с 50 % в 2020 г. до 30 % к 2024 г. – результат реализации программ импортозамещения [2, с. 10]. С другой стороны, ИИ предоставляет новые подходы к менеджменту, позволяя структурировать управленческие процессы, снижая расходы и уменьшая вероятность связанных с переходом на отечественные продукты рисков (технологических, финансовых и операционных).

Наконец, широкое внедрение цифровых промышленных решений под эгидой искусственного интеллекта становится решающим фактором сохранения конкурентоспособности в глобализированной эконо-

мике. В совокупности перечисленные обстоятельства акцентируют значимость создания подходов импортозамещения с глубокой интеграцией ИИ-технологий [3, с. 36].

Вектор развития импортозамещающей модели, использующей искусственный интеллект, подразумевает следующие ключевые аспекты. Применимость инструментов искусственного интеллекта к массивам данных о поставщиках позволяет эффективно выявлять стабильных отечественных контрагентов и снижать вероятность заключения рискованных договоров. Прогностические механизмы, внедренные на базе ИИ, служат инструментом формирования обоснованных оценок требуемых объемов материалов и деталей, что способствует рационализации процессов закупки и предотвращает формирование избыточных резервов.

Интеграция систем искусственного интеллекта в производственные контуры управления обеспечивает интенсификацию контроля качества, сподвигая к совершенствованию выпускаемых компонентов национального производства. Комплексы ИИ, ориентированные на логистику, задействуют автоматизированные схемы маршрутизации, что ведет к сокращению логистических издержек и уменьшению временных интервалов доставки [4, с. 50].

Таблица 1

Инвестиции в импортозамещение на промышленных предприятиях России

Год	Объем инвестиций (млрд руб.)	Доля в общем бюджете промышленных отраслей (%)
2021	120.0	10.0
2022	150.0	12.0
2023	180.0	14.0
2024	210.0	16.0
2025	240.0	18.0
2026	270.0	19.0
2027	300.0	20.0
2028	330.0	21.0

Таблица 2

Инвестиции в ИИ-технологии для управления промышленными предприятиями

Год	Объем инвестиций (млрд руб.)	Доля в общем бюджете управления (%)
2021	15.0	4.0
2022	18.0	5.0
2023	22.0	6.0
2024	27.0	7.0
2025	32.0	8.0
2026	38.0	9.0
2027	45.0	10.0
2028	52.0	11.0

В качестве существенного направления выступает обеспечение сохранности конфиденциальных информационных потоков о поставках и соглашениях за счет современных средств ИИ, направленных на предотвращение несанкционированных вторжений и утечек.

Современные эмпирические данные, агрегированные в таблицах 1 и 2, свидетельствуют о возрастающем объеме вложений в искусственный интеллект и мероприятия по импортозамещению, что отражает упрочение их стратегической роли. Анализ представленных сведений позволяет сделать акцент на возрастающей потребности включения ИИ для выстраивания эффективных схем импортозамещения.

Согласно данным, представленным в таблице 1, наблюдается последовательное увеличение финансовых вливаний, направленных на программы импортозамещения: за период с 2021 г. объем средств вырос с отметки 120 млрд рублей вплоть до ожидаемых 330 млрд рублей к 2028 г. что эквивалентно среднегодовому темпу прироста, близкому к 15,5 %. Одновременно, удельный вес этих вложений в структуре совокупного финансирования ключевых отраслей повысился с 10 % до 21 %, что свидетельствует о наделении процессов локализации статуса стратегического приоритета.

Тем не менее, повышение издержек на НИОКР в совокупности с расходами на процессы сертификации формирует дополнительные вызовы для менеджмента, требуя внедрения инструментов рационального контроля за распределением бюджетных ассигнований во избежание неэффективных затрат.

В соответствии с представленными в таблице 2 данными, начиная с 2021 г., капиталовложения в область ИИ-технологий увеличились почти в три с половиной раза и достигнут, по прогнозам, 52 млрд рублей к 2028 г. при среднем ежегодном темпе прироста, характерном для CAGR 19,5 %. Параллельно удельный вес расходов на искусственный интеллект в структуре управленческих бюджетов продемонстрировал увеличение с 4 % до 11 %, что косвенно свидетельствует о закреплении вектора цифровой трансформации. На предприятиях машиностроения, где в 2024 г. внедряли ИИ-продукты, отмечено уменьшение временного промежутка логистических операций на 15 % и оптимизация издержек, связанных с управлением поставками, на 12 %. Вместе с этим фиксируется, что динамика вложений в искусственный интеллект уступает показателям по инвестициям в проекты импортозамещения, что подчеркивает потребность в укреплении фундаментальной технологической базы [6, п. 22].

Импортозамещающие инициативы в промышленности нацелены на сокращение доли зарубежных компонентов и минимизацию влияния внешних ограничений, закреплённых санкционной политикой.

К примеру, разработка отечественных электронных модулей для станочного оборудования потребовала четырехлетнего цикла и финансирования в размере 8 млрд рублей, увеличив издержки на их производство на 10 %.

Основополагающее значение при реализации импортонезависимых решений приобретает искусственный интеллект, который расширяет аналитические и административные возможности предприятий. В результате интеграции продвинутых искусственно-интеллектуальных алгоритмов возможно не только осуществлять глубокое изучение характеристик поставщиков, но и распознавать надежных отечественных партнеров, одновременно минимизируя угрозу мошеннических действий в цепочках поставок. Применение методов машинного обучения, обслуживающих обработку массивов данных, поступающих от сенсорных устройств и промышленного оборудования, позволило раскрывать неприметные ранее корреляции и закономерности производственных процессов. Благодаря этому актуальные алгоритмы способны предвидеть потенциальные сбои оборудования, предоставляя предприятиям возможность реализовывать своевременное техническое обслуживание и тем самым предотвращать дорогостоящие простои.

Опыт функционирования различных промышленных объединений, таких как «Газпром нефть» и «Ростех», убедительно свидетельствует о том, что включение искусственного интеллекта в промышленный комплекс способствует оптимальному расходованию ресурсов и существенному сокращению постоянных расходов. Например, «Газпром нефть» применяет алгоритмы машинного обучения для аналитической обработки больших потоков данных, получаемых с датчиков на добывающих объектах, что делает возможным эффективную оптимизацию производственных циклов. В то время как предприятия, входящие в «Ростех», используют интеллектуальные системы для совершенствования процедуры контроля качества продукции и алгоритмического прогнозирования неисправностей на своих технологических площадках.

Особое значение приобрело усовершенствование механизмов контроля качества за счет использования инструментов компьютерного зрения, позволяющих автоматически идентифицировать малейшие производственные дефекты и отклонения от установленных стандартов – подобные функции обеспечивают повышение стандартов конечной продукции. Кроме того, применение ИИ значительно упростило процедуры оптимизации логистических операций и управления движением сырья и готовых материалов, что выражается в сокращении временных расходов на выполнение производственного цикла и в улучшении обслуживания клиентов. Однако, несмотря на впечатляющие результаты внедрения ИИ-систем в машиностроительном секторе, очевидными остаются и нерешенные задачи. К числу наиболее актуальных относятся обеспечение информационной безопасности, защита корпоративных данных, а также развитие профессиональных компетенций сотрудников, необходимых для эффективной работы с технологическими инновациями. Учитывая эти вызовы, перспективы использования ИИ в машиностроении остаются

весьма обнадеживающими, и российские компании активно продолжают инвестировать в развитие этого направления.

В рамках управления запасами внедрение искусственного интеллекта способствует существенному сокращению излишков и более рациональному формированию закупок. Компании химической отрасли, реализовавшие интеллектуальные методы предсказания спроса, в 2024 г. отметили 20-процентное снижение складских остатков сырья, добившись при этом точности прогноза, достигающей 92 %.

Функционирование производственных линий заметно совершенствуется благодаря интеллектуальным технологиям автоматизации, что позитивно сказывается на качестве отечественной компонентной базы. Так, системы контроля качества на металлургических предприятиях, используя алгоритмы ИИ, в 2024 г. обнаружили дефекты в 5 % продукции, что позволило добиться сокращения объемов брака на 15 %. Данный прогресс особенно значим в контексте импортозамещения и необходимости достижения уровня международных стандартов отечественными разработками. В то же время реализация подобных инноваций сопряжена с необходимостью вложений в инструменты повышения квалификации персонала и перевооружения производственных мощностей.

Комплексное применение искусственного интеллекта в оптимизации логистических операций способствует сокращению сроков доставки и снижению логистических расходов. Интеграция ИИ-решений с GPS-модулями и ERP-платформами в 2024 г. позволила многим компаниям уменьшать время подвоза комплектующих.

Переход к отечественным технологическим решениям сопровождается возрастанием значимости защиты информационной инфраструктуры: кибербезопасность становится ключевым параметром в условиях роста киберугроз. Аналитические алгоритмы ИИ для мониторинга цифровых потоков были использованы для предотвращения 120 попыток атак на логистические управляющие платформы в 2024 г., что обеспечило сохранность информации о контрактных обязательствах и перечне поставщиков.

В условиях обостряющейся угрозы киберпреступности и необходимости обеспечения информационной безопасности предприятия сталкиваются с возрастающими трудностями в сохранении конкурентных преимуществ. Устойчивость к внешним вызовам напрямую зависит от способности организаций к быстрому внедрению инновационных технологий, в том числе, ИИ. Ключевой задачей является не только создание надежных систем защиты, но и их интеграция в существующие бизнес-процессы. Это требует не только значительных инвестиций, но и наличия высококвалифицированных кадров, способных обеспечить эффективное функционирование таких систем. Разработка и внедрение отечественных технологических решений сопряжено с

определенными сложностями, особенно с точки зрения времени и ресурсов, необходимых для достижения конкурентоспособности. Тем не менее, успешные примеры использования ИИ в промышленности свидетельствуют о том, что инвестиции в автоматизацию и кибербезопасность способны существенно повысить эффективность бизнеса.

Устойчивость функционирования промышленных компаний во многом определяется конкурентоспособностью отечественной продукции и результативным внедрением искусственного интеллекта. Геополитические вызовы, экономические санкции и валютные колебания диктуют необходимость перехода на продукцию внутреннего производства, что сопряжено с неотъемлемым увеличением инвестиционных затрат.

Рассмотренные механизмы указывают на то, что результативность инструментов ИИ в импортозамещении обусловлена уровнем цифровой зрелости производства и полнотой исходных данных.

Например, искажение входных данных о поставщиках спровоцировало формирование неблагонадежных контрактов в 5 % случаев, что обусловило рост рисков факторов на 10 %. Одновременно вектор импортозамещения должен осуществляться в рамках жестких стандартов контроля, обеспечивающих стабильное качество продукции.

Стратегическая приоритетность модернизации импортозамещающих процессов с применением искусственного интеллекта неоднократно подтверждена в промышленной сфере. Инструменты ИИ позволяют максимально рационализировать управление трафиком поставок, нивелировать логистические и операционные риски, а также усилить степень локализации производственной деятельности. Успешность такого подхода, однако, напрямую определяется полнотой и корректностью исходных данных, наличием мощной технологической среды и достаточным уровнем профессиональных компетенций среди кадрового состава. Те промышленные структуры, которые качественно внедряют ИИ в импортозамещающую стратегию, приобретают устойчивые преимущества, формируя задел для лидерства на фоне турбулентной международной конъюнктуры.

Библиографический список

1. Бойченко И. В. Разработка новых бизнес-моделей в условиях цифровизации экономики // Мобильный бизнес : перспективы развития и реализации систем радиосвязи в России и за рубежом : сборник материалов (тезисов) 49-й международной конференции, Москва, 26–27 мая 2022 г. М. : АО «Национальный институт радио и инфокоммуникационных технологий», 2022. С. 55–58.
2. Долгов В. Я. Опыт применения технологий Больших данных на современном этапе // Вестник ФКУ НИИИТ ФСИН России. 2021. Вып. 4. С. 6–15.

3. Измайллов М. К. Цифровая трансформация менеджмента и бизнес стратегий в целях устойчивого развития организаций // Цифровая трансформация социальных и экономических систем : материалы международной научно-практической конференции, Москва, 26 января 2024 г. М. : Московский университет им. С.Ю. Витте, 2024. С. 35–41.

4. Исаева Н. А. Перспективные экономические возможности предприятия : сущность и управление / Н. А. Исаева, О. И. Калинин. М. : Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», 2024.

5. Исайкин В. А. Цифровизация производственных и непроизводственных процессов // Строительство и реконструкция : сборник научных статей 4-й Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов, магистров и бакалавров, Курск, 27 мая 2022 г. Курск : Юго-Западный государственный университет, 2022. С. 166–168.

6. Промышленное производство // URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial/

7. Фихтнер О. А. Цифровизация бизнес-процессов в глобальном мире // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2022. Т. 11, № 4. С. 117–122.

8. Уварова А. Г., Помазнюк И. Н. Автоматизация управления процессов промышленного производства // Перспективное развитие науки, техники и технологий : сборник научных статей 12-ой Международной научно-практической конференции, Курск, 1 ноября 2022 г. Курск : Юго-Западный государственный университет, 2022. С. 348–352.

References

1. Boychenko I. V. Development of new business models in the context of digitalization of the economy // Mobile business : prospects for the development and implementation of radio communication systems in Russia and abroad : Collection of materials (abstracts) of the 49th

international conference, Moscow, May 26–27, 2022. М. : JSC «National Institute of Radio and Infocommunication Technologies», 2022. P. 55–58.

2. Dolgov V. Ya. Experience in applying Big Data technologies at the present stage // Bulletin of the Federal State Institution Research Institute of Information Technology of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2021. Issue 4. P. 6–15.

3. Izmailov M. K. Digital transformation of management and business strategies for the purposes of sustainable development of organizations // Digital transformation of social and economic systems : proceedings of the international scientific and practical conference, Moscow, January 26, 2024. М. : Witte Moscow University, 2024. P. 35–41.

4. Isaeva N. A. Promising economic opportunities of the enterprise : essence and management / N. A. Isaeva, O. I. Kalinsky. М. : National Research Technological University «MISiS», 2024.

5. Isaikin V. A. Digitalization of production and nonproduction processes // Construction and reconstruction : Collection of scientific articles of the 4th All-Russian scientific and practical conference of young scientists, graduate students, masters and bachelors, Kursk, May 27, 2022. Kursk : South-West State University, 2022. P. 166–168.

6. Industrial production // URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial/

7. Fichtner O. A. Digitalization of business processes in the global world // Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technology. 2022. Vol. 11, № 4. P. 117–122.

8. Uvarova A. G., Pomaznyuk I. N. Automation of industrial production process control // Prospective development of science, engineering and technology : collection of scientific articles of the 12th International Scientific and Practical Conference, Kursk, November 01, 2022. Kursk : South-West State University, 2022. P. 348–352.

Информация об авторе

К. И. Антоненков – аспирант Московского авиационного института (национального исследовательского университета).

Information about the author

K. I. Antonenkov – Graduate Student of the Moscow Aviation Institute (National Research University).

Статья поступила в редакцию 05.11.2025; одобрена после рецензирования 22.12.2025; принята к публикации 30.01.2026.

The article was submitted 05.11.2025; approved after reviewing 22.12.2025; accepted for publication 30.01.2026.

Научная статья

УДК 31:33

EDN: <https://elibrary.ru/heroak>

NIION: 2015-0066-2/26-442

MOSURED: 77/27-011-2026-02-641

Методология государственной статистики потребительского рынка

Дмитрий Владимирович Дианов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

skad71@mail.ru, SPIN-код: 2528-1252, ORCID: 0000-0003-2971-2266

Аннотация. В методологическом обзоре рассматриваются вопросы оценки отечественного потребительского рынка органами государственной статистики. Уделено внимание мнению и подходам российских ученых-экономистов относительно сущности и структуризации столь важного для населения сегмента рыночного производства. Проведен качественный анализ действующих статистических классификаций и системы показателей реализации потребительских товаров, общественного питания, сферы услуг.

Ключевые слова: статистика потребительского рынка, статистика общественного питания, статистика бытовых услуг

Для цитирования: Дианов Д. В. Методология государственной статистики потребительского рынка // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 157–163. EDN: HEROAK.

Original article

Methodology of the state statistics of the consumer market

Dmitry V. Dianov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

skad71@mail.ru, SPIN-код: 2528-1252, ORCID: 0000-0003-2971-2266

Abstract. The methodological review examines the issues of assessing the domestic consumer market by state statistical authorities. Attention is paid to the opinions and approaches of Russian academic economists regarding the essence and structuring of such an important segment of market production for the population. A qualitative analysis of the current statistical classifications and the system of indicators for the sale of consumer goods, catering, and services has been carried out.

Keywords: consumer market statistics, catering statistics, consumer services statistics

For citation: Dianov D. V. Methodology of the state statistics of the consumer market. Bulletin of economic security. 2026;(2):157–163. (In Russ.). EDN: HEROAK.

1. Российские ученые о сущности потребительского рынка

Изучение потребительского рынка в качестве объекта статистического исследования целесообразно начать с проведения сравнительного анализа подходов к определению сущности данного сегмента экономики и важнейшей составляющей общественных отношений, связанных с обеспечением населения конечным продуктом, используемым для удовлетворения личных потребностей.

Согласно учетной методологии, участниками такого рынка выступают производители товаров, исполнители услуг, потребители товаров и услуг, сторона государства, вступающие в экономические отношения в разрезе процессов изготовления, реализации и использования

товаров, исполнения работ/услуг и регулируемых совокупностью правовых норм.

А. В. Смирнов определяет потребительский рынок как комплексную систему, состоящую из множества процессов экономического и социального характера, развивающуюся бесперебойно и нацеленную на удовлетворение изменяющихся потребностей участников данного рынка на основании принципа непрерывности. Автором также выделяется в качестве характеристики потребительского рынка наличие системной модели, отражающей степень сбалансированности спроса и предложения, уровень доходов населения и соответствующих им возможностей использования товаров, работ, услуг [8].

В. А. Ислаилова в своем исследовании подчеркивает необходимость учета взаимосвязи потреби-

тельского рынка с рынками труда (колебания спроса и предложения на рынке труда оказывают воздействие на конъюнктуру потребительского рынка) и «информационного» рынка (построение на основании полученных данных направлений развития производственно-сбытовой деятельности, оптимизация объемов выпуска товаров, работ, услуг, построение системы их продвижения в целях достижения требуемых показателей эффективности и др.) [3].

В свою очередь, М. С. Оборин предлагает в своей монографии модель исследования потребительского рынка в общей социально-экономической системе территориальной единицы (город, регион, страна) с разделением потребительского рынка на розничную торговлю продовольственными и непродовольственными товарами, общественное питание и платные бытовые, жилищные, консалтинговые и др. услуги [6].

Статистический анализ потребительского рынка, таким образом, направлен на определение динамики изменения ключевых показателей, отражающих его состояние и факторов, его определяющих, выявление причинно-следственных связей между данными показателями, определение ключевых тенденций развития в будущих периодах в целях реализации функций планирования и прогнозирования. Некоторые возможности статистического анализа рынка представлены в виде схемы на рис. 1.

Следует отметить, что концепция статистического исследования потребительского рынка основывается на единстве исследовательских задач «в отрыве» от дифференциации рынков. При этом, декомпозиция задач статистического исследования в соответствии с особенностями развития отдельных видов потребительских рынков предполагает выдвижение самостоятельных задач. Таким образом, значимость статистического исследования потребительского рынка обусловлена потребностью в получении актуальных, полных и достоверных данных о рыночных процессах. Для современной экономики производство рыночных потребительских услуг стало ведущей экономической сферой деятельности, так как занимает все больший удельный вес в создании ВВП, отодвигая производство материальных благ на второй план. Под услугами понимается вид экономической деятельности, результат которой не принимает материальной формы, услуги нельзя накапливать: производство услуг совпадает с моментом их потребления.

На данный момент, разбиение услуг на виды, представляет достаточно сложный процесс, поскольку

ку существует ни одна тысяча различных видов услуг, дифференцируемых по источникам их оплаты, по назначению – бытовые, коммунальные, телекоммуникационные, транспортные и т. д., по характеру – текущие, капитальные. К слову вспомнить, старшее поколение, безусловно, пользовалось услугами такого гиганта, как фирма «Заря», гордившаяся своим перечнем, насчитывавшим более 900 услуг [1]!

Только полноценное понимание всех аспектов и факторов, определяющих функционирование и развитие потребительского рынка как сложной системы, позволяет снизить степень «стихийности» и саморегулирования отдельных рыночных процессов, повышая тем самым степень их подконтрольности и, следовательно, эффективность управленческих воздействий.

2. Основные классификации, применяемые для статистического изучения потребительского рынка

Под классификацией традиционно следует понимать разделение совокупности объектов на классы/виды/группы на основании определенного набора признаков (как сходства, так и отличия). Классификация объектов для исполнения задач статистического анализа формирует условия для полноценного (системного) изучения каждой группы объектов в соответствии с выделенными признаками и последующего исследования наличия/отсутствия, характера и значимости связи между признаками.

Уместно отметить, что к целям использования стандартов в рамках единой системы классификаций должно отнестись: реализацию стандартизированных практик ведения учета и оформления отчетной документации; информационное обеспечение видов деятельности по секторам; стандартизацию и сертификацию реализуемых товаров, работ, услуг; обеспечение кооперации, посредничества, межотраслевого информационного обмена и др. [10].

К числу критериев построения классификаций потребительского рынка можно отнести непосредственные характеристики реализуемых благ (товаров, работ, услуг), географический и демографический критерии. В некоторых исследованиях классификация потребительского рынка подразумевает использование социального критерия, каналов реализации благ, особенности потребительского поведения (рис. 2).

Перечень классификационных критериев может быть расширен посредством включения уровня развития потребительского рынка (неразвитый, развивающийся, свободный), типа конкуренции (монополистический, олигополистический, рынок совершенной кон-

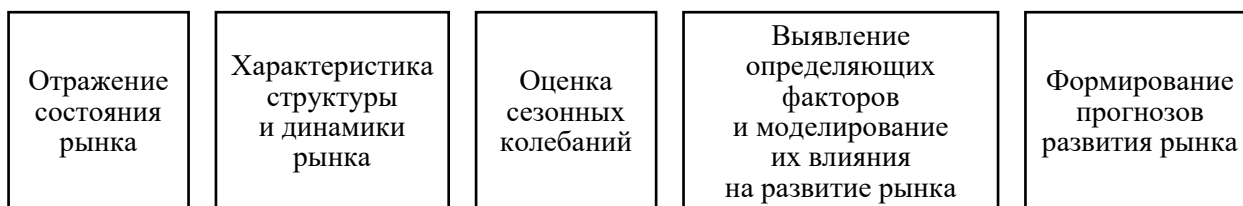

Рис. 1. Возможности статистического анализа потребительского рынка [9]

Рис. 2. Классификационные критерии потребительского рынка [6]

курении), экономико-правового статуса (нелегальный, полуполегалный, легальный) [2].

Разделению на сегменты (классы) поддается также совокупность участников потребительского рынка. Обобщенная классификация представлена на рис. 3 [4].

Кроме того, классифицировать участников потребительского рынка возможно в рамках его ключевых сегментов. Так, рассматривая сегмент розничной торговли, в качестве ключевых участников рассматриваются предприятия (организации различного масштаба), индивидуальные предприниматели и граждане, осуществляющие торговлю (альтернативной классификацией может являться разделение по видам реализуемых благ).

Классификация субъектов сектора общественного питания аналогична розничной торговле, но исключает граждан.

Производителями услуг принято считать юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, самозанятых граждан (альтернативной классификацией может являться разделение производителей по видам оказываемых услуг). Классификация участников потребительского рынка по сегментам представлена на рис. 4 [7].

В нашем мнении, именно данная классификация представляется наиболее применимой для решения задач статистического исследования потребительского рынка, так как она включает элементы прочих классификаций (виды реализуемых товаров / предоставляемых услуг), позволяет сформировать перечень статистиче-

ских показателей и произвести их расчет по каждой из выделенных групп, а также обладает свойством масштабируемости (адаптация расчета ключевых показателей к расширению в соответствии с географическим критерием: местные, региональные, национальные рынки).

3. Система статистических показателей, применяемая для анализа потребительского рынка

Система статистических показателей, отражающих аспекты функционирования и развития потребительского рынка, должна выстраиваться таким образом, чтобы обеспечивать получение данных, достоверно и полноценно отражающих сущность исследуемых явлений.

Совокупность статистических показателей может быть условно разделена на три «блока»:

- 1) общие количественные показатели;
- 2) показатели, отражающие обороты деятельности по группам участников потребительского рынка (см. рис. 4);
- 3) «ненаблюдаемые» показатели (скрытые обороты в отрасли торговли и общественного питания, скрытые и (или) не зарегистрированные официально виды деятельности, а также неофициальные способы оплаты оказанных услуг). Уместно напомнить, что в соответствии с международной методологией статистического учета – системы национальных счетов, разработанной статистической комиссией ООН, и утвержденными на ее основе методологическими положениями органов российской государственной статистики, показатели скрытого производства, то есть теневой экономики, учи-

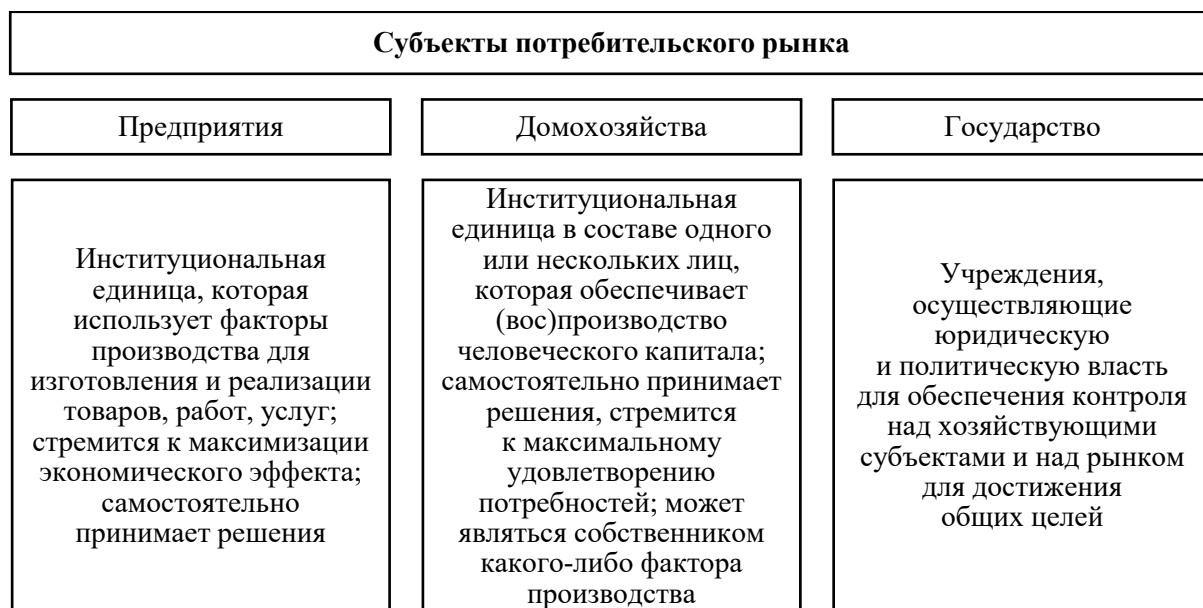

Рис. 3. Обобщенная классификация субъектов потребительского рынка

Рис. 4. Классификация участников потребительского рынка по сегментам

тываются в составе ВВП (не путать с показателями запрещенной деятельности, например, с наркобизнесом).

Представим схематично группу общих количественных показателей потребительского рынка на рис. 5.

Объемы сокрытия оборотов (розничная торговля общественное питание, платные услуги) представляет собой разницу между фактическим объемом оборота розничной торговли и объемом, указанным в статистической и налоговой отчетности, и учитывается, как сказано, при расчете итогового показателя. Источниками информации для получения данных о величинах сокрытия могут являться: данные Федеральной службы государственной статистики и ее территориальных органов; данные федеральных статистических наблюдений за динамикой изменения уровней заработных плат, объемов реализации товаров и услуг; результаты выборочных исследований отдельных предприятий и бюджетов домохозяйств; сведения от органов внутренних дел и др.

Группа показателей, отражающих обороты деятельности по группам участников потребительского рынка включает в себя:

1. Розничную торговлю. Под оборотом розничной торговли за исследуемый период следует понимать объем выручки, полученной от реализации товаров, поступающих в личное пользование населения и (или) использование в домохозяйствах (товары могут оплачиваться наличными средствами, дебетовыми и кредитными картами, с помощью электронных систем).

В общем виде показатель может быть рассчитан посредством суммирования оборотов розничной торговли торгующих организаций, индивидуальных предпринимателей (вне рынков и ярмарок), граждан, торгующих на рынках и ярмарках.

При этом, в целях получения наиболее полных данных необходимо рассчитать такие показатели, как индекс физического объема розничной торговли, оборот розничной торговли на душу населения (с учетом географического критерия).

К числу структурных показателей целесообразно относить: товарную структуру (удельные веса по видам реализованных за исследуемый период благ в общем объеме), макроструктуру (удельные веса продуктов питания и непродовольственных благ в общем объеме),

Рис. 5. Общие количественные показатели потребительского рынка [7]

структуру по участникам рынка (удельные веса в соответствии с классификацией участников – организации, не попадающие под критерии МСП, субъекты МСП, индивидуальные предприниматели, граждане).

В отдельную структурную группу уже повсеместно выделяют оборот торговли через сеть Интернет.

2. Общественное питание. Под оборотом общественного питания следует понимать объем выручки, полученной от реализации продуктов питания (собственное производство, приобретенные изделия) населению и субъектам хозяйствования, задействованным в организации питания.

Для расчета индекса физического объема (ИФО) в секторе общественного питания используются данные оборота за базисный и отчетный периоды, а также индекс потребительских цен за отчетный период, выраженный в процентах к базисному периоду.

3. Платные услуги населению. Статистические исследования по данной группе показателей проводятся с целью формирования среднесрочных и долгосрочных прогнозов социально-экономического развития; получения данных, отражающих текущий уровень благосостояния населения; формирования информационных баз для определения итогового объема потребления услуг домохозяйствами при расчете ВВП и составления баланса доходов и расходов населения.

В разрезе классификации видов платных услуг в соответствии с Общероссийскими классификаторами продукции (ОКПД 2) и видов экономической деятельности (ОКВЭД 2) для каждого вида услуг также может быть рассчитан коэффициент-соотношение среднемесячной заработной платы (для субъектов МСП и «ненаблюдаемого» сегмента). Коэффициенты могут быть скорректированы на основании таких факторов, как вид платной услуги, динамика цен на услуги, уровень деловой активности, общая динамика изменения эффективности

системы оплаты труда, уровень форсированности учетной политики и др.

Следует отметить, что в теоретико-методологических источниках в целях построения корреляционно-регрессионных моделей, отражающих значимость и характер связей между выбранными факторами (переменными) используется также показатель, отражающий уровень доходов населения (располагаемые доходы населения, среднемесячные доходы на душу населения) [5], а также данные об объемах и структуре расходов населения. На рисунке 6 представлена динамика розничной торговли и, чтобы не перегружать график, только бытовых услуг населению.

Графические образы указывают на безусловный рост ключевых показателей потребительского рынка, а также на то обстоятельство, что даже бытовые услуги, оказанные населению вполне соизмеримы своей стоимостью с розничной торговлей продовольственными и непродовольственными товарами.

Таким образом, статистическое исследование потребительского рынка направлено на отражение содержательной части его функционирования, систематизацию данных, определяющих особенности текущего этапа его развития, идентификацию и количественно-качественную оценку влияния ключевых рыночных факторов, отражение развития рынка в динамике и формирование плановых/прогнозных значений на будущие периоды.

Заключение

Рассмотренная система показателей абсолютного и относительного характера позволяет получить объективные данные о динамике изменения детерминант развития потребительского рынка во времени (трендовый анализ), определить структуру в соответствии с выбранными классификациям (доли организаций различного масштаба, доли произведенных и реализованных това-

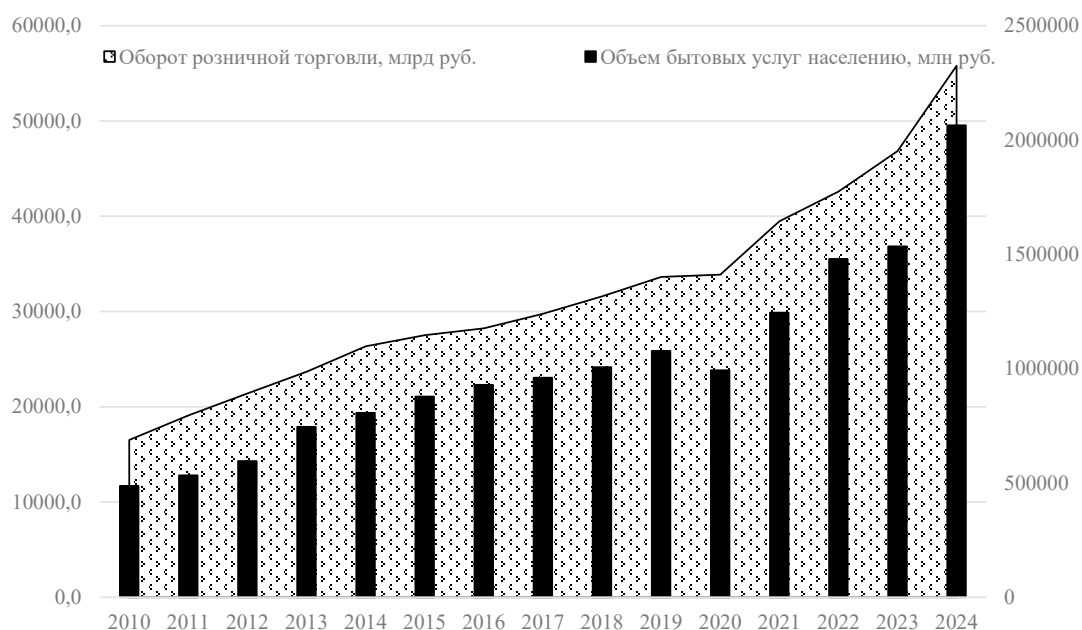

Рис. 6. Общероссийская динамика отдельных показателей потребительского рынка

ров/работ/услуг и др.), а также выстроить причинно-следственные связи между факторами.

Потребительский рынок России прочно взаимосвязан с экономическими процессами в стране: основные показатели этой сферы, такие, как динамика роста и спада, коррелируют с инфляционными тенденциями, изменением ключевой процентной ставки, уровнем потребительского спроса, колебаниями реальных доходов граждан, а также с общими ожиданиями, как частных лиц, так и предпринимательских структур.

Консолидированное положение потребительской отрасли можно обусловить логикой защитного актива – товары ежедневного спроса являются последним, от чего стремятся отказаться потребители в периоды финансовой нестабильности. К тому же, ведущие операторы рынка обладают возможностью компенсации инфляционных потерь за счет ценообразования, передавая дополнительные затраты конечным потребителям.

Список источников

1. Дианов Д. В. Уровень жизни населения как «вершина пирамиды» оценки устойчивого развития экономики // Криминологический журнал. 2025. № 2. С. 218–226.
2. Зинчук Г. М. Понятие и виды продовольственного рынка // Альманах современной науки и образования. 2011. № 10 (53). С. 111–113.
3. Исмаилова В. А. Сущность потребительского рынка и его роль в социально-экономическом развитии // Вестник Академии знаний. 2019. № 4 (33). С. 122–128.
4. Кострова Ю. Б. Анализ продовольственного рынка России : монография. СПб : Издательство Санкт-Петербургского университета управления и экономики, 2014. 184 с.
5. Кузьмичев А. В. Статистический анализ тенденций развития потребительского рынка в // Вопросы региональной экономики. 2020. № 4 (45). С. 179–190.
6. Оборин М. С. Потребительский рынок страны : актуальные тенденции // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2022. Т. 24. № 4. С. 95–105.
7. Потребительский рынок : показатели, характеризующие его состояние и изменение // URL: https://55.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/metod_torg_seminar.pdf

8. Смирнов С. Н. Влияние пандемии COVID-19 на потребительский рынок России : статистический анализ // Социальные новации и социальные науки. 2020. № 2 (2). С. 149–159.

9. Чистякова Г. Б. Статистика рынка : учебное пособие. Н. Новгород : Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, 2012. 271 с.

10. Шорохова И. С. Статистические методы анализа : учебное пособие. Екатеринбург : Издательство Уральского унта, 2015. 300 с.

References

1. Dianov D. V. The standard of living of the population as the «top of the pyramid» of assessing the sustainable development of the economy // Criminological Journal. 2025. № 2. P. 218–226.
2. Zinchuk G. M. The concept and types of the food market // Almanac of modern science and education. 2011. № 10 (53). P. 111–113.
3. Ismailova V. A. The essence of the consumer market and its role in socio-economic development // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2019. № 4 (33). P. 122–128.
4. Kostrova Yu. B. Analysis of the Russian food market : monograph. SPb : Publishing House of the St. Petersburg University of Management and Economics, 2014. 184 p.
5. Kuzmichev A. V. Statistical analysis of trends in the development of the consumer market in // Issues of regional economics. 2020. № 4 (45). P. 179–190.
6. Oborin M. S. Consumer market of the country : current trends // Bulletin of Volgograd State University. Economy. 2022. Vol. 24. № 4. P. 95–105.
7. Consumer market : indicators characterizing its state and change // URL: https://55.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/metod_torg_seminar.pdf
8. Smirnov S. N. The impact of the COVID-19 pandemic on the Russian consumer market : statistical analysis // Social innovations and social sciences. 2020. № 2 (2). P. 149–159.
9. Chistyakova G. B. Market statistics : textbook. N. Novgorod : Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering, 2012. 271 p.
10. Shorokhova I. S. Statistical methods of analysis : textbook. Yekaterinburg : Ural University Publishing House, 2015. 300 p.

Информация об авторе

Д. В. Дианов – профессор кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор.

Information about the author

D. V. Dianov – Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 25.09.2025; одобрена после рецензирования 01.11.2025; принята к публикации 22.12.2025.

The article was submitted 25.09.2025; approved after reviewing 01.11.2025; accepted for publication 22.12.2025.

Научная статья

УДК 339

EDN: <https://elibrary.ru/nambcd>

ИИОН: 2015-0066-2/26-443

MOSURED: 77/27-011-2026-02-642

Оценка отдельных направлений оптимизации системы материально-технического снабжения предприятий авиастроения

Глеб Владимирович Киреев

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия,
kiregleb@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются направления оптимизации системы материально-технического снабжения предприятий авиастроительной отрасли с акцентом на импортозамещение. Подчеркивается, что переход на отечественные материалы и компоненты позволяет снизить зависимость от зарубежных поставщиков, минимизировать риски сбоев в поставках и повысить экономическую безопасность. Особое внимание уделено применению цифровых технологий (включая искусственный интеллект) для анализа цепочек поставок, управления запасами и прогнозирования потребностей.

Ключевые слова: импортозамещение, материально-техническое снабжение, авиастроение, цифровые технологии, экономическая безопасность

Для цитирования: Киреев Г. В. Оценка отдельных направлений оптимизации системы материально-технического снабжения предприятий авиастроения // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 164–167. EDN: NAMBCD.

Original article

Evaluation of individual areas of optimization of the logistics system of aircraft manufacturing enterprises

Gleb V. Kireev

Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia,
kiregleb@yandex.ru

Abstract. Examined the directions for optimizing the material and technical supply system of aviation industry enterprises, with an emphasis on import substitution. It is highlighted that the transition to domestic materials and components reduces dependence on foreign suppliers, minimizes supply chain disruptions, and enhances economic security. Particular attention is paid to the use of digital technologies, including artificial intelligence, for supply chain analysis, inventory management and demand forecasting.

Keywords: import substitution, material and technical supply, aviation industry, digital technologies, economic security

For citation: Kireev G. V. Evaluation of individual areas of optimization of the logistics system of aircraft manufacturing enterprises. Bulletin of economic security. 2026;(2):164–167. (In Russ.). EDN: NAMBCD.

Преодоление современных вызовов, связанных с санкционным давлением и нарастающими геополитическими угрозами, требует от предприятий авиастроения разработки новых подходов к организации систем материально-технического снабжения (МТС), признаваемых фундаментом поддержания стабильности производственных циклов [1, с. 12]. Особенности отрасли проявляются в обширной сети логистических маршрутов, где оборот комплектующих оценивается тысячами наименований,

при этом существенная их часть традиционно поступала ранее из-за рубежа. Необходимость перехода на импортозамещающую модель становится ключевым направлением политики предприятий: такое стратегическое решение минимизирует уязвимость перед внешними контрагентами, способствует устойчивости выпуска продукции и укрепляет экономическую безопасность страны.

Обеспечение экономической безопасности государства связано с внедрением многоуровневых мероприя-

© Киреев Г. В., 2026

тий: требуется не только формирование отечественной производственной базы и развитие принципов цифровой трансформации, но и совершенствование управленческих механизмов, что обеспечивает согласованность функционирования распределенных логистических систем. Указанные процессы в наибольшей степени актуализировались вследствие ограничительных мер, введенных с 2022 г., которые лишили российских авиастроителей широкого доступа к зарубежным технологическим решениям – начиная от бортового электронного оборудования и заканчивая композиционными материалами или силовыми агрегатами.

Параллельно с этим реализация программы импортозамещения позволяет нивелировать колебания валютных курсов и способствует формированию более зрелой экономической среды, поскольку локализация производства становится фактором снижения внешних макроэкономических угроз [2, с. 23]. Развитие цифровых инструментов с опорой на системы искусственного интеллекта дает возможность повысить прозрачность обмена данными, усовершенствовать управление запасными частями, а также повысить точность прогнозирования будущих потребностей.

В авиастроительной отрасли процессы обеспечения материально-техническими ресурсами охватывают комплекс мероприятий, среди которых закупочная деятельность, организация хранения, логистические операции по перевозке, а также распределение сырья и комплектующих, критически значимых для выпуска авиационной продукции [3, с. 80]. Ключевые векторы совершенствования системы включают, прежде всего, внедрение отечественных технологических решений.

В контексте развития авиастроительной отрасли повышение эффективности процессов обеспечения материально-техническими ресурсами является важным аспектом обеспечения конкурентоспособности и технологической независимости. Внедрение современных цифровых решений становится неотъемлемой частью этой стратегии, позволяя оптимизировать каждый этап жизненного цикла ресурсов и обеспечить устойчивость производства.

В свою очередь, интеграция цифровых платформ и интеллектуальных алгоритмов в управление цепями поставок осуществляется посредством внедрения инструментов искусственного интеллекта и обработки массивов данных, что дает возможность своевременно предвидеть потребности, оценивать надежность поставщиков, упорядочить логистические процессы и идентифицировать потенциальные угрозы [4, с. 82].

Оптимизация путей транспортировки, а также модернизация операций, обеспечивающих эффективное функционирование складских комплексов, ведут к снижению временных издержек и перераспределению расходов на логистику [5, с. 52].

Динамика вложений в цифровизацию и развитие отечественного материально-технического сервиса

(табл. 1, 2) свидетельствует о стратегической значимости комплексных реформ в этой области. Представленные материалы обозначают важность сочетания мер по локализации производственных процессов с интенсивным внедрением технологических инновационных решений [2, с. 6].

Данные, представленные в таблице 1, позволяют сделать вывод о последовательном наращивании объемов вложений в сферу импортозамещения: с 2021 по 2028 гг. сумма средств, выделяемых на эти цели, увеличивается более чем втрое, достигая к концу рассматриваемого периода показателя 155 млрд рублей при среднегодовом темпе прироста, приближенном к 17,6 % [1, с. 18]. Сохраняя направленность инвестиций на ключевые области, отраслевые бюджеты демонстрируют увеличение доли расходов на локализацию – с прежних 15 % к 2021 г. она возрастает до 27 % к 2028 г., что позволяет говорить о закреплении за этим направлением статуса стратегического приоритета [2, с. 8]. К примеру, значительная часть финансирования в 2024 г. (около трети всех инвестиций) была распределена в пользу создания отечественных версий приборного оборудования и композитных материалов, используемых в авиастроении (МС-21, Сухой Суперджет), благодаря чему удалось добиться снижения зависимости от иностранных комплектующих: если четыре года назад их удельный вес составлял 60 %, то в 2024 г. этот показатель не превышает уже 35 % [3, с. 9]. Вместе с тем, потребность в значительных ресурсах, необходимых для проведения научных исследований, опытно-конструкторских работ и процедур сертификации (на утверждение одной позиции приходится до двух лет), обуславливает необходимость высокого уровня организации проектных мероприятий, где особую значимость приобретает качественное управленческое сопровождение и выстроенная система межведомственного взаимодействия [5, с. 54].

Данные таблицы 2 демонстрируют устойчивый рост инвестиций в цифровые технологии для оптимизации системы материально-технического снабжения в авиастроении в период с 2021 по 2028 гг. Объем инвестиций увеличивается ежегодно, достигая к 2028 г. 30 млрд рублей, что составляет 12 % от общего бюджета. Это свидетельствует о растущем осознании значимости цифровизации для повышения эффективности поставок, снижения издержек и обеспечения конкурентоспособности отечественного авиастроения. Увеличение доли инвестиций в цифровые технологии в общем бюджете МТС также отражает стратегический приоритет, отдаваемый предприятиями отрасли внедрению инновационных решений для управления цепочками поставок.

Нельзя оставлять незамеченным такой элемент, как существующие барьеры, которые все же имеют место, несмотря на достигаемые результаты и инвестиции. К серьезным вызовам можно отнести следующее: дефицит высококвалифицированных кадров, длительность

Таблица 1

Динамика объема инвестиций в процесс импортозамещения
в авиастроительной отрасли России в период с 2021 по 2028 гг.

Год	Объем инвестиций (млрд руб.)	Доля в общем бюджете отрасли (%)
2021	50.0	15.0
2022	65.0	18.0
2023	80.0	20.0
2024	95.0	22.0
2025	110.0	24.0
2026	125.0	25.0
2027	140.0	26.0
2028	155.0	27.0

Таблица 2

Динамика объема инвестиций в цифровые технологии для оптимизации МТС
в авиастроении в период с 2021 по 2028 гг.

Год	Объем инвестиций (млрд руб.)	Доля в общем бюджете МТС (%)
2021	10.0	5.0
2022	12.5	6.0
2023	15.0	7.0
2024	18.0	8.0
2025	21.0	9.0
2026	24.0	10.0
2027	27.0	11.0
2028	30.0	12.0

процессов сертификации, существенные инвестиции в НИОКР. Позиционируя как пример опыт создания отечественных композитных материалов для крыла российского лайнера МС-21, можно сделать вывод, говорящий о том, что разработка и внедрение производственных инноваций требует существенных финансовых вливаний и временных затрат.

Современные предприятия стараются решать одну из главных проблем - стабилизировать уровень запасов в интервале между риском дефицита и избыточностью хранения. Это удалось реализовать, в том числе, благодаря интеграции искусственного интеллекта в применяемые программные комплексы на предприятиях (1C, SAP). Подобное решение оказало помощь авиационным предприятиям, которые внедрили такую инновацию, – расходы на хранение уменьшились на 12 % [3, с. 21].

Логистические процессы авиастроительных предприятий находятся в постоянном процессе оптимизации, где ключевую роль играют технологии искусственного интеллекта, интегрированные с инструментами GPS-отслеживания и ERP-системами.

Важнейшим условием успешного импортозамещения выступает комплексное управление всеми стадиями инновационного цикла – от проектирования до логистики. Системное взаимодействие между подразделениями становится критически необходимым для синхронной сертификации и закупок новых деталей. В реальной практике, например, сертификационные проводочки при допуске отечественных композитных материалов для Сухой Суперджет затянули сроки, при этом рост расходов достиг 10 %.

Экономическая устойчивость компаний авиастроения неизменно зависит от успешности импортозамещающих инициатив и результативности функционирования МТС. Перенос акцента на локальных производителей снижает уязвимость перед внешними санкциями и валютной нестабильностью, однако сопровождается дополнительными расходами. К примеру, переход к выпуску собственных систем авионики требует трех-пяти лет разработок и до двух лет сертификации, на что приходится наращивание бюджетов НИОКР на 20–30 %.

Помимо мониторинга поставщиков, развитие современных технологий требует неукоснительного со-

блюдения стандартов безопасности – принципиально важного для гарантии качества авиатехники [1, с. 24]. Например, процесс сертифицирования отечественных композитных материалов для использования в проекте МС-21 в 2024 г. выявил наличие дефектов в 5 % протестированных образцов, что обусловило необходимость инвестирования дополнительных 500 млн рублей на устранение недостатков [3, с. 51].

Значительный эффект импортозамещения проявляется и в социально-экономическом аспекте. Размещение производственных мощностей внутри страны способствует формированию новых рабочих мест и стимулирует развитие отраслей, среди которых значительную роль играют металлургия и производство электроники. Так, за 2024 г. предприятия ОАК внедрили программы, направленные на замещение импорта, благодаря которым получили работу 5 000 сотрудников, что отразилось на уровне занятости: в регионах этот показатель увеличился на 3 %. Однако эффективное развертывание подобных инициатив требует выстроенной системы стратегического менеджмента и комплексной управленческой поддержки.

Итак, оптимизация системы материально-технического снабжения предприятий авиастроения представляет собой комплексную задачу, требующую стратегического подхода и внедрения современных технологий. Переход на отечественные материалы и компоненты в рамках стратегии импортозамещения является ключевым фактором обеспечения стабильности производства и снижения зависимости от внешних факторов.

Основанная на анализе данных и прогнозировании потребностей модель цепочки поставок позволяет оптимизировать складские запасы и уменьшить операционные издержки. В то же время благодаря внедрению в систему материально-технического снабжения, к примеру, электронного документооборота осуществление поставок стало более прозрачным, а также это значительно упростило документооборот с контрагентами как таковой.

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод. Итак, для достижения более эффективного функционирования системы снабжения предприятий необходимо объединить три стороны: государство, предприятие и научно-исследовательские организации. Данное решение позволит обеспечить бесперебойное производство,

а также усилит отечественную промышленность и технологический суверенитет государства.

Список источников

1. Логистическая поддержка процессов эксплуатации воздушных судов : учебное пособие / С. А. Кропивоцева, И. В. Потапов, В. И. Потапов. Самара : Издательство Самарского университета, 2024.
2. Лукинский В. С. Логистика и управление цепями поставок : учебник и практикум для вузов / В. С. Лукинский, В. В. Лукинский, Н. Г. Плетнева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2024.
3. Сергеев В. И. Логистика снабжения : учебник для вузов / В. И. Сергеев, И. П. Эльясевич; под научной редакцией В. И. Сергеева. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2024.
4. Судов Е. В. Технологии интегрированной логистической поддержки в процессах жизненного цикла авиационной техники : учебное пособие / Е. В. Судов, А. Н. Петров, А. В. Петров, А. Т. Осяев, С. А. Серебрянский. М. : Эдитус, 2018.
5. Янченко А. А. Логистика снабжения : учебное пособие для вузов. М. : Издательство Юрайт, 2024.

References

1. Logistics support of aircraft operation processes : textbook / S. A. Kropyventseva, I. V. Potapov, V. I. Potapov. Samara : Samara University Publishing House, 2024.
2. Lukinsky V. S. Logistics and supply chain management : textbook and practical course for universities / V. S. Lukinsky, V. V. Lukinsky, N. G. Pletneva. 2nd ed., revised. and enlarged. M. : Yurait Publishing House, 2024.
3. Sergeev V. I. Supply logistics : textbook for universities / V. I. Sergeev, I. P. Elyashevich; under the scientific editorship of V. I. Sergeev. 5th ed., revised. and enlarged. M. : Yurait Publishing House, 2024.
4. Sudov E. V. Technologies of integrated logistics support in the life cycle processes of aviation equipment : tutorial / E. V. Sudov, A. N. Petrov, A. V. Petrov, A. T. Osyayev, S. A. Serebryansky. M. : Editus, 2018.
5. Yanchenko A. A. Supply logistics : tutorial for universities. M. : Yurait Publishing House, 2024.

Информация об авторе

Г. В. Киреев – аспирант Московского авиационного института (национального исследовательского университета).

Information about the author

G. V. Kireev – Graduate Student of the Moscow Aviation Institute (National Research University).

Статья поступила в редакцию 05.11.2025; одобрена после рецензирования 16.12.2025; принята к публикации 19.01.2026.

The article was submitted 05.11.2025; approved after reviewing 16.12.2025; accepted for publication 19.01.2026.

Научная статья

УДК 338:339.9

EDN: <https://elibrary.ru/przmls>

ИИОН: 2015-0066-2/26-444

MOSURED: 77/27-011-2026-02-643

Методологические аспекты оценки состояния экономической безопасности региона через призму кадрового потенциала хозяйствующих субъектов

Ася Аслановна Кушхова¹, Людмила Николаевна Иванова²

¹ Министерство внутренних дел Российской Федерации, Москва, Россия,
kushkhova_mvd@mail.ru

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
livanova82@mvd.ru

Аннотация. На сегодняшний день в Российской Федерации обозначена повестка цифровизации экономики, государственного и муниципального управления, в контексте которой государство в целом и регионы сталкиваются с новыми вызовами, одним из которых является дефицит квалифицированных кадров, способных эффективно интегрироваться в новый формат социально-экономических механизмов. Решение данной задачи находится в области создания экосистем, интегрирующих системы правового обеспечения, бизнес-структуры, сферу социального управления и всю цепочку соответствующих взаимосвязей. И чем более интенсивно происходит интеграция цифровых инструментов в сферу государственного и муниципального управления, тем более актуальными становятся вопросы качества кадрового потенциала, поскольку именно данный ресурс во многом определяет качество механизмов обеспечения экономической безопасности регионов и всего государства. Особая актуальность данных вопросов определяется интенсивным развитием концепции устойчивого развития, которая определяет ключевые направления развития хозяйствующих субъектов всех форм как ключевого интегратора кадровых, трудовых, интеллектуальных ресурсов региона.

Ключевые слова: экономическая безопасность, миграция, концепция устойчивого развития, кадровый потенциал, ESG, кадровый потенциал, цифровизация

Для цитирования: Кушхова А. А., Иванова Л. Н. Методологические аспекты оценки состояния экономической безопасности региона через призму кадрового потенциала хозяйствующих субъектов // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 168–174. EDN: PRZMLS.

Original article

Methodological aspects of assessing the state of economic security of the region through the prism of the human potential of business entities

Asya A. Kushkhova¹, Lyudmila N. Ivanova²

¹ Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,
kushkhova_mvd@mail.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
livanova82@mvd.ru

Abstract. Today in the Russian Federation has outlined an agenda for the digitalization of the economy, public and municipal administration, in the context of which the state as a whole and the regions are facing new challenges, one of which is the shortage of qualified personnel capable of effectively integrating into the new format of socio-economic mechanisms. The solution to this problem lies in the creation of ecosystems that integrate legal support systems, business structures, social management and the entire chain of relevant relationships. And the more intensively digital tools are integrated into the sphere of state and municipal management, the more urgent the issues of the quality of human resources become, since it is this resource that largely determines the quality of mechanisms for ensuring the economic security of regions and the entire state. The particular relevance of these issues is determined by the intensive development of the concept of sustainable

© Кушхова А. А., Иванова Л. Н., 2026

development, which defines the key areas of development of economic entities of all forms as a key integrator of human, labor, and intellectual resources in the region.

Keywords: economic security, migration, concept of sustainable development, human resources, ESG, human resources, digitalization

For citation: Kushkhova A. A., Ivanova L. N. Methodological aspects of assessing the state of economic security of the region through the prism of the human potential of business entities. *Bulletin of economic security*. 2026;(2):168–174. (In Russ.). EDN: PRZMLS.

Кадровый потенциал региона выступает ключевой составляющей в формировании его экономической безопасности и развития. Эффективность управления и развития человеческого капитала непосредственно влияет на конкурентоспособность и устойчивость региона. Особенно важно поддерживать непрерывное развитие кадрового потенциала в условиях экономической турбулентности, а также глобальных вызовов современности, обусловленных динамично меняющимися условиями хозяйствования субъектов.

В то же время, экономическая ситуация в регионе и государстве в целом напрямую определяет качественные и количественные характеристики интегрального кадрового потенциала, который включает: а) трудовые ресурсы как всю совокупность граждан трудоспособного возраста и состояния как демографическую категорию; б) кадровые ресурсы как общее количество занятых граждан, их компетенции, опыт и знания; в) интеллектуальный потенциал, отражающий научно-творческие характеристики трудовых/ кадровых ресурсов, их способности создавать новые технологии, знания. Понимание уровня и динамики всех компонентов кадрового потенциала позволяет разработать и реализовать эффективные решения в области социально-экономического развития региона [12, с. 192–193], в том числе, в контексте улучшения его экономической безопасности.

В связи с этим, возникает актуальный запрос на наличие эффективной (с учетом реалий современной экономики РФ) методологии оценки экономической безопасности регионов посредством анализа их кадрового потенциала. Проблематика оценки уровня экономической безопасности региона во многом обуславливается существованием множества вариантов представленных в методической литературе концепций, подходов, методов, инструментария с учетом различных аспектов современной социально-экономической среды [4, с. 2529–2530].

При этом, сегодня в РФ не представлено официально утвержденной методики оценки экономической безопасности региона. Чаще всего в основу такой оценки заложена структура показателей, которые определены «Стратегией экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [1]. А пороговые значения могут быть определены каждым регионом самостоятельно, исходя из специфики развития [6].

На сегодняшний день подходы к оценке потенциала региона должны учитывать в приоритетном порядке

тренд на устойчивое развитие, который диктует необходимость мониторинга критериев социального развития (в том числе, корпоративной социальной ответственности предприятий региона), экономических показателей и критериев экологического развития. в каждом из этих блоков могут быть выбраны отдельные показатели развития, характеризующих субъект РФ. Данные показатели соответствуют ESG-повестке (environmental, social, governance) оценки предприятий в контексте повышения инвестиционной привлекательности, обеспечения конкурентоспособности, соблюдения правовых условий деятельности, а также получения реального инструментария оптимизации бизнеса в части наращивания совокупного потенциала и сокращения затрат [13]. Вопросы устойчивого развития бизнеса в России становятся все более актуальными в свете расширения отношений государства и бизнеса, а также международного сотрудничества.

В таблице 1 представлены возможные ориентиры для составления критерии комплексного развития региона в контексте ESG-стратегии [8; 9, с. 65].

Соответственно, оценка текущего состояния региона по критериям реализации элементов ESG-концепции локальными хозяйствующими субъектами составляет основу для формирования инвестиционного климата и, как следствие, находится во взаимозависимости с показателями развития кадрового потенциала.

Таким образом, могут быть предложены три основные группы ключевых показателей оценки кадрового потенциала региона в целях оценки его экономической безопасности: состояние кадрового потенциала (как совокупности трудовых, интеллектуальных и кадровых ресурсов), эффективность его использования, а также его динамические показатели, то есть, входящие и исходящие миграционные потоки.

Следовательно, методология оценки кадрового потенциала должна включать не только аналитику официальных отчетов и статистических данных (проведение которой осложняется в связи с ограничением доступа к информации, размещенной на ресурсах Федеральной службы государственной статистики), но также экспертные оценки, интервьюирование, анкетирование, социологические опросы представителей бизнеса и власти, населения, а также межрегиональный и международный сравнительный анализ.

Методологический инструментарий анализа будет включать следующие этапы.

1. Построение модели совокупного кадрового потенциала региона на базе комплекса предложенных

Таблица 1 (Начало)

**Возможные ориентиры для формирования критериев оценки устойчивого развития регионов
в рамках оценки экономической безопасности региона через призму кадрового потенциала**

№	Социальное развитие региона		№	Корпоративная социальная ответственность предприятий региона	
	Группа	Показатели		Группа	Показатели
1	Демография	● Реальная / ожидаемая продолжительность жизни. ● Естественный прирост / убыль населения. ● Показатели миграции.	9	Вклад в развитие местного сообщества	● Поддержка образовательных, культурных проектов. ● Поддержка, развитие инфраструктуры региона. ● Поддержка детско-юношеского спорта.
2	Здоровье населения	● Заболеваемость населения по основным группам. ● Уровень медицинского обслуживания и профилактической медицины. ● Показатели инвалидности, травматизма.	10	Законность, этичность деятельности:	● Отсутствие инцидентов нарушения трудового законодательства. ● Антикоррупционная политика ● Прозрачность в ведении бизнеса.
3	Занятость / рынок труда	● Уровень безработицы, в том числе, скрытой. ● Среднемесячная зарплата, темп роста доходов. ● Охрана труда. ● Доля трудоспособного населения ● Программы поддержки самозанятых и начинающих предпринимателей.	11	Забота о сотрудниках	● Обеспечение безопасных условий труда. ● Программы обучения, повышения квалификации кадров. ● Организация отдыха и оздоровления работников. ● Поддержка бывших сотрудников и ветеранов труда. ● Организация программ для молодых специалистов.
4	Образование	● Уровень образования населения: средний, количество лиц с высшим образованием. ● Количество учреждения образования, в том числе, дополнительного, на 1 тыс. жителей. ● Количество учащихся на 1 тыс. жителей. ● Доступность образования.	12	Благотворительная деятельность	● Участие в проектах поддержки социально незащищенных групп населения. ● Участие в благотворительных проектах муниципального и государственного уровня. ● Реализация программ в области образования.
5	Социальная защита	● Размеры и доступность пособий, пенсий. ● Количество учреждений социального обслуживания. ● Доступность социальных услуг, эффективность.	13	Вклад в национальную экономику	● Объем уплаченных налогов. ● Создание новых рабочих мест, содействие занятости. ● Содействие развитию программ развития МСБ.
6	Уровень благосостояния	● Среднедушевой доход / ВВП на душу населения. ● Показатели качества выполнения задач ЖКХ.	14	Инвестиции в социальную сферу	● Поддержка социальных программ и проектов. ● Поддержка НКО.
7	Правопорядок, безопасность	● Уровень преступности по категориям. ● Качество функционирования правоохранительных органов и судопроизводства. ● Среднее время реагирования экстренных служб.	15	Социальная ответственность	● Публикация годовых отчетов о социальной ответственности. ● Регулярное взаимодействие с медиа и общественностью. ● Прозрачность и открытость деятельности.
8	Политическая стабильность и участие граждан	● Активность граждан в выборах, референдумах. ● Уровень доверия населения к органам власти. ● Обращения граждан в общественные приемные и органы власти.			

Таблица 1 (Продолжение)

№	Экономика региона		№	Экологические аспекты развития региона	
	Группа	Показатели		Группа	Показатели
16	Макроэкономические показатели	- ВРП, его динамика. - Инвестиции в основной капитал. - Темпы роста промышленного производства. - Динамика доходов и расходов регионального бюджета. - Инфляция, дефляция региона.	22	Состояние экологии	- Состояние и качество природных ресурсов. - Обращение с отходами.
17	Производственные показатели	- Уровень развития базовых отраслей экономики. - Доля МСБ в экономике региона. - Экспорт / импорт товаров и услуг. - Уровень энерго- и ресурсообеспеченности.	23	Энерго-эффективность и ресурсосбережение	- Уровень энергетической эффективности жилого сектора и производства. - Использование возобновляемых источников энергии. - Уровень потребления природных ресурсов.
18	Финансовая устойчивость и бюджетная дисциплина	- Уровень государственного долга. - Показатели исполнения бюджета. - Уровень собираемости налогов и сборов. - Индекс кредитоспособности региона.	24	Санитарно-гигиеническое состояние	Уровни заболеваемости населения, связанные с экологическими факторами. Показатели санитарно-эпидемиологического благополучия.
19	Инфраструктура и транспортная доступность	- Плотность, качество транспортной инфраструктуры. - Наличие и доступность ЖКХ, телекоммуникаций и энергоснабжения. - Инвестиционная привлекательность региона.	25	Влияние хозяйственной деятельности на окружающую среду	- Влияние ДПИ и промышленности. - Стандарты экологического проектирования и строительства. - Эффект от восстановительных мероприятий.
20	Международные и межрегиональные связи	- Участие в международных экономических мероприятиях. - Сотрудничество с федеральными и региональными властями. - Внешний, в том числе, межрегиональный импорт / экспорт товаров и услуг.	26	Экологическое сознание и просветительская деятельность	- Уровень экологического просвещения населения. - Участие в экологических мероприятиях. - Программы экологического образования
21	Научно-технический прогресс и инновации	- Уровень внедрения инноваций в экономику региона. - Число зарегистрированных в регионе патентов, изобретений. - Наличие технопарков, промышленных парков, инновационно-технологических центров. - Глубина внедрения цифровых инструментов.			

показателей оценки устойчивого развития региона (рис. 1) как отражение текущего состояния регионального потенциала в части:

- привлечения ценных кадровых ресурсов;
- способности региона к воспроизведению ценных кадровых ресурсов.

II. На втором этапе целесообразно выполнить *PESTEL-анализ региона* в целях изучения влияния внешних факторов в области:

- политики (Political): устойчивость политико-экономической среды, состояние институциональной сре-

ды для бизнеса и инвестиций, влияние международных отношений, санкционного давления, статус региона и его влияние в федеральном центре;

- экономики (Economic): ключевые отрасли – центры регионального развития, влияние основных экономических показателей на экономику региона, безработица и рынок труда, долговая нагрузка и независимость регионального бюджета и др.;

- социальных процессов (Social): социальная среда в целом и миграционные процессы, социальные связи и стабильность и т. д.;

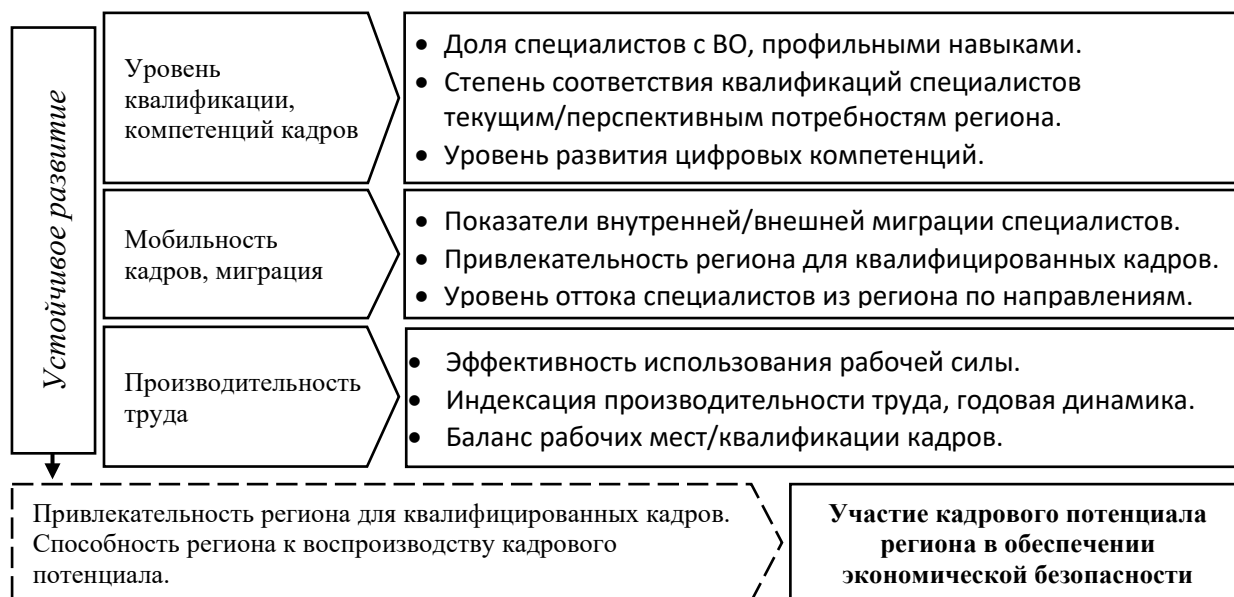

Рис. 1. Модель совокупного кадрового потенциала региона, интегрируемая в методологию оценки экономической безопасности региона (составлено авторами)

- технологий (Technological): уровень инновационного развития, участие в НИОКР, интеграция информационных технологий и цифровизация, наличие и достаточность цифровых компетенций кадров, потребность в энергетических ресурсах и т. д.;

- экологии (Ecological): экологические и климатические риски, законодательство в области экологии;

- права (Legal): федеральное и региональное законодательство, судопроизводство и судебная система и др. [10, с. 480].

III. Систематизация данных о внутренней и внешней среде региона посредством SWOT-анализа: оценка сильных сторон региона в развитии кадрового потенциала и проблем в данной области, а также внешние ограничения (угрозы) и перспективы развития в данном направлении.

IV. Анализ угроз и рисков для экономической безопасности региона в контексте текущего состояния его кадрового потенциала, в который интегрирован сценарный анализ вариантов развития региона в зависимости от внутренних и внешних факторов в целях разработки стратегических инициатив (в части выстраивания отношения бизнеса и власти, реализации социальных программ, регулирования миграционных потоков и др.). Оптимально выполнение аналитических процедур с привлечением цифрового инструментария аналитики больших данных.

Использование технологий больших данных в региональной экономике целесообразно для широкого спектра направлений: анализ инфраструктурных проектов, рынка труда, систем образования, здравоохранения, мониторинг социальных программ и др. в целях выработки инновационных решений, выявления потенциала роста для ключевых отраслей и секторов, идентификации возможностей и рисков, построения прогнозных аналитических моделей на базе технологических трен-

дов. Такие решения стимулируют инновационное развитие, способствуя росту конкурентоспособности регионов и созданию условий для устойчивого развития, что, в свою очередь, требует наличия соответствующей инфраструктуры, доступа к данным, а также должного уровня развития цифровых компетенции специалистов [11, с. 630].

V. Проведение комплексного сравнительного анализа:

- бенчмаркинг – для изучения лучших международных и национальных практик достижения целевых показателей экономической безопасности региона и сравнения с фактическими показателями конкретного региона с учетом его специфических особенностей;

- панельный анализ – для исследования взаимосвязей между регионами с целью идентификации закономерностей в развитии ключевых областей;

- построение карты компетенций региона, отражающей его сильные и слабые стороны в сравнении с другими регионами.

Выполнение данных процедур позволяет идентифицировать «точки разрыва», не позволяющие достигать целевых показателей в предметной области.

Представленная методология исследования может быть скорректирована (расширена) в зависимости от целей исследования и предметной области анализа.

Кроме того, важно соблюсти сопряжение аналитических процедур со смежными областями, которые также участвуют в достижении целевых показателей – это, в первую очередь, управление финансами региона с точки зрения наличия резервов и источников формирования финансовых ресурсов для выполнения задач экономической безопасности [3, с. 4930], административные и организационные ресурсы региона, инновационный потенциал, культурно-образовательные резервы развития кадрового потенциала региона и прочие направления.

В результате проведенных процедур оценки будут выработаны ключевые метрики и показатели в части выработки системных механизмов развития кадрового потенциала региона в контексте его экономической безопасности.

Во-первых, это метрики оценки конкурентоспособности региона на основе его кадрового потенциала, способного участвовать в обеспечении целевых показателей экономической безопасности. Цель – измерить качество кадрового потенциала с учетом возможной энтропии отдельных показателей в структуре различных региональных рейтинговых оценок [5, с. 41].

Во-вторых, это метрики определения ресурсного потенциала развития кадрового потенциала региона на основе подхода BSC (Balanced Scorecard) как инструмента стратегического планирования [7, с. 7] по направлениям:

- планирование бюджетной политики региона, в том числе, в контексте улучшения его инвестиционного климата;
- положение региона в сфере распределения кадровых ресурсов на национальном уровне;
- организация внутренних процессов (с точки зрения PESTLE-факторов);
- потенциал региона с точки зрения воспроизводства интеллектуальных, кадровых ресурсов, инновационного развития и др.

В-третьих, это подходы к организации мониторинговых процедур на базе динамических систем, выбор инструментов, критериев, показателей контроля и т. д.

Опять же, важно подчеркнуть, что разработка процедур контроля и мониторинга ключевых показателей, индикаторов, метрик должен проводиться с привлечением инструментария обработки и аналитики больших данных, что само по себе создает базис для более глубокого внедрения цифровых инструментов в решение задач экономической безопасности региона, в том числе, через управление его кадровым потенциалом. Данные процессы осуществляются через построение связей власти и хозяйствующих субъектов экономики (всего экономического сообщества), реализацию социальных программ и контроль за смежными областями функционирования региона.

Итак, предложенный механизм построения методологии оценки состояния экономической безопасности региона через призму его кадрового потенциала, построенный на широко применяемых в области управления инструментах, позволяет выстроить системный и стратегический подход к решению актуальных и перспективных задач в предметной области. Реализация предложенных методов возможна в цифровой среде, что позволяет не только вывести анализ на качественно новый уровень, но и экстраполировать полученные результаты на процессы управления другими субъектами РФ, интегрируя аккумулированный опыт в общей системе знаний в части социально-экономического развития

российских регионов и обеспечения их совокупной безопасностью. Только синергия классических подходов, зарекомендовавших себя в исследовательской среде, и современных цифровых подходов к управлению (позволяющих максимально всеобъемлюще идентифицировать ранее не выявленные внутренние и внешние тренды, взаимосвязи и корреляции в таких сложных процессах, как государственное управление [2, с. 188]) помогает достигать заявленных целей устойчивого развития государства.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Братченко С. А. Основные факторы повышения качества государственного управления // Вестник Удмуртского университета. 2021. Т. 3, вып. 2. С. 186–195.
3. Гафарова Л. А. Модель замкнутого цикла в управлении общественными финансами региона // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14, № 9. С. 4923–4934.
4. Левкина Е. В., Сахарова Л. А., Денисевич Е. И. Оценка экономической безопасности региона (на примере Приморского края) // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12, № 9. С. 2529–2542.
5. Лосева О. В., Дресвянников В. А. Методология оценки интеллектуального потенциала региона в условиях инновационного развития // Финансы: теория и практика/Finance: Theory and Practice. 2014. № 6. С. 37–49.
6. Магомедова М. М., Рабаданов Р. М. Оценка и прогнозирование экономической безопасности региона в условиях цифровизации экономики // Региональные проблемы преобразования экономики. 2024. № 12 (170).
7. Маслов Д. В., Дмитриев М. Э., Айвазян З. С. Отдельные аспекты трансформации государственного управления: процессы и качество. Аналитический обзор. Текст: Д. В. Маслов, М. Э. Дмитриев, З. С. Айвазян. Редакция: М. О. Комин. М. : РАНХИГС, январь 2018. 57 с.
8. Методология присвоения ESG-рейтингов (тематические приложения) // Интернет-портал Аналитического кредитного рейтингового агентства, 11.07.2025. URL: <https://www.acra-ratings.ru/criteria/2624/>
9. Руденко Л. Г., Егорова Н. Н. Методологический подход к оценке уровня устойчивого развития регионов // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2022. № 4 (43). С. 62–72.
10. Сахарова С. М., Тугачева Л. В., Суровнева А. А. Методы стратегического менеджмента в системе публичного управления // Вестник Академии знаний. 2022. № 53 (6). С. 476–482.
11. Фахрутдинов А. Р., Кособуцкая А. Ю. Big data как фактор инновационного развития региональной эко-

номики : вызовы и стратегические решения // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2025. Том 15, 4А. С. 628–637.

12. Филинов В. А. Оценка интеллектуального потенциала региона // Интеграция наук. 2019. № 1. С. 192–94.

13. Фридман Ю. ESG : что это такое и зачем нужно бизнесу // Интернет-портал независимой российской юридической фирмы ООО «Кучер Кулешов Максименко и партнеры», 17.12.2024. URL: <https://pravo.ru/opinion/256732/>

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated May 13, 2017 № 208 «On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the period up to 2030» // LRS «ConsultantPlus».

2. Bratchenko S. A. The main factors of improving the quality of public administration // Bulletin of the Udmurt University. 2021. Vol. 3, issue. 2. P. 186–195.

3. Gafarova L. A. A closed-loop model in the management of public finances in the region // Economics, entrepreneurship and law. 2024. Vol. 14, № 9. P. 4923–4934.

4. Levkina E. V., Sakharova L. A., Denisevich E. I. Assessment of the economic security of the region (on the example of Primorsky Krai) // Economics, entrepreneurship and law. 2022. Vol. 12, № 9. P. 2529–2542.

5. Loseva O. V., Dresvyannikov V. A. Methodology for assessing the intellectual potential of a region in the context of innovative development // Finance: Theory and Practice/Finance: Theory and Practice. 2014. № 6. P. 37–49.

6. Magomedova M. M., Rabadanov R. M. Assessment and forecasting of economic security of the region in

the context of digitalization of the economy // Regional problems of economic transformation. 2024. № 12 (170).

7. Maslov D. V., Dmitriev M. E., Ayvazyan Z. S. Selected aspects of public administration transformation: processes and quality. Analytical review. Text: D. V. Maslov, M. E. Dmitriev, Z. S. Ayvazyan. Editorial board: M. O. Komin. M. : RANHIGS, January 2018. 57 p.

8. Methodology for assigning ESG ratings (thematic applications) // The Internet portal of the Analytical Credit Rating Agency, 11.07.2025. URL: <https://www.acra-ratings.ru/criteria/2624/>

9. Rudenko L. G., Egorova N. N. A methodological approach to assessing the level of sustainable development of regions // Bulletin of the Witte Moscow University. Series 1: Economics and Management. 2022. № 4 (43). P. 62–72.

10. Sakharova S. M., Tugacheva L. V., Surovneva A. A. Methods of strategic management in the public administration system // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2022. № 53 (6). P. 476–482.

11. Fakhrutdinov A. R., Kosobutskaya A. Y. Big data as a factor of innovative development of the regional economy : challenges and strategic solutions // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2025. Volume 15, 4A. P. 628–637.

12. Filinov V. A. Assessment of the intellectual potential of the region // Integration of sciences. 2019. № 1. P. 192–94.

13. Friedman Yu. ESG : what is it and why does a business need it? // The Internet portal of the independent Russian law firm Kucher Kuleshov Maksimenko and Partners LLC, 17.12.2024. URL: <https://pravo.ru/opinion/256732/>

Информация об авторах

А. А. Кушхова – начальник отдела обеспечения бюджетных инвестиций и обоснования бюджетных ассигнований управления финансового обеспечения государственного оборонного заказа и бюджетных инвестиций Департамента материально-технического и медицинского обеспечения МВД России, кандидат экономических наук;

Л. Н. Иванова – начальник кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the authors

A. A. Kushkhova — Head of the Department for Ensuring Budget Investments and Justifying Budget Allocations of the Financial Support Department of the State Defense Order and Budget Investments of the Department of Logistics and Medical Support of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Economic Sciences;

L. N. Ivanova – Head of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.12.2025; одобрена после рецензирования 26.01.2026; принята к публикации 25.02.2026.

The article was submitted 18.12.2025; approved after reviewing 26.01.2026; accepted for publication 25.02.2026.

Научная статья

УДК 338.2

EDN: <https://elibrary.ru/lplhpm>

НИОН: 2015-0066-2/26-445

MOSURED: 77/27-011-2026-02-644

Развитие морских грузоперевозок и экономическая безопасность России

Андрей Владимирович Минаков¹, Нодари Дарчоевич Эриашвили²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ minakov-info@yandex.ru

² professor60@mail.ru

Аннотация. Морской транспорт является основным средством транспортировки грузов на большие расстояния в международной торговле. При этом, внешнеэкономические связи, порты и эффективная морская транспортная инфраструктура играют в процессе транспортировки важную роль, обеспечивая эффективный грузопоток. Учитывая географическое положение России, ее обширные морские границы и выход к океанам, развитие морских грузовых перевозок напрямую влияет на ее экономическую безопасность, способствуя формированию единого экономического пространства внутри страны и ее интеграции в мировую экономику. Исследование посвящено изучению важности развития морских грузоперевозок в России в контексте обеспечения экономической безопасности. В статье были изучены показатели по грузоперевозкам морским транспортом за 2020–2024 гг. Результаты показали сокращение за 4 года объемов перевалки в морских портах угля, грузов в контейнерах, нефтепродуктов, грузооборота морских портов Арктического бассейна. Для обеспечения экономической безопасности России необходимо развивать технологии в сфере морских грузоперевозок, диверсифицировать внешнеэкономические связи, продолжать инвестировать в морскую инфраструктуру.

Ключевые слова: экономическая безопасность, морские грузоперевозки, международные грузоперевозки, международная торговля, морской транспорт

Для цитирования: Минаков А. В., Эриашвили Н. Д. Развитие морских грузоперевозок и экономическая безопасность России // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 175–182. EDN: LPLHPM.

Original article

Development of sea freight transportation and economic security of Russia

Andrey V. Minakov¹, Nodari D. Eriashvili²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ minakov-info@yandex.ru

² professor60@mail.ru

Abstract. Maritime transport is the primary means of transporting goods over long distances in international trade. Furthermore, foreign economic relations, ports, and efficient maritime transport infrastructure play a vital role in the transportation process, ensuring efficient cargo flow. Given Russia's geographic location, extensive maritime borders, and access to oceans, the development of maritime freight transport directly impacts its economic security, facilitating the formation of a unified economic space within the country and its integration into the global economy. This study examines the importance of developing maritime freight transport in Russia in the context of economic security. The article examines maritime freight transport indicators for 2020–2024. The results revealed a decline over four years in the transshipment of coal, containerized cargo, and petroleum products at seaports, as well as in the cargo turnover of seaports in the Arctic Basin. To ensure Russia's economic security, it is necessary to develop maritime freight transport technologies, diversify foreign economic relations, and continue investing in maritime infrastructure.

Keywords: economic security, maritime freight transport, international freight transport, international trade, maritime transport

For citation: Minakov A. V., Eriashvili N. D. Development of sea freight transportation and economic security of Russia. Bulletin of economic security. 2026;(2):175–182. (In Russ.). EDN: LPLHPM.

© Минаков А. В., Эриашвили Н. Д., 2026

Введение

Морские грузовые суда из-за низкой стоимости транспортировки и высокой провозной способности по сравнению с другими видами перевозок являются наиболее удобным средством перевозки на рынке транспортных услуг для перемещения грузов различного назначения. При этом, морские грузоперевозки являются важным компонентом транспортной инфраструктуры России. Они обеспечивают экспорт сырьевых ресурсов, импорт потребительских товаров и технологий, способствуют развитию прибрежных регионов, создавая рабочие места и стимулируя региональную экономику, снижают зависимость от других видов транспорта и стран-партнеров, повышают конкурентоспособность производителей на рынке.

В настоящее время развитие морских грузоперевозок является важным фактором обеспечения экономической безопасности страны. Развитие самих таких перевозок и инфраструктуры для их обеспечения снижает риски, связанные с санкциями, политической нестабильностью. Под влиянием внешних факторов в сфере морских грузоперевозок в России маршруты перестраиваются в сторону азиатского направления, развиваются подходы к управлению грузоперевозками (включая использование современных технологий), модернизируются порты, строятся новые терминалы. Все это направлено на увеличение пропускной способности транспортной инфраструктуры, снижение времени обработки грузов, повышение прозрачности и эффективности транспортировки грузов.

Вопросы развития морских грузоперевозок в РФ рассматривали многие отечественные авторы, среди которых П. С. Селезнев, И. О. Кореньков, А. А. Прудникова, У. В. Пинчук, Т. А. Яковлева, А. А. Белецкий, Д. В. Нехайчук, И. В. Голубева и другие. Однако актуальные исследования влияния морских грузоперевозок на экономическую безопасность страны в литературе отсутствуют, что и определило выбор темы статьи. Цель работы – изучение развития морских грузоперевозок и экономической безопасности России. В статье решались следующие задачи: изучение преимуществ и недостатков морских грузоперевозок; анализ показателей развития морских грузоперевозок в РФ за 2020–2024 гг.; выявление основных проблем и разработка путей их решения.

Обзор литературы

В целом, морские грузоперевозки – важная часть транспортной системы государства. А транспортная система обеспечивает торговлю внутри страны и между государствами, а также содействует росту доходов грузоперевозчиков от грузоперевозок для клиентов. Развитая транспортная система значительно способна сокращать затраты финансов и времени на доставку [7, с. 39]. Это повышает конкурентоспособность промышленности и всей национальной экономики [10, с. 78].

Морские грузовые перевозки являются наиболее эффективным способом транспортировки различных

видов грузов в мировой торговле. Большая часть грузов перевозится именно по морю [4, с. 171]. Причина этого в том, что морские транспортные средства обладают большой вместимостью, относительно дешевые и универсальные [9, с. 36]. Однако, недостатком современных морских перевозок является относительно низкая скорость передвижения, зависимость от погоды, ограниченное время транспортировки в некоторых частях света [12, с. 58].

Здесь необходимо отметить значимость инфраструктуры для морских грузоперевозок. Так, порты и развитая транспортная инфраструктура играют важную роль в транспортном процессе, обеспечивая эффективный поток грузов через море [12, с. 58]. В настоящее время развитие морских грузовых перевозок в Российской Федерации сталкивается со множеством проблем. Высокий износ основных фондов большинства портов страны привел к снижению пропускной способности и увеличению сроков обработки грузов. Помимо нехватки современных перегрузочных мощностей, существуют бюрократические проблемы, такие как задержки в таможенном оформлении и несогласованность между регулирующими органами.

Из-за западных санкций российским судам запрещен заход в европейские порты, иностранные компании отказываются страховать российские суда, а экспорт многих товаров в ЕС приостановлен. Эти проблемы серьезно сказываются на экономической безопасности России, приводя к сокращению доходов от внешней торговли, усилению зависимости от нестабильных экономик других стран и замедлению развития прибрежных территорий, что может привести к негативным социально-экономическим последствиям. При этом, как отмечается в актуальных публикациях, международные санкции изменили весь рынок транспортно-логистических услуг в России, сделав для нее крайне необходимым создание новых цепочек поставок и поиск надежных поставщиков и новых покупателей для производимой продукции [3, с. 117].

В результате грузовые перевозки смещаются на восток и юг, а портовая инфраструктура, включая погрузочно-разгрузочные, причальные сооружения и судоремонтные мощности, реконструируются и строятся новые. Это связано и с тем, что в 2025 г. по указанию Президента РФ был запущен новый национальный план «Эффективная транспортная система» [1]. Проект с общим бюджетом в 10 триллионов рублей направлен на повышение качества транспортной инфраструктуры. В плане особое внимание уделяется развитию Северного морского пути и дальнейшему расширению пропускной способности российских портов. В рамках этого национального проекта планируется реконструировать 15 портов для повышения экспортного потенциала России. Эта реконструкция также затронет внешнеторговые терминалы и причалы [5]. Развитие транспортной инфраструктуры должно способствовать общему развитию морских грузоперевозок, международ-

ной торговли РФ, даже с учетом непростых внешних обстоятельств.

Материалы и методы исследования

В исследовании использовались следующие методы: синтез, анализ, сравнение, измерение, графическая интерпретация статистических показателей.

Материалы исследования включают данные по морским грузоперевозкам с официального сайта Федеральной службы государственной статистики [11] и данные по перевалке морских грузов Ассоциации морских торговых портов [8], статьи из журналов.

Объектом исследования являются грузовые перевозки морским транспортом. В качестве показателей развития морских грузоперевозок были выбраны: перевозка и отправление грузов морским транспортом, грузооборот морского транспорта, объемы перевалки основных сухих и наливных грузов в морских портах, грузооборот морских портов по направлениям и по бассейнам и другие. Границы исследования – 2020–2024 гг.

Результаты исследования

По данным статистики проведем анализ развития морских грузоперевозок в РФ за 2020–2024 гг. Так, со-

гласно данным Росстата за 2020–2024 гг. перевозки грузов морским транспортом в РФ выросли на 7,2 млн тонн или на 29,1 %. Рост показателя наблюдался в 2022–2023 гг., снижение – в 2021 г. и 2024 г. Максимального значения показатель достигал в 2023 г. – 33,2 млн тонн (рис. 1).

Аналогичным образом менялась и доля перевозки грузов морским транспортом в общем объеме российских грузоперевозок. Максимального значения показатель достигал в 2023 г. – 0,37 %, а минимального – в 2021 г. (рис. 2).

Отправление грузов морским транспортом выросло за 4 года на 8,6 млн тонн или на 35,1 % (рис. 3).

В структуре отправления грузов морским транспортом в РФ преобладали внутрироссийские грузоперевозки, их доля выросла за анализируемый период на 5,8 п.п. с 60,9 % до 66,7 % (рис. 4).

Положительным фактом является рост грузооборота морского транспорта на 32,9 млрд тонно-км или на 77,4 % за 4 года (рис. 5).

Доля грузооборота морского транспорта в общем объеме грузооборота транспорта в РФ в 2020–2024 гг.

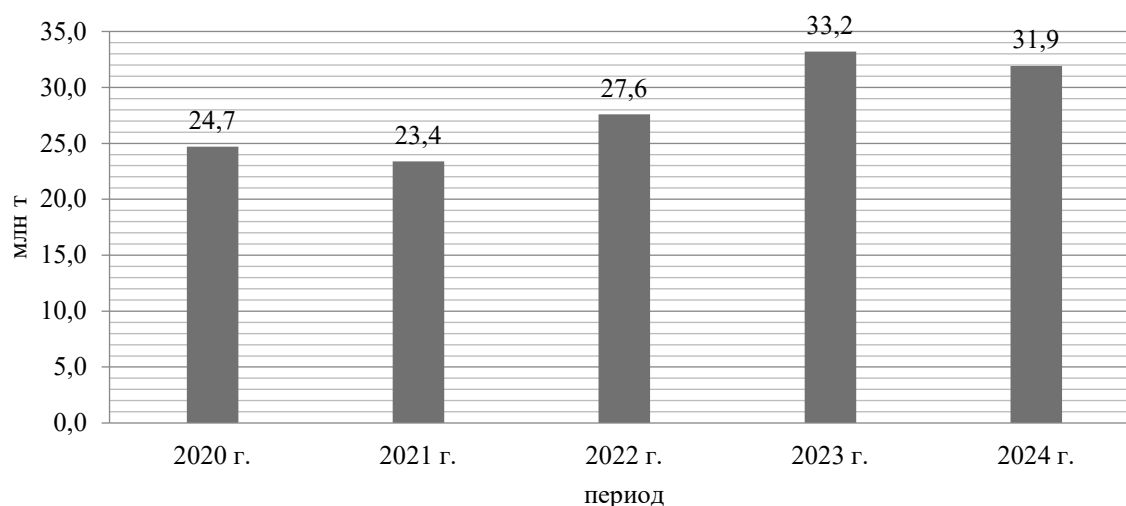

Рис. 1. Динамика перевозки грузов морским транспортом в РФ в 2020–2024 гг.

Источник: составлено авторами на основе [11]

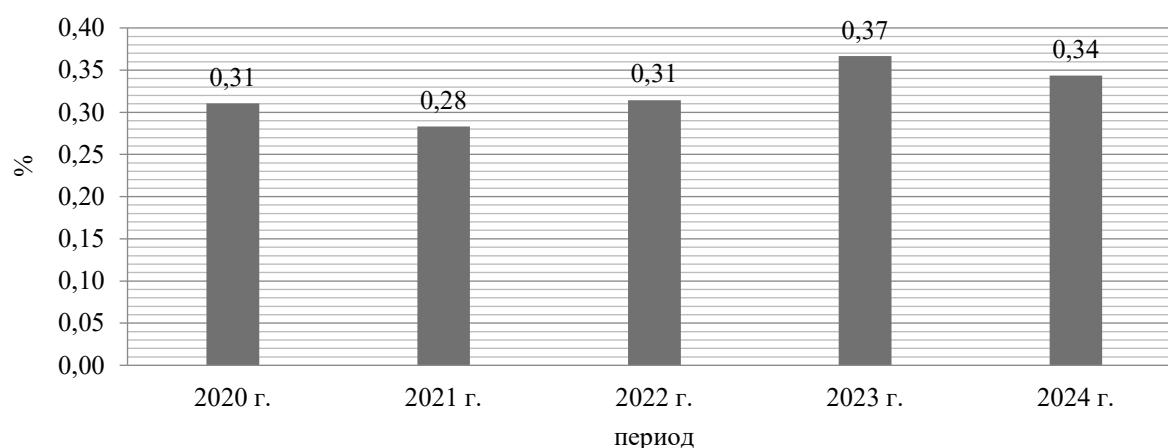

Рис. 2. Динамика доли перевозки грузов морским транспортом в общем объеме российских грузоперевозок в 2020–2024 гг.

Источник: составлено авторами на основе [11]

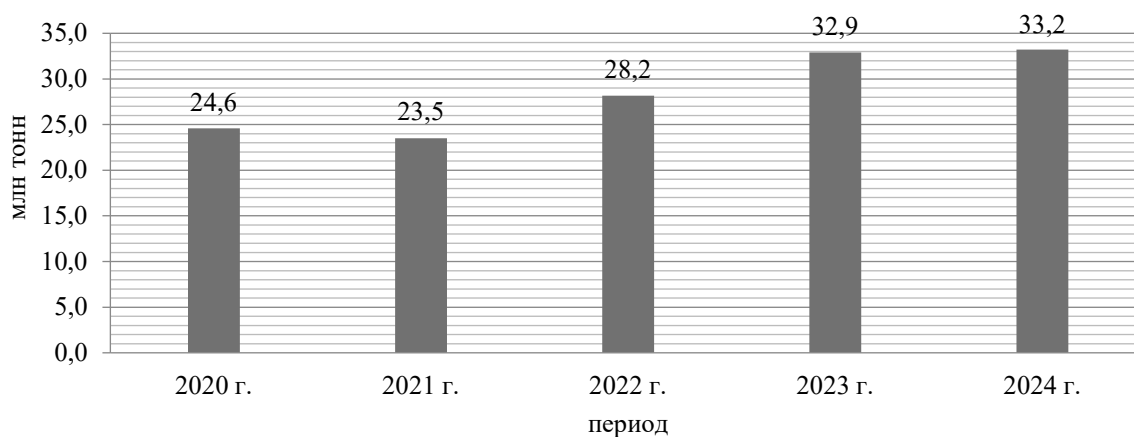

Рис. 3. Динамика отправления грузов морским транспортом в РФ в 2020–2024 гг.

Источник: составлено авторами на основе [11]

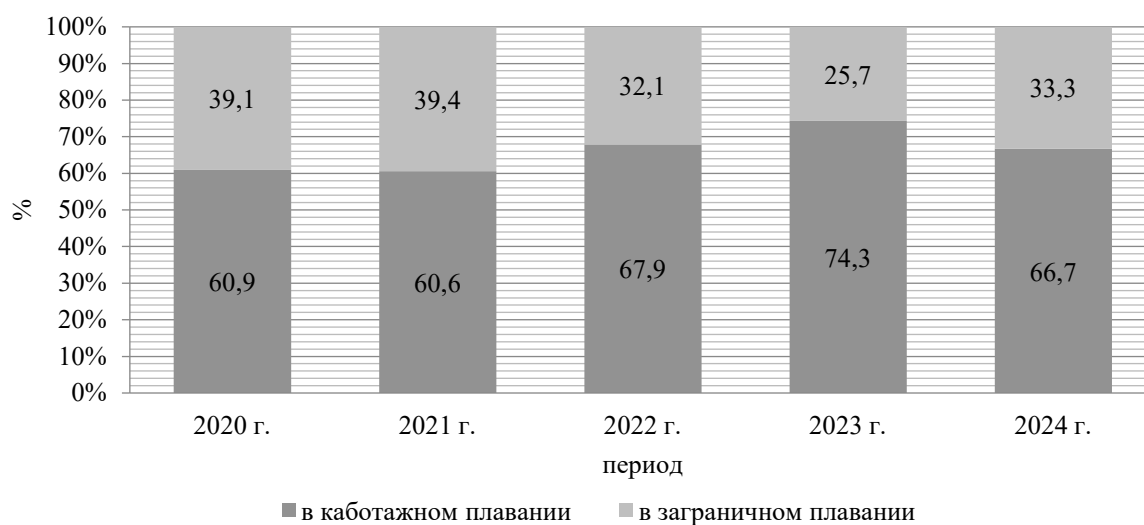

Рис. 4. Структура отправления грузов морским транспортом в РФ в 2020–2024 гг.

Источник: составлено авторами на основе [11]

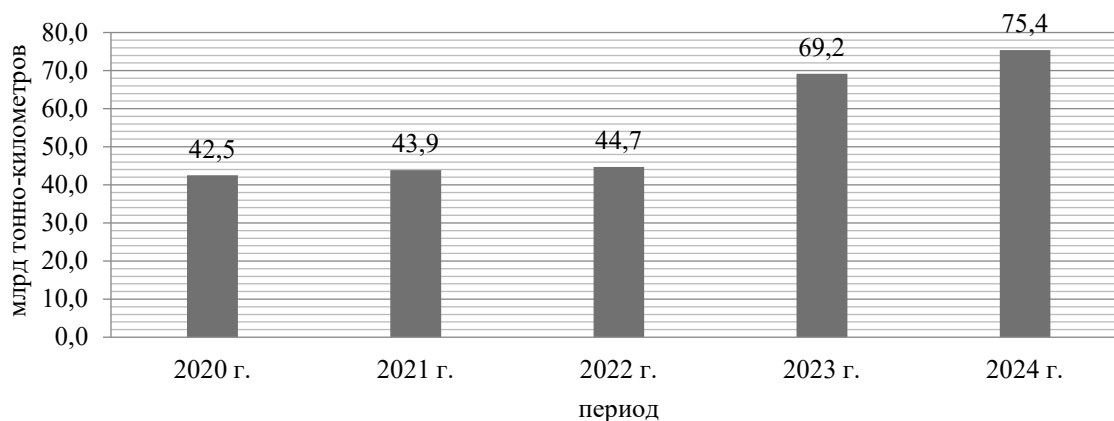

Рис. 5. Динамика грузооборота морского транспорта в РФ в 2020–2024 гг.

Источник: составлено авторами на основе [11]

достигла максимального значения в 2024 г. – 1,35 % (рис. 6).

По информации, имеющейся в распоряжении Ассоциации морских торговых портов, основными сухими грузами в последние годы были уголь, зерно, минеральные удобрения и различные грузы в контейнерах. Объем перевалки угля рос с 2022 г. по 2023 г. и снизился в

2024 г., по зерну снижение наблюдалось в 2021 г., после чего последовал рост вплоть до 2024 г., по грузам в контейнерах рост наблюдался в 2021 г., 2023 г. и 2024 г., по минеральным удобрениям происходил ежегодный рост объемов перевалки. За 4 года выросли объемы перевалки зерна и минеральных удобрений на 48,7 % и 121,4 % соответственно (рис. 7).

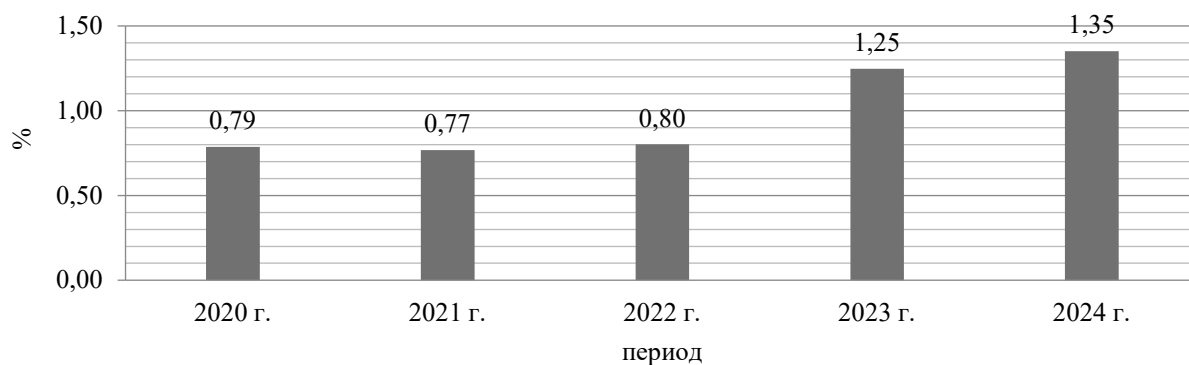

Рис. 6. Динамика доли грузооборота морского транспорта в общем объеме грузооборота транспорта в РФ в 2020–2024 гг.

Источник: составлено авторами на основе [11]

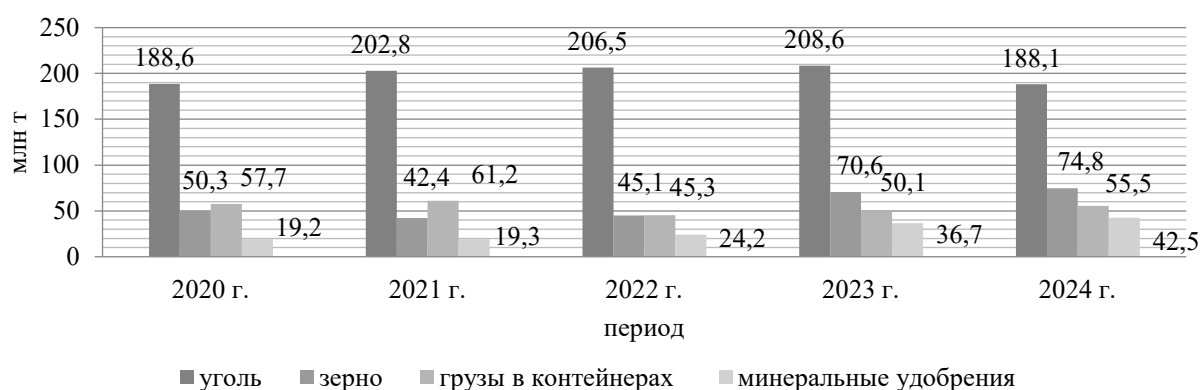

Рис. 7. Динамика объемов перевалки основных сухогрузов в морских портах РФ в 2020–2024 гг.

Источник: составлено авторами на основе [8]

Основными наливными грузами в последние годы были сырая нефть, нефтепродукты, сжиженный газ, пищевые грузы. Перевалка сырой нефти росла с 2021 г. по 2023 г. и снизилась в 2024 г., по нефтепродуктам снижение наблюдалось в 2022 г. и 2024 г., по сжиженному газу рост наблюдался в 2022 г. и 2024 г., по пищевым грузам происходил рост объемов перевалки с 2022 г. по 2024 г. За 4 года выросли объемы перевалки сырой нефти, сжиженного газа и пищевых грузов на 13,7 %, 11,3 % и 42,2 % соответственно (рис. 8).

Динамика грузооборота морских портов по направлениям представлена на рис. 9.

Основная доля в грузообороте морских портов – экспортные перевозки. За 4 года они выросли на 8,2 %. Максимального значения показатель достигал в 2023 г. – 713,4 млн т. Импортные отгрузки через морские порты России за 2020–2024 гг. выросли на 17,2 %. Максимального значения показатель достиг в 2024 г. – 42,9 млн т. Каботажные перевозки выросли на 3,6 % до 78,7 млн т, транзитные – на 5,4 % до 64,9 млн т.

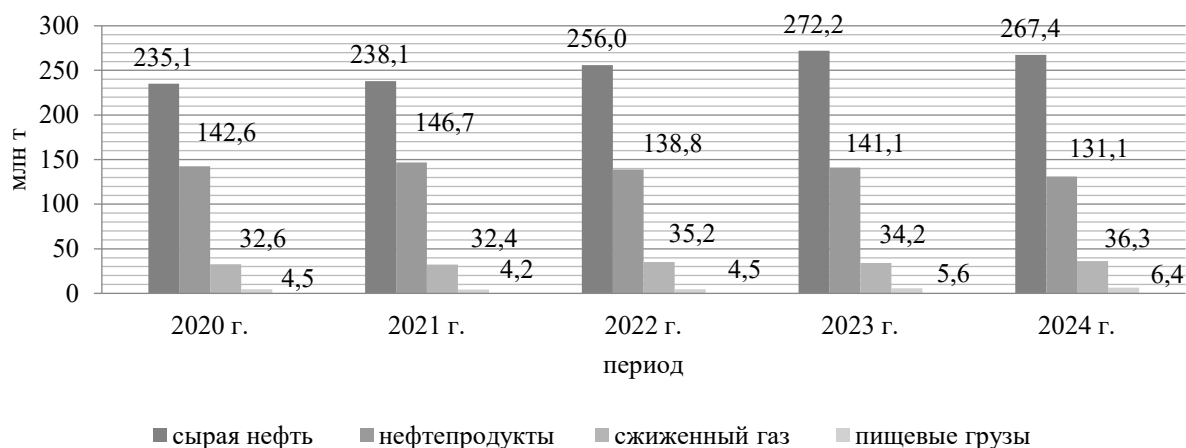

Рис. 8. Динамика объемов перевалки основных наливных грузов в морских портах РФ в 2020–2024 гг.

Источник: составлено авторами на основе [8]

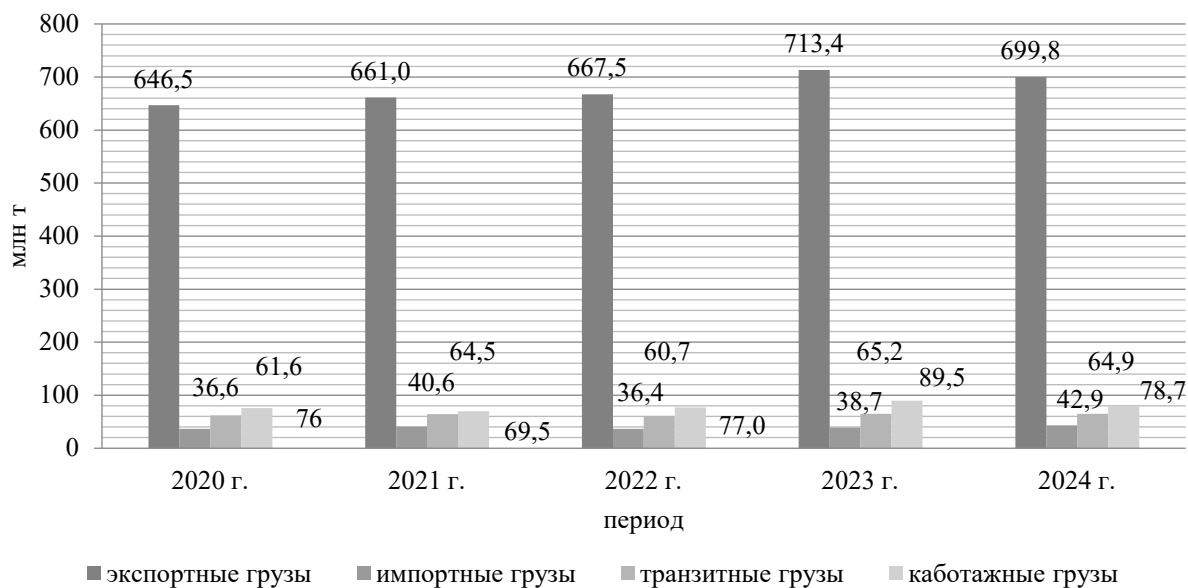

Рис. 9. Динамика грузооборота морских портов по направлениям в РФ в 2020–2024 гг.

Источник: составлено авторами на основе [8]

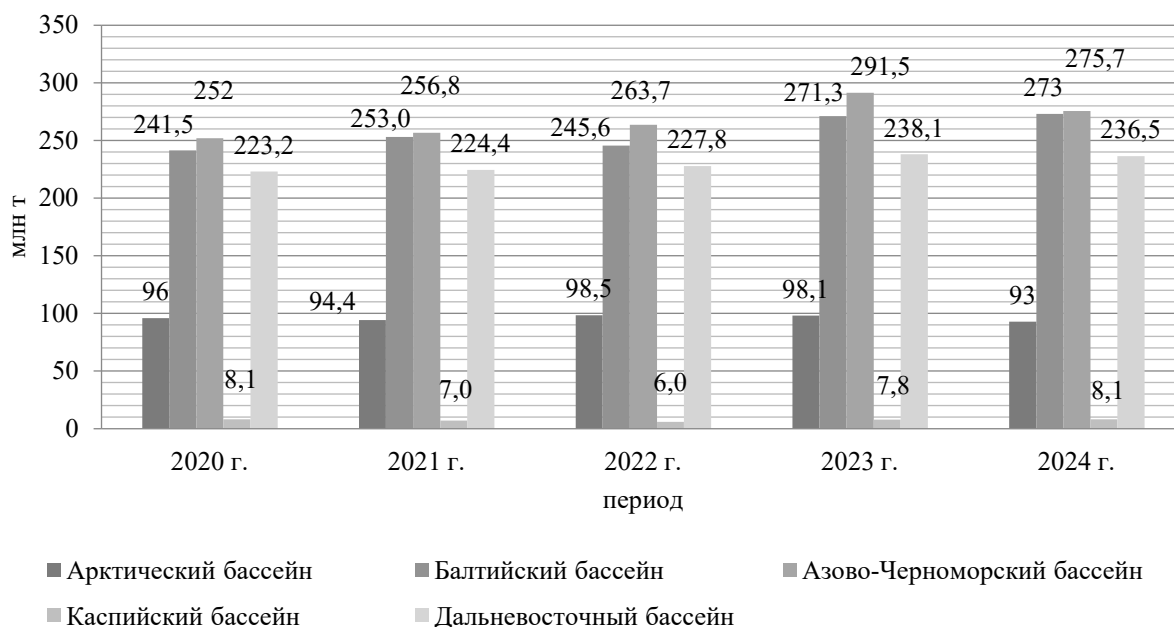

Рис. 10. Динамика грузооборота морских портов по бассейнам в РФ в 2020–2024 гг.

Источник: составлено авторами на основе [8]

На рисунке 10 представлена динамика грузооборота морских портов по бассейнам в РФ в 2020–2024. Можно отметить, что среди морских бассейнов снижение грузооборота за 4 года показал Арктический регион (Мурманск, Сабетта, Варандей, Архангельск) – на 3,1 % до 93 млн т. Балтийские порты (Усть-Луга, Приморск, Санкт-Петербург, Высоцк) продемонстрировали увеличение грузооборота – на 13 % до 273 млн т.

Порты Азово-Черноморского бассейна (Новороссийск, Тамань, Туапсе, Кавказ, Ростов-на-Дону) нарастили грузооборот на 9,4 % до 275,7 млн т. Дальневосточный бассейн (Восточный, Ванино, Владивосток, Находка, Пригородное) показал рост на 6 %, до 236,5 млн т. В Каспийском регионе (Астрахань, Махачкала) как в

2020 г., так и в 2024 г. грузооборот составлял 8,1 млн т. То есть, за 5 лет увеличилась значимость Дальневосточного бассейна, хотя значимость Балтийского бассейна и Азово-Черноморского бассейна также остается достаточно высокой.

Обсуждение

Проведенный анализ показателей развития морских грузоперевозок в РФ за 2020–2024 гг. позволяет выявить основные проблемы (рис. 11).

На фоне роста в РФ за последние годы перевозки и отправления грузов морским транспортом, его грузооборота, произошло сокращение объемов перевалки в морских портах таких основных видов грузов как уголь, грузы в контейнерах, нефтепродукты, грузооборота

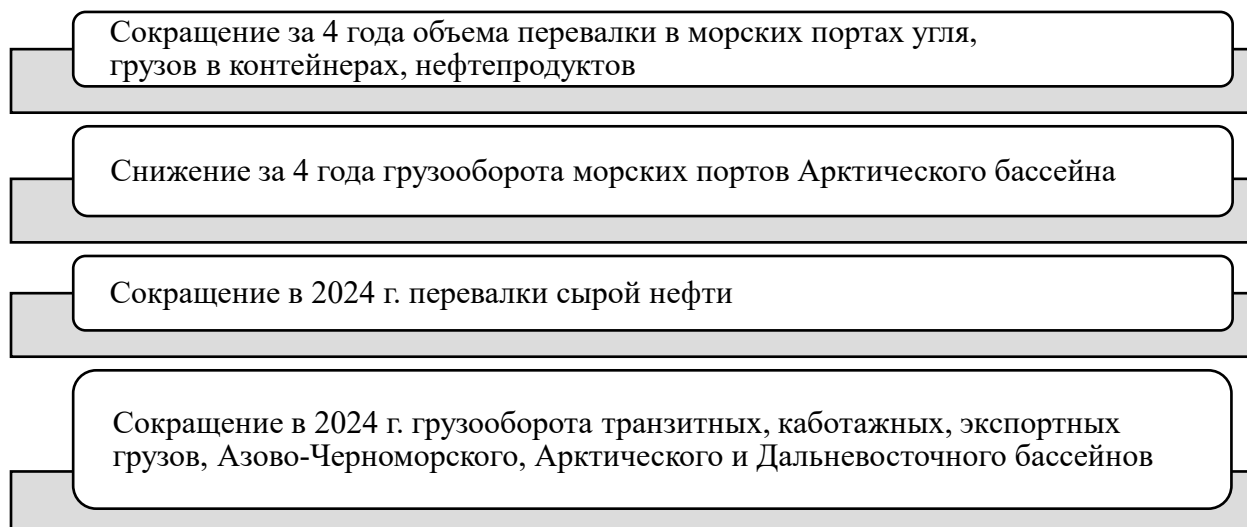

Рис. 11. Проблемы развития морских грузоперевозок в РФ в 2020–2024 гг.

морских портов Арктического бассейна, что вызвано нарастающей напряженностью в отношениях между странами Запада и Россией, а также недостаточной пропускной способностью морских портов в РФ.

Существуют различные подходы к решению проблем экономической безопасности, вызванных ситуацией с морскими грузоперевозками.

Так, П. В. Куренков с соавторами предлагают создание в период санкций новых логистических маршрутов между Россией и дружественными странами [3, с. 117].

Д. В. Нехайчук и И. В. Голубева предлагают снижение бюрократии и упрощения процессов таможенного контроля, повышение эффективности процесса погрузки и разгрузки грузов [6, с. 592].

Е. Т. Анохина и А. М. Климова предлагают улучшение способов обучения персонала, повышение сохранности грузов [2, с. 14].

По мнению автора, для решения выявленных проблем необходимо предпринять следующие шаги: расширение портовых мощностей и модернизация технического оснащения, внедрение современных технологий, развитие платежных механизмов при расчетах с зарубежными партнерами, развитие альтернативных транспортных маршрутов (Западная и Восточная Африка, Южная и Латинская Америка, Ближний Восток).

Заключение

Обобщая полученные результаты, можно сделать определенные выводы. Развитие морских грузоперевозок имеет стратегическое значение для экономической безопасности России. Эффективная транспортная система способствует укреплению позиций страны на международной арене, повышению конкурентоспособности отечественной экономики и обеспечению устойчивого развития.

Исследование показало, что за последние 4 года выросли общие объемы перевозки и отправления грузов морским транспортом, однако в 2024 г. произошло сокращение грузооборота транзитных, каботажных, экс-

портных грузов, Азово-Черноморского, Арктического и Дальневосточного бассейнов, сократилась перевалка сырой нефти. В ближайшее время на морских грузоперевозках в РФ может сказаться нарушение логистических цепочек в результате международных конфликтов и наличия проблем развития инфраструктуры портов. В связи с этим важно продолжать инвестировать в инфраструктуру, внедрять современные технологии и диверсифицировать внешнеэкономические связи для обеспечения долгосрочной безопасности и стабильности.

Список источников

1. Перечень поручений по итогам расширенного заседания Президиума Государственного Совета (утв. Президентом РФ 29 октября 2024 г. № Пр-2217ГС) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_489306/
2. Анохина Е. Т., Климова А. М. Обзор инновационных технологий в индустрии морских грузоперевозок в мире // *Инновационная наука*. 2023. № 2-1. С. 14–20.
3. Куренков П. В., Волов В. Т., Герасимова Е. А., Казеев Р. Д., Туркменов И. О. Российская логистика под санкциями и антисанкционная логистика // *Социально-экономический и гуманитарный журнал*. 2023. № 3. С. 117–126.
4. Марченко С. С., Мамедова Л. Э., Гоголюхина М. Е. Исследование перспектив развития грузовых морских перевозок // *Modern Economy Success*. 2021. № 5. С. 171–177.
5. Национальный проект «Эффективная транспортная система» // URL: <https://национальныепроекты.рф/new-projects/transport/>
6. Нехайчук Д. В., Голубева И. В. Развитие морских портов Азово-Черноморского бассейна : вызовы и возможности // *Вестник Академии знаний*. 2024. № 6. С. 592–597.
7. Нечаев А. В. Современные транспортные коридоры России : проблемы и перспективы развития // *Эко-*

номические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 4. С. 39–48.

8. Показатели работы морских портов России // URL: <https://www.morport.com/rus/content/statistika-0/>

9. Прудникова А. А., Пинчук У. В. Трансформация морской логистики России в новых геоэкономических условиях // Мировая экономика и мировые финансы. 2025. № 2. С. 36–43.

10. Селезнев П. С. Кореньков И. О. Значение международных морских транспортных путей для развития экономики и укрепления национальной безопасности России // Этап: экономическая теория, анализ, практика. 2025. № 1. С. 78–109.

11. Транспорт // URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/transport/>

12. Яковлева Т. А., Белецкий А. А. Стратегические приоритеты инновационной трансформации морских грузоперевозок // Экономика промышленности. 2022. № 15. С. 58–67.

References

1. List of instructions based on the results of the expanded meeting of the Presidium of the State Council (approved by the President of the Russian Federation on October 29, 2024 № Pr-2217GS) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_489306/

2. Anokhina E. T., Klimova A. M. Review of innovative technologies in the marine cargo transportation industry in the world // Innovative Science. 2023. № 2-1. P. 14–20.

3. Kurenkov P. V., Volov V. T., Gerasimova E. A., Kazeev R. D., Turkmenov I. O. Russian logistics under

sanctions and anti-sanctions logistics // Socio-economic and Humanitarian Journal. 2023. № 3. P. 117–126.

4. Marchenko S. S., Mammadova L. E., Gogolyukhina M. E. A study of the prospects for the development of freight maritime transportation // Modern Economy Success. 2021. № 5. P. 171–177.

5. National project «Efficient transport system» // URL: <https://национальныепроекты.RussianFederation/new-projects/transport/>

6. Nekhaychuk D. V., Golubeva I. V. Development of seaports in the Azov-Black Sea basin : challenges and opportunities // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2024. № 6. P. 592–597.

7. Nechaev A. V. Modern transport corridors of Russia : problems and prospects of development // Economic and socio-humanitarian research. 2024. № 4. P. 39–48.

8. Performance indicators of Russian seaports // URL: <https://www.morport.com/rus/content/statistika-0/>

9. Prudnikova A. A., Pinchuk U. V. Transformation of Russian maritime logistics in new geo-economic conditions // World Economy and World Finance. 2025. № 2. P. 36–43.

10. Seleznev P. S. Korenkov I. O. The importance of international maritime transport routes for the development of the economy and strengthening the national security of Russia // Stage: economic theory, analysis, practice. 2025. № 1. P. 78–109.

11. Transport // URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/transport/>

12. Yakovleva T. A., Beletsky A. A. Strategic priorities of innovative transformation of marine cargo transportation // Economics of Industry. 2022. № 15. P. 58–67.

Информация об авторах

А. В. Минаков – профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор;

Н. Д. Эриашвили – профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доктор экономических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, лауреат премии Правительства РФ в области образования.

Information about the authors

A. V. Minakov – Professor of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor;

N. D. Eriashvili – Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of Russia, Winner of an Award of the Government of Russia in the Field of Science and Technology, Winner of an Award of the Government of Russia in the field of Education

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.02.2026; одобрена после рецензирования 12.03.2026; принята к публикации 10.04.2026.

The article was submitted 26.02.2026; approved after reviewing 12.03.2026; accepted for publication 10.04.2026.

Научная статья

УДК 314.3/.07

EDN: <https://elibrary.ru/itugxb>

NIION: 2015-0066-2/26-446

MOSURED: 77/27-011-2026-02-645

Совершенствование институционных и административных мер, направленных на повышение рождаемости

Федор Георгиевич Мышко

Государственный университет управления, Москва, Россия,

fg_myshko@guu.ru

Аннотация. Демографическая ситуация в России требует вновь обращаться к вопросам ее улучшения. В настоящем исследовании проанализированы институционные и правовые меры демографической политики, направленные на мотивацию к деторождению. По итогам исследования выявлены дополнительные мотивационные меры, которые рекомендуется включать в демографические программы. Сформулированы институционные, административные и правовые предложения по корректировке демографической политики.

Ключевые слова: демография, меры социальной поддержки, мотивационные мероприятия, региональные программы повышения рождаемости, идеология семьи

Для цитирования: Мышко Ф. Г. Совершенствование институционных и административных мер, направленных на повышение рождаемости // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 183–188. EDN: ITUGXB.

Original article

Improving institutional and administrative measures aimed at increasing the birth rate

Fyodor G. Myshko

State University of Management, Moscow, Russia,

fg_myshko@guu.ru

Abstract. The demographic situation in Russia requires to address to the issues of its improvement once again. This study analyzes the institutional and legal measures of demographic policy aimed at motivating people to have children. The study identifies additional motivational measures that should be included in demographic programs. It also formulates institutional, administrative, and legal proposals for adjusting demographic policy.

Keywords: demography, social support measures, motivational activities, regional programs to increase the birth rate, ideology of the family

For citation: Myshko F. G. Improving institutional and administrative measures aimed at increasing the birth rate. Bulletin of economic security. 2026;(2):183–188. (In Russ.). EDN: ITUGXB.

Снижение рождаемости не является трендом для России, такие тенденции наблюдаются во всем мире. Проведенные в 14 странах научные исследования показали, что каждый пятый человек населения планеты не может иметь столько детей, сколько бы ему хотелось [6]. Названы основные причины снижения рождаемости в мировом масштабе, характерные и для российского населения:

- высокая стоимость воспитания детей;
- социально-трудовая нестабильность;
- жилищные проблемы;

- тревоги, порожденные событиями общественно-политического, военного характера;

- отсутствие достойного партнера.

Авторы доклада Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА) [6] обращают внимание на неэффективность «упрощенных» подходов к повышению рождаемости, таких как: единовременные выплаты при рождении детей, целевые показатели фертильности.

Среди более эффективных мер авторами исследования названы:

- инвестиции в доступное жилье;

- создание рабочих мест;
- введение достойного оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком;
- повышение репродуктивного здоровья.

Анализ региональных программ повышения рождаемости, что большинство из них содержат *типовые меры социальной поддержки семей с детьми*: денежные выплаты, субсидии, региональный материнский капитал, материальная помощь малоимущим и т. д. Некоторые из них можно охарактеризовать как «латание дыр». В целом региональные программы нацелены не на мотивацию к деторождению, а, скорее, на демонстрацию мер социальной поддержки.

Например, региональная программа повышения рождаемости Ивановской области [7], где суммарный коэффициент рождаемости ниже среднего общероссийского, предусмотрены такие мероприятия:

– для поддержки семей с детьми в сельской местности предусмотрены выдачи грантов крестьянским фермерским хозяйствам на развитие семейных ферм – всего 4 гранта; проведение капитального ремонта детских поликлиник;

– в качестве помощи молодым семьям при совмещении обучения с родительством предусмотрено дополнительное профессиональное обучение лиц, ищущих работу и вставших на учет в службы занятости, а также прием детей из многодетных семей в детские дошкольные учреждения в первоочередном порядке.

Очевидно, что материальная поддержка 4 семейных ферм не решит проблемы всех семей с детьми, проживающих в сельской местности, и не окажет на них мотивирующего или стимулирующего эффекта к деторождению. А капитальный ремонт детских поликлиник и обеспечение всех детей достаточным количеством мест в детских дошкольных учреждениях – святая обязанность региональной исполнительной власти. Обучение же безработных осуществляется на основании закона о занятости [8], и это не привилегия только семей с детьми.

Согласимся с мнением исследователей о необходимости принятия более масштабных мер, влияющих на демографическое поведение (на брачность, рождаемость), чем просто пособия и льготы [1, с. 54]. Исследование показало необходимость рассмотрения дополнительных, актуализированных направлений для мотивации и стимулирования рождаемости, которые могут быть реализованы на уровне субъектов Российской Федерации.

В первую очередь, необходимо масштабно и регулярно проводить мониторинг и оценку результативности каждого элемента социальной помощи отдельно, и всей демографической политики в целом.

Как отмечалось ранее, мотивация к деторождению не имеет устойчивого единого характера. Она должна варьироваться с учетом социальных, политических, экономических, экологических аспектов, а также с учетом территориальных (региональных), национально-этнических, религиозных особенностей.

Следует учитывать современные техногенные изменения. Современные технологии позволяют предоставить женщинам, например, возможность совмещения профессионального и родительского труда. Необходимо активно внедрять гибкие графики работы, учитывать высокообразованность современных женщин.

Мотивационные программы должны быть направлены не столько на изменение отношения к семейной жизни и рождению детей со стороны тех людей, которые находятся сейчас в активных репродуктивных возрастах, но, в первую очередь, на формирование позитивного отношения подростков и молодежи.

Мероприятия, содержащиеся в региональных программах по повышению рождаемости субъектов Российской Федерации, реализация которых предусмотрена иными нормативно-правовыми актами Российской Федерации, должны подлежать исключению.

В региональных программах по повышению рождаемости субъекты Российской Федерации должны учитывать все категории населения, обладающие репродуктивным потенциалом для разработки мер, направленных на повышение рождаемости, с учетом показателей суммарного коэффициента рождаемости городского и сельского населения.

Необходимо организовать конкурс лучших мотивационных практик (именно мотивационных, а не поддерживающих семью с детьми) среди регионов. Такой конкурс позволит обменяться опытом, выявить для себя новые направления реализации мотивационной политики.

Дополнительные мотивационные меры, которые рекомендуется включать в региональные программы мотивации к деторождению:

- решение жилищной проблемы путем предоставления социального найма;
- поддержка баланса рабочего времени и семейных обязанностей (гибкий график, отпуска для мужчин-отцов). Организовать активную работу в этом вопросе с работодателями;
- развитие и поощрение корпоративных практик по поддержке беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей;
- обеспечить соблюдение трудового законодательства в отношении матерей и отцов, имеющих детей, особенно в частном бизнесе;
- определить поощрение работодателей, предусматривающих в своих локальных нормативных актах, коллективных договорах дополнительные меры социальной поддержки семей с детьми;
- оказание содействия в трудоустройстве, рассмотреть возможность введения квотирования рабочих мест для членов многодетных семей, для матерей, имеющих двоих и более детей;
- учет в мотивационных программах интереса разнообразных семейных моделей (бездетность, приемные дети);

- предусмотреть поощрение прародительского труда (бабушек и дедушек) по оказанию помощи по воспитанию внуков;

- пересмотреть критерии оценки материального достатка при обеспечении дополнительными мерами поддержки: не учитывать квартиры, автотранспорт и другое движимое и недвижимое имущество, находящееся в ипотеке; дифференцированно подойти к оценке доходности, если превышение доходов над законодательным максимум составляет незначительное число. Например, среднедушевой доход семьи превышает установленный законодательством максимум на 10–20 рублей, при котором семья лишается права на получение дополнительных мер социальной поддержки, как минимум на три месяца (до следующего подтверждения доходности). Предусмотреть, например, в этих случаях оказание мер социальной поддержки в половинном размере;

- транслирование положительного семейного опыта: создание городских традиций, связанных с семейными ценностями;

- достойное воспитание молодого поколения, начиная с детских садов: введение дополнительных игровых программ; введение дополнительных образовательных программ для подростков;

- пересмотреть принципы оказания мер социальной поддержки: следует исходить не из принципа нуждаемости, а из принципа количества детей. Каждая многодетная семья должна получать меры социальной поддержки, а не только малообеспеченная.

Транслирование положительных мотивационных региональных практик:

- развитие пунктов проката предметов первой необходимости, предоставление семьям с детьми с низкими доходами;

- трансляция опыта предоставления социального такси для семей, имеющих детей-инвалидов, на другие многодетные семьи. В особенности это касается сельской местности, где предлагается эту меру социальной поддержки распространить на семьи с двумя детьми;

- распространение практик создания комнат матери и ребенка в профессиональных образовательных организациях и вузах, а также на крупных, особенно, градообразующих предприятиях.

В целях совершенствования институциональных условий обеспечения мер, стимулирующих брачность, деторождение и многодетность с учетом возрастных отличий, брачно-семейного статуса, образования, рода деятельности, этноконфессиональной принадлежности и условий проживания требуется проведение мониторинга и экспертной оценки эффективности действующих в субъекте Российской Федерации мер по повышению рождаемости на регулярной основе. При этом предлагается:

- проводить на постоянной основе информационные кампании, направленные на повышение информи-

рования населения субъекта Российской Федерации о действующих региональных мерах поддержки семей с детьми;

- проводить ежегодные региональные мероприятия, направленные на формирование ценностей ответственного родительства, а также позитивных просемейных установок, позитивного образа многодетной семьи и семейных ценностей у детей, подростков и молодежи с учетом экспертного мнения регионального научного сообщества;

- осуществлять разработку и принятие нормативных правовых актов, направленных на поддержку многодетных семей, в том числе с учетом национальных, культурных, религиозных и демографических особенностей развития соответствующего субъекта Российской Федерации;

- проводить ежегодную индексацию размера регионального материнского (семейного) капитала. Предусмотреть возможность введения регионального (семейного) капитала при рождении первого и второго ребенка в семье;

- проводить информационные кампании по информированию населения о диспансеризации репродуктивного здоровья и возможностях вспомогательных репродуктивных технологий;

- совершенствовать механизмы предоставления многодетным семьям земельных участков под индивидуальное жилищное строительство;

- предусмотреть меры по стимулированию развития предпринимательской деятельности многодетными родителями;

- разработать меры стимулирования и поддержки общественных, социально ориентированных некоммерческих организаций и иных хозяйствующих субъектов, деятельность которых направлена на укрепление института семьи, защиту интересов семьи, формирование в обществе положительного образа многодетной семьи, сохранение семейных ценностей.

Совершенствование семейной политики и закрепление ценностно-нормативной идеологии семьи возможно на институциональном уровне по следующим направлениям:

1. Рассмотреть возможность смены парадигмы от ожидания повышения рождаемости к формированию устойчивой рождаемости до 2030 года.

Анализ эффективности действующих мер региональных программ по повышению рождаемости свидетельствует о столкновении с последствиями новой демографической реальности. Половозрастные пирамиды меняются от пирамид к обелискам [4], что отражает рост числа пожилых людей и свидетельствует об исчерпании ресурсов роста рождаемости в условиях используемых монетарных методов демографической политики [2]. Требуется пересмотр текущих подходов к формированию мер, направленных на повышение рождаемости с учетом региональной специфики.

2. *Предусмотреть возможность введения специального административно-правового режима в случае снижения суммарного коэффициента рождаемости до расчетного предельного значения.*

Темпы роста населения Российской Федерации напрямую влияют на траекторию экономического развития страны. Текущий демографический профиль Российской Федерации, характеризующийся высоким коэффициентом демографической нагрузки на трудоспособное население и старением общества, существенно влияет на экономическую производительность, уровень сбережений, структуру потребления и потребности в государственных расходах.

Пронаталистская политика Российской Федерации направлена на повышение рождаемости и увеличение численности населения. Наметившийся тренд устойчивого повышения суммарного коэффициента рождаемости в период с 2007 по 2016 гг. сменился устойчивым падением суммарного коэффициента рождаемости, что в свою очередь свидетельствует о чрезвычайной ситуации в демографическом положении страны.

Таким образом, можно предположить, что при снижении суммарного коэффициента рождаемости в Российской Федерации ниже определенного уровня возникнет ситуация, угрожающая стабильному состоянию защищенности национальных интересов Российской Федерации, а экономические и социальные последствия демографического кризиса не позволят обеспечить реализацию конституционных прав и свобод граждан.

В целях обеспечения институциональных основ для принятия мер по устранению угрозы национальной безопасности страны может потребоваться пересмотр и дополнение перечня возможных угроз для стабильного существования государства с последующим внесением изменений в законодательные акты. Постоянное снижение суммарного коэффициента рождаемости влияет не только на экономические и социальные аспекты существования государства, но и напрямую затрагивает вопросы обеспечения обороны и безопасности страны. В связи с чем требуется обстоятельное обсуждение, с привлечением профильных министерств и ведомств, представителей научного и экспертного сообщества о предельном значении суммарного коэффициента рождаемости Российской Федерации, ниже которого демографическая ситуация в стране поставит под угрозу безопасность самой страны. Также, как показывает анализ долгосрочных планов действий, для достижения целей демографической политики возможность негативного сценария в сфере демографической политики не учитывается, в связи с чем требуется разработка основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации и деятельности федеральных органов исполнительной власти в случае достижения снижения суммарного коэффициента рождаемости Российской Федерации до расчетного предельного значения.

3. *Коррекции семейной политики путем формирования идеологемы семьи в информационно-коммуникационной среде:*

- на законодательном уровне обеспечить контроль за новостной повесткой массмедиа, информировать пул государственных СМИ о существующих мерах поддержки многодетных семей, помощи, оказываемой для преодоления трудных жизненных ситуаций и ориентирующих население на многодетность;

- подвергать обязательной цензуре рекламные материалы с целью оценки влияния на формирование ценностей семьи и брака. Такая проверка рекламы предполагает не только поверхностный анализ, но и проработку содержательного компонента;

- увеличить объем социальной рекламы, пропагандирующей многодетность;

- направить усилия на формирование образа многодетного отца;

- направить усилия на пропаганду полной семьи, основанной на официальном браке.

Данные меры могут быть дополнены формированием у населения системы ценностей семейного многодетного образа жизни и позитивного «продетного» общественного мнения. Для чего представляется целесообразным следующий комплекс мер:

- разработка системы образовательных и просветительских мероприятий, направленных на формирование семейного образа жизни, с широким их освещением в средствах массмедиа;

- подготовка тематических программ в массмедиа, направленных на формирование семейных ценностных ориентаций.

4. *Совершенствование организации и оказания медицинской помощи в сфере вспомогательных репродуктивных технологий в Российской Федерации.*

В целях совершенствования действующих институциональных условий обеспечения мер поддержки рождаемости и обеспечения своевременного доступа к репродуктивным технологиям требуется пересмотр подходов к организации и оказанию медицинской помощи в сфере вспомогательных репродуктивных технологий, основанный на сокращении периода обращения женщин к процедуре экстракорпорального оплодотворения, обеспечении криоконсервации яйцеклеток и спермы в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи за счет средств обязательного медицинского страхования, формировании рейтинга эффективности медицинских организаций с целью эффективного планирования распределения объемов предоставления специализированной медпомощи в сфере вспомогательных репродуктивных технологий, развития государственного сектора в сфере организации и оказания вспомогательных репродуктивных технологий.

5. *Разработка и внедрение программ, направленных на формирование и закрепление в обществе системы идей, ценностей и целей семьи, реализуемых в медицинских организациях Российской Федерации.*

В сфере современной семейной государственной политики России ученые выделяют постперестроенный (1990-е гг.) и новейший (с начала 2000-х гг. по настоящее время) этапы, а также модели государственной семейной политики: «постреволюционная» модель, «сталинская» модель, советская социальная модель, «первая постсоветская» модель и новейшая модель [3].

2024 г. в России был объявлен Годом семьи по указу президента Владимира Путина. Сохранение и защита традиционных семейных ценностей являются базовыми принципами государственной политики Российской Федерации. Мероприятия, проводимые в рамках реализации плана основных мероприятий по проведению в Российской Федерации Года семьи, должны проводиться на постоянной основе.

Период роста суммарного коэффициента рождаемости с 2007 по 2016 гг. в Российской Федерации совпал с периодом значительных изменений в здравоохранении. Программы и мероприятия модернизации здравоохранения были направлены на повышение качества оказываемой медицинской помощи, предоставляемой застрахованным лицам, укрепление материально-технической базы государственных и муниципальных учреждений здравоохранения, в том числе строительство, реконструкция объектов капитального строительства и (или) их этапы, обеспечение завершения строительства ранее начатых объектов, капитальный ремонт государственных и муниципальных учреждений здравоохранения, приобретение медицинского оборудования, внедрение современных информационных систем в здравоохранение, внедрение стандартов медицинской помощи, повышение доступности амбулаторной медицинской помощи, в том числе предоставляемой врачами-специалистами.

Организационная структура отрасли здравоохранения позволяет обеспечивать высокую степень преемственности при организации и оказании медицинской помощи гражданам на всех этапах. Указанную преемственность следует использовать при закреплении в обществе системы идей, ценностей и целей семьи путем. Формирование культуры здоровья в рамках национального проекта «Продолжительная и активная жизнь» может быть дополнено формированием культуры семьи, начиная от женской консультации и продолжая в детских поликлиниках и поликлиниках. В качестве примера можно привести реализацию программы Triple P (программа для родителей), разработанную Мэтью Р. Сандерсом и охватывающую 25 стран по всему миру, как подход общественного здравоохранения к укреплению родительского воспитания [5].

Создание и внедрение программ, способствующих закреплению ценностно-нормативной идеологии семьи, потребует участия широкого круга экспертов и представителей профильных министерств и ведомств. Формирование здорового образа жизни в медицинских организациях может быть дополнено формированием

у граждан знаний и навыков родителей, установлением преемственности между поколениями путем перехода от развития воспитательных компетенций к участию семьи в уходе за больными и нуждающимися родственниками.

6. Рассмотреть возможность разработки и внедрения цифровой панели, отражающей в режиме реального времени текущую демографическую ситуацию в стране с целью своевременной оценки эффективности применяемых федеральных и региональных мер, направленных на повышение рождаемости.

По заявлению премьер-министра РФ Михаила Мишустина, Министерства и ведомства РФ внедрят в свою работу более 25 решений с использованием отечественных технологий искусственного интеллекта в 2025 г. Внедрение цифровых платформ в рамках национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» призвано повысить качество жизни граждан и эффективность практически всех ключевых отраслей социальной сферы, государственного и муниципального управления и ключевых сфер российской экономики. Обеспечить переход к сбалансированному росту отраслей под влиянием цифровых технологий. Внедрение новых технологий сбора, обработки и формирования официальной статистической информации, использование больших данных и цифровой аналитики может быть использовано при мониторинге текущей демографической ситуации и результативности федеральных и региональных мер повышения рождаемости путем создания цифровой платформы мониторинга данных демографической и семейной политики Российской Федерации, в том числе с учетом глобальных демографических изменений.

7. Как представляется, разрешение негативного демографического сценария в Российской Федерации потребует отличного от общеустановленного, правового регулирования, основное содержание которого может быть отнесено к защищаемым государством сведениям, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации. В этой связи требуется разработка понятийного аппарата специального административно-правового характера, перечня возможных ограничительных мероприятий, направленных на устранение критической демографической ситуации, механизма их применения.

8. С учетом крайне негативного восприятия общественностью инициатив, связанных с запрещением аборт и введением налога на бездетность, в условиях необходимости разработки специальных мер, направленных на разрешение негативной демографической тенденции, принимая во внимание характеристики специальных административно-правовых режимов, требуется теоретическая разработка возможности конституционного закрепления репродуктивных прав женщины и изменение подходов к перераспределению финансовых ресурсов в обществе, предоставление дополнительных налоговых льгот для среднедоходных групп граждан с

учетом семейного статуса, повышение общей налоговой нагрузки на экономику для финансового обеспечения действующих мер повышения рождаемости.

Таким образом, для достижения положительных демографических результатов требуется корректировка семейной политики, в том числе региональных мер социальной поддержки. Корректировка должна коснуться, в первую очередь, мотивационных мер к деторождению, ценностно-нормативных идеологий семьи, направленных не на поддержку семей с детьми, а на формирование позитивного отношения молодежи к детной семье. И только после этого следует прибегать к административным мерам, направленным на повышение рождаемости: постоянный мониторинг и оценку каждого элемента социальной поддержки, транслирование эффективного опыта регионов на всю территорию страны, и учет, при этом, региональных особенностей демографии.

Список источников

1. Елизаров В. В. Избранные труды : сборник статей / редакторы-составители Н. Г. Джанаева, Н. А. Затонских, О. С. Чудиновских. М. : Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2023.
2. Елисеева И. И. Рождения и нерождения // Петербургская социология сегодня. 2018. № 10. С. 204–220.
3. Носкова А. В. Эволюция государственной семейной политики в России : от советских к современным моделям // Вестник МГИМО. 2013. № 6 (33). С. 157–159.
4. Confronting the consequences of a new demographic reality // URL: <https://www.mckinsey.com/mgi/our-research/dependency-and-depopulation-confronting-the-consequences-of-a-new-demographic-reality/>
5. Sanders M. R. Triple P-Positive Parenting Program as a Public Health Approach to Strengthening Parenting. Journal of Family Psychology 2008. Vol. 22, № 3, С. 506–517.
6. Доклад ООН: снижение рождаемости связано с ростом стоимости жизни и тревогой за будущее // URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/06/1465096/>

Информация об авторе

Ф. Г. Мышко – доцент кафедры частного права Государственного университета управления, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

F. G. Myshko – Associate Professor of the Department of Private Law of the State University of Management, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 11.11.2025; одобрена после рецензирования 16.12.2025; принята к публикации 19.01.2026.

The article was submitted 11.11.2025; approved after reviewing 16.12.2025; accepted for publication 19.01.2026.

7. Постановление Правительства Ивановской области от 25 декабря 2024 г. № 662-п «Об утверждении региональной программы по повышению рождаемости в Ивановской области на 2025–2027 годы» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/3700202412270003/>

8. Федеральный закон от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=482895&dst=100001#InrUqtU4CBrb2prF1/>

References

1. Elizarov V. V. Selected works : collection of articles / editors-compilers N. G. Dzhanayeva, N. A. Zatonskikh, O. S. Chudinovskikh. M. : Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University, 2023.
2. Eliseeva I. I. Birth and the unborn // St. Petersburg Sociology Today. 2018. № 10. P. 204–220.
3. Noskova A. V. the evolution of state family policy in Russia : from soviet to modern models // Vestnik MGIMO. 2013. № 6 (33). P. 157–159.
4. Confronting the consequences of a new demographic reality // URL: <https://www.mckinsey.com/mgi/our-research/dependency-and-depopulation-confronting-the-consequences-of-a-new-demographic-reality/>
5. Sanders M. R. Triple P-Positive Parenting Program as a Public Health Approach to Strengthening Parenting. Journal of Family Psychology 2008. Vol. 22, № 3, P. 506–517.
6. UN Report: Declining birth rate linked to rising cost of living and concern for the future // URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/06/1465096/>
7. Resolution of the Government of the Ivanovo region dated December 25, 2024 № 662-p «On approval of the regional program for increasing the birth rate in the Ivanovo region for 2025–2027» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/3700202412270003/>
8. Federal Law of December 12, 2023 № 565-FZ «On employment in the Russian Federation» // URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=482895&dst=100001#InrUqtU4CBrb2prF1/>

Научная статья

УДК 332.12

EDN: <https://elibrary.ru/ptiiqj>

НИОН: 2015-0066-2/26-447

MOSURED: 77/27-011-2026-02-646

Влияние криминальных факторов на состояние региональной кадровой безопасности

Наталья Владимировна Щеглова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

n.v.shcheglova@yandex.ru

Аннотация. В статье приведены результаты исследования криминальной группы факторов, имеющих влияние на региональный человеческий потенциал как основы безопасности кадровой системы. Значимость и актуальность обеспечения потребностей экономики страны неоднократно подчеркивалась за последние годы, что повлияло на построение государственных стратегий. Проведенный анализ динамики параметров позволил выявить угрозы обеспечению кадровой безопасности на уровне территории со стороны криминогенной обстановки.

Ключевые слова: кадровая безопасность, угроза кадровой безопасности, преступность, регион, человеческий потенциал

Для цитирования: Щеглова Н. В. Влияние криминальных факторов на состояние региональной кадровой безопасности // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 189–194. EDN: PTIIQJ.

Original article

The impact of criminal factors on regional personnel security

Natal'ya V. Shcheglova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

n.v.shcheglova@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of a study of the criminal group of factors that influence regional human potential as the basis for the security of the personnel system. The importance and relevance of meeting the needs of the country's economy have been repeatedly emphasized in recent years, which has influenced the development of government strategies. The analysis of the dynamics of the parameters has revealed threats to personnel security at the territorial level from the criminal environment.

Keywords: personnel security, threat to personnel security, crime, region, human potential

For citation: Shcheglova N. V. The impact of criminal factors on regional personnel security. Bulletin of economic security. 2026;(2):189–194. (In Russ.). EDN: PTIIQJ.

Введение. Сегодня «кадровые вопросы» государства и его территорий, как отметил Президент России на Заседании Государственного Совета 25 декабря 2025г., носят всеобъемлющий и приоритетный характер [3]. В основе развития регионов, в том числе экономического, – человек с присущими ему умениями, навыками, компетенциями и т. д. Роль человека и его возможностей в современном мире подчеркивается и в документах стратегического планирования. Так, стратегия национальной безопасности среди приоритетов страны закрепляет «развитие человеческого потенциала»; Стратегия экономической безопасности определяет «снижение качества человеческого потенциала» вызовом и угрозой безопасности экономики [1; 2]. Правительства территорий строят внутреннюю политику на основе госу-

дарственных нормативных актов, поэтому приведенные нормы справедливы и к регионам.

Человеческий потенциал формируется, растет и развивается под воздействием ряда факторов, в том числе – криминальных. Состояние внешней среды для жителей той или иной области имеет влияние не только на его жизнедеятельность, но и на функционирование государственного аппарата, экономической, образовательной, здравоохранительной системы и т. д. Кроме того, потребность в безопасности, согласно пирамиде Маслоу, является одной из базовых.

В связи с этим, внимание следует уделить определению роли криминальных факторов для процесса генерации и развития человеческого потенциала региона как основы обеспечения безопасности кадровой сферы.

Материалы и методы. Данное исследование проведено с использованием общенаучных и частнонаучных методов за период с 2017 по 2023 гг., что на момент анализа является последними актуальными данными, опубликованными на сайте Генеральной прокуратуры РФ [4]. В рамках оценки динамики криминальных процессов Воронежской области проведено сравнение региональных параметров со средними по стране. При этом из расчета среднероссийских значений исключены столица и города федерального значения.

Результаты и обсуждение. Общая характеристика преступности. Количество зарегистрированных преступлений за период с 2017 по 2023 гг. имеет тенденцию к снижению в среднем на 2 % ежегодно. Минимум зафиксирован в 2019 г., когда значения уменьшились вплоть до 29 тыс. ед. Рост отмечался в 2022 и 2023 гг. Ослабление преступности в регионе, безусловно, положительное явление, однако уровень, занимаемый Воронежской областью по параметру, выше среднероссийских величин в 1,4 раза.

Относительный показатель интенсивности распространения преступности среди населения также понижался со среднегодовой динамикой на 1,7 %. При этом по числу зарегистрированных преступлений на 1 000 человек населения Воронежская область характеризуется значениями ниже средних по России почти вдвое, что отражает более спокойную обстановку относительно остальных регионов. Однако стоит отметить тренд к росту это уровня: если в начале периода оценки значение составляло 0,5 ед., то к концу – 0,8 ед. Улуч-

шение криминогенной ситуации имеет положительное влияние на состояние человеческого потенциала и его формирование и развитие, однако сравнение областного уровня преступности со среднероссийскими значениями может говорить об обратном.

В рамках исследования криминогенной обстановки исследуемой территории значимым этапом представляется анализ показателей, характеризующих безопасность для жителей Воронежской области. Предлагаем оценить обстановку в разрезе двух составляющих: преступления против жизни и против собственности.

Преступления против жизни. Количество зарегистрированных убийств и покушений на убийство имеет устойчивый тренд к уменьшению значений в среднем на 5 % ежегодно. Минимальных значений показатель достиг в 2019 г., после которого рост числа таких преступлений наблюдался вплоть до 2020 г. Уровень региона по числу убийств и покушений на убийство преобладает над среднероссийским в начале и в конце периода исследования со значениями 1,01 ед. и 1,08 ед. соответственно. Динамика областного уровня по количеству таких преступлений зафиксирована со средним темпом прироста 1,2 % (рис. 1).

Относительный показатель интенсивности распространения явления среди населения также характеризуется наличием отрицательного тренда. Снижение количества зарегистрированных преступлений по статье убийство и покушение на него за период с 2017 по 2023 гг. в среднем происходило на 7 %. Однако построение полиномиальной линии тренда позволяет ожидать

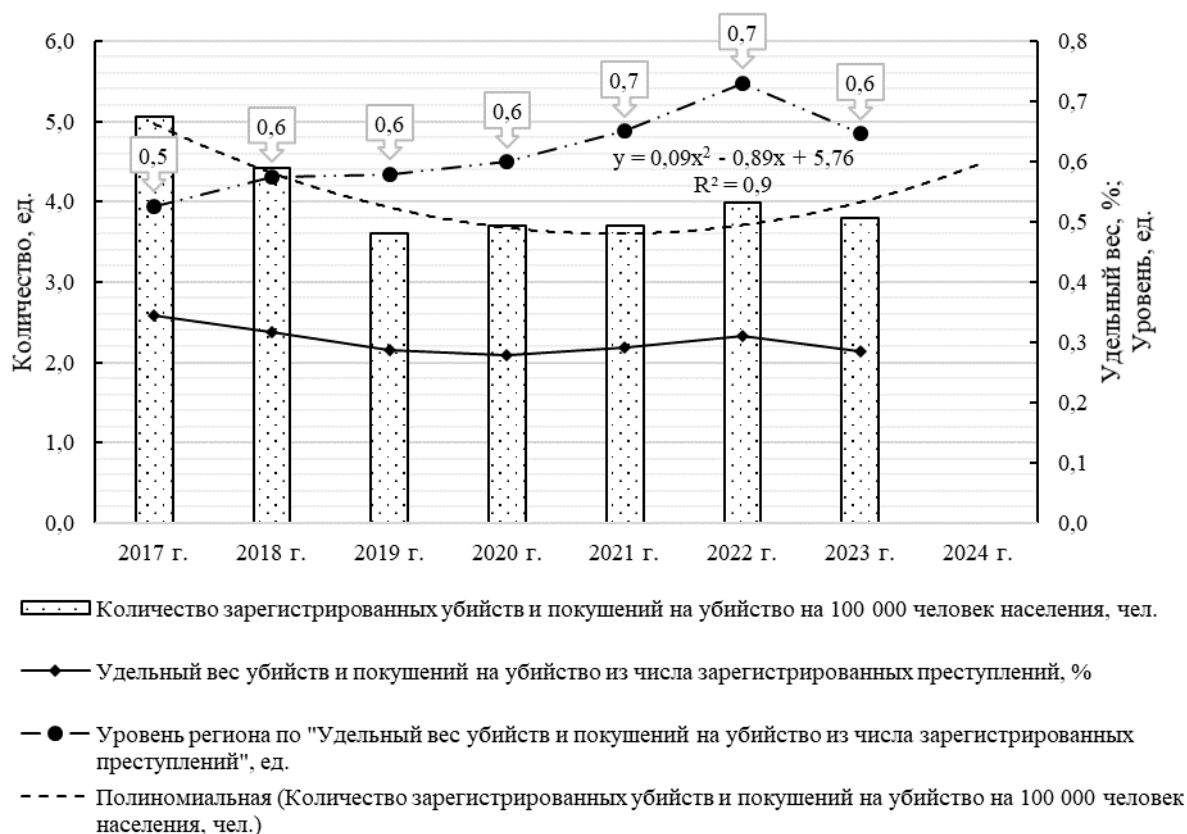

Рис. 1. Динамика убийств и покушений на убийство Воронежской области

слабый рост параметра на ближайшую перспективу. В свою очередь уровень, занимаемый Воронежской областью, по числу убийств и покушений на него на 100 000 человек населения, хотя и ниже среднего по стране на всем протяжении периода исследования, но с тенденцией к росту на 1 % ежегодно.

Относительный показатель структуры – удельный вес убийств и покушений на убийство из числа зарегистрированных преступлений – снижается со среднегодовой динамикой почти на 5 %. Минимум за период оценки наблюдается в пандемийный 2020 г. Уровень региона по двум показателям значительно ниже средних по России, однако в данном случае наблюдается стабильное повышение расчетных значений на всем протяжении периода анализа: средний темп прироста составляет 3,5 %.

Преступления против собственности. Количество грабежей и разбоев в исследуемой области имеет устойчивый тренд к уменьшению значений в среднем на 11 %. Минимальных величин спад показателя достиг к 2022 г. – 572 ед., после чего зафиксирован рост на 8 % до 616 ед. к 2023 г. Несмотря на то, что уровень исследуемого региона примерно в 1,5 раза выше средних значений по РФ, отмечается хотя и слабая, но отрицательная динамика сравнительной величины, что является позитивным сигналом для криминальной обстановки области (рис. 2).

Показатель интенсивности распространения количества хищений чужого имущества, совершенных путем грабежа и разбоя, на 10 000 человек населения снижается в среднем более чем на 10 % ежегодно. Уровень реги-

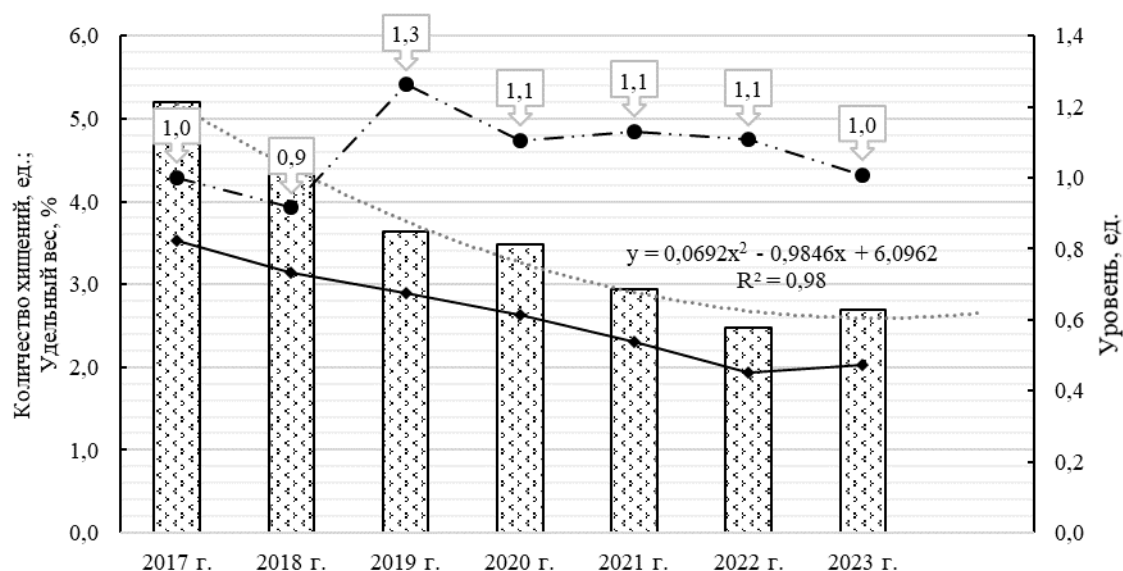
она по показателю ниже общероссийского значения, и за период оценки он устойчиво понижался от максимальных 0,99 ед. в 2017 г., до 0,81 ед. к 2023 г., что в среднем составило 3,2 % уменьшения.

Благоприятным условием для формирования и развития человеческого потенциала является также и отрицательная тенденция удельного веса хищений чужого имущества, совершенных аналогичным образом, из числа зарегистрированных преступлений. Средний темп уменьшения составил приблизительно 9 %. Средний уровень Воронежской области за период с 2017 по 2023 гг. по показателю незначительно превышает общероссийские значения – на 8 %.

Общая тенденция к снижению преступности в части убийств и хищений положительно характеризует динамику и состояние криминогенной ситуации Воронежской области. Уровень личной и имущественной безопасности для населения повысился, что, безусловно, позитивно влияет на процесс формирования и качественного приумножения человеческого потенциала в рамках обеспечения региональной кадровой безопасности.

Далее предлагаем дать оценку динамике экономической преступности Воронежской области с 2017 по 2023 гг.

Преступления в сфере экономики. Количество зарегистрированных преступлений экономической направленности за указанный период характеризуется трендом к уменьшению значений более чем на 6 %. Однако можно наблюдать повышение показателя с мини-

- Количество зарегистрированных хищений чужого имущества, совершенных путем грабежа и разбоя, на 10 000 человек населения, ед.
- Удельный вес хищений чужого имущества, совершенный путем грабежа и разбоя, из числа зарегистрированных преступлений, %
- Уровень региона по "Удельный вес хищений чужого имущества, совершенный путем грабежа и разбоя, из числа зарегистрированных преступлений", ед.
- Полиномиальная (Количество зарегистрированных хищений чужого имущества, совершенных путем грабежа и разбоя, на 10 000 человек населения, ед.)

Рис. 2. Динамика грабежей и разбоев Воронежской области

мальных за период 1355 ед. в 2020 г. до 1431 ед. в 2023 г. Уровень области по числу экономических преступлений в среднем превышает общероссийские величины в 1,5 раза.

Относительный показатель интенсивности распространения преступности в сфере экономики среди насе-

ления имеет слабый тренд к увеличению в среднем на 0,14 %. В данном случае необходимо отметить его рост с минимального за период оценки 5,8 ед. в 2020 г., до 6,2 ед. в 2023 г. При этом уровень области по количеству преступлений в сфере экономики характеризуется более устойчивой тенденцией к увеличению: средний

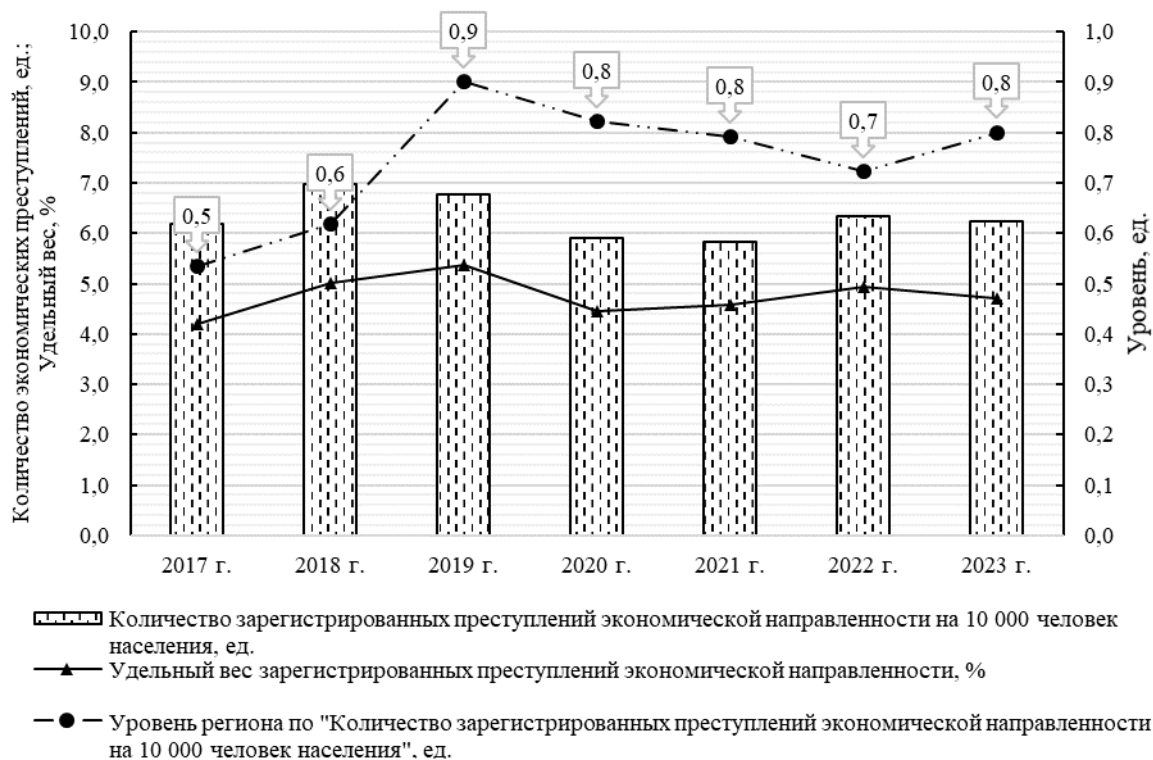

Рис. 3. Динамика экономической преступности Воронежской области

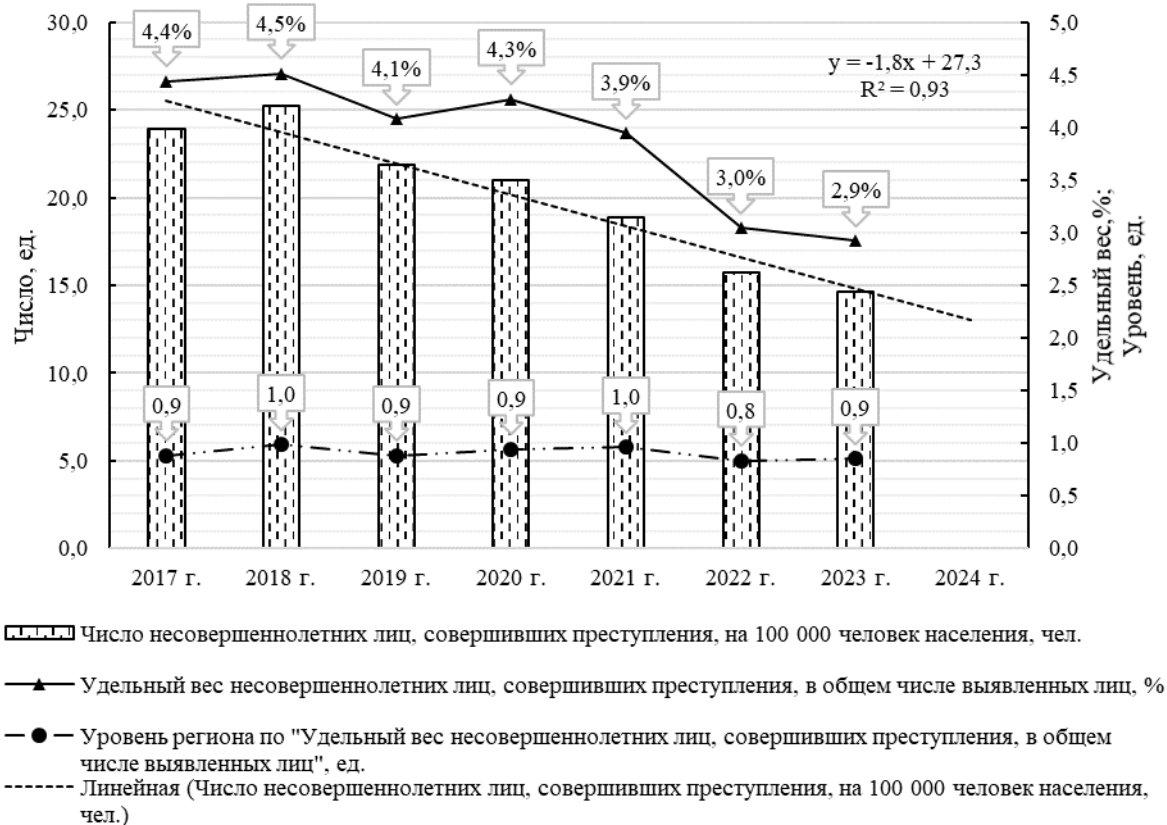

Рис. 4. Динамика преступности среди несовершеннолетних Воронежской области

темпа прироста составляет 7 %. Если в начале периода оценки зафиксирован минимум, составляющий 0,5 ед., то к 2023 г. значения сравнительного параметра выросли до 0,8 ед., что показывает наличие назревающей угрозы.

В свою очередь удельный вес зарегистрированных преступлений экономической направленности имеет общий тренд к уменьшению в среднем на 3 %, но аналогично характеризуется повышением значения показателя после 2020 г. Уровень Воронежского региона, напротив, растет со среднегодовой динами-

кой на 1,3 % и составляет в среднем за период 0,9 ед. (рис. 3).

Таким образом, можем говорить об общем тренде к снижению преступлений экономической направленности Воронежской области в период с 2017 по 2023 гг., что безусловно является положительным сигналом. Однако стоит обратить внимание на рост количественных и качественных показателей, характеризующих явление после 2020 г., что может говорить о существовании опасностей в сфере обеспечения безопасности региональной экономической системы,

Таблица 1

Динамика показателей и уровня региона по ним Воронежской области

Показатели	Значения показателя		Средний темп прироста, %	Уровень по показателю		Средний темп прироста, %
	2017 г.	2023 г.		2017 г.	2023 г.	
Общая характеристика						
1. Количество зарегистрированных преступлений	34 370	30 460	-1,99	1,45	1,49	0,50
2. Количество зарегистрированных преступлений на 1 000 человек населения	14,72	13,28	-1,71	0,52	0,81	7,57
Преступления против жизни						
3. Количество зарегистрированных убийств и покушений на убийство	118	87	-4,95	1,01	1,08	1,17
4. Количество зарегистрированных убийств и покушений на убийство на 100 000 человек населения	5,1	3,8	-4,68	0,50	0,53	0,89
5. Удельный вес убийств и покушений на убийство из числа зарегистрированных преступлений	0,34	0,29	-3,02	0,53	0,65	3,47
Преступления против собственности						
6. Количество зарегистрированных хищений чужого имущество, совершенных путем грабежа и разбоя	1214	616	-10,69	1,66	1,44	-2,30
7. Количество зарегистрированных хищений чужого имущество, совершенных путем грабежа и разбоя, на 10 000 человек населения	5,20	2,69	-10,43	0,99	0,81	-3,25
8. Удельный вес хищений чужого имущества, совершенный путем грабежа и разбоя, из числа зарегистрированных преступлений	3,53	2,02	-8,88	1,00	1,01	0,12
Преступления в сфере экономики						
9. Количество зарегистрированных преступлений экономической направленности	1 444	1 431	-0,15	1,34	1,36	0,22
10. Количество зарегистрированных преступлений экономической направленности на 10 000 человек населения	6,2	6,2	0,14	0,53	0,80	6,98
11. Удельный вес зарегистрированных преступлений экономической направленности	4,20	4,70	1,88	0,78	0,84	1,26
Преступность среди несовершеннолетних						
12. Выявлено несовершеннолетних лиц, совершивших преступления	558	335	-8,15	0,50	0,39	-3,96
13. Число несовершеннолетних лиц, совершивших преступления, на 100 000 человек населения	23,9	14,6	-7,88	0,50	0,53	0,95
14. Удельный вес несовершеннолетних лиц, совершивших преступления, в общем числе выявленных лиц	4,44	2,92	-6,73	0,88	0,85	-0,57

Примечание: средние темпы прироста, выделенные курсивом, свидетельствуют об ухудшении условий для формирования человеческого потенциала региона

влияющей на состояние и развитие человеческого потенциала.

Преступность среди несовершеннолетних. Важным показателем наличия проблем в части формирования подрастающего поколения является детская преступность. Количество выявленных лиц, не достигших 18 лет, которые совершили преступления, за период оценки имеет устойчивую тенденцию к уменьшению в среднем на 8 %. Минимальная величина показателя зафиксирована в конце периода исследования – 335 чел., против максимума – 589 чел. в 2018 г. Об улучшении ситуации свидетельствует как значения уровня региона по показателю, которые не достигали среднероссийских, так и общий тренд к снижению этого уровня почти на 4 % ежегодно: с 0,5 ед. в 2017 г. до 0,4 ед. к 2023 г. (рис. 4).

Число несовершеннолетних, нарушивших уголовное законодательство РФ, на 100 000 человек населения аналогично уменьшалось со среднегодовой динамикой почти на 8 %, достигнув минимума к концу периода оценки. Уровень области по отношению к средним по стране значения составляет 0,5 ед., однако стоит обратить внимание на его слабый рост со средним темпом прироста на 1 %.

Удельный вес несовершеннолетних лиц, совершивших преступления, в общем числе выявленных лиц характеризуется стабильным трендом к снижению в среднем на 7 % ежегодно за период с 2017 по 2023 гг. И в данном случае минимальное значение отмечено в 2023 г., которое составило 2,9 %, когда максимум в 2018 г. составлял 4,5 %. Уровень Воронежской области по данному показателю ниже среднего по стране почти на 10 %, что, несомненно, является позитивной тенденцией.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов о криминогенной обстановке формирования регионального человеческого потенциала в целях обеспечения кадровой безопасности (табл. 1).

Заключение. Динамика к увеличению показателей за период с 2017 по 2023 гг. отмечается только по параметрам, отражающим преступность в сфере экономики: количество преступлений на 10 000 жителей и удельный вес таких противоправных деяний в общем количестве. Рост значений показывает ухудшение криминальной ситуации в этой области.

Информация об авторе

Н. В. Щеглова – адъюнкт кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

N. V. Shcheglova – Adjunct of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 26.01.2026; одобрена после рецензирования 20.02.2026; принята к публикации 17.03.2026.

The article was submitted 26.01.2026; approved after reviewing 20.02.2026; accepted for publication 17.03.2026.

В целом по всем проанализированным показателям максимум отмечался в начале периода исследования 2017–2019 гг., в свою очередь, минимум – к 2020–2023 гг. Исключением является параметр, отражающий удельный вес преступлений в сфере экономики: минимальное значение отмечено в 2017 г., максимальное – в 2019 г.

Примечательно отметить общие тенденции уровня региона по проанализированным показателям. В данном случае увеличение значений, а равно осложнение обстановки для формирования и развития человеческого потенциала, зафиксировано у 70 % показателей, отобранных в целях исследования. Приближение значений уровня Воронежской области к средним по России может говорить либо об ухудшении ситуации внутри области по криминальным факторам, имеющим влияние на обеспечение кадровой безопасности территории.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.07.2021 г. № 27 (часть II) ст. 5351.
2. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 15.05.2017 г. № 20 ст. 2902.
3. URL: <http://www.kremlin.ru/events/state-council/78860/>
4. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/>

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 № 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 05.07.2021. № 27, art. 5351.
2. Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2017 № 208 «On the Economic Security Strategy of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 15.05.2017. № 20, art. 2902.
3. URL: <http://www.kremlin.ru/events/state-council/78860/>
4. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/>

Научная статья

УДК 339

EDN: <https://elibrary.ru/xmqxxo>

НИОН: 2015-0066-2/26-448

MOSURED: 77/27-011-2026-02-647

Особенности применения отдельных элементов комплекса маркетинга к товарам категории «премиум»

Андрей Алексеевич Яковлев

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия,
andrew0880@rambler.ru

Рецензент: кандидат исторических наук, кандидат юридических наук,
доктор экономических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ,
лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники,
лауреат премии Правительства РФ в области образования **Н. Д. Эриашвили**

Аннотация. Кратко раскрывается механизм адаптации ключевых элементов комплекса маркетинга для реализации товаров категории «премиум», исходя из того, что в настоящее время на международном рынке таких товаров имеется существенное количество брендов, аналогичных как по ассортименту, так и по ценовой политике. Обосновывается тезис о том, что для того, чтобы быть конкурентоспособной в данном сегменте, компании необходимо проводить эффективную маркетинговую политику (в первую очередь, это касается таких вопросов, как ценообразование, продвижение и т. д.). Также описываются некоторые особенности современного рынка предметов роскоши в целом.

Ключевые слова: конкурентоспособность продукции, индивидуальность бренда, стратегия позиционирования, fashion-маркетинг, мотивация потребителя, моделирование спроса, ценовая чувствительность, рыночный сегмент, эксклюзивный сбыт, маркетинговые коммуникации

Для цитирования: Яковлев А. А. Особенности применения отдельных элементов комплекса маркетинга к товарам категории «премиум» // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 195–199. EDN: XMQXXO.

Original article

Features of the application of individual elements of the marketing mix to products of the «premium» category

Andrey A. Yakovlev

Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia,
andrew0880@rambler.ru

Reviewer: Candidate of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences,
Doctor of Economic Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of Russia,
Winner of an Award of the Government of Russia in the Field of Science and Technology,
Winner of an Award of the Government of Russia in the field of Education **N. D. Eriashvili**

Abstract. Briefly revealed the mechanism of adaptation of the key elements of the marketing mix for the sale of premium goods, based on the fact that currently there are a significant number of brands on the international market of such goods, similar both in assortment and in pricing policy. The thesis is substantiated that in order to be competitive in this segment, the company needs to conduct an effective marketing policy (first of all, this concerns issues such as pricing, promotion, etc.). It also describes some features of the modern luxury goods market in general.

Keywords: product competitiveness, brand identity, positioning strategy, fashion marketing, consumer motivation, demand modeling, price sensitivity, market segment, exclusive sales, marketing communications

For citation: Yakovlev A. A. Features of the application of individual elements of the marketing mix to products of the «premium» category. Bulletin of economic security. 2026;(2):195–199. (In Russ.). EDN: XMQXXO.

© Яковлев А. А., 2026

Начать следует с того, что в наиболее широком значении термин «маркетинг» трактовался уже в период древних цивилизаций, т. е. когда фактически зарождались экономические отношения на мировой арене, иными словами, в момент актуализации отдельных вопросов конкуренции и конкурентоспособности. В современном понимании маркетинг есть совокупность процессов создания, продвижения и предоставления товара (работы или услуги) конечному потребителю, равно как и механизм управления взаимоотношениями с ним (покупателем). Маркетинг как таковой всегда должен быть направлен на удовлетворение разумных потребностей указанного потребителя. Также необходимо обратить внимание на то, что мода есть не что иное, как совокупность каких-то определенных ценностей, вкусов и прочее, принятых в том или ином обществе в конкретный период времени (при этом мода определяет не только стиль в одежде, мебели и т. д., но и принципы поведения людей в окружающем обществе). Сегодня понятие моды можно трактовать расширительно, распространяя его даже на такие направления, как живопись, архитектура, декоративно-прикладное искусство и т. д. Как правило, моду ассоциируют с принципом сезонности (учитывая, что ранее она изменялась гораздо медленнее и могла «замораживаться» даже на столетия). В наши дни индустрия моды позиционируется как самостоятельный сектор экономики, связанный с производством и последующей реализацией товаров роскоши (или категории «премиум»). К концу XX в. сформировалось отдельное направление fashion-маркетинга, т. е. маркетинга, связанного со всеми аспектами модной индустрии. В настоящий момент на международном рынке товаров роскоши имеет место существенное количество брендов, аналогичных как по цене, так и по ассортименту. В связи с этим, чтобы какому-либо производителю оставаться конкурентоспособными, целесообразно осуществлять весьма успешную маркетинговую политику, уделяя особое внимание вопросам цены, формирования ассортиментного ряда, продвижения и последующего стимулирования.

Хочется отметить, что товарная политика представляет собой одну из базовых составляющих маркетинг-микса и включает в себя совокупность действий по повышению конкурентоспособности производимых продуктов, разработку товаров рыночной новизны, поддержание требуемого ассортимента и прочее. Товарная политика как таковая имеет целью удовлетворить потребности конечных потребителей, поддерживая при этом их интерес. В сущности, без периодической разработки и реализации новых изделий рынок товаров уровня «премиум» вряд ли просуществовал бы до сегодняшнего дня. Продукция категории «премиум» («люкс») в целом должна быть наделена 6 основными чертами – это, конечно же, высокое качество, определенное историческое наследие, комплексность, высокая (иногда – запредельная) цена, дефицитность и небанальность. Говоря о таком элементе, как качество, следует обратить

внимание на то, что все подобные товары должны быть исключительно высокого «происхождения». Такие показатели, как наследие, история появления (формирования) бренда и аутентичность составляют некую индивидуальность бренда (к наследию, например, можно отнести упоминание об известных клиентах). Целостность товаров «премиум» предполагает так называемую стилистическую преемственность, четкое соблюдение традиций производства и особенностей потребления. Высокая цена в данном случае ассоциируется однозначно с гарантией качества. Дефицитность (возможно, что редкость) позиционируется исключительно как престижность, т. е. это а priori более чем ограниченный доступ к товарам (стандартный пример здесь – это необходимость совершения так называемого предзаказа). Завершающая характеристика товаров уровня «премиум» предполагает, что эмоциональная составляющая здесь опережает так называемые функциональные позиции продукта. В последнее время довольно часто производители люксовых товаров применяют так называемую стратегию позиционирования, сакцентированную на аспектах качества и престижа, заявляя этим о своей значимости (и, наверное, недоступности).

В большинстве государств мира наращивание оборота в luxury-индустрии считается как один из приоритетов развития, способствуя тем самым экономическому росту и стабилизации занятости в стране в целом. Но нельзя забывать, что рынок предметов роскоши кардинальным образом отличается от стандартных отраслей экономики спецификой привлечения инвестиций и механизмом функционирования. В данный момент такому рынку свойственны как региональная, так и товарная диверсификация, частое осуществление сделок по слияниям, поглощениям и прочее. Эта отрасль сегодня позиционируется в качестве объекта коммерческой деятельности, будучи довольно активно вовлеченной в единую структуру рыночного хозяйствования (так, например, вырабатывается особый экономический механизм по созданию новых концепций в сфере luxury, а также формируется система по организации работы каналов товародвижения и т. д.).

Мировой рынок предметов роскоши является наиболее стрессоустойчивым сегментом рынка моды, а на его долю приходится порядка 10 %. Продажи товаров «люкс» тесно коррелируют с динамикой мирового ВВП, при этом на рынок предметов роскоши приходится более 1 % мирового ВВП. На конец 2018 г. объем индустрии товаров роскоши составлял более 900 млрд евро. Отправной точкой начала роста мирового рынка товаров класса «люкс» можно назвать 2017 г., который, по прогнозам консалтинговой компании BCG, продолжится... В 2016 г. мировой рынок товаров «люкс» упал на 1 % по причине падения спроса со стороны США и Китая. На падение спроса со стороны китайских потребителей повлияло замедление экономического роста и антикоррупционные кампании. Больше всего товаров «люкс» продается на локальных рынках, в то время как

до 2016 г. больше половины продаж обеспечивалось туристами. Изменения связаны с экономической нестабильностью в ряде стран, девальвацией валют, террористическими угрозами и государственными мерами по поддержанию локальных рынков. Особую значимость рынок предметов роскоши представляет для французской экономики. На этот сектор экономики приходится более 1,5 % ВВП Франции (более 35 млрд евро добавленной стоимости), что существенно больше показателей автомобильной или аэрокосмической отраслей. Каждая Неделя моды приносит экономике страны более 1,2 млрд евро, причем от продаж одежды, участвовавшей в показах, компании зарабатывают дополнительные 10,3 млрд евро. Кроме того, индустрия предметов роскоши обеспечивает страны большим количеством рабочих мест. Так, во Франции непосредственно в производстве и продаже товаров роскоши занято почти 600 тыс. чел., а более миллиона мест задействовано отраслью косвенно [1, с. 39–40].

Далее целесообразно сказать, что к товарам категории «премиум» относят очень дорогостоящие товары, которые обладают некими премиальными ценностями для потребителя (это могут быть: эксклюзивная одежда, предметы, имеющие высокую художественную значимость (авторская живопись, фарфор определенных марок и т. д.), дизайнерская мебель, некоторые автомобили и прочее). Источниками таких плюсов могут являться как определенные конструктивные (и технические) особенности, так и специфика психологии восприятия товара потребителями (вопрос статусности, престижа). Таким образом, товары уровня «премиум» должны обладать более чем высоким качеством и восприниматься в сознании потребителя как «эксклюзив». Одна из ключевых особенностей продукции «премиум» заключается в мотивационном аспекте (при принятии решения о покупке). Как правило, потребителями товаров данной группы являются люди, чьи основные потребности удовлетворены в полном объеме. В связи с этим при анализе и прогнозировании спроса на товары группы luxury разумно обращать внимание на особенности развития общества на конкретном целевом рынке. Говоря исключительно о товарах уровня «премиум», то здесь важную роль играют в основном неценовые факторы конкурентоспособности, включая качество продукции, бренд, послепродажный сервис и т. д. В данном сегменте конкурентоспособность продукции напрямую зависит от имиджа компании-производителя. При этом целью так называемой неценовой конкуренции является систематическое совершенствование характеристик товаров, улучшение дизайна, качества, упаковки и т. д. Использование бренда позволяет производителям получить бонусы в таких аспектах, как: приверженность к бренду, формирование покупательских предпочтений, поддержание имиджа компании, рост объемов реализации, исходя из того, что на мировом рынке товаров «премиум» имеется деление по уровням на дизайнерские и так называемые диффузные.

Также нельзя забывать и о том, что цена является весьма важным инструментом маркетинг-микса, в том числе и по отношению к товарам категории «премиум». Именно она и способна создать ауру престижа и некой нетривиальности. Ценовая политика всегда заключается в установлении конечных цен и связана с разработкой ценовой системы в целом, выбором конкретного метода ценообразования и ценовой стратегии. При этом ценовые линии в итоге отражают шкалу изменения цен, где каждая цена соответствует конкретному уровню качества. Ценовая шкала предполагает наличие трех уровней – высокого, среднего и низкого.

Ценовые линии создают ряд преимуществ, в числе которых охват большего числа сегментов, исключение конкурентов, увеличение общего объема реализации. Так, бренды класса «люкс» выпускают разные линии, относящиеся, соответственно, к разным ценовым категориям. Товары первой линии брендов выполняются с помощью ручного или наполовину ручного производства и являются результатом уникального дизайнерского решения. В свою очередь, вторые линии брендов также обладают высоким качеством и выполняются из высококлассных материалов, однако их пошив не осуществляется вручную. Это требует значительно меньших затрат, как временных, так и финансовых. Такие линии, как правило, называют диффузными и со временем перерастают в самостоятельные популярные бренды... Первые, вторые и третьи линии известных брендов: 1) Gianni Versace (1), Versus (2); 2) Dolce&Gabbana (1), D&G (2); 3) Prada (1), Miu Miu (2), Prada Sport (3); 4) Chloe (1), See by Chloe (2); 5) Valentino (1), R.E.D. Valentino (2). Важно отметить, что существует множество популярных брендов, не имеющих линейности (в частности, Chanel, Christian Dior, Louis Vuitton, Hermes и др.). Политика таких компаний направлена на поддержание эксклюзивного статуса [1, с. 63].

Далее необходимо сказать и несколько слов о взаимосвязи категорий цены и качества при ведении разговора о товарах премиального уровня. Так, например, стратегия «увязывания» цены и качества товаров подразумевает установление цен на максимально возможном уровне. В некоторых сегментах рынка увеличение цены или назначение заведомо завышенной цены ассоциируется потребителями с показателем непрекращаемого качества продукции. Данная стратегия – один из рыночных методов ценообразования, цель которого заключается не только в удовлетворении конечных потребителей, но и в увеличении прибыли за счет как обеспечения, так и поддержания большей ценности продукции. Необходимо принимать во внимание тот факт, что потребители товаров класса «премиум» не всегда обращают внимание на такой фактор, как цена, а руководствуются другими «детекторами» при совершении покупки, среди которых одно из первых мест занимают эмоции. Специалисты выделяют следующие ключевые индикаторы ценовой чувствительности потребителей товаров lux, это: эффект уникальной (неповторимой) ценности,

так называемый эффект невозможности сравнений и, конечно же, эффект цены (как показателя качества). Да, в ряде случаев ценовая чувствительность может быть существенно снижена, например, если производитель делает явный акцент на специфических особенностях товаров, устанавливает завышенную цену, чтобы показать определенный статус, проводит параллель между высокой ценой и итоговой выгодой для конечного потребителя.

Очень часто на мировом рынке ценовые стратегии используются в определенных комбинациях. Более того, не секрет, что производители товаров категории «премиум» могут указывать четкие (округленные) цены, акцентируя тем самым на отсутствии необходимости ведения агрессивной маркетинговой политики. В качестве сравнения можно сказать, что компании, реализующие товары подобного уровня, ранее старались устанавливать так называемые ценовые барьеры (*price fences*), затруднявшие получение информации о цене таких товаров в других государствах, т. е. на сайтах этих компаний отсутствовали цены, применялись различные названия моделей и модификации (в зависимости от страны). Но в последнее время большинство брендов сферы *luxury* (Chanel, например) перешли к модели сбалансированности стоимости изделий на наднациональном рынке; это означает, что конечные потребители могут приобретать товары уровня «премиум» по одинаковым во всех странах ценам. Этот шаг, имея явные минусы, отчасти все же способствует борьбе с вторичным рынком и позволяет установить баланс при организации поставок в butikи.

Переходя к специфике сбыта, хочется обратить внимание на то, что сбытовая политика как таковая в итоге направлена на оптимизацию сети реализации в целях повышения эффективности продаж. Она включает в себя целый блок мероприятий по доведению товаров до конечного потребителя, основываясь на выборе наиболее выгодной модели при доставке продукции. Так, выделяют такие виды сбыта, как интенсивный, селективный и эксклюзивный. Интенсивный всегда предполагает реализацию по наиболее широким каналам распределения и работу с существенным количеством сбытовых (посреднических) структур. Селективный (избирательный) сбыт характеризуется наличием сравнительно небольшого числа специализированных сбытовых компаний. При применении же модели эксклюзивного сбыта производитель специально (сознательно) лимитирует количество посредников или сбывает товары через свои собственные торговые единицы. В каком-либо конкретном регионе этим посредникам дается исключительное право на торговлю продукцией фирмы. Подобные схемы напоминают варианты простой, исключительной и полной лицензий. В сегменте *luxury*-товаров изготовители придерживаются, как правило, селективного и эксклюзивного сбыта (это связано со спецификой рынка и недопустимостью даже намека на массовость).

Компании-производители товаров роскоши стали тратить больше ресурсов на развитие направления электронной торговли. До недавнего времени большинство компаний отдавали онлайн-торговлю на аутсорсинг в связи с техническими сложностями самого процесса и высокими затратами. На рынке товаров роскоши традиционные каналы торговли будут постепенно вытесняться электронной коммерцией. Ожидается, что к 2025 г. на онлайн-продажи будет приходиться более 25 %. Рост онлайн-продаж товаров класса «люкс» первоначально связан со сменой поколений потребителей, а также популяризацией отдельных аспектов диджитализации. По состоянию на 2019 г., более 45 % покупателей товаров роскоши являются представителями поколения Y, около 30 % – поколение Z. Таким образом, люксовым брендам необходимо подстраиваться под новые реалии и соответствующим образом выстраивать товарные предложения, коммуникационные стратегии и выбирать каналы продаж. В сегменте товаров роскоши первое место по онлайн-продажам занимает Северная Америка, далее идет Азиатский регион и Европа. В 2017 г. холдинг LVMH, в который входит большое количество люксовых брендов (Christian Dior, Louis Vuitton, Celine и Givenchy), запустил собственную электронную торговую площадку «24 Sevres». Доступ к онлайн-магазину получают жители 70 стран мира. Необходимо подчеркнуть, что раньше торговые марки холдинга продавались только на мультибрендовых площадках или в собственных интернет-магазинах. Кроме того, Louis Vuitton стал первым люксовым брендом в России, начавшим продажи через собственный онлайн-магазин [1, с. 74–75].

И в завершение хочется выделить такое направление, как коммуникационная политика, которая является существенным элементом комплекса маркетинга, представляющим из себя совокупность действий по созданию у потребителя представлений о товарах организации. Сегодня весьма усиливается роль т.н. интегрированных маркетинговых коммуникаций, которые предполагают поиск наиболее оптимального сочетания самостоятельных направлений политики в сфере ФОС-СТИС для получения максимума от воздействия всех коммуникационных программ. Современная политика продвижения – это совокупность таких элементов, как: реклама, PR, персональные продажи и прочее. Во всех крупнейших холдингах fashion-индустрии успешно функционируют подразделения маркетинга (и коммуникаций), ключевая задача которых – это попытаться вызвать интерес у потребителей, заинтересовать собственным ассортиментным рядом и иными (факультативными) аспектами деятельности компании. В состав подобных структур, как правило, включаются специалисты по разработке продукции и маркетингу, по PR, связям с общественностью, цифровым коммуникациям, рекламе, а также отвечающие за всевозможные мероприятия по поддержанию атмосферы представляемых брендов. Акцентируя внимание на коммуникациях в

сфере товаров уровня «премиум», нужно обязательно отметить, что в товарах этой категории огромную роль играет ручной труд (так называемая модель *hand made*), и часто все маркетинговые коммуникации нацелены на доведение этой идеи до конечного потребителя. Нередко бренды класса «премиум» применяют элементы эпатажа в рекламе. Однако им всегда следует учитывать тот факт, что среди потребителей *luxury*-товаров очень большой сегмент – это люди с весьма консервативными взглядами. Более того, здесь очень важна и значимость амбассадора бренда, задача которого заключается в донесении основной идеи продукции до целевой аудитории (как правило, для этого приглашаются известные актеры, спортсмены и т. д.).

Таким образом, в целом можно заключить, что рассмотренные выше элементы являются ключевыми в комплексе маркетинга (применительно к товарам уровня «премиум»). Конечно же, следует уделить внимание и таким аспектам, как мерчандайзинг в реализации подобных товаров, цифровые тенденции в *luxury*-индустрии и прочее, но это уже предмет отдельного разговора.

Список источников

1. Маркетинг в индустрии товаров класса «люкс» : учебное пособие / Н. С. Загребельная, Е. Р. Бостоганашвили; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, кафедра менеджмента, маркетинга и внешнеэкономической деятельности имени И.Н. Герчиковой. М. : МГИМО-Университет, 2019.

References

1. Marketing in the luxury goods industry : textbook / N. S. Zagrebelnaya, E. R. Bostoganashvili; Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Department of Management, Marketing and Foreign Economic Activity named after I.N. Gerchikova. M. : MGIMO-University, 2019.

Информация об авторе

А. А. Яковлев – доцент кафедры управления высокотехнологичными предприятиями Московского авиационно-го института (национального исследовательского университета), кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

A. A. Yakovlev – Associate Professor of the Department of Management of the Hi-tech Enterprises of the Moscow Aviation Institute (National Research University), Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 07.07.2025; одобрена после рецензирования 28.08.2025; принята к публикации 10.10.2025.

The article was submitted 07.07.2025; approved after reviewing 28.08.2025; accepted for publication 10.10.2025.

Библиографический список

1. Маркетинг в отраслях и сферах деятельности : учебное пособие / под ред. д-ра экон. наук, проф. Н. А. Нагапетьянца. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2011.
2. Международный маркетинг / Н. И. Перцовский, И. А. Спиридонов, С. В. Барсукова ; под ред. Н. И. Перцовского. М. : Высшая школа, 2001.
3. Межкультурная коммуникация в бизнесе и предпринимательстве (поиск деловой идентичности) : учебно-практическое пособие // В. Ф. Стародубцев. М. : Экономика, 2013.
4. Моисеева Н. К. Международный маркетинг и бизнес : учебное пособие. М. : КУРС: ИНФРА-М, 2014.
5. Черчилль Г., Браун Т. Маркетинговые исследования. 5-е изд. / пер. с англ. под ред. Г. Л. Багиева. СПб : Питер, 2007.
6. Ямпольская Д. О. Ценообразование в условиях рынка : учебное пособие. М. : Международные отношения, 2015.

Bibliographic list

1. Marketing in industries and fields of activity : textbook / edited by Dr. of Economics, prof. N. A. Nagapetyants. 2nd ed., repr. and add. M. : University textbook : INFRA-M, 2011.
2. International marketing / N. I. Pertsovsky, I. A. Spiridonov, S. V. Barsukova ; Ed. N. I. Pertsovsky. M. : Higher School, 2001.
3. Intercultural communication in business and entrepreneurship (search for business identity) : educational and practical guide // V. F. Starodubtsev. M. : Economics, 2013.
4. Moiseeva N. K. International marketing and business : textbook. M. : COURSE: INFRA-M, 2014.
5. Churchill G., Brown T. Marketing research. 5th ed. / transl. from English, edited by G. L. Bagiev. SPb : Peter, 2007.
6. Yampolskaya D. O. Pricing in market conditions : textbook. M. : International relations, 2015.

Научная статья

УДК 349

EDN: <https://elibrary.ru/qcygke>

ИПОН: 2015-0066-2/26-449

MOSURED: 77/27-011-2026-02-648

Подводные и надводные беспилотные аппараты в современных военных действиях

Александр Леонидович Вострокнутов¹, Антон Сергеевич Гричанов²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
al_vostroknutov@mail.ru

² Российский университет транспорта, Москва, Россия,
g-ton@mail.ru

Аннотация. Современный этап технологического прогресса обусловил существенный рост значимости автономного морского робототехнического вооружения в контексте вооруженных конфликтов. Проведен анализ беспилотных морских аппаратов, которые демонстрируют высокую степень эффективности при выполнении широкого спектра военных задач, охватывая такие направления деятельности, как разведывательные операции, обеспечение охранного патрулирования акваторий, осуществление мероприятий по постановке минных заграждений и противодействие подводным лодкам противника. Выявлены особенности применения инновационных технических решений, способствующих снижению рисков потери человеческого ресурса и обеспечивающих значительное повышение общей результативности проведения военно-морских операций.

Ключевые слова: беспилотные морские аппараты, военные задачи, инновационные технические решения, подводные и надводные беспилотные аппараты

Для цитирования: Вострокнутов А. Л., Гричанов А. С. Подводные и надводные беспилотные аппараты в современных военных действиях // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 200–205. EDN: QCYGKE.

Original article

Underwater and surface unmanned vehicles in modern warfare

Alexander L. Vostroknutov¹, Anton S. Grichanov²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
al_vostroknutov@mail.ru

² Russian University of Transport, Moscow, Russia,
g-ton@mail.ru

Abstract. The current stage of technological progress has led to a significant increase in the importance of autonomous marine robotic weapons in the context of armed conflicts. The analysis of unmanned naval vehicles is made, which demonstrate a high degree of effectiveness in performing a wide range of military tasks, covering such areas of activity as reconnaissance operations, security patrols of waters, the implementation of measures to set up minefields and countering enemy submarines. The features of the application of innovative technical solutions that help reduce the risks of loss of human resources and provide a significant increase in the overall effectiveness of naval operations have been identified.

Keywords: unmanned naval vehicles, military tasks, innovative technical solutions, underwater and surface unmanned vehicles

For citation: Vostroknutov A. L., Grichanov A. S. Underwater and surface unmanned vehicles in modern warfare. Bulletin of economic security. 2026;(2):200–205. (In Russ.). EDN: QCYGKE.

Идеи разработки автоматических механизмов, предназначенных для нанесения ущерба, берут свое начало еще в первой половине XX века. Этот период характеризуется стремительным развитием технологий, что способствовало появлению первых попыток создать

устройства, способные наносить повреждения автономно, без непосредственного участия человека. Ранние прототипы такого рода аппаратов имели весьма ограниченные возможности и зачастую были несовершенны технически. Однако именно эти первые шаги заложили

© Вострокнутов А. Л., Гричанов А. С., 2026

основу для последующих разработок, ставших возможными благодаря развитию науки и техники в последующие десятилетия. Тем самым уже в начале прошлого века человечество сделало важные шаги в направлении автоматизации процессов нанесения вреда, несмотря на технологические ограничения своего времени.

Значительного прогресса удалось достичь исключительно после завершения Второй мировой войны вследствие интенсивного развития электронных компонентов и компьютерной техники. Среди ранних достижений выделяется советский дистанционно управляемый подводный робот модели «ДПЛА» (Дистанционно пилотируемый летательный аппарат), разработанный в конце 1960-х гг. и предназначенный для разведывательных операций с возможностью транспортировки специальных подразделений [2].

По мере совершенствования технологий микроэлектроники были созданы автономные комплексы, обладающие способностью самостоятельного позиционирования и принятия решений согласно заданным алгоритмам. Примером служат подобные устройства американской конструкции, такие как «AN/BUS-61», и британский аналог «Sea Rover». Данные образцы обладают рядом уникальных характеристик, обеспечивающих их эффективное использование в условиях глубокого подводного пространства океанов. Они способны функционировать на значительном удалении от поверхности воды, выдерживая высокое давление окружающей среды и сохраняя работоспособность всех бортовых систем даже на больших глубинах. Особое внимание заслуживает способность данных образцов находиться длительное время в режиме повышенной маскировки. Это достигается благодаря низким уровням создаваемого ими акустического шума, который практически невозможно зафиксировать стандартными средствами обнаружения подводных объектов. Высокие показатели скрытности позволяют образцам оставаться незамеченными в течение длительного периода времени, обеспечивая, таким образом, высокую степень защиты и эффективность выполнения поставленных задач.

Современные беспилотные подводные аппараты, подобные американской системе «LDUUV» (Large Displacement Unmanned Underwater Vehicle), проектируются специально для проведения длительных автономных разведывательных операций продолжительностью от нескольких недель до нескольких месяцев подряд [9]. Эти устройства способны самостоятельно перемещаться в водной среде без постоянного контроля оператора благодаря наличию встроенных сложных навигационных систем, поддерживающих спутниковые сигналы GPS и ГНСС (Глобальная Навигационная Спутниковая Система).

Система «LDUUV» оборудована мощными гидролокаторами последнего поколения, способными обеспечивать высококачественное эхолокационное сканирование морского дна и подводных объектов на значительных глубинах, также имеются высокочувствительные

видеокамеры, предназначенные для съемки в условиях слабого освещения и низкой прозрачности воды. Полученные данные позволяют создавать детальные карты морских пространств, выявлять потенциальные угрозы и оперативно фиксировать любые подозрительные изменения рельефа дна либо появление неизвестных объектов, принадлежащих противнику. Это существенно повышает эффективность морской разведки и позволяет заранее подготовиться к возможным угрозам.

Среди российских разработок в области производства беспилотных поверхностных судов значительное место занимают специализированные быстроходные катера дистанционно управляемого типа, предназначенные специально для проведения сложных разведывательных, диверсионных и боевых операций на воде. Один из ярких примеров такого решения представляет собой новейший российский экспериментальный аппарат «Авангард-М». Этот аппарат отличается выдающимися техническими характеристиками, обеспечивающими высокую скорость передвижения, отличную маневренность и скрытность перемещения благодаря своей компактной конструкции и низким акустическим характеристикам. Вследствие своих высоких динамических показателей и эффективной конструкции корпуса судно способно эффективно преодолевать водные преграды даже в условиях сложного рельефа местности и неблагоприятных погодных условий [1; 7].

Как отмечает Ю. И. Дроздов: «В настоящее время примерно 50 государственных и частных компаний в 20 странах ведут научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы по разработке и созданию БНКК. В этой деятельности участвуют университеты и научные центры, конструкторские бюро компаний военно-промышленного комплекса различного профиля, а также ВМС зарубежных стран» [5, с. 80].

Проведенный анализ современной научно-технической литературы позволил уточнить основную классификацию типов подводных и надводных беспилотных судов.

1. Подводные и надводные беспилотные аппараты классифицируются:

По типу среды эксплуатации:

- надводные (Unmanned Surface Vehicles, USV);
- подводные (Unmanned Underwater Vehicles, UUV).

По способу управления:

- полностью автономные;
- управляемые дистанционно оператором.

2. Гибридные системы с элементами автономного функционирования и возможностью удаленного контроля классифицируются:

По назначению:

- разведывательные;
- дозорные;
- контрминные и противолодочные;
- транспортные;
- средства поражения целей;
- специализированные исследовательские комплексы.

Многообразие конструктивных решений обеспечивает решение широкого спектра военных задач, начиная от разведывательной деятельности и патрулирования морской акватории и заканчивая нанесением высокоточных ударов по объектам инфраструктуры противника на суше и морскому транспорту.

Беспилотные морские системы выступают перспективными средствами вооружения, характеризующимися рядом преимуществ перед традиционными типами вооруженных сил. Изучение специфики современного боевого взаимодействия позволило выделить ключевые преимущества указанных устройств [3; 4]:

1. *Продолжительная автономия пребывания в назначенном регионе.* Основным достоинством рассматриваемых платформ является их способность длительное время функционировать в заданном районном пространстве, выполняя поставленные боевые задачи без присутствия экипажа на борту аппарата. Данное обстоятельство существенно снижает риск потери личного состава, гарантируя успешное выполнение миссии вне зависимости от степени опасности окружающей обстановки.

2. *Высокий уровень маскировочной эффективности передвижения.* Значительный акцент сделан на обеспечении малой заметности подводных беспилотных аппаратов. Применение инновационных технологий способствует снижению вероятности обнаружения данных объектов современными системами наблюдения противника, включая гидроакустическое обнаружение, инфракрасные сенсоры и другие специализированные средства мониторинга обстановки.

3. *Минимальная сигнатурная активность в радиочастотном спектре.* Одним из ключевых преимуществ является чрезвычайно низкий коэффициент обратного рассеяния электромагнитных волн и незначительный тепловой след. Для минимизации обнаружения аппаратами воздушного, наземного и космического базирования беспилотные летательные аппараты оборудованы специализированными материалами и конструктивными элементами, способствующими снижению эффективной площади рассеивания и инфракрасного излучения.

4. *Рациональное использование эксплуатационных ресурсов и высокая экономическая эффективность.* Отсутствие экипажа и облегченная конструкция обеспечивают значительное снижение стоимости жизненного цикла беспилотных устройств относительно аналогичных пилотируемых платформ. Экономия затрат обусловлена отсутствием необходимости поддержания жизнеобеспечения персонала, включающего расходы на продовольствие, медицинскую помощь и обеспечение мер безопасности экипажа. Кроме того, техническая простота конструкций способствует уменьшению издержек на проведение технического обслуживания и ремонта.

5. *Конструктивная модульность и многофункциональность применения.* Проектирование беспилотных

аппаратов предусматривает внедрение унифицированных решений, позволяющих оперативно устанавливать дополнительное оборудование и модернизировать существующие модули. Данная особенность обеспечивает выполнение широкого спектра задач: от выполнения разведывательно-поисковых операций до патрулирования территорий, организации коммуникационной инфраструктуры и транспортировки материальных объектов. Аппаратура позволяет интегрировать разнообразное вооружение и специализированные средства целевого назначения.

6. *Высокоточное ситуационное оценивание и автоматизированное принятие решений.* Автоматизированные управляющие комплексы характеризуются высоким уровнем точности и эффективностью реализации военных мероприятий благодаря быстрой и точной обработке оперативной информации, позволяющей оперативно вырабатывать наиболее целесообразные управленческие стратегии в ходе развивающейся боевой операции. Данные платформы оснащаются чувствительными электронными компонентами, способствующими практически мгновенному отклику на динамически меняющиеся условия внешней среды.

Однако наряду с преимуществами подобные технологии сталкиваются с рядом ограничений, обусловленных физическими параметрами аппаратуры и спецификой окружающей среды, такими как дальность устойчивой коммуникации, предельная глубина погружения, влияние метеорологических факторов и концентрации соли в морской воде на функционирование сенсорных датчиков.

Анализ современных трендов эксплуатации автономных подводных роботизированных комплексов в морском пространстве свидетельствует о значительном многообразии областей их эффективного внедрения. Беспилотные подводные аппараты проявляют широкие функционально-технические характеристики и высокую перспективность в выполнении ряда важнейших задач, среди которых наблюдение за состоянием морских рубежей государства, проведение научно-исследовательских работ, повышение уровня защищенности торгового флота, выявление запасов природных ресурсов, осуществление мониторинга экологической обстановки водных акваторий, участие в спасательных операциях, защита береговых зон от потенциальных угроз различной природы, поддержка деятельности подразделений Военно-морского флота Российской Федерации. Применение указанных технологий способствует повышению продуктивности деятельности в сложных навигационных условиях, минимизации рисков гибели личного состава и обеспечению оперативного реагирования на критически важные события. Интеграция инновационных подходов на основе беспилотных платформ представляет собой ключевой вектор технологического прогресса в сфере современного кораблестроения [6; 8; 10]. Так, А. Ф. Щербатюк подчеркивает: «Одним из современных примене-

ний автономных обитаемых подводных аппаратов /АНПА/ может стать их практическое использование на территории портов. В данной области имеется множество задач, которые по сравнению с использованием судов и водолазов точнее, быстрее, безопаснее и экономичнее выполнять с помощью АНПА. За один запуск АНПА может проходить до 100 км, при этом он может запускаться с береговой базы и возвращаться на базу и в большинстве случаев не требуется судового обеспечения. В процессе работы АНПА движется глубже осадки самых крупных судов и поэтому нет необходимости останавливать судоходство в районе работ» [11, с. 1055].

Аналитические материалы в сфере использования беспилотных морских аппаратов позволили выделить несколько основных направлений:

1. *Разведка и наблюдение.* Использование автономных подводных лодок и кораблей-дронов для мониторинга акваторий, слежения за перемещением сил противника, сбора разведывательной информации о составе флота и расположении береговых объектов.

2. *Контроль минной опасности.* Применение специализированных роботов-саперов для поиска и обезвреживания донных и придонных мин, расчистки фарватера и подготовки путей движения крупных соединений.

3. *Противолодочная оборона.* Беспилотные средства используются для обнаружения субмарин противника путем активного гидролокационного сканирования, постановки акустических буев и гидроакустической подсветки зон возможного присутствия вражеских субмарин.

4. *Мониторинг государственных границ и акваторий.* Автоматика сопровождения судоходства, наблюдение за территориальными водами и противодействие попыткам нелегального пересечения морской границы криминальными группировками и контрабандистами.

5. *Логистика боеприпасов.* Перевозка отрядов специального назначения, выполнение спасательно-аварийных мероприятий, обеспечение удаленных островных гарнизонов и береговых частей материальными средствами жизнеобеспечения.

6. *Реализация высокоточных огневых средств.* Точное поражение надводных целей и объектов на суше, а также снижение уязвимости перед системами противоракетной обороны противника.

7. *Формирование дистанционно управляемого миннозаградительного поля.* Развертывание автоматизированных подводных барьеров, создающих труднопроходимую зону для передвижения противника.

8. *Научно-исследовательские экспедиции.* Осуществление комплексных гидрофизических наблюдений, батиметрия морского дна, картографирование донных рельефов, обнаружение погруженных объектов, геолого-разведывательные работы и прочие исследовательские мероприятия.

9. *Обслуживающие и ремонтные процедуры.* Техническое обслуживание поврежденных плавсредств и гидротехнических конструкций, монтаж сигнализирующих устройств навигационного обеспечения, мониторинг работоспособности инфраструктуры военно-морских пунктов дислокации.

Необходимо отметить, что применение беспилотных морских аппаратов сейчас выходит на первый план и превращается в ключевой элемент стратегии развития флота большинства государств. Такие устройства обладают рядом значительных достоинств: повышенная результативность выполнения миссий, сведение к минимуму риска для военнослужащих, улучшение качества целеуказания и разведывательной деятельности, уменьшение затрат на проведение операций и повышение тактической маневренности соединений. По этой причине разработка новейших автономных систем управления, навигационного оборудования и вооружений выступает приоритетным направлением военного обновления, которое укрепляет оборонительный потенциал страны и повышает боеготовность армии к решению текущих задач.

Безусловно, преимущества беспилотных технологий несомненны, но их массовое применение ограничено целым рядом технических и организационных проблем:

1. Требуется усовершенствовать методы удаленного контроля и взаимодействия операторов с оборудованием, учитывая ограничения пропускной способности каналов связи и большие расстояния.

2. Необходимо обеспечить надежность и устойчивость к различным внешним факторам, включая электромагнитные помехи, неблагоприятные природные условия и кибератаки.

3. Остаются нерешенными правовые вопросы относительно ответственности за ущерб, который могут нанести автономные системы людям и государству.

4. Требования к интеграции новых видов техники в существующие структуры командования и управления флотом.

5. Перспективы дальнейшего развития заключаются в создании унифицированных стандартов производства и эксплуатации автономных аппаратов, повышении уровня автоматизации процессов принятия решений, развитии эффективных алгоритмов машинного зрения и ситуационной осведомленности.

Заключение

Использование подводных и надводных беспилотных плавательных аппаратов представляет собой критически важный элемент современных военно-морских доктрин большинства крупных мировых держав. Процесс автоматизации операций существенно снижает риск потерь личного состава и повышает боевую результативность морских сил. Прогресс в области дистанционно управляемых систем и внедрении алгоритмов искусственного интеллекта открывает перспективы значительного расширения функциональ-

ных возможностей автономных комплексов военного назначения, обеспечивая надежную защиту морской акватории в контексте усиливающейся геополитической конкуренции между ведущими государствами планеты.

Библиографический список

1. Аведян А. С., Колбина О. Н. Применение беспилотных подводных и надводных аппаратов в условиях Арктики // Информационные технологии и системы: управление, экономика, транспорт, право. 2022. № S2. С. 13–18.
2. Андриященко Т. А., Кусаинов А. А. Разработка динамической модели беспилотного летательного аппарата. Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Информационные технологии. 2013. № 11 (2). С. 5–17.
3. Артамонов А. Г. Новые модели беспилотных воздушных и морских аппаратов, используемые и планируемые к использованию на линии боевого соприкосновения // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2025. № 2. С. 59–67.
4. Дроздов Д. В. Применение морских беспилотных аппаратов как фактор современных военных операций // Психологические и педагогические аспекты формирования личности. Новосибирск : Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2024. С. 53–58.
5. Дроздов Ю. И. Боевые беспилотные надводные/подводные аппараты ВМС зарубежных стран // Морской сборник. 2023. № 10 (2119). С. 76–83.
6. Никишин С. В. Опыт разработки и испытания беспилотного морского аппарата для экологического мониторинга акваторий // Системы обеспечения техносферной безопасности. Таганрог : Южный федеральный университет, 2019. С. 133–134.
7. Макаренко К. М., Немчинов Е. С., Норкин В. С. Сферы применения беспилотного подводного аппарата // Актуальные вопросы проектирования, постройки и эксплуатации морских судов и сооружений. Севастополь : Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Севастопольский государственный университет», 2024. С. 77–81.
8. Свириденко И. И., Свириденко Д. И. Надводный беспилотный аппарат для противодействия морским пиратам // Энергетические установки и технологии. 2023. Т. 9. № 2. С. 130–134.
9. Спиридонов В. П. Направления развития атомных подводных лодок и автономных подводных аппаратов ВМС США. Военная мысль. № 3. 2020. С. 122–132.
10. Титков О. С. Морские беспилотные летательные аппараты // Авиационные системы. 2016. № 4. С. 48–51.

11. Щербатюк А. Ф. Перспективы использования автономной подводной робототехники для мониторинга портовых акваторий // Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2023): Труды Шестнадцатой международной конференции. М. : Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, 2023. С. 1055–1060.

Bibliographic list

1. Avedyan A. S., Kolbina O. N. The use of unmanned underwater and surface vehicles in the Arctic // Information technologies and systems: management, economics, transport, law. 2022. № S2. P. 13–18.
2. Andryushchenko T. A., Kusainov A. A. Development of a dynamic model of an unmanned aerial vehicle. Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Information Technologies. 2013. № 11 (2). P. 5–17.
3. Artamonov A. G. New models of unmanned aerial and marine vehicles used and planned for use on the line of combat contact // Scientific Bulletin of the Russian military-industrial complex. 2025. № 2. P. 59–67.
4. Drozdov D. V. The use of marine unmanned vehicles as a factor in modern military operations // Psychological and pedagogical aspects of personality formation. Novosibirsk : Novosibirsk Military Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation, 2024. P. 53–58.
5. Drozdov Yu. I. Combat unmanned surface / underwater vehicles of the Navy of foreign countries // Marine collection. 2023. № 10 (2119). P. 76–83.
6. Nikishin S. V. Experience in the development and testing of an unmanned marine vehicle for environmental monitoring of water areas // Technosphere safety systems. Taganrog : Southern Federal University, 2019. P. 133–134.
7. Makarenko K. M., Nemchinov E. S., Norkin V. S. Fields of application of an unmanned underwater vehicle // Current issues of design, construction and operation of marine vessels and structures. Sevastopol : Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Sevastopol State University», 2024. P. 77–81.
8. Sviridenko I. I., Sviridenko D. I. Surface unmanned aerial vehicle for countering sea pirates // Energy installations and technologies. 2023. Vol. 9. № 2. P. 130–134.
9. Spiridonov V. P. Directions of development of nuclear submarines and autonomous underwater vehicles of the US Navy. Military thought. № 3. 2020. P. 122–132.
10. Titkov O. S. Marine unmanned aerial vehicles // Aviation systems. 2016. № 4. P. 48–51.
11. Shcherbatyuk A. F. Prospects of using autonomous underwater robotics for monitoring port waters // Management of large-scale systems development (MLSD'2023): Proceedings of the Sixteenth International Conference. M. : V.A. Trapeznikov Institute of Management Problems of the Russian Academy of Sciences, 2023. P. 1055–1060.

Информация об авторах

А. Л. Вострокнутов – профессор кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат технических наук, доцент;

А. С. Гричанов – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и правоохранительной деятельности Российского университета транспорта, кандидат педагогических наук, доцент.

Information about the authors

A. L. Vostroknutov – Professor of the Department of Internal Affairs bodies in Special Conditions of the Educational and Scientific Complex of Special Training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Technical Sciences, Associate Professor;

A. S. Grichanov – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Law Enforcement of the Russian University of Transport, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.02.2026; одобрена после рецензирования 12.03.2026; принята к публикации 10.04.2026.

The article was submitted 09.02.2026; approved after reviewing 12.03.2026; accepted for publication 10.04.2026.

Угрозы экономической безопасности и их предупреждение. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под. ред. В. В. Криворотова, Н. Д. Эриашвили. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Рассмотрены теоретические и методологические подходы к формированию понятия и основ исследования региональной экономической безопасности.

Определены и проанализированы основные угрозы региональной экономической безопасности России; обоснованы проявления угроз экономике регионов на различных этапах реформирования российской экономики, а также в современный период ее развития. Рассмотрены научные подходы к формированию индикаторов региональной экономической безопасности и их интерпретации; представлена комплексная методика оценки состояния угроз региональной экономической безопасности и приведены результаты диагностики экономической безопасности регионов Российской Федерации.

Для студентов, обучающихся по специальности «Экономическая безопасность» (специализация «Экономико-правовое обеспечение экономической безопасности»), а также другим специальностям экономики и управления. Может быть рекомендовано специалистам органов государственной власти, регионального и местного управления, решающим вопросы управления экономикой и проблемы экономического развития территорий.

Научная статья

УДК 378

EDN: <https://elibrary.ru/ubafnu>

ИИОН: 2015-0066-2/26-450

MOSURED: 77/27-011-2026-02-649

Искусственный интеллект в обучении

Елена Борисовна Кузевская¹, Екатерина Ивановна Смык²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ kougevskaya@gmail.com

² ekaterina.smyk.91@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются плюсы и минусы использования искусственного интеллекта в образовательном процессе. Анализируются преимущества и недостатки его использования обучающимися, преподавателями и в системе образования в целом. Приводятся как теоретические выкладки из научных исследований этого вопроса, так и результаты эксперимента, выявившего одно из продуктивных направлений внедрения искусственного интеллекта в обучение.

Искусственный интеллект в образовании – это не просто «технология», это новая парадигма, и в заключение научной статьи делается вывод, что главная задача – это найти баланс между технологической мощностью алгоритмов и человеческим взаимодействием, критическим мышлением и творческим поиском.

Ключевые слова: искусственный интеллект, обучение, образовательный процесс, обучающийся, преподаватель, социальная функция, алгоритм

Для цитирования: Кузевская Е. Б., Смык Е. И. Искусственный интеллект в обучении // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 206–209. EDN: UBAFNU.

Original article

Artificial intelligence in education

Elena B. Kuzhevskaya¹, Ekaterina I. Smyk²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ kougevskaya@gmail.com

² ekaterina.smyk.91@mail.ru

Abstract. Examined the pros and cons of using artificial intelligence in education. It analyzes the advantages and disadvantages for students, teachers, and the education system as a whole. It presents both theoretical insights from scientific research and the results of an experiment that identified one of the productive avenues for implementing artificial intelligence in education.

Artificial intelligence in education is not just a «technology», it is a new paradigm, and the research paper concludes that the key challenge is finding a balance between the technological power of algorithms and human interaction, critical thinking, and creative inquiry.

Keywords: artificial intelligence, learning, educational process, learner, teacher, social function, algorithm

For citation: Kuzhevskaya E. B., Smyk E. I. Artificial intelligence in education. Bulletin of economic security. 2026;(2):206–209. (In Russ.). EDN: UBAFNU.

В настоящее время искусственный интеллект (ИИ) уже не просто проникает в нашу жизнь, он шагает широкой поступью во всех направлениях человеческой деятельности. И несмотря на общее понимание, что не все в этом процессе идет во благо, остановить его уже невозможно. Это объективная реальность.

Развитие нашего общества пошло вот по такому пути. И, таким образом, сейчас ключевая задача состоит в том, чтобы научиться использовать ИИ

во благо общества в целом и каждой личности в отдельности.

Что касается системы образования?

В наши дни ИИ превращается в среду обучения и исследовательской деятельности. ИИ «меняет правила игры» в обучении. Существует определенный страх, что ИИ заменит преподавателей. Но уже сейчас становится ясным, что страх этот несостоятелен. У преподавателя есть социальная функция, социальная значимость,

и в этом ИИ заменить педагога не может и не сможет никогда. Настоящая роль ИИ – освободить педагога от рутины и усилить его человеческие и профессиональные качества.

Какого же отношение самих обучающихся и преподавателей к ИИ?

Молодежь считает, что им не надо обучаться использованию ИИ. Они это делают методом проб и ошибок и считают, что так и должно быть.

Что же происходит в душе преподавателя по этому поводу?

Отношения между ИИ и преподавателем – процесс сложный и динамичный. Начиналось все с довольно открытого неприятия. Сейчас отношения меняются. Ситуация признается неизбежной, и поэтому преподаватели стараются и ищут пути правильного и продуктивного использования ИИ в образовательном процессе. Так, например, в РГПУ имени А.И. Герцена в Санкт-Петербурге был проведен эксперимент: требовалось оценить задания, выполненные студентами как с помощью использования ИИ, так и без его использования. Результаты эксперимента показали, что лучше всего справляются с заданием с использованием ИИ студенты, которые компетентны в той области, где они применяют ИИ. А совсем не те, кто используют ИИ, чтобы самим не выполнять рутину (по их мнению). Таким образом, можно сказать, что обозначилось одно направление, выбранное преподавателями: после выполнения задания с помощью ИИ, надо анализировать выполненное [1, с. 38–40].

Другие направления продуктивного взаимодействия с ИИ в сфере образования можно выработать и из теоретических положений, которые выявились в социологических опросах, в научных изысканиях (в том числе зарубежных), в наблюдениях за текущими ситуациями [2, с. 78–90].

Исходя из выше сказанного можно выделить ряд плюсов и минусов влияния ИИ на обучающихся, преподавателей и систему образования в целом.

Плюсы для обучающихся:

- ИИ создает уникальную образовательную траекторию для каждого, учитывая темп, стиль обучения и пробелы в знаниях;

- круглосуточная поддержка: Интеллектуальный помощник доступен 24/7 для ответов на вопросы, объяснения сложных тем или тренировки навыков. Это снижает стресс от дедлайнов и дает чувство надежной опоры [5];

- вовлеченность: адаптивные платформы превращают обучение в квест, где следующий уровень сложности подбирается индивидуально. Это повышает внутреннюю мотивацию;

- безопасная среда для ошибок: ИИ-тренажеры и симуляторы позволяют бесконечно экспериментировать, ошибаться и учиться на последствиях без реального ущерба;

- развитие мета-навыков: работа с ИИ учит формулировать точные запросы, критически оценивать сгене-

рированные ответы и управлять сложными информационными потоками [6, с. 2–10].

Минусы для обучающихся:

- цифровое неравенство: углубление разрыва между теми, у кого есть доступ к современным ИИ-платформам и скоростному интернету, и теми, у кого его нет;

- обеднение социальных навыков: чрезмерное погружение в диалог «человек-машина» может снижать способность к командной работе, эмпатии, ведению живых дискуссий и разрешению конфликтов;

- «Ленивый интеллект» и выученная беспомощность: риск деградации навыков критического мышления, самостоятельного поиска информации и усидчивости, если ИИ предлагает готовые решения «в один клик»;

- угроза приватности: постоянный сбор и анализ данных об успеваемости, поведении, времени, проведенном за заданием, а в перспективе – даже об эмоциях (через анализ веб-камеры) создает детальный цифровой профиль, уязвимый для утечек или злоупотреблений;

- стандартизация мышления: алгоритмы, обучающиеся на общих данных, могут непреднамеренно предлагать шаблонные пути решения, подавляя креативность и нестандартный взгляд.

Плюсы для преподавателей:

- освобождение от рутины: автоматическая проверка тестов, анализ работ на плагиат, составление отчетов и даже генерация шаблонов планов уроков экономят до 30–40 % времени;

- глубокий аналитический инструментарий: вместо интуиции преподаватель получает «тепловую карту» группы, видя не только оценки, но и динамику, взаимосвязи тем, эмоциональный фон группы;

- возможность для творчества: сэкономленные часы можно посвятить разработке творческих проектов, индивидуальной работе с обучающимися, коучингу и живому общению;

- доступ к передовым ресурсам: ИИ помогает быстро создавать и адаптировать учебные материалы под актуальные задачи (например, смоделировать задачу на основе сегодняшней новости).

Минусы для преподавателей:

- девальвация роли и выгорание: если роль учителя сведется к надзирателю за работой с ИИ, это лишит профессию смысла и приведет к оттоку кадров;

- необходимость постоянной переподготовки: «цифровой разрыв» возникает и среди педагогов;

- необходимость осваивать новые сложные инструменты – это стресс и дополнительная нагрузка;

- слепая вера в «объективность» алгоритма: риск переложить ответственность за важные педагогические решения (оценку творческих работ, рекомендации по развитию) на ИИ, чьи решения не всегда прозрачны и могут содержать скрытые смещения (bias).

Плюсы для системы образования в целом:

- масштабируемость качества: лучшие педагогические практики и доступ к «цифровым репетиторам» мирового уровня могут стать доступны детям из удаленных регионов;
- объективизация данных: аналитика на основе больших данных помогает принимать управленческие решения: корректировать программы, распределять ресурсы, выявлять системные проблемы;
- образование в течение жизни (Lifelong Learning): ИИ делает непрерывное обучение удобным, предлагая персонализированные курсы для переквалификации и развития взрослым людям [3].

Минусы для системы образования в целом:

- этические дилеммы и bias (смещение): алгоритмы могут воспроизводить и усиливать социальные, культурные и гендерные стереотипы, заложенные в данных для их обучения (например, предлагать гуманитарные науки девушкам, а технические – молодым людям);
- проблема аутентификации и авторства: крайне сложно отличить самостоятельно выполненную работу от сгенерированной ИИ, что подрывает основы честности и системы оценивания. Требуется полный пересмотр подходов к экзаменам;
- зависимость от коммерческих платформ: внедрение решений крупных технологических компаний создает риски монополизации, зависимости от их политики и цен, а также утечки чувствительных данных;
- потеря гуманитарной составляющей: гипертрафированный акцент на технической эффективности может вытеснить из учебных программ важные для формирования личности предметы: философию, искусство, литературу [3].

Таким образом, искусственный интеллект в образовании – это не просто «технология». Это новая парадигма, где успех будет зависеть не от мощности алгоритмов, а от нашей способности поставить их на службу человеческому развитию, сохранив в центре системы ценность учителя и уникальность каждого ученика.

Внедрение ИИ в образование – многоэтапный процесс и современный вектор его развития. Ключевые вызовы требуют осознанного решения:

1) недопущение развития «ленивого» мышления: критично важно научить обучающихся работать с ИИ, а не полагаться на него слепо. Запрос к нейросети «напиши реферат» – это тупик. А запрос «помоги найти противоречия в этих двух источниках и сформулируй тезисы для дискуссии» – это развитие мышления;

2) подлинность и авторство: как оценивать работу, созданную с помощью ИИ? Это требует пересмотра системы оценивания в сторону защиты проектов, устных собеседований, творческих заданий.

Главная задача – баланс. Плюсы ИИ в обучении – это мощный двигатель прогресса, способный сделать

образование по-настоящему человекоцентричным [4, с. 470–500]. Минусы – это серьезные системные риски, требующие не запретов, а продуманного регулирования, педагогической этики и цифровой грамотности.

Будущее принадлежит не тем, кто внедрит ИИ быстрее всех, а тем, кто сможет построить гибридную модель, где технологическая мощь алгоритмов усиливает, а не подменяет, человеческое взаимодействие, критическое мышление и творческий поиск. Задача педагогов, разработчиков и исследователей проблемы – найти этот хрупкий и чрезвычайно важный баланс.

Список источников

1. Арлаков Е. А., Микляева А. В. Отношение студентов к использованию технологий искусственного интеллекта в образовательной деятельности : вклад возраста, пола и образовательной ступени // Информатизация образования и методика электронного обучения : цифровые технологии в образовании : материалы IX Международной научной конференции. В 4-х частях, Красноярск, 23–26 сентября 2025 года. Красноярск : Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2025. С. 38–42.
2. Горячева О. Н., Яковлева М. Г. Гуманистические риски цифрового развития общества : анализ работ зарубежных авторов // Современные исследования социальных проблем. 2022. Т. 14, № 2. С. 78–93.
3. Григорьев С. Г., Сафронов А. А. Искусственный интеллект в образовании : приложения систем искусственного интеллекта к анализу и построению онтологических конструкций // Вестник МГПУ. Серия: Информатика и информатизация образования. 2024. № 1 (67). С. 7–17.
4. McCarty J., Hayes P.J. Some Philosophical Problems from the Standpoint of Artificial Intelligence // Machine Intelligence. 1969. № 4. P. 463–502.
5. Shuang Geng, Kris M. Y. Law and Ben Niu. (2019). Investigating self-directed learning and technology readiness in blended learning environment // International Journal of Educational Technology in Higher Education. URL: https://www.researchgate.net/publication/333247015_Investigating_self-directed_learning_and_technology_readiness_in_blending_learning_environment/
6. Zhai X. ChatGPT User Experience : Implications for Education. SSRN Scholarly Paper / X Zhai. Rochester, NY, 2022. 18 p.

References

1. Arlakov E. A., Miklyaeva A.V. Students' attitude to the use of artificial intelligence technologies in educational activities : the contribution of age, gender and educational level // Informatization of education and e-learning methods : digital technologies in education : proceedings of the IX International Scientific Conference. In 4 parts,

Krasnoyarsk, September 23–26, 2025. Krasnoyarsk : Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, 2025. P. 38–42.

2. Goryacheva O. N., Yakovleva M. G. Humanistic risks of digital development of society : analysis of works by foreign authors // Modern studies of social problems. 2022. Vol. 14, № 2. P. 78–93.

3. Grigoriev S. G., Safronov A. A. Artificial intelligence in education : applications of artificial intelligence systems to the analysis and construction of ontological constructions // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Informatics and informatization of education. 2024. № 1 (67). P. 7–17.

4. McCarty J., Hayes P.J. Some Philosophical Problems from the Standpoint of Artificial Intelligence // Machine Intelligence. 1969. № 4. P. 463–502.

5. Shuang Geng, Kris M. Y. Law and Ben Niu. (2019). Investigating self-directed learning and technology readiness in blended learning environment // International Journal of Educational Technology in Higher Education. URL: https://www.researchgate.net/publication/333247015_Investigating_self-directed_learning_and_technology_readiness_in_blending_learning_environment/

6. Zhai X. ChatGPT User Experience : Implications for Education. SSRN Scholarly Paper / X Zhai. Rochester, NY, 2022. 18 p.

Информация об авторах

Е. Б. Кузевская – доцент кафедры иностранных языков Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат философских наук;

Е. И. Смык – заместитель начальника кафедры деятельности ОВД в особых условиях учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the authors

E. B. Kuzhevskaya – Associate Professor of the Department of Foreign Languages of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Philosophical Sciences;

E. I. Smyk – Deputy Head of the Department of Law Enforcement Activities in Special Conditions of the Educational and Scientific Complex of Special Training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.01.2026; одобрена после рецензирования 25.02.2026; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 26.01.2026; approved after reviewing 25.02.2026; accepted for publication 19.03.2026.

Научная статья

УДК 378

EDN: <https://elibrary.ru/xutyua>

ИИОН: 2015-0066-2/26-451

MOSURED: 77/27-011-2026-02-650

Понимание детерминации девиантного поведения несовершеннолетних как основа профессиональной подготовки специалистов социальной сферы

Екатерина Александровна Никитская

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

katamax@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3187-6534

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена высоким интересом, который в настоящее время проявляют специалисты социальной сферы к проблеме девиантного поведения подрастающих поколений. По данным МВД России, при общей тенденции сокращения показателя прироста подростковой преступности увеличивается доля тяжких и особо тяжких деяний. Реализация профилактических мер по нивелированию девиантного поведения детей и подростков требует от субъектов профилактики научно-методологического понимания причин девиантного поведения. В статье представлены основные теоретико-методологические подходы к восприятию специалистами социальной сферы несовершеннолетнего с девиантным поведением, на основании чего выделены основные причины девиантного поведения: психолого-педагогические, биологические, социальные, духовные (мировоззренческие), криминологические. Материалы исследования, изложенные в статье, могут стать основой для профессиональной подготовки специалистов социальной сферы различной ведомственной принадлежности.

Ключевые слова: девиантное поведение, несовершеннолетние, причины девиантного поведения, социализация, междисциплинарный анализ, социальная сфера

Для цитирования: Никитская Е. А. Понимание детерминации девиантного поведения несовершеннолетних как основа профессиональной подготовки специалистов социальной сферы // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 210–216. EDN: XUTYYA.

Original article

Understanding the determination of deviant behavior of minors as a basis for professional training of social specialists

Ekaterina A. Nikitskaya

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

katamax@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3187-6534

Abstract. The relevance of this article stems from the current high interest among social professionals in the problem of deviant behavior among younger generations. According to the Russian Ministry of Internal Affairs, while the overall trend is toward a decline in juvenile crime, the proportion of serious and especially serious crimes is increasing. Implementing preventive measures to mitigate deviant behavior in children and adolescents requires a scientific and methodological understanding of its causes. This article presents the main theoretical and methodological approaches to how social professionals view juveniles exhibiting deviant behavior, highlighting the main causes of deviant behavior: psychological, pedagogical, biological, social, spiritual (ideological), and criminological.

Keywords: deviant behavior, minors, causes of deviant behavior, socialization, interdisciplinary analysis, social sphere

For citation: Nikitskaya E. A. Understanding the determination of deviant behavior of minors as a basis for professional training of social specialists. Bulletin of economic security. 2026;(2):210–216. (In Russ.). EDN: XUTYYA.

Введение. Социализация несовершеннолетних в XXI в. проходит в новой социальной ситуации развития общества – на фоне активного внедрения искусственного интеллекта, цифровизация образования, социально-экономический рост. Происходящие события усилива-

ют и изменяют социальные риски и наряду с положительными изменениями – развитие самостоятельности, уменьшение бумажного документооборота, экономия, уменьшение трудозатрат, расширение научно-исследовательских возможностей – к сожалению, влияют и на

формирование в обществе негативных тенденций: снижение творческой активности и умственной активности, усиление негативных тенденций в социальных отношениях, снижение уровня физической активности, и как следствие – обесценивание статуса и роли педагога, сотрудника органов внутренних дел РФ, родителей.

На протяжении последних лет приходится констатировать, что существует определенный дефицит действенных социально-педагогических и психологических подходов к системной реализации мер социализирующего воздействия на личность несовершеннолетнего с девиантным поведением. На наш взгляд это может быть связано с невниманием специалистов социальной сферы к теоретико-методологическим основаниям в понимании комплекса полидисциплинарных причин девиантного поведения несовершеннолетних.

Методы исследования представлены на основе отдельных теоретических методов социогуманитарных наук. Были применены аналитический и сравнительный методы, систематизация данных, а также синтез и реферирование.

Результаты исследования. В целом, в социогуманитарной области научного знания, принято считать, что отклоняющееся поведение (девиантное, включая делинквентное) – это асоциальное, противоправное поведение, которое угрожает жизни и здоровью других людей, общественному порядку и является уголовно наказуемым, но в силу недостижения возраста уголовной ответственности за ним не следует уголовное наказание, в отличие от криминального поведения.

В междисциплинарном аспекте анализа феномена девиантного поведения можно выделить несколько основных подходов к восприятию специалистами социальной сферы несовершеннолетнего с девиантным поведением.

Сторонники *первого подхода* видят в несовершеннолетнем, преступившем закон – правонарушителя. Для данной категории специалистов несовершеннолетний с девиантным поведением – это тот, кто совершил общественно опасное деяние и нуждается в изоляции от общества, исправлении. В рамках этого подхода действует классическое средство социализации и форма социального контроля – наказание. Главная задача работы с несовершеннолетним здесь – стимулировать в нем чувство вины и, как результат воздействия специалистов, инициировать чувство раскаяния за совершенное преступление. Как правило, данного подхода придерживаются сотрудники правоохранительных органов: следователи, участковые уполномоченные полиции, сотрудники ФСИН [4]. Вместе с тем благодаря применению первого пути накоплен положительный опыт организации системы принуждений и поощрений, выстраивания дистанций и границ в межличностном взаимодействии между субъектами профилактики и несовершеннолетним.

Второй подход связывает девиантное поведение несовершеннолетних с психическими аномалиями раз-

вития. Сторонники данного пути опираются на биологической теории возникновения поведенческих отклонений. По мнению ее приверженцев, правонарушение (преступление, проступок) совершается под влиянием отягощенной наследственности, акцентуации, мозговых дисфункций, задержки психического развития и других биологических, генетических и физиологических факторов.

Третий подход рассматривает несовершеннолетнего с девиантным поведением как социально уязвленную личность, имеющую неблагоприятный опыт развития и воспитания – возрастные кризисы разрешились неблагоприятно, воспитательная среда, в которой развивался ребенок, не способствовала формированию базовых и просоциальных жизненных ценностей. Основным виктимогенным фактором делинквентного поведения, как правило, становится неблагоприятный психологический климат в семье. Взгляд на несовершеннолетнего в данном контексте свойственен социальным работникам, социальным педагогам, воспитателям [15].

Четвертый подход частично сочетает в себе элементы второго и третьего. По мнению педагогов-психологов и клинических психологов, а также психотерапевтов большая часть психологических травм способны сформировать девиантное поведение. Специалисты, разделяющие данный подход воспринимают несовершеннолетнего как жертву, и в работе с ним применяют методы, относящиеся к психокоррекции [8].

Пятый подход связан с видением причины девиантного поведения как «...нарушения духовных (мировоззренческих) законов бытия, а личность несовершеннолетнего, ...в понимании специалистов, становится ареной борьбы между «светлым» и «темным», созидательным и разрушительным, между добром и злом...» [1; 2]. Основной задачей специалистов в контексте данного подхода является формирование системы ценностей, нравственного иммунитета, способности противостоять негативным воздействиям духовного характера и работа с имплицитными ресурсами и душевным потенциалом личности, которые, по той или иной причине были утрачены.

Предложенные выше пять основных подходов к восприятию образа несовершеннолетнего с девиантным поведением позволяют нам выделить статус несовершеннолетнего, формы проявления девиаций, методы профилактической работы, а также краткие рекомендации по работе с ним (табл. 1). Подчеркнем, что в имеющейся практике все большее значение приобретает комплексное восприятие портрета несовершеннолетнего и вычленение статусов носит условно-практический характер. У несовершеннолетнего вполне может быть выражены несколько указанных статусов, что, несомненно, потребует комплексного межведомственного включения специалистов. В зависимости от особенностей личности специалисты могут варьировать содержательное наполнение работы с ним.

Таблица 1

Статус	Форма проявления	Методы работы	Рекомендации
Криминологический	адекватное (просоциальное) поведение; дезадаптивное поведение, недисциплинированность, отказы подчиняться требованиям; совершение мелких правонарушений, постановка на учет ВШУ, КДНиЗП; совершение административных правонарушений, совершение имущественных преступлений (воровство, вандализм, поджоги), постановка на учет в ПДН; преступления против личности (грабеж, вымогательство, буллинг), жестокие действия по отношению к животным, рецидивы правонарушений	экскурсии; профилактические беседы; лекция; классные часы; проектная деятельность интерактивные и/или тренинговые занятия; деловые игры; наказание/поощрение; предупреждение; внушение; увещевание; инструктаж; личный пример; приучение; порушение; передача под надзор родителей (лиц их заменяющих) либо специализированного органа; ограничение досуга и/или особые требования к поведению; возложение обязанности загладить причиненный вред и т. д.	1. Подчеркивать положительные качества личности несовершеннолетнего (оптимистическая гипотеза А. С. Макаренко «с позиции завтрашней радости»); 2. Подвергать оценке и критике поступки и действия несовершеннолетнего, а не его личность; 3. Отказ от публичного порицания и сравнения с другими детьми и подростками; 4. Контроль эмоционального состояния при взаимодействии с несовершеннолетним. Недопустимо проявлять злость, гнев, агрессию; 5. Подключать родителей как субъектов профилактики и коррекции поведения; 6. План решения проблемы формулируется с участием несовершеннолетнего; 7. Положительная динамика в поведении несовершеннолетнего (даже незначительная) заслуживает внимания, похвалы, одобрения, поощрения.
Соматический	практически здоров; наличие некоторых функциональных нарушений; частные заболевания, требующие систематического консультирования и амбулаторного лечения (в том числе депрессивные состояния); хронические заболевания, требующие стационарного лечения и особого режима жизнедеятельности, в том числе аддикции; душевные (психиатрические) заболевания, инвалидность	валеологические беседы; медицинский осмотр; гигиенический контроль; медицинская диагностика на предмет употребления ПАВ; консультации; просвещение и т. д.	1. Просветительская и профилактическая работа осуществляется в соответствии с возрастом несовершеннолетних и законами РФ; 2. Соблюдение принципа конфиденциальности; 3. Сохранять межличностный эмоциональный контакт избегая чрезмерных запретов, запугивания, игнорирования и лишения общения; 4. Обращать внимание на изменения поведения и эмоционального состояния (вялость, устойчивое минорное настроение, снижение самооценки, гневливость, враждебность, тревожность и т. п.), физического состояния (бессонница, повышенное сердцебиение, жажда, внезапная потливость, бледность/резкое покраснение кожи, утомляемость, сонность и т. п.), изменение круга общения, пищевых привычек, изменения лексики, появление специфических предметов, в том числе вещей не принадлежащих подростку и т. п.
Психологический	развитие высших психических функций соответствует возрастной норме; взаимодействие с окружением бесконфликтное и в соответствии с возрастом; возрастные кризисы конструктивно не разрешены (нетипичные эмоциональные реакции, физиологические реакции навязчивые движения и действия и т. п.); выраженные акцентуации характера; значительные искажения мотивационной сферы, отвержение просоциальных ценностей на фоне присвоения асоциальных и антисоциальных; злонамеренность как основной мотив деятельности и ее содержания	терапевтические сессии; тренинги; консультирование; анализ; экспертная оценка; профориентация, психодиагностика; коррекционно-развивающие занятия; кинотерапия; арт-терапия; социальная реклама; волонтерство; рефлексия и т. д.	1. Учитывать продолжительность, динамику, ситуационность проявлений отклоняющегося поведения при планировании психологической работы; 2. Формировать устойчивое просоциальное поведение через включение несовершеннолетнего в адекватные проблеме формы взаимодействия и коррекции; 3. Включать в психологическую работу значимых членов семьи; 4. При особой тяжести проявлений девиантного поведения (в том числе при угрозе здоровью ему и окружению) направить несовершеннолетнего на консультацию в профильные медицинские учреждения; 5. Создать условия для осознания несовершеннолетним, что его состояние замечено и субъекты профилактики готовы ему помочь; 6. Создавать ситуацию успеха в значимой для подростка деятельности, развивать уверенность, позитивное представление о личности.

Таблица 1 (Продолжение)

Статус	Форма проявления	Методы работы	Рекомендации
Учебный	стабильные положительные отметки; несистемные проблемы с учебой на фоне сниженной успеваемости; пробелы в знаниях требуют дублирования учебного материала по отдельным предметам; уровень обученности ниже возрастной нормы, в дублирование нуждаются практически все учебные предметы; существенные пробелы в знаниях, отставание по усвоению учебных предметов более 1,5–2 лет, фиксируется задержка психического развития	разъяснение; дискуссия; пример; игровая ситуация; демонстрация; поощрение; оценка; перспектива; индивидуальное сопровождение; проектная деятельность; педагогическое требование; соревнование; упражнение; информирование и т. д.	1. Формировать индивидуальный образовательный маршрут. 2. Контролировать выполнение заданий, отмечая положительные сдвиги. 3. Адекватность педагогических требований. 4. Вовлекать в проектную и творческую деятельность в рамках проблемных дисциплин. 5. Включать посильные дополнительные занятия. 6. Проводить мероприятия, направленные на снятие агрессивных выпадов со стороны одноклассников, минимизации напряжения в коллективе и профилактики травли. 7. В случае ухудшения ситуации изменить форму обучения/тип образовательной организации/подключить институт тьюторства.
Социальный	социальная ситуация способствует развитию личности; социальная ситуация требует незначительной коррекции, требуется наблюдение и контроль по недопущению ухудшения (сквернословие, обидчивость, частные случаи обмана); социальная ситуация неудовлетворительная, необходим разрыв конкретных социальных отношений и связей (побеги из дома, школьные прогулы, употребление алкоголя и ПАВ); социальная заброшенность, безнадзорность, эмоциональный контакт с членами семьи утерян, воспитание и уход не осуществляются; социальная ситуация угрожает жизни и здоровью несовершеннолетнего	благотворительные акции; родительские собрания; консультации; исследование жилищно-бытовых условий; убеждение; разъяснение; критика; наказание; коррекционно-развивающие занятия; просвещение; психотерапия; ограничение в правах; лишение родительских прав; помещение в специализированное учреждение и т. д.	1. Инициировать межведомственное взаимодействие и связь с ОВД, прокуратурой, органами опеки, КДНиЗП и иными субъектами профилактики. 2. Адекватно социальной ситуации определять количество вовлекаемых субъектов. 3. Избегать однообразного и длительного применения одних и тех же средств, методов, технологий. 4. Своевременно и незамедлительно сообщать о случаях нарушения прав и свобод несовершеннолетних. 5. Регулярно инициировать межведомственные круглые столы, конференции, дискуссионные площадки для обмена опытом между субъектами профилактики.

Вопросы по выяснению *причинно-следственных связей* побуждающих несовершеннолетних преступать закон, прежде всего, стоят перед сотрудниками правоохранительных органов, педагогами, психологами, психиатрами и иными специалистами социальной сферы. Невозможно дать однозначные и универсальные ответы, поскольку склонность к противоправным действиям и вовлеченность в противозаконную деятельность зависят от многих причин: особенностей личности несовершеннолетнего, психического здоровья несовершеннолетнего, психологического климата в семье, социально-экономических условий жизни, неадекватности применяемых воспитательных мер воздействия и др.

Рассмотрим наиболее яркие *психолого-педагогические причины* девиантного поведения несовершеннолетних, которые выделены нами на основе анализа концепций выдающихся ученых в области педагогики и психологии девиантного поведения: В. М. Бехтерева, П. П. Блонского, Л. С. Выготского, А. С. Макаренко, В. Н. Мясищева, В. Н. Сорока-Росинского, С. Т. Шацкого и др., а также современных исследований С. А. Беличевой, А. В. Вилковой, Е. Г. Дозорцевой, Т. А. Донских, А. С. Душкина, М. А. Ерофеевой, Е. В. Змановской, Ю. А. Клейберга, А. А. Реана, И. В. Ульяновой, Л. Б. Шнейдер и др. в области педагогики и психологии феномена социализации несовершеннолетних с

поведенческими девиациями, возникновения у них делинквентного поведения, понимания причин противоправного поведения: «...любопытство, стремление познать и испытать как можно больше; переживание «драйва»; поиск способов избавления от скуки (неорганизованный досуг); страх перед референтной группой; протест против требований родителей и общества в целом; личностные качества (например, внушаемость, эгоцентризм, неадекватная самооценка, эмоциональная нестабильность, агрессивность (физическая, вербальная), отсутствие чувства вины за содеянные проступки, недисциплинированность и т. п.); переживание горя (например, развод родителей, болезнь, расставание или смерть близкого, собственное соматическое заболевание, потеря домашнего животного); предпринятые попытки суицида (суицид) в том числе в ближайшем окружении несовершеннолетнего; низкая успеваемость, прогулы учебных занятий; несформированные умения и навыки преодоления жизненных трудностей; антисоциальные жизненные установки: нежелание обращаться за помощью и ее отвержение, отсутствие просоциальных авторитетов ...» [5; 6; 7; 8; 10; 13].

Помимо психолого-педагогических причин девиантного поведения в научном сообществе принято выделять **биологические причины**, рассмотренные в трудах Ч. Ломброзо, Э. Кречмера, У. Шелдона, М. Шлаппа и др.: *генетические заболевания, передающиеся по наследству (дефекты слуха, зрения, нарушение умственного развития); нарушение биохимического баланса головного мозга; органические поражения головного мозга; наркотическая, алкогольная и иные виды зависимостей; инвалидизация; депрессия, аутоагрессия (в том числе с суицидальными попытками); резидуально-органическое поражение центральной нервной системы (синдром дефицита внимания, энурез, речевые нарушения (дислексия, дислалия, алалия, дизартрия и др.); неустойчивый (отличается непослушанием, при этом испытывают страх наказания; элементарные правила поведения усваивает с трудом; тяготеет к прогулам школы, безделью, тяготеет к уличным асоциальным компаниям); эпилептоидный (раздражительность разряжается ссорой и конфликтом, недоверчив, с трудом принимает новое, преобладают негативные эмоции); гипертимный (склонен к озорству, общителен, с трудом выстраивает отношения со взрослыми, так как не чувствует границ, привлекает все новое в том числе незаконное и асоциальное), истероидный (артистичен, обладает повышенной эмоциональностью, чувствительностью и развитым воображением, склонен к психосоматике, демонстративен) типы акцентуации характера как показатели недоразвития эмоционально-волевой (регулятивной) сферы личности; наличие физических недостатков (дефекты речи, внешняя непривлекательность, недостатки конституционно-соматического склада и др.)*.

Социальные причины девиантного поведения на мегауровне, макроуровне, мезоуровне, микроуровне,

раскрытые нами в контексте научной концепции социализации А. В. Мудрика [11; 12; 13]:

1) мегауровня (мегафакторы): негативное влияние Интернета, офлайн-СМИ, моды; пандемии планетарного масштаба; военно-политические конфликты; экстремистские и террористические угрозы в том числе и в Интернет-пространстве;

2) макроуровня (макрофакторы): ухудшение социально-экономической, политической ситуации в стране (безработица, низкий уровень доходов, отсутствие перспективы трудоустройства после окончания школы, техникума); несовершенство законодательных норм; факты дискриминации (религиозная, политическая, социальная, этническая и др.); невозможность найти себе применение в социуме;

3) мезоуровня (мезофакторы): отсутствие возможности получения образования или трудоустройства по месту жительства; распространение асоциальных, антисоциальных и криминальных субкультур, неформальных объединений; проживание на территориях, где исторически находятся учреждения ФКУ ФСИН России (следственные изоляторы (СИЗО), исправительные колонии (ИК), колонии-поселения (КП), лечебные исправительные учреждения (ЛИУ, ЛПУ, КТБ и пр.), тюрьма и воспитательные колонии (ВК)); отсутствие досуга, организованного отдыха, социально-одобряемых развлечений несовершеннолетнего, непродуктивное использование времени;

4) микроуровня (микрофакторы): семейное неблагополучие (дисфункциональная – неполная, деструктивная, распавшаяся семья; сепарация значимых членов семьи; гиперопека/типоопека; сверхзанятые/нерадивые родители; проекция на ребенка собственных негативных качеств; непоследовательность воспитательных воздействий и неадекватность дисциплинарных методов; недостаточные знания взрослых о психолого-педагогических особенностях детей и подростков и т. п.); асоциальное и антисоциальное поведение родителей (проституция, воровство, туеядство, употребление психоактивных веществ); эмоциональная тупость и аморальность родителей и/или криминальное поведение родителей; негативный пример взрослых, в том числе соседей и дисфункциональных групп сверстников; неудовлетворительные жилищно-бытовые условия; отвержение сверстниками, буллинг, кибербуллинг; изменение социальной ситуации в школьном коллективе (поступление в школу, переход из класса в класс, переход на другую ступень обучения, смена классного руководителя, нововведения в учебном процессе, экзаменационные ситуации).

Духовные (мировоззренческие) причины девиантного поведения представлены исходя из анализа научных трудов конфессионально-ориентированных философов, психологов, педагогов А. Л. Анисина, М. М. Гильманова, Е. В. Гребенниковой, С. З. Еникеевой, М. В. Заплатникова, Н. А. Зверевой, Г. Л. Касторского, Ю. В. Тихонравова и других [1; 2; 3]: *враждебное отношение к миру и социуму; отсутствие личных интере-*

сов; ценность своей жизни и жизни других не является абсолютной; отсутствие смысло-жизненных ориентаций; неспособность к раскаянию и признанию ошибок; низкий уровень самоконтроля (совести); ценностный плюрализм; приоритет материальных потребностей над духовно-нравственными.

Криминологические причины девиантного поведения подробно рассмотрены в криминологии, уголовном праве, юриспруденции и изучались С. В. Иванцовым, К. Е. Игошевым, В. Н. Кудрявцевым, Г. М. Миньковским, А. Б. Сахаровым, И. А. Черниковой и др. [9]. Они могут быть систематизированы следующим образом: *насилие (в том числе в семье) по отношению к несовершеннолетнему; факт насилия, который совершил несовершеннолетний; экстремистские взгляды и убеждения; правовой нигилизм и правовая безграмотность; совершенные ранее правонарушения, общественно-опасные деяния, за которые не последовало привлечение к ответственности; привлечение к уголовной, гражданской, административной ответственности, по которому было вынесено судебное решение и приговор; наличие друзей с асоциальными, антисоциальными, криминальными взглядами и установками; употребление и/или распространение психоактивных веществ.*

Выводы. Таким образом, исходя из анализа научной литературы, можно с весомой долей уверенности констатировать, что причины девиантного и делинквентного поведения детей и подростков имеют междисциплинарный характер. Подчеркнем, что для решения проблемы девиантного поведения в современных социокультурных реалиях, специалистам социальной сферы необходимо выстраивать комплексную, систематическую межведомственную профилактическую работу, ресурсным основанием которой будет являться полидисциплинарное теоретико-методологическое знание и практика эффективного межведомственного взаимодействия всех субъектов профилактики.

Список источников

1. Анисин А. Л. Грех как онтологическая девиация // URL: <https://pravoslavie.ru/178.html/>
2. Анисин А. Л. Криминологическая значимость религиозного фактора // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 2 (28). С. 63–70.
3. Варьяс М. Ю. Церковное право как корпоративная правовая система : опыт теоретико-правового исследования // Правоведение. 1995. № 6. С. 76–85.
4. Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Формирование личности несовершеннолетних правонарушителей // Антропология. 2022. № 1 (5). С. 60–65.
5. Душкин А. С., Гончарова Н. А. Факторы семейного воспитания в профилактике девиантного поведения несовершеннолетних правонарушителей // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. № 1. С. 30–35.
6. Ерофеева М. А., Харламова Д. А., Жоков Д. В. Деструктивное поведение несовершеннолетних как

причинно-следственная связь их криминализации // Человеческий капитал. 2023. № 2 (170). С. 233–240.

7. Ерофеева М. А., Зуйкова А. А., Сафронов А. И. Психолого-педагогическая характеристика применения методов поощрения и наказания как средств социализации подростков с девиантным поведением // Прикладная психология и педагогика. 2020. Т. 5, № 4. С. 23–37.

8. Змановская Е. В. Современная российская девиантология : история, методология, социальные вызовы и актуальные тенденции // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1 (1). С. 12–23.

9. Иванцов С. В., Ивасюк О. Н. Общесоциальные аспекты предупреждения преступности с участием несовершеннолетних // Международный журнал конституционного и государственного права. 2017. № 1. С. 64–69.

10. Калинин И. А., Никитская Е. А. Феномен девиантного поведения несовершеннолетних как объект междисциплинарного исследования : психолого-педагогический аспект // Психология и педагогика служебной деятельности. 2023. № 2. С. 85–89.

11. Мудрик А. В., Патутин Н. А. Детерминанты позитивных и негативных потенциалов составляющих процесса социализации // Сибирский педагогический журнал. 2019. № 3. С. 7–20.

12. Мудрик А. В. Социализация : новации последних десятилетий // Сибирский педагогический журнал. 2023. № 3. С. 6–15.

13. Мудрик А. В., Яковлева М. Г. Социально-педагогическая виктимология. М. : Московский педагогический государственный университет, 2021. 396 с.

14. Ульянова И. В. Социально-педагогическая классификация видов отклоняющегося поведения несовершеннолетних // Инновации в образовании. 2021. № 8. С. 61–69.

15. Щелина Т. Т. Потенциал социального партнерства в профессиональной социализации специалистов в области профилактики девиантного поведения несовершеннолетних // Вестник экономической безопасности. 2025. № 1. С. 266–271.

References

1. Anisin A. L. Sin as an ontological deviation // URL: <https://pravoslavie.ru/178.html/>
2. Anisin A. L. Criminological significance of the religious factor // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2014. № 2 (28). P. 63–70.
3. Var'yas M. Yu. Church law as a corporate legal system : an experience of theoretical and legal research // Pravovedenie. 1995. № 6. P. 76–85.
4. Vilkova A. V., Lukashenko D. V. Personality development of juvenile offenders // Anthropology. 2022. № 1 (5). P. 60–65.
5. Dushkin A. S., Goncharova N. A. Factors of family education in the prevention of deviant behavior of juvenile offenders // Psychology and Pedagogy of Service Activity. 2021. № 1. P. 30–35.

6. Erofeeva M. A., Kharlamova D. A., Zhokov D. V. Destructive behavior of minors as a cause-and-effect relationship of their criminalization // Human capital. 2023. № 2 (170). P. 233–240.

7. Erofeeva M. A., Zuikova A. A., Safronov A. I. Psychological and pedagogical characteristics of the use of methods of reward and punishment as means of socialization of adolescents with deviant behavior // Applied psychology and pedagogy. 2020. Vol. 5, № 4. P. 23–37.

8. Zmanovskaya E. V. Modern Russian deviantology : history, methodology, social challenges and current trends // Russian deviantological journal. 2021. № 1 (1). P. 12–23.

9. Ivantsov S. V., Ivasyuk O. N. General social aspects of crime prevention involving minors // International Journal of Constitutional and Public Law. 2017. № 1. P. 64–69.

10. Kalinichenko I. A., Nikitskaya E. A. The phenomenon of deviant behavior of minors as an object of interdisciplinary research : psychological and pedagogical

aspect // Psychology and Pedagogy of Service Activity. 2023. № 2. P. 85–89.

11. Mudrik A. V., Patutina N. A. Determinants of positive and negative potentials of the components of the socialization process // Siberian pedagogical journal. 2019. № 3. P. 7–20.

12. Mudrik A. V. Socialization : innovations of recent decades // Siberian Pedagogical Journal. 2023. № 3. P. 6–15.

13. Mudrik A. V., Yakovleva M. G. Social and pedagogical victimology. M. : Moscow State Pedagogical University, 2021. 396 p.

14. Ulyanova I. V. Social and pedagogical classification of types of deviant behavior of minors // Innovations in Education. 2021. № 8. P. 61–69.

15. Shchelina T. T. Potential of social partnership in professional socialization of specialists in the field of prevention of deviant behavior of minors // Bulletin of Economic Security. 2025. № 1. P. 266–271.

Информация об авторе

Е. А. Никитская – доцент кафедры педагогики учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор педагогических наук, доцент.

Information about the author

E. A. Nikitskaya – Associate Professor of the Department of Pedagogy of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Service Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 27.03.2026; одобрена после рецензирования 20.04.2026; принята к публикации 12.05.2026.

The article was submitted 27.03.2026; approved after reviewing 20.04.2026; accepted for publication 12.05.2026.

Организация социально-психологических тренингов для курсантов образовательных организаций МВД России. Учебно-методическое пособие. Михайлова С. Ю. и др. 159 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Представлены программы социально-психологических тренингов, направленных на реализацию практико-ориентированного и компетентностного подходов в профессиональном обучении курсантов-психологов. Цель тренингов – необходимость развития сферы профессионального самосознания сотрудников полиции с учетом специфики их профессиональной деятельности, связанной с повышенным уровнем напряженности и риска, дефицита времени и информации при принятии решения и других факторов. Основные идеи пособия неоднократно были апробированы на практике и в научных разработках в рамках научной школы «Психологическое обеспечение эффективности служебной деятельности», созданной на базе Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя и возглавляемой доктором психологических наук, профессором Сергеем Николаевичем Федотовым и доктором психологических наук, профессором Игорем Борисовичем Лебедевым.

Для курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, практических психологов МВД России, адъюнктов и профессорско-преподавательского состава.

Научная статья

УДК 371.2

EDN: <https://elibrary.ru/wfejpp>

NIION: 2015-0066-2/26-452

MOSURED: 77/27-011-2026-02-651

Отдельные проблемы влияния социальных сетей на учебную мотивацию обучающихся

Ольга Викторовна Свиная

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

olga.svinareva@mail.ru

Аннотация. Современный уровень информатизации общества и распространение социальных сетей оказывает огромное влияние на развитие молодежи. В этой связи важное значение имеет формирование желания молодых людей к получению образования – развитие мотивации к обучению. Проведенное исследование на примере студентов образовательной организации среднего профессионального образования позволило сделать выводы о возможности как конструктивного, так и деструктивного влияния социальных сетей на мотивацию обучающихся, а также о значительной роли индивидуальных, возрастных и иных факторов.

Ключевые слова: мотивы, учебная мотивация, социальные сети, обучающиеся, студенты, образовательные организации

Для цитирования: Свиная О. В. Отдельные проблемы влияния социальных сетей на учебную мотивацию обучающихся // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 217–224. EDN: WFEJPP.

Original article

Specific problems of the impact of social networks on students' academic motivation

Olga V. Svinareva

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

olga.svinareva@mail.ru

Abstract. The current level of society's informatization and the spread of social networks have a significant impact on the development of young people. In this regard, it is important to foster young people's desire for education and develop their motivation to learn. A study conducted on students of a secondary vocational education institution revealed both constructive and destructive effects of social networks on students' motivation, as well as the significant role of individual, age-related, and other factors.

Keywords: motives, educational motivation, social networks, students, educational organizations

For citation: Svinareva O. V. Specific problems of the impact of social networks on students' academic motivation. Bulletin of economic security. 2026;(2):217–224. (In Russ.). EDN: WFEJPP.

Введение.

Социальные сети прочно вошли в повседневную жизнь современного общества, став одной из самых масштабных и влиятельных форм коммуникации. Особенно ощутимо их влияние проявляется в юношеский период, когда формируются не только личностные и поведенческие установки, но и мотивационная сфера, определяющая отношение к учебе, саморазвитию и будущей профессиональной траектории. В условиях интенсивной цифровизации образовательного пространства, быстрого роста пользователей социальных сетей и изменения форм опосредованного общения становится актуальным

вопрос о характере и степени их воздействия на учебную мотивацию обучающихся.

Актуальность проблемы обусловлена возрастающим масштабом присутствия молодежи в интернет-пространстве, а также необходимостью поиска эффективных педагогических стратегий, способствующих снижению потенциально негативного влияния социальных сетей и выявлению их образовательного ресурса. Владея колоссальным техническим потенциалом, современная молодежь часто сталкивается с проблемами прокрастинации, потери учебной мотивации, снижением интереса к систематическому получению знаний, что

нередко связывают с чрезмерной вовлеченностью в онлайн-коммуникацию. Между тем отмечается и обратная тенденция: социальные сети при грамотном использовании способны выступать инструментом социализации, саморазвития, поиска актуальной информации и даже мотивации к учебе. Поэтому изучение амбивалентности влияния социальных сетей на учебную мотивацию требует всестороннего анализа и эмпирической проверки.

Материалы и методы.

Изучение проблемы осуществлялось на основе комплексного подхода к анализу вопроса на стыке психологических, педагогических и социологических теорий, а также проведением эмпирического исследования, направленного на выявление конкретных механизмов и динамики влияния социальных сетей на учебную мотивацию обучающихся молодежного возраста в условиях образовательной организации. Акцент сделан на количественные показатели (время, проведенное в социальных сетях), качественный анализ типов онлайн-активности, структуры общения и контента, а также сравнение самооценки мотивационной сферы молодежи, вовлеченных в разные практики интернет-активности. Важной инновационной составляющей является исследование особенностей влияния социальных сетей на мотивацию с учетом гендерного и возрастного аспектов.

При проведении исследования применялись теоретические методы и эмпирические методы (стандартизированная методика диагностики учебной мотивации Н. Г. Лускановой, контент-анализ учебных пабликов и чатов, методы математико-статистической обработки результатов – корреляционный анализ, t-критерий Стьюдента).

Эмпирическая база включала 192 обучающихся 1-3 курсов Государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения города Москвы «Первый Московский Образовательный Комплекс», а также анализ действующих официальных групп образовательных сообществ.

Согласно классическим определениям, мотивация – это совокупность причин, объясняющих поведение человека, система внутренних и внешних факторов, побуждающих к действию [1].

В образовательной деятельности обучающегося она проявляется в стремлении быть успешным в учебе, интересе к приобретению новых знаний, ощущении смысла и важности выполняемой деятельности, а также в способности ставить перед собой задачи и добиваться их решения.

Структура и виды учебной мотивации рассматриваются с учетом целого комплекса факторов. Согласно традиционной типологии, учебную мотивацию принято разделять на внутреннюю и внешнюю. Внутренняя мотивация связана с интересом к процессу обучения, получению новых знаний ради самих знаний – когда обучающийся увлечен предметом, чувствует радость от процесса познания, получает удовольствие от решения сложных задач и саморазвития. Внутренняя мотивация

способствует формированию самостоятельности, активности, критического мышления, развитию устойчивой учебной деятельности даже в отсутствие внешнего контроля или дополнительных стимулов [2].

Внешняя мотивация, напротив, связана с воздействием факторов, находящихся вне процесса познания. Это могут быть требования родителей, педагогов, наличие системы оценок, конкуренции, поощрение или порицание со стороны значимых взрослых и сверстников. Важно понимать, что внешняя мотивация чаще опирается на получение вознаграждения за выполнение учебных заданий или на страх наказания при невыполнении. Поэтому именно внутренний мотив считается образовательной целью для педагогов и родителей, ведь только он способен обеспечить устойчивый интерес и самостоятельную активность обучающегося молодежного возраста в долгосрочной перспективе.

Однако на практике граница между внутренней и внешней мотивацией довольно условна: мотивационные компоненты могут переплетаться, формируя сложную структуру, в которой важную роль играют как личностные качества, так и особенности социокультурной среды – включая влияние семьи, учебного коллектива, ближайшего окружения [3]. Выделяют различные аспекты учебной мотивации: мотивы познания (стремление к знаниям), социальные мотивы (желание быть принятым в коллективе, одобрение сверстников), прагматические мотивы (осознание личной выгоды – хорошей оценки, успеха в будущем), мотивы избегания (стремление избежать порицания, наказания).

В молодежном возрасте мотивационная сфера особенно динамична и подвержена изменениям под влиянием биологических, психологических, социальных и личностных факторов. Особенности учебной мотивации молодежи обусловлены спецификой этого этапа развития, когда происходит активное формирование самосознания, системы ценностей, жизненных установок и перспектив. В центре внимания оказывается поиск своего места среди сверстников, изменение характера учебной деятельности, повышение самостоятельности и критического отношения к требованиям педагогов [4].

Молодежный возраст характеризуется заметным снижением традиционной мотивации и ростом значимости социальных, статусных и коммуникативных мотивов. В этот период формируются устойчивые привычки взаимодействия с информационной средой, закладываются навыки самоорганизации, возникает потребность в признании со стороны сверстников и лиц старшего возраста. Вызовы современного информационного общества, массовое распространение цифровых технологий усиливают конкуренцию за внимание молодежи, делая мотивацию к обучению еще более уязвимой к влиянию множества раздражителей [5].

Прежде чем анализировать специфику и возможности социальных сетей в образовательной сфере, важно определить и рассмотреть их типологию, функции, а также особенности использования молодежью.

Социальные сети представляют собой сетевые платформы или интернет-сервисы, предназначенные для налаживания коммуникации между пользователями, которые объединены по интересам, видам деятельности или социальному статусу. Исходя из задач и специфики контента, современные социальные сети принято классифицировать на несколько типов: универсальные (например, «ВКонтакте», «TikTok»), тематические (платформы для профессионального общения – TenChat, Сетка, творческие сообщества — Pinterest), образовательные (например, ClassDojo, Edmodo), а также мессенджеры с функциями формирования сообществ (Telegram, MAX). Основная цель социальных сетей – создание условий для обмена информацией, совместного творчества, поддержания социальных связей, самовыражения и развития личного бренда. В контексте молодежной аудитории особое значение приобретают такие параметры, как возможность оперативной коммуникации, доступность различного контента (от развлекательного до образовательного), инструменты самопрезентации и функционал для совместных виртуальных активностей [6].

Стремительное распространение социальных сетей среди молодежи обусловлено их соответствием основным социальным, психологическим и когнитивным потребностям. Социальные сети становятся площадкой для воплощения творческих замыслов, ведения блогов, участия в опросах, флешмобах, социокультурных и волонтерских акциях [7].

Одновременно с этим не теряют актуальности опасения, связанные с возможными негативными последствиями избыточного погружения в виртуальное пространство. В научной литературе активно обсуждаются риски формирования зависимости, ухода от реальности в вымышленный цифровой мир, обращения к недостоверной информации, угрозы травли (кибербуллинг), девиантного поведения, манипуляций, нарушения приватности, плагиата, фотешопа и т. п. На этом фоне социальные сети зачастую воспринимаются как исключительно развлекательная среда, способствующая развлечению, снижению концентрации, недостатку контроля со стороны взрослых [8].

Педагогическая теоретизация феномена социальных сетей, их образовательный потенциал и практические применения обсуждаются в последние годы все шире. Социальные сети рассматриваются не только как инструмент передачи и получения информации, но и как площадка для совместного смыслаобразования, тренировки коммуникативных и цифровых навыков, раскрытия творческих способностей. Постепенно складывается позитивная оценка участия обучающихся в тематических сообществах – научных, культурных, профориентационных [9]. Именно эти формы активности способствуют развитию универсальных компетенций, межпредметных связей, самоуправления, что значительно повышает учебную мотивацию. Практика показывает, что основную посещаемость получают группы и чаты по интересам, удовлетворяющие актуальные ин-

формационные, творческие и образовательные запросы. Так происходит самоорганизация пользователей, обмен актуальной информацией, участие в социальных опросах, решении вопросов общественного значения, проектной и просветительской деятельности.

Особый педагогический эффект отмечается при внедрении игровых технологий, проведение онлайн-дебатов, проектирование и реализация совместных социальных проектов. Складывается среда, в которой обучающиеся могут проявить себя, реализовать лидерский потенциал, получить признание сверстников и педагогов, повысить уровень самоуважения. В современных условиях социальные сети становятся не только местом развлечений, но и важным ресурсом для организации учебных блогов, ведения обсуждений, контроля самостоятельной работы, коллективного создания и распространения образовательного контента [10].

Вопрос о влиянии социальных сетей на учебную мотивацию активно обсуждается на стыке таких дисциплин, как педагогика, психология, социология, информационные технологии. С одной стороны, отмечаются риски снижения концентрации, подмены реальной учебной деятельности виртуальной активностью; с другой – подчеркивается возможность формирования новых образовательных практик, при которых социальные сети становятся платформой для индивидуализации обучения, развития проектных и дискуссионных форм, обмена знаниями между участниками образовательного процесса. В учебном пространстве образовательные ресурсы, такие как интернет-библиотеки, обучающие программы, видеолекции, онлайн-курсы, становятся доступными непосредственно через социальные сети, а технология краудсорсинга позволяет привлекать широкий круг участников для обсуждения, оценки и решения актуальных задач [11].

Анализируя механизмы влияния социальных сетей на мотивацию к обучению, стоит выделить несколько ключевых аспектов. Первым из них является влияние социальных сетей на формирование и трансформацию познавательных интересов, стиля коммуникации, социальной идентичности. В основе лежит социально-психологический механизм, заключающийся в удовлетворении базовых психологических потребностей – потребности в принадлежности, общении, признании, самоутверждении. Участие обучающихся в сетевых сообществах способствует усилению их социальной вовлеченности, расширяет возможности для получения информации, установления контактов, обмена опытом [5].

Социально-психологические механизмы влияния реализуются через формирование групповых норм, ценностей, развитие чувства принадлежности к определенной интернет-среде, стремления к поддержанию позитивного статуса, утверждения собственной позиции. Обучающиеся, активно участвующие в жизни онлайн-сообществ, получают опыт публичных выступлений, дискуссий, анонимных и не анонимных обсуждений, что способствует формированию критического мышле-

ния, уверенности в себе, способности отстаивать свою точку зрения. Одновременно с этим в сетевом пространстве происходит социализация через обмен опытом, обучение новым моделям поведения, взаимодействие с экспертами-блогерами, образовательными активистами, педагогами [12].

Важным механизмом становится включение обучающегося в процессы коллективного творчества, проектной работы, волонтерских акций в социальных сетях. Совместное участие в разработке и реализации проектов, обмен идеями, поиск решений способствуют развитию ответственности, коммуникационных компетенций, самоорганизации. Особое значение приобретает обратная связь – комментарии, оценки, поддержка членов сообщества – это мотивирует молодого человека продолжать учебную деятельность, совершенствовать знания и навыки, участвовать в новых образовательных инициативах [13].

Роль общения и самопрезентации нельзя недооценивать: обучающиеся молодежного возраста используют социальные сети, чтобы продемонстрировать свои успехи, показать достижения, получить признание сверстников и воспитателей. Данные механизмы формируют ощущение значимости учебной деятельности, стимулируют стремление быть успешным, создавать позитивный образ среди сверстников, мобилизовать личностные ресурсы для достижения новых целей.

Значимым выражением позитивного влияния социальных сетей на учебную мотивацию становится поддержание обратной связи. Согласно современным подходам, обратная связь реализуется двояко: с одной стороны, она помогает корректировать образовательные затруднения (когнитивистский подход), с другой – формирует совместную образовательную активность, успешное освоение новых стратегий обучения (социоконструктивистский подход). Взаимодействие в группах и чатах позволяет обсуждать сложные вопросы, делиться опытом, консультироваться по конкретным темам. В такой среде молодые люди учатся воспринимать конструктивную критику, грамотно формулировать свои мысли, выражать поддержку друг другу, а главное – брать на себя ответственность за собственное обучение [14].

Примеры зарубежных и российских исследований свидетельствуют как о рисках, так и о больших перспективах интеграции социальных сетей в образовательный процесс. Зарубежные работы (Ahn J., 2011; Greenhow C., 2016) показывают, что учебные сообщества в Facebook, Instagram (владелец – компания Meta Platforms Inc. признана экстремистской организацией и ее деятельность запрещена на территории РФ), в сети X способствуют развитию исследовательских интересов, формированию профессиональных компетенций, мотивируют к самостоятельному поиску знаний. Российские исследователи отмечают важность педагогического сопровождения работы в социальных сетях, интеграцию сетевых ресурсов в проектную и практикоориентированную деятель-

ность, повышение мотивации к обучению за счет активного включения обучающихся в учебные коммуникации (М. А. Дьячкова, О. Н. Томюк, Н. А. Ястреб).

С целью выявления особенностей и степени влияния активного использования социальных сетей на учебную мотивацию обучающихся молодежного возраста проведено исследование, в результате которого изучена дифференциация влияния по типу (положительное, отрицательное, нейтральное) в зависимости от интенсивности онлайн-коммуникации, тематики потребляемого контента, и выраженности личностных и учебных потребностей обучающихся.

В исследовании участвовали студенты Государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения города Москвы «Первый Московский Образовательный Комплекс» в возрасте от 15 до 17 лет, обучающиеся на 1–3 курсах. Формирование выборки осуществлялось методом случайной выборки во избежание формальных перекосов и включало 192 респондента, из которых 97 девушек (50,5 %) и 95 юношей (49,5 %). По распределению по группам оценивалось следующее: 1 курса – 62 человека (32,3 % выборки), 2 курс – 70 человек (36,5 %), 3 курс – 60 человек (31,2 %). Такой равномерный охват позволил охарактеризовать мотивационную сферу обучающихся в наиболее репрезентативном, критически важном для формирования мировоззрения возрасте и минимизировать искажения, связанные с возрастной или гендерной спецификой.

Для комплексного изучения поставленной проблемы были использованы следующие методики:

1. Авторская анкета «Использование социальных сетей» (включала 18 вопросов по количеству времени, проводимому в социальных сетях, предпочитаемым платформам, основным видам активности, тематике просматриваемых страниц и т. д.).

2. Стандартизированная методика диагностики учебной мотивации, основанная на опроснике Мотивации учебной деятельности Н. Г. Лускановой, направленная на выявление как общей установки на учебу, так и дифференцированных мотивов (познавательные, социальные, внешние, избегания и т. д.).

3. Полуструктурированное интервью с 15 участниками, позволяющее выявить субъективное отношение к использованию социальных сетей, личное восприятие их образовательного потенциала и индивидуальные стратегии совмещения виртуальной и учебной деятельности.

4. Контент-анализ тематик групп и чатов, наиболее часто посещаемых участниками с целью обучения (использовались данные открытых пабликов и комментариев, конспекты обсуждаемых вопросов).

5. Статистические методы (корреляционный анализ, t-критерий Стьюдента, процентное соотношение групп) для количественной обработки результатов и выявления достоверности различий между подгруппами.

Данные, полученные на основе анкетирования и интервью, свидетельствуют о крайне высокой степени вовлеченности обучающихся в деятельность социальных сетей. Так, среднее время ежедневного пребывания онлайн составляло 3 часа 47 минут. Минимальное время, зафиксированное среди респондентов – 28 минут, максимальное – 7 часов в сутки.

Абсолютное большинство (89,1 %) обучающихся заходят в социальные сети минимум 1 раз в день, среди них 57,3 % – более 5 раз в течение суток. Лидирующими платформами названы ВКонтакте (92,7 % опрошенных), Instagram (54,2 %), Telegram (51,5%), TikTok (48,7 %) и Одноклассники (33 %). Преобладающие виды активности: просмотр новостной ленты (89 %), написание комментариев и участие в дискуссиях (57 %), публикация собственных постов (45 %), участие в образовательных и тематических группах (38 %), обмен личными сообщениями (93 %).

Анализ структуры используемых тематик показывает, что 69 % респондентов подписаны на различные профильные паблики, однако только 37 % периодически просматривают там учебный контент, а лишь 13 % активно участвуют в их обсуждении. При этом среди мотивов использования социальных сетей преобладают развлекательные (65,5 %), поддержка общения с одноклассниками (53,5 %), поиск информации для учебы (42,7 %), участие во флешмобах (35 %).

Среди типичных паттернов поведения выделены следующие группы:

- «Гиперактивные» (более 5 часов в сутки, 18 % выборки);
- «Регулярные» (от 2,5 до 5 часов – 51 %);
- «Умеренные» (до 2,5 часов – 31 %).

Подобная разбивка позволила далее сравнить уровень учебной мотивации в зависимости от степени вовлеченности.

Стандартизированная диагностика учебной мотивации показала, что в целом среди всех опрошенных только 35,4 % демонстрируют высокий уровень учебной мотивации, 44,8 % – средний и 19,8 % – низкий (табл. 1).

Таким образом, среди наиболее зависимых пользователей («гиперактивные») процент респондентов с низкой учебной мотивацией значительно превышает аналогичный показатель среди «умеренных» (различие статистически значимо, $p < 0,05$ по t-критерию Стьюдента).

Помимо общего уровня мотивации были исследованы и специфические мотивы. Выявлено, что среди «гиперактивных» наиболее выражены внешние мотивы (стремление получить одобрение, лайки, оценки), мотива избегания (страх неудачи, тревога), в то время как у «умеренных» и «регулярных» выше показатели по шкале познавательных мотивов (интерес к учебному материалу, желание понять тему глубже) и мотивов саморазвития. Интересно, что у «регулярных» пользователей, которые активно участвуют в тематических, образовательных и проектных группах, часто обнаруживается высокая учебная мотивация (42,7 %), т. е. вовлеченность в подобные сообщества способна выступать продуктивным стимулом к познанию.

Опираясь на полученные результаты, можно выделить три основных типа влияния социальных сетей на учебную мотивацию обучающихся: положительное, отрицательное и нейтральное.

Положительное влияние наблюдается у тех молодых людей, у которых преобладают образовательные

Таблица 1

Корреляция между интенсивностью пользования и учебной мотивацией

Группа пользования	Высокая мотивация (%)	Средняя (%)	Низкая (%)
«Гиперактивные» (n=35)	17,1	40,0	42,9
«Регулярные» (n=98)	33,7	52,0	14,3
«Умеренные» (n=59)	49,2	35,6	15,2

Таблица 2

Частотное отношение внутренних и внешних мотивационных факторов по группам интенсивности пользования

Мотивационный фактор	Умеренные (%)	Регулярные (%)	Гиперактивные (%)
Познавательные	63,5	49,8	28,6
Социальные (одобрение)	25,4	41,0	53,5
Избегание неудачи/тревога	18,0	23,5	51,0

и проектные виды деятельности при пользовании социальными сетями. В этой подгруппе (примерно 15 % от всех опрошенных) характерно следующее: участие в тематических чатах, организация совместных проектов, обмен конспектами. Интервью показали, что обучающиеся из этой группы ощущают рост собственной самоорганизации, расширение круга интересов, повышение интереса к изучаемым дисциплинам.

Отрицательное влияние наиболее выражено среди «гиперактивных» пользователей (примерно 18 % выборки), для которых характерна неконтролируемая трата времени на прокручивание ленты, просмотр коротких видео, участие в развлекательных анонимных чатах. В этой подгруппе зафиксировано максимальное количество отмеченных признаков прокрастинации, хронической усталости, регулярной неуспеваемости. В процентном выражении более 41 % представителей данной подгруппы имеют низкий уровень учебной мотивации, проявляющийся в равнодушии к оценкам, снижении познавательного интереса, раздражительности при выполнении заданий.

Нейтральное влияние присуще оставшейся части обучающихся, для которых социальные сети не занимают значительную часть повседневной жизни (около 67 %). У них не выявлено существенной корреляции между временем, проведенным онлайн, и уровнем учебной мотивации, однако часть из них отмечает, что «социальные сети – это просто фон», и порой использование их для общения по учебным вопросам помогает справляться с трудностями быстрее, чем офлайн-встречи.

Результаты проведенного исследования в целом коррелируют с данными, представленными в работах отечественных и зарубежных исследователей. Высокая степень вовлеченности обучающихся в социальные сети подтверждается выводами, полученными в масштабном исследовании Л. В. Ястреб (2021), где среднее время пребывания обучающихся в онлайн-среде также составляло от 3 до 4 часов в сутки. Аналогично, в международных работах (Greenhow, 2016; Reich et al., 2022) отмечается, что темпы роста использования социальных сетей обучающимися напрямую связаны с социально-экономическим и техническим развитием региона, хотя само по себе время использования не всегда определяет учебный исход.

У обучающихся, активно использующих тематические образовательные группы, отмечается устойчивый рост учебной мотивации на фоне повышения самооценки и расширения коммуникативных навыков [15]. В то же время ряд работ подчеркивает негативные аспекты: Simonson et al. (2019) отмечают, что отсутствие саморегуляции внутри социальных сетей приводит к высоким показателям прокрастинации и формированию зависимости, что косвенно подтверждается результатами данной работы – высокий уровень онлайн-активности в развлекательных пабликах четко коррелирует с низкой учебной мотивацией и снижением интереса к образовательной деятельности [16].

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о значимом различии в качестве влияния социальных сетей, зависящем от характера онлайн-активности, а не только от количества времени, проведенного онлайн.

Одной из ключевых закономерностей исследования стало подтверждение того, что не интенсивность, а направленность онлайн-активности определяет характер влияния на учебную мотивацию обучающихся. Положительное влияние социальных сетей проявляется в рамках организованных образовательных сообществ, где идет обмен опытом и знаниями, развивается активность, инициативность, поддержка сверстников.

Наиболее негативное влияние связано с неконтрольным, хаотическим использованием социальных сетей, когда молодые люди, не имея структурированной рамки, оказываются погружены в неструктурированные потоки информации, испытывают потери времени, сбой в самоорганизации. Феномен «информационного шума» и синдром упущенной выгоды способствует формированию тревожности и откладыванию учебных дел, что также зафиксировано в ряде интервью.

Следует отметить ряд важных ограничений полученных результатов. Представленная выборка охватывает, прежде всего, обучающихся одной образовательной организации. Исследование базируется на самоотчетах обучающихся и оценке их субъективного отношения, что потенциально увеличивает риск искажения информации (например, при ответах на вопросы о ежедневном использовании интернета, часть респондентов могла занижать реальные значения из-за страха осуждения со стороны или по причине социальной желательности). Ограничение времени исследования: сезонная загруженность, приближение контрольных/экзаменов могли повлиять как на количественные, так и на качественные показатели вовлеченности в учебу и использование социальных сетей. Кроме того, анализ осуществлялся преимущественно по количественным методам, без вовлечения нейропсихологических тестов, а использование полуструктурированных интервью не позволяло глубоко проследить комплекс внутриличностных изменений.

Выявленные тенденции имеют значимую научную и практическую ценность, однако дальнейшие исследования должны быть расширены: необходимо включение большего количества образовательных организаций в разных регионах, углубленный анализ мотивов и психологических стратегий использования социальных сетей, а также привлечение педагогов к созданию мотивационно поддерживающей цифровой образовательной среды [17].

Таким образом, учебная мотивация в молодежном возрасте представляет собой сложную, многоуровневую систему, чутко реагирующую на социальные и коммуникативные изменения. Феномен социальных сетей, с одной стороны, стал мощнейшим стимулом для раз-

вития новых форм общения, информационного обмена, самопрезентации и коллективного решения учебных задач.

В исследованиях выявлено: абсолютное большинство обучающихся ежедневно используют социальные сети, в среднем более трех часов в день, причем структура активности значительно различается по содержанию и формам участия. Статистическая обработка результатов показала, что у «гиперактивных» пользователей значительно чаще наблюдается низкий уровень учебной мотивации, преобладание внешних и избегательных мотивов, высокий уровень прокрастинации и тревожности. В то же время обучающиеся, участвующие в тематических, образовательных и проектных интернет-группах, продемонстрировали более высокий уровень познавательных и саморазвивающих мотивов, осознанный подход к самообразованию и активное взаимодействие с участниками педагогического процесса.

Следует выделить три типа влияния социальных сетей на учебную мотивацию: положительное (через поддержку образовательных инициатив, коллективное решение задач и обмен полезной информацией); отрицательное (через потерю времени, отвлечение, рассеянное внимание и развитие интернет-зависимости); нейтральное (при котором сети служат лишь фоновым инструментом для повседневной коммуникации).

Выявлены общие закономерности: амбивалентность цифровой среды, возможность как деструктивного, так и конструктивного влияния социальных сетей, а также значительную роль индивидуальных, возрастных, территориальных и семейных факторов. Ограничения исследования, связанные с региональной спецификой, использованием преимущественно самоотчетных методов и нехваткой нейропсихологических данных, указывают на необходимость расширения эмпирической базы будущих работ, включения большего числа образовательных организаций, регионов, проведения лонгитюдных исследований и экспериментов с вовлечением педагогов и экспертов в области цифровой грамотности.

Предложенные выводы могут послужить основой для проектирования программ повышения цифровой и мотивационной культуры обучающихся, создания образовательных онлайн-сообществ, мониторинга интернет-активности и внедрения профилактических мер по предупреждению интернет-зависимости и прокрастинации.

Список источников

1. Влияние пандемии COVID-19 на сектор высшего образования и магистратуру : международный, национальный и институциональный ответ : аналитический материал. М., 2020. 23 с.
2. Голодова А. А. Социальные сети как инструмент профориентационной работы вуза на рынке образовательных услуг // Проблемы экономики и менеджмента. 2014. № 3 (31). С. 31–34.

3. Дьячкова М. А., Томюк О. Н. Социальные сети как образовательный ресурс // Педагогическое образование в России. 2017. № 12. С. 141–146.

4. Капусникова М. Р., Каменева Е. А., Борщева Т. А. Негативные аспекты влияния социальных сетей на российскую молодежь // Психическое и психологическое здоровье человека в XXI в. : правовые, политические, социально-экономические и гуманитарные аспекты : материалы международной научно-практической конференции (г. Новосибирск, 24–25 ноября 2016 г.) / под общ. ред. В. В. Пономарева, М. А. Писаревской. Ставрополь : Логос, 2016. С. 73–76.

5. Кастельс М. Информационная эпоха : экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

6. Муратова Е. А. Социальные сети как способ коммуникаций и продвижения образовательных услуг // Московский экономический журнал. 2019. № 9. С. 572–579.

7. Пахонина Е. В. Проблемы обучения иностранных студентов в дистанционном формате // Леденцовские чтения. «Бизнес. Наука. Образование». Правовые и экономические аспекты : сборник материалов IX Международной научно-практической конференции (г. Вологда, 22 апреля, 2021 г.). Вологда : Фонд развития филиала МГЮА имени О.Е. Кутафина в г. Вологде, 2021. С. 82–86.

8. Погукаева А. В., Коберник Л. Н., Омелянчук Е. Л. Адаптация иностранных студентов в российском вузе // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 3.

9. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб : Наука, 2000. 342 с.

10. Ястреб Н. А. Организация обратной связи как способ адаптации первокурсников к дистанционному обучению // Леденцовские чтения. «Бизнес. Наука. Образование». Правовые и экономические аспекты: сборник материалов IX Международной научно-практической конференции (г. Вологда, 22 апреля, 2021 г.). Вологда : Фонд развития филиала МГЮА имени О.Е. Кутафина в г. Вологде, 2021. С. 112–116.

11. Требований к структуре официального сайта образовательной организации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и формату представления информации // URL: <https://base.garant.ru/74901486/>

12. Энциклопедия // URL: <http://enc-dic.com/sociology/Kastels--Manujel-3784.html/>

13. Тоискин В. С., Шумакова А. В., Красильников В. В. Антропологическое измерение социальных сервисов интернета : учебное пособие. Ставрополь : Изд-во СГПИ, 2022. 104 с.

14. Бобкова И. А. Разработка классификации для анализа социальных сетей // URL: <http://www.mce.su/archive/doc57318/doc.pdf>

15. Платов А. А. Социальные сети : феномен коллективного разума // URL: <http://www.nestor.minsk.by/sr/2007/04/sr70414.html/>

16. Социальные сети от А до Я : путеводитель по социальным сетям Интернета // URL: <http://www.social-networking.ru/>

17. Богданов Д. В. Социальные функции Интернета // Вестник Нижегородского университета. Серия: Социальные науки. 2011. № 1.

References

1. The impact of the COVID-19 pandemic on the higher education sector and the magistracy : international, national and institutional response : analytical material. M., 2020. 23 p.

2. Golodova A. A. Social networks as a tool for career guidance of the university in the educational services market // Problems of economics and management. 2014. № 3 (31). P. 31–34.

3. Dyachkova M. A., Tomyuk O. N. Social networks as an educational resource // Pedagogical education in Russia. 2017. № 12. P. 141–146.

4. Kapusnikova M. R., Kameneva E. A., Borshcheva T. A. Negative aspects of the influence of social networks on Russian youth // Mental and psychological health of a person in the XXI century : legal, political, socio-economic and humanitarian aspects : international scientific practices (Novosibirsk, November 24–25, 2016) / under the general ed. V. V. Ponomareva, M. A. Pisarevskaya. Stavropol : Logos, 2016. P. 73–76.

5. Castells M. Information era : economy, society and culture. M. : Higher school of economics, 2000. 608 p.

6. Muratova E. A. Social networks as a way of communication and promotion of educational services // Moscow Economic Journal. 2019. № 9. P. 572–579.

7. Pakhonina E. V. Problems of teaching foreign students in a distance format // Ledentsov readings. «Business. Science. Education». Legal and economic aspects : collection of materials of the IX International Scientific and Practical Conference (Vologda, April 22,

2021). Vologda : Development Fund of the Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafin in Vologda, 2021. P. 82–86.

8. Pogukaeva A. V., Kobernik L. N., Omelyanchuk E. L. Adaptation of foreign students in a Russian university // Modern problems of science and education. 2016. № 3.

9. Habermas Yu. Moral consciousness and communicative action. SPb : Science, 2000. 342 p.

10. Hawk N. A. Organization of feedback as a way of adapting freshmen to distance learning // Ledentsov readings. «Business. Science. Education». Legal and economic aspects : collection of materials of the IX International Scientific and Practical Conference (Vologda, April 22, 2021). Vologda : Development Fund of the Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafin in Vologda, 2021. P. 112–116.

11. Requirements for the structure of the official website of the educational organization in the information and telecommunication network «Internet» and the format for presenting information // URL: <https://base.garant.ru/74901486/>

12. Encyclopedia // URL: <http://enc-dic.com/sociology/Kastels--Manujel-3784.html/>

13. Toiskin V. S., Shumakova A. V., Krasilnikov V. V. Anthropological measurement of social services of the Internet : textbook. Stavropol : Publishing House SGPI, 2022. 104 p.

14. Bobkova I. A. Development of classification for the analysis of social networks // URL: <http://www.mce.su/archive/doc57318/doc.pdf/>

15. Platov A. A. Social networks : the phenomenon of the collective mind // URL: <http://www.-nestor.minsk.by/sr/2007/04/sr70414.html/>

16. Social media A to Z : Guide to Internet social media // URL: <http://www.social-networking.ru/>

17. Bogdanov D. V. Social functions of the Internet // Bulletin of Nizhny Novgorod University. Series: Social Sciences. 2011. № 1.

Информация об авторе

О. В. Свинаярева – доцент кафедры педагогики учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат педагогических наук, доцент.

Information about the author

O. V. Svinareva – Associate Professor of the Department of Pedagogy of the Educational and Scientific Complex of Psychology of Official Activity of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 16.02.2026; одобрена после рецензирования 17.03.2026; принята к публикации 14.04.2026.

The article was submitted 16.02.2026; approved after reviewing 17.03.2026; accepted for publication 14.04.2026.

Научная статья

УДК 378

EDN: <https://elibrary.ru/wjsnaq>

NIION: 2015-0066-2/26-453

MOSURED: 77/27-011-2026-02-652

Вопросы об оценке сформированности рефлексивной компетенции курсантов образовательных организаций МВД России

Евгений Игоревич Третьяченко

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
trethohol@mail.ru

Аннотация. Раскрывается значимость рефлексии, как важного компонента формирования профессиональной компетенции курсантов образовательных организаций МВД России, что является немаловажным при прохождении ими дальнейшей служебной деятельности.

Ключевые слова: рефлексия, курсанты, компетенции, профессиональная деятельность

Для цитирования: Третьяченко Е. И. Вопросы об оценке сформированности рефлексивной компетенции курсантов образовательных организаций МВД России // Вестник экономической безопасности. 2026. № 2. С. 225–228. EDN: WJSNAQ.

Original article

Issues of assessment of the formation of reflexive competence of cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Evgeny I. Tretyachenko

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
trethohol@mail.ru

Abstract. Revealed the significance of reflection as an important component of the formation of professional competence of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, which is of great importance in the further performance of official duties.

Keywords: reflection, cadets, competencies, professional activity

For citation: Tretyachenko E. I. Issues of assessment of the formation of reflexive competence of cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Bulletin of economic security. 2026;(2):225–228. (In Russ.). EDN: WJSNAQ.

Современный этап реформирования системы подготовки кадров для органов внутренних дел Российской Федерации характеризуется смещением акцентов с простой передачи знаний, умений и навыков на формирование комплексных профессиональных компетенций, обеспечивающих готовность сотрудника к эффективным действиям в нестандартных и экстремальных ситуациях. Одной из ключевых дисциплин, формирующих профессиональный облик сотрудника полиции, является огневая подготовка, которая традиционно рассматривается как сложный вид деятельности, требующий интеграции физических, технических и психологических качеств личности. В условиях повышения требований к правомерности и обоснованности применения оружия, актуализируется проблема не просто технического обучения

меткой стрельбе, а формирования у курсантов способности к осознанному регулированию своих действий, что в педагогической психологии определяется как рефлексивная компетенция. Традиционные подходы к оценке результатов обучения, базирующиеся преимущественно на количественных показателях выбитых очков, перестают в полной мере удовлетворять потребности практики, так как они зачастую не отражают степень надежности навыка и способность сотрудника сохранять самообладание в реальном огневом контакте. В этой связи возникает научная и практическая необходимость переосмысления критериального аппарата оценки огневой подготовленности курсантов образовательных организаций МВД России с включением в него показателей сформированности рефлексивных способностей.

© Третьяченко Е. И., 2026

Нормативно-правовой основой применения оружия сотрудниками полиции является законодательство, которое накладывает высокую степень ответственности за каждое принятое решение и произведенное действие. В соответствии с ч. 1 ст. 18 Федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «сотрудник полиции имеет право на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия лично или в составе подразделения (группы) в случаях и порядке, предусмотренных федеральными конституционными законами, настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами» [1]. Данная норма императивно указывает на то, что применение оружия – это не механический акт, а сложная правоприменительная процедура, требующая от сотрудника мгновенного анализа обстановки, прогнозирования последствий и контроля над собственным психофизиологическим состоянием. Отсутствие развитой рефлексии может привести к тому, что в стрессовой ситуации сотрудник либо не сможет применить оружие правомерно, либо допустит технические ошибки, ставящие под угрозу его жизнь и жизнь граждан. Кроме того, служебная дисциплина требует строгого соблюдения регламентов. В соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 12 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», сотрудник обязан «знать и исполнять должностной регламент (должностную инструкцию) и положения иных документов, определяющих его права и служебные обязанности, исполнять приказы и распоряжения прямых руководителей (начальников), а также руководствоваться законодательством Российской Федерации при получении приказа либо распоряжения прямого или непосредственного руководителя (начальника), заведомо противоречащих законодательству Российской Федерации» [2]. Осознанное исполнение данных обязанностей в контексте огневой подготовки невозможно без постоянного самоанализа уровня своей квалификации.

Анализ педагогической практики показывает, что существующая методика оценки огневой подготовки часто сводится к констатации факта попадания в мишень, игнорируя процессуальную сторону выстрела. Как отмечает Е. И. Третьяченко, в процессе обучения необходимо уходить от шаблонного натаскивания на результат, так как условия реального огневого контакта всегда отличаются от тировых, и лишь глубокое понимание механики выстрела позволяет адаптироваться к изменяющейся среде [7]. Проблема заключается в том, что курсант может поразить цель случайно, за счет удачного стечения обстоятельств или компенсаторных движений, которые не являются стабильными. Если преподаватель оценивает только пробойну в мишени, он подкрепляет положительной оценкой ошибочный навык, который в будущем, в состоянии стресса, неизбежно приведет к промаху. Следовательно, оценка должна

включать компонент, позволяющий выявить, насколько курсант понимает причинно-следственные связи между своими действиями (хватом, дыханием, обработкой спуска) и результатом стрельбы. Это и составляет сущность рефлексивной компетенции в предметном поле огневой подготовки.

По мнению А. А. Каримова, развитие рефлексивной компетентности курсантов вузов МВД является необходимым условием становления профессионала, способного к саморазвитию и самокоррекции деятельности [5]. Рефлексия в данном контексте не является отвлеченным философствованием, а выступает конкретным инструментом управления моторикой. Она включает в себя три временных аспекта: проспективную рефлексия (идеомоторная тренировка, мысленное проигрывание предстоящего выстрела), ситуативную рефлексия (контроль тонуса мышц и прицельных приспособлений непосредственно в момент прицеливания) и ретроспективную рефлексия (анализ выстрела после его завершения). Для оценки сформированности данной компетенции преподавателю необходимо внедрять методы, провоцирующие курсанта на вербализацию своих ощущений. Одной из форм такой работы может служить «рефлексивный отчет» после выполнения упражнения, когда обучающийся до осмотра мишеней должен назвать предполагаемое место попадания и возможные ошибки. Совпадение субъективной оценки курсанта с объективной картиной на мишени свидетельствует о высоком уровне сформированности мышечного чувства и адекватной самооценке, что должно поощряться при выставлении итогового балла.

Важность психологических условий для формирования данного качества подчеркивается в работах Т. В. Макеевой, которая указывает на то, что авторитарный стиль преподавания и страх перед отрицательной оценкой могут блокировать рефлексивные процессы, заставляя курсанта фокусироваться не на качестве действий, а на избегании наказания [6]. В этой связи система оценивания должна быть трансформирована таким образом, чтобы ошибка, которая была осознана и проанализирована курсантом самостоятельно, не влекла за собой столь сурового снижения балла, как неосознанная ошибка. Это создает мотивацию к честному самоанализу и поиску путей исправления недостатков техники, вместо попыток скрыть их или оправдать внешними факторами (неисправностью оружия, освещением и т. д.). Педагогическая задача состоит в переводе курсанта из позиции пассивного исполнителя команд в позицию субъекта собственной учебной деятельности, ответственного за формирование профессионального мастерства.

Особую роль в объективизации оценки рефлексивной компетенции играют современные технические средства обучения. Как справедливо замечают С. А. Гречаный и Е. В. Рошин, использование инновационных средств, таких как стрелковые тренажеры (СКАТТ, лазерные тир), позволяет визуализировать

невидимые глазу процессы прицеливания и обработки спуска [4]. Применение таких технологий дает возможность преподавателю сопоставить внутренние ощущения курсанта с объективными данными траектории прицеливания на мониторе. Если курсант утверждает, что удерживал «ровную мушку», а прибор фиксирует угловые отклонения в момент выстрела, это свидетельствует о разрыве между реальным действием и его восприятием, т. е. о несформированной рефлексии. Включение работы с тренажерами в процедуру промежуточной и итоговой аттестации позволяет оценить не только результат стрельбы (который на тренажере может быть виртуальным), но и качество выполнения каждого элемента техники выстрела, а также способность обучающегося интерпретировать графики своих колебаний и делать верные выводы.

Критериальная база оценки огневой подготовленности, как считает Е. И. Третьяченко, должна быть многоуровневой и включать в себя оценку теоретических знаний, практических навыков выполнения приемов стрельбы, результатов выполнения упражнений и тактической грамотности [3]. Дополняя эту классификацию, мы предлагаем ввести критерий «рефлексивная адекватность». Он может оцениваться по шкале, учитывающей точность самодиагностики ошибок. Например, если курсант допустил промах, но четко объяснил его причину (например, «ожидание выстрела и компенсация отдачи кистью вниз»), и последующие выстрелы подтвердили исправление ошибки, оценка за упражнение может быть скорректирована в положительную сторону. И наоборот, если при удовлетворительной стрельбе курсант не может объяснить, как он достиг результата, или приписывает свои промахи неверным причинам, это должно служить сигналом для преподавателя о ненадежности навыка и необходимости дополнительной индивидуальной работы. Такой подход позволяет реализовать принцип сознательности в обучении и готовит будущих офицеров к самостоятельной работе над собой в процессе дальнейшей службы.

Кроме того, оценка рефлексивной компетенции тесно связана с вопросами психологической устойчивости. Способность к рефлексии позволяет купировать развитие негативных эмоциональных состояний, таких как паника или ступор, путем переключения внимания на контроль конкретных моторных действий. В методике огневой подготовки это проявляется в умении курсанта «собраться» после неудачного выстрела, не допустить серии промахов, восстановить дыхание и ритм стрельбы. Традиционная оценка по сумме очков часто маскирует эту динамику: два стрелка могут набрать одинаковое количество очков (например, 25 из 30), но один выбил их стабильно (9-8-8), а другой – хаотично (10-5-10). С точки зрения боевой готовности, первый стрелок предпочтительнее, так как его действия предсказуемы и управляемы. Анализ кучности стрельбы и расположения средней точки попадания, проводимый самим курсантом, является важным показателем его

аналитических способностей. Необходимо учить курсантов «читать» свою мишень как карту своих психофизиологических состояний.

Практическая реализация предлагаемого подхода требует повышения квалификации профессорско-преподавательского состава кафедр огневой подготовки. Преподаватель должен выступать не только как инструктор, показывающий «как надо», но и как фасилитатор, помогающий курсанту понять «почему не получается». Диалог на огневом рубеже должен строиться не в форме директивных указаний, а в форме наводящих вопросов, стимулирующих мыслительную активность обучающегося. Например, вместо фразы «ты дергаешь спуск», преподаватель может спросить: «что ты почувствовал в фазе дожима спускового крючка?» или «где находилась мушка в момент выстрела относительно целика?». Такие вопросы заставляют курсанта обращаться к своим кинестетическим и визуальным ощущениям, тренируя канал обратной связи. Систематическое применение таких методов формирует привычку к постоянному самоконтролю, которая переносится и на другие сферы служебной деятельности.

Стоит также отметить, что формирование рефлексивной компетенции невозможно без достаточного объема теоретических знаний в области внутренней и внешней баллистики, а также психофизиологии. Курсант должен понимать физическую природу рассеивания пули, влияние хвата на подброс оружия, зависимость прицеливания от освещенности и усталости глаза. Без этой теоретической базы рефлексия будет поверхностной и ошибочной. Поэтому оценка теоретических знаний должна быть интегрирована в практические занятия, проверяя умение применять теорию для анализа конкретных практических ситуаций. Например, при разборе полетов после стрельб курсант должен обосновать необходимость выноса точки прицеливания или изменения темпа стрельбы, опираясь на законы баллистики и условия упражнения [8]. Это создает целостную картину профессиональной деятельности, где теория и практика неразрывно связаны.

Внедрение рефлексивного компонента в оценку огневой подготовки способствует также решению проблемы «плато» в обучении, когда рост результатов прекращается, несмотря на тренировки. Часто причиной застоя является автоматизация ошибки, которую курсант перестал замечать. Рефлексивный выход за пределы автоматизма, деконструкция навыка и его осознанная сборка заново позволяют преодолеть этот барьер. Оценочные процедуры, поощряющие такой глубокий анализ, стимулируют курсантов к творческому подходу в освоении дисциплины, поиску индивидуального стиля стрельбы, наиболее полно соответствующего их антропометрическим и психофизиологическим особенностям. Это особенно важно в контексте разнообразия состоящего на вооружении табельного оружия и спецсредств, каждое из которых имеет свою специфику применения.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что совершенствование системы оценки в дисциплине «Огневая подготовка» является объективной необходимостью, продиктованной современными требованиями к профессионализму сотрудников МВД России. Переход от линейной оценки результативности к комплексной оценке сформированности компетенций, включающей рефлексивный компонент, позволит повысить качество подготовки личного состава. Способность к рефлексии, привитая в тире, становится универсальным механизмом профессиональной надежности, позволяющим сотруднику эффективно действовать в условиях неопределенности, минимизировать риски и нести полную ответственность за применение оружия, как того требует закон. Научная новизна данного подхода заключается в интеграции психолого-педагогических механизмов рефлексии в техническую структуру огневой тренировки, а практическая значимость выражается в создании инструментария для подготовки более осознанных, психологически устойчивых и грамотных сотрудников полиции. Дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на разработку конкретных шкал и методик количественного измерения уровня рефлексивной компетенции при выполнении упражнений стрельб различной степени сложности.

Список источников

1. Федеральный закон «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.
2. Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.
3. Третьяченко Е. И. Развитие рефлексивного компонента профессиональных компетенций курсантов : некоторые результаты эмпирического исследования // Педагогический журнал. 2025. Т. 15. № 2А. С. 198–204.
4. Гречаный С. А., Рошин Е. В. Актуальные вопросы формирования профессиональных компетенций по огневой подготовке у сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации посредством использования инновационных средств обучения // Закон и право. 2025. № 1. С. 64–66.
5. Каримов А. А. Развитие рефлексивной компетенции курсантов вузов МВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2008. № 1 (32). С. 57–59.
6. Макеева Т. В. Психологические условия развития рефлексивной компетентности курсантов вузов МВД России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 82-2. С. 104–108.
7. Третьяченко Е. И. Развитие рефлексивного компонента профессиональных компетенций курсантов образовательной организации МВД России : дис. ... канд. пед. наук. М., 2025. 250 с.
8. Третьяченко Е. И. Проблемы формирования рефлексивных умений курсантов образовательных организаций МВД России // Современное профессиональное образование. 2025. № 5. С. 156–159.

References

1. Federal Law «On police» dated February 7, 2011 № 3-FZ // Collection of legislation of the Russian Federation. 2011. № 7. Art. 900.
2. Federal Law «On service in the internal affairs bodies of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» dated November 30, 2011, № 342-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 49 (part 1). Art. 7020.
3. Tretyachenko E. I. Development of the reflexive component of cadets' professional competencies : some results of an empirical study // Pedagogical Journal. 2025. Vol. 15. № 2A. P. 198–204.
4. Grechany S. A., Roshchin E. V. Topical issues of the formation of professional fire training competencies among employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation through the use of innovative training tools // Law and Right. 2025. № 1. P. 64–66.
5. Karimov A. A. Development of reflexive competence of cadets of universities of the Ministry of Internal Affairs // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2008. № 1 (32). P. 57–59.
6. Makeeva T. V. Psychological conditions for the development of reflexive competence of university cadets of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen. 2008. № 82-2. P. 104–108.
7. Tretyachenko E. I. Development of the reflexive component of professional competencies of cadets of the educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia : dis. ... cand. pedagogical sciences. M., 2025. 250 p.
8. Tretyachenko E. I. Problems of formation of reflexive skills of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Modern professional education. 2025. № 5. P. 156–159.

Статья поступила в редакцию 12.02.2026; одобрена после рецензирования 17.03.2026; принята к публикации 14.04.2026.

The article was submitted 12.02.2026; approved after reviewing 17.03.2026; accepted for publication 14.04.2026.